This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

В. В. Каллашъ.

PUSCHKINIANA.

Матеріалы и изслѣдованія

объ

А. С. Пушкинѣ.

Вып. II.

81
Ст

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская улица, домъ № 22
1903.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тип. им. Котлякова

Каллашъ, В. В.

Дубовск. — 1918 г.

В. В. Каллашъ.

PUSCHKINIANA.

Матеріалы и изслѣдованія

объ

А. С. Пушкинѣ.

Вып. II.

КІЕВЪ.
Типографія И. П. Чоколова, Фундуклеевская улица, домъ № 22
1903.

Дозволено цензурою. [illegible]

[illegible] Бюлетень Ленінської [illegible]

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ВЫПУСКА.

СТРАН.

III. Литературные отголоски дуэли и смерти Пушкина . . . 1
IV. Проф. Архангельскій объ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина 13
V. О приписываемомъ Пушкину стихотворномъ переложеніи Молитвы «Отче нашъ» 17
VI. Поэтическая оцѣнка Пушкина современниками (1815—1837). 38
VII. Стихотворенія о Пушкинѣ (1817—1899). 101
Юбилейныя стихотворенія 1899 г. 199

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

СТРАН.

I. Библіографическіе труды о Пушкинѣ, ихъ общій характеръ и научное значеніе 3

II. Стихотворенія о Пушкинѣ (1817—1849). 39

III.

Литературные отголоски дуэли и смерти Пушкина.

I.

Безвременная смерть великаго поэта произвела потрясающее впечатлѣніе на русское общество.

Весь Петербургъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за послѣдними минутами жизни «невольника чести» и встрѣтилъ открытымъ, глубокимъ горемъ его смерть—за исключеніемъ немногихъ «надменныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ», «свободы, генія и славы палачей»...

Почти всѣ журналы отозвались горячо и сочувственно на національное горе; предъ смертью смолкли всѣ личные счеты, и даже самые ожесточенные литературные враги покойнаго (напр., Полевой) поддались общему настроенію...

«Солнце русской поэзіи закатилось», какъ писалъ одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ журналистовъ, Краевскій.

Согрѣтые лучами этого солнца поэты не могли не почувствовать всей величины, всей горечи потери—и выразили, въ большинствѣ случаевъ, общее настроеніе искренно, убѣжденно, сильно.

Однимъ изъ первыхъ вступился за «праведную кровь поэта», за «нашу славу» Лермонтовъ. Его стихи прозвучали тяжкимъ обвиненіемъ противъ «наперсниковъ разврата», «клеветниковъ безбожныхъ», противъ «свѣта, завистливаго и душнаго для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей»

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять...

Грустнымъ раздумьемъ вѣетъ отъ стихотворенія Кольцова «Лѣсъ». Ему какъ то не вѣрится, чтобы пошлая и низменная интрига могла погубить такую мощь ума и таланта:

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули,
Съ богатыскихъ плечъ
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

Не можетъ никакъ примириться со смертью учителя и нравственное чувство Полежаева:

Гдѣ же ты, поэтъ народный,
Величавый, благородный,
Какъ широкій океанъ,
И могучій и свободный,
Какъ суровый ураганъ?
Отчего же голосъ звучный,
Голосъ съ славой неразлучный,
Своенравный и живой,
Ужъ не царствуетъ надъ скучной,
Охладѣлою душой,
Не владѣетъ нашей думой,
То отрадной, то угрюмой,
По внушенью твоему?
Не всегда ли безоточно,
Добровольно и охотно
Покорялись мы ему?....

Смерть поэта поразила всѣхъ «невольнымъ содроганьемъ»...

Высоко надъ главой поэзіи печальной
Вознесся не вѣнокъ, но факелъ погребальный,—
И Пушкинъ трупъ, и Пушкинъ— прахъ!
Онъ прахъ!... Довольно! Прахъ—и прахъ непробудимый!
Увергась, и навсегда, мильонами любимый,
Державы сѣверной Баянъ!

Онъ новыя пріялъ нетлѣнныя одежды
И къ небу воспарилъ, подъ радугой надежды,
Разсѣя вѣчности туманъ!..

Тютчевъ обѣщаетъ «тѣни поэта», его «свѣтлому праху»:

Тебя жъ, какъ первую любовь,
Россія сердце не забудетъ!

Подобно Лермонтову, онъ грозно клеймитъ убійцу:

Изъ чьей руки свинецъ смертельный
Поэту сердце растерзалъ?
Кто сей божественный фіалъ
Разрушилъ, какъ сосудъ скудельный?
Будь правъ или виновенъ онъ
Предъ нашей правдою земною,—
Навѣкъ онъ высшею рукою
Въ *цареубійцы* заклейменъ!..

Къ нему же обращается и Губеръ:

А ты!.. Нѣтъ, дѣвственная лира
Тебя, стыдясь, не назоветъ,
Но кровь пѣвца въ скрижали міра
На судъ вѣковъ тебя внесетъ.
Влачись въ пустынѣ безотрадной
Съ клеймомъ проклятья на челѣ!
Твоимъ костямъ въ могилѣ хладной
Не будетъ мѣста на землѣ!
Не знай надежды свѣтозарной,
Чуждайся нѣги сладкихъ сновъ,
И въ глубинѣ души коварной
Тай проклятія вѣковъ!
Когда же горькими слезами
Въ предсмертной мукѣ пролита,
Молитва грѣшными словами
Сойдетъ на грѣшныя уста,—
Тогда проникнетъ къ ложу муки
Нѣмая тѣнь во тьмѣ ночной
И окровавленныя руки
Судомъ подниметъ надъ тобой!

Вуичъ предлагалъ:

Такъ сохранимъ же нашимъ внукамъ
Даръ незабвеннаго пѣвца—
Даръ свѣтлый, пѣсни вдохновенны!
Поэтъ въ тѣхъ пѣсняхъ не умретъ;
За нихъ ему вѣнецъ нетлѣнный,
Вѣнецъ безсмертья дастъ народъ!

Одинъ изъ ближайшихъ друзей Пушкина, кн. Вяземскій, напутствовалъ кого то, «на память и въ завѣтъ о прошломъ въ мірѣ новомъ», «единымъ скорбнымъ словомъ»—

Затѣмъ, что скорбь моя превыше силъ моихъ,
И, вѣрный памятникъ сердечныхъ слезъ и стона,
Вамъ затвердитъ одно рыдающій мой стихъ:
Что яркая звѣзда съ родного небосклона
Внезапно сорвана средь бури роковой,—
Что пѣсни лучшія поэзіи родной
Внезапно замерли на лирѣ онѣмѣлой—
Что палъ во всей порѣ красы и славы зрѣлой
Нашъ лавръ, нашъ вѣщій лавръ, услада нашихъ дней,
Который трепотомъ и сладкозвучнымъ шумомъ
Отъ сна воспрянувшихъ пророческихъ вѣтвей
Вѣщалъ глаголъ боговъ на сѣверѣ угрюмомъ,—
Что навсегда умолкъ любимый нашъ поэтъ,
Что скорбь постигла насъ, что Пушкина ужъ нѣтъ.

Тою же скорбью проникнутъ Д. П. Сушковъ:

Навѣки смолкнулъ дивный гласъ,
Пѣвецъ лежитъ ужъ бездыханный.
Пѣвца другого нѣтъ у насъ!
Скажи же ты, пѣвецъ погибшій,—
Скажи, возвышенный пѣвецъ,
Кому ты передалъ вѣнецъ,
На головѣ твоей почившій?
Кто, кто наслѣдникъ нынѣ твой?
Кому державною рукой
Вручилъ ты скипетръ чудной власти—
Воспламенять живыя страсти?
Кому предъ смертью завѣщалъ

Въ грудь молодого поколѣнья,
Путеводимаго тобой!
И путь твой совершонъ! И гордая Россія
Ихъ сбережетъ, твои созданья вѣковыя,
Неисчерпаемый источникъ чувствъ и думъ!

. . . . . .

О, звуки ихъ изъ рода въ роды
Стезею славы долетятъ!
Потомки поздніе ихъ жадно затвердятъ,
И будетъ яркою звѣздою
Сіять вѣнецъ, покинутый тобою!

. . . . . .

А ты на новосельи неземномъ
Восторжествуй, нашъ бардъ великій!
На гробовомъ холмѣ твоемъ
Не порастутъ забвенья павилики,—
Зазеленѣетъ лавръ безсмертія на немъ!

Предсказываютъ безсмертіе Пушкину и другіе поэты. А. С. Норовъ писалъ:

Ногасъ лучъ неба, свѣтлый геній,
Великій бардъ полночныхъ странъ,
Чья слава въ сонмѣ поколѣній
Взрастетъ со славой россіянъ.

То же говоритъ о «вѣковомъ поэтѣ и геніи, исполненномъ могущественныхъ силъ» и Н. С. Теплова:

Какъ важны были начинанья,
Увы, какъ кратко бытіе!
Но имя славное твое—
Вѣковъ грядущихъ достоянье!...

Подолинскій заставляетъ крымскаго проводника—татарина горячо отозваться на общерусское горе:

И вотъ кого оплакивать досталось!
Нѣтъ, чѣмъ-нибудь вы Бога прогнѣвали:
Быть можетъ, дни избранника Его
Вы завистью, вы злостью отравили,
И отнялъ Б[illegible]бимца Своего!...

На этотъ вопросъ спутникъ — поэтъ могъ отвѣчать только слезами....

Отозвалась и учащаяся молодежь. Два бѣлорусскихъ гимназиста, Ляховичъ и Керсновскій, даже издали свои произведенія на смерть великаго поэта—въ прозѣ и стихахъ.

Вотъ отрывокъ изъ стихотворенія Керсновскаго, которое распространялось и въ рукописномъ видѣ:

Нѣтъ поэта! Рокъ свершился,
Опустѣлъ родной Парнассъ,
Пушкинъ умеръ, Пушкинъ скрылся
И на вѣкъ покинулъ насъ.
Сѣверъ, сѣверъ! гдѣ твой геній?
Гдѣ пѣвецъ твоихъ чудесъ?
Гдѣ виновникъ наслажденій,
Гдѣ твой Пушкинъ? Онъ исчезъ...

Самыя условія смерти и погребенія оставили неизгладимые слѣды.

Анонимный авторъ стихотворенія «Воспоминаніе о Пушкинѣ» отмѣтилъ примиренное настроеніе умиравшаго поэта:

Стыдится изгнанный пришлецъ,
Поэтъ простилъ его съ любовью;
Злодѣй прославленный вѣнецъ
Не запятналъ пролитой кровью.

Горькіе упреки слышались противъ жены Пушкина: многіе, не безъ основанія, считали ее главной причиной бѣды:

Не смыть ей горькими слезами
Съ себя пятна,
Не отмолиться ей мольбами:
Жалка она!

Другіе пробовали ее защищать.

В. Макаровъ, между прочимъ, писалъ;

Друзья, я видѣлъ трупъ холодный
Пѣвца возвышенныхъ рѣчей!
И слышалъ я въ толпѣ народной
Языкъ коварства и страстей.

Одинъ безсмысленно взираетъ
На трупъ великаго пѣвца,
Другой, безумецъ, осуждаетъ
И говоритъ: она, она
Всему вина!

Третьимъ, болѣе чуткимъ, было не до споровъ: они были подавлены горемъ. Губеръ писалъ:

Я видѣлъ гробъ его печальный,
Я видѣлъ въ гробѣ блѣдный ликъ,
И въ тишинѣ, съ слезой прощальной,
Главой на трупъ его поникъ...

Среди этихъ тревогъ и волненій рѣзкимъ контрастомъ выдѣлялось дышавшее неземнымъ покоемъ лицо умиравшаго и умершаго поэта. Этотъ контрастъ остановилъ вниманіе Жуковскаго:

Онъ лежалъ безъ движенья, какъ будто по тяжкой работѣ
Руки свои опустивъ; голову тихо склоня,
Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря со вниманьемъ
Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его такъ знакомо, и было замѣтно,
Что выражалось на немъ—въ жизни такого
Мы не видали на этомъ лицѣ. Не горѣлъ вдохновенья
Пламень на немъ; не сіялъ острый умъ,—
Нѣтъ! но какою то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилося мнѣ, что ему
Въ этотъ мигъ предстояло какъ будто видѣнье,
Что то обывалось надъ нимъ—и спросить мнѣ хотѣлось: что видишь?

II.

Молва о смерти Пушкина облетѣла всю Россію, проникла въ «каторжныя норы,» «мрачныя пропасти земли», гдѣ томились его друзья—декабристы, и на далекій Кавказъ.

Услышалъ объ этомъ Кюхельбекеръ—и горько отозвался этотъ слухъ въ его душѣ:

... Я одинъ средь чуждыхъ мнѣ людей
Стою въ ночи, безпомощный и хилый,

Надъ страшной всѣхъ надеждъ моихъ могилой,
Надъ мрачнымъ гробомъ всѣхъ моихъ друзей.
Въ тотъ гробъ бездонный, молніей сраженный,
Послѣдній палъ родимый мнѣ поэтъ...
И вотъ опять Лицея день священный,
Но ужъ и Пушкина межъ вами [1]) нѣтъ.
Не принесетъ онъ новыхъ пѣсенъ вамъ,
И съ нихъ не затрепещутъ перси ваши,
Не выпьетъ съ вами онъ заздравной чаши:
Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ...

Декабристъ Бістужевъ-Марлинскій, несшій тяжелую службу рядового на Кавказѣ, писалъ своему брату изъ Тифлиса, вскорѣ по полученіи рокового извѣстія: «я былъ глубоко тронутъ трагическою кончиной Пушкина... Всякое внезапное несчастіе не вдругъ проникаетъ въ глубину сердца: оно, повидимому, дѣйствуетъ только на его оболочку, но чрезъ нѣсколько часовъ, въ тиши и уединеніи ночи, ядъ горечи вливается внутрь. Я не сомкнулъ глазъ во всю ночь и на разсвѣтѣ дня былъ уже на крутой дорогѣ, ведущей въ монастырь св. Давида... Придя туда, я призвалъ священника и попросилъ отслужить панихиду надъ могилой Грибоѣдова, надъ могилой поэта, попранною святотатственными ногами, безъ камня, безъ надписи! Я плакалъ тогда, какъ плачу теперь,—плакалъ горячими слезами, плакалъ надъ другомъ и товарищемъ по жизни, оплакивалъ самого себя! А когда священникъ запѣлъ: «за убіенныхъ болярь Александра и Алексан(ра,» я чуть не задохся отъ рыданій: этотъ возгласъ показался мнѣ не только поминовеніемъ, но и предсказаніемъ... Да, я самъ предчувствую, что смерть моя будетъ также насильственна и необычайна, и она не далека отъ меня [2]). Во мнѣ слишкомъ много горячей крови, эта кровь кипитъ въ жилахъ и не охлаждается годами. Единственная моя молитва—не умереть на одрѣ страданій либо не пасть на незначительной стычкѣ. Въ остальномъ да удетъ воля Провидѣнія! Какая однако роковая судьба тяготѣетъ надъ поэтами нашего времени! Вотъ уже трое [3]) погибло, и какою

---

[1]) Лицеистами, товарищами Пушкина по курсу.

[2]) Предчувствіе не обмануло Бестужева: черезъ $3^1/_2$ мѣсяца, 7 іюня 7 года, онъ былъ изрубленъ во время стычки черкесами.

[3]) Рылѣевъ былъ повѣшенъ въ 1826 г., Грибоѣдовъ растерзанъ тегеранскою чернью въ 1829 г., Пушкинъ палъ на дуэли въ 1837 г.

смертью!... Пушкинъ умеръ, и потеря эта неизгладима. Ты, впрочемъ, слишкомъ обвиняешь Дантеса; всеобщая мораль или скорѣй безнравственность его оправдываютъ; по-моему, самое большое преступленіе или несчастіе его—убіеніе Пушкина, а этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы быть въ глазахъ моихъ неизгладимымъ оскорбленіемъ. Пусть будетъ онъ предупрежденъ (Богъ свидѣтель, что я не шучу), что онъ или я не возвратимся съ нашей первой встрѣчи. Когда я прочелъ свое письмо Мамуку Арбельянову, онъ разразился въ восклицаніяхъ: «я убью этого Дантеса», сказалъ онъ, «если когда-нибудь его увижу!» Я замѣтилъ, что на Руси довольно русскихъ, чтобъ отомстить кровь любимаго поэта. Пусть онъ бережется!»

Такимъ образомъ вызванное смертью Пушкина общественное волненіе затронуло даже полудикихъ инородцевъ.

Охваченный имъ, молодой и образованный персіянинъ, состоявшій переводчикомъ при кавказскомъ главнокомандующемъ, Мирза—Фатхъ—Али—Ахундовъ, горячо и сильно отозвался на общерусское горе. На Кавказѣ его поэма получила значительную популярность. Она ходила по рукамъ въ рукописномъ видѣ и даже дважды попала въ печать, но на сѣверѣ прошла незамѣченной. Сдѣланный самимъ авторомъ переводъ былъ исправляемъ нѣсколько разъ—Марлинскимъ (декабристомъ Бестужевымъ), Клементьевымъ и др. Въ виду высокаго интереса этого своеобразнаго литературнаго произведенія мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ нимъ читателей—въ его сводной и упорядоченной редакціи. «Не предавая очей сну, сгорѣлъ я въ темную ночь и говорилъ своему сердцу:» о, родникъ жемчужинъ тайны! Почему соловей твоего цвѣтника забылъ пѣсни? Почему замолкъ попугай [1]) твоего краснорѣчія? Почему запалъ путь твоей поэзіи? Почему остановился гонецъ твоей мечты? Взгляни кругомъ—наступила весна [2])... Словно дѣвы, красуются своею юною прелестью всѣ растенія; берега ручейковъ на лугу усѣяны фіалками; на розовыхъ кустахъ цвѣтника расцвѣли огнистыя почки; степь изукрашена, какъ невѣста; угорье, кажется, собрало всѣ цвѣты въ свою полу, чтобы осыпать ее ими, какъ драгоцѣнными камнями. Въ невозмутимомъ величіи, въ коронѣ цвѣтовъ, какъ царь,

---

[1]) У персовъ попугай—символъ краснорѣчія.

[2]) Вѣсть о смерти Пушкина пришла на Кавказъ въ разгаръ весны.

возвышается дерево посреди сада, а лилія и жасминъ, будто вельможи, пьютъ въ честь его росу изъ чашечекъ тюльпана. Лугъ такъ изукрашенъ жасминами, что отъ его блеска помутились очи даже у влюбленнаго въ себя нарцисса. Привѣтливый соловей несетъ въ даръ гостю листикъ розы. Облако готово оросить цвѣтникъ водою; вѣтерокъ хочетъ отдать ему свое благоуханіе. Нѣжнымъ голосомъ поютъ по-утру птицы: «о красавица зелень! выходи изъ-подъ покрова праха!» Все живое знакомо съ какимъ-нибудь художествомъ: отъ каждаго есть приношеніе на торжищѣ природы. Одни величаются красотою или плѣнительными взорами; другіе стенаніемъ выражаютъ любовь свою. Все теперь наслаждается и веселится, распростившись съ печалью. Все, кромѣ тебя, мое сердце! Не участвуешь ты въ общей радости и восторгѣ, не просыпаешься ты изъ безмолвія. Въ глубинѣ твоей нѣтъ ни къ чему склонности, нѣтъ ни къ кому любви. Далеко ты отъ страсти къ славѣ и отъ мечты поэзіи. Развѣ ты не то самое сердце, которое погружалось въ море мыслей для ловли жемчуговъ—стиховъ, чтобы украсить ими дѣвъ [1])—тысячи игривыхъ выраженій? Откуда же теперь печаль твоя? Не знаю!... Для чего же ты теперь стенаешь и сокрушаешься, какъ похоронная плакальщица?» Отвѣчало на это сердце: «предоставь меня теперь самому себѣ, товарищъ моего одиночества! Если бы я, какъ бабочка, красавица луга, не знало, что за весеннимъ вѣтеркомъ слѣдуетъ бурный вихрь осени—о, тогда бы препоясало мечамъ слова станъ наѣздника поэзіи на славную битву, но мнѣ знакомо вѣроломство и жестокость измѣнницы—судьбы. Я предвижу свой конецъ. Безумна птица, которая, вырвавшись изъ сѣти, снова летитъ на опасность изъ-за зерна. Что такое громъ славы, что такое хвала за доблести, какъ не обманчивое эхо внутри этого коловратнаго свода? Не говори мнѣ о мечтѣ поэзіи! Я прекрасно знаю, чѣмъ это зловѣщее небо награждаетъ ея питомцевъ. Развѣ ты, чуждый міру, ничего не слышалъ о Пушкинѣ, главѣ собора поэтовъ? о томъ Пушкинѣ, которому стократно гремѣла хвала со всѣхъ концовъ свѣта, когда онъ игриво изливалъ свои мечтанія? о томъ Пушкинѣ, отъ котораго бумага жаждала потерять бѣлизну свою, чтобы только перо его проводило черты по ея лицу? Въ мечтаніяхъ его, какъ въ движеніи

---

[1]) Въ персидской поэзіи обычно сравненіе стиховъ съ жемчугомъ и страницъ, выраженій съ дѣвами.

павлина, являлись тысячи радужныхъ отливовъ словесности. Ломоносовъ красою генія украшалъ обитель поэзіи, но въ ней утвердилась мечта Пушкина. Хотя Державинъ завоевалъ державу литературы, но властелиномъ ея былъ избранъ свыше Пушкинъ. Карамзинъ наполнилъ чашу виномъ знанія: Пушкинъ выпилъ вино этой наполненной чаши. Слава его генія распространилась по Европѣ, какъ могущество и величіе императора Николая отъ Китая до Татаріи, до отдаленныхъ предѣловъ земли. За свой свѣтлый умъ онъ былъ любимъ сѣверомъ—какъ взоръ молодой луны дорогъ Востоку. Такого остроумнаго, такого даровитаго сына еще не рождали доселѣ общіе родители—четыре стихіи и семь небесъ. Теперь съ удивленіемъ внимай мнѣ: эти родители не устыдились быть къ нему жестокосерды. Они прицѣлились въ него смертной стрѣлой, исторгли корень его бытія. По волѣ ихъ, черная туча одного градиною (пулею) побила плодъ его жизни. Грозный вѣтеръ смерти погасилъ свѣтильникъ его души. Какъ тюрьма, стало мрачно его тѣло. Старый садовникъ—свѣтъ пересѣкъ его станъ безжалостною сѣкирою, какъ юную вѣтку цвѣтника. Голова его, въ которой хранилось сокровище ума, сдѣлалась благодаря змѣенравному року жилищемъ змѣи. Изъ сердца, подобнаго розѣ, въ которой пѣлъ соловей его генія, растутъ теперь терніи. Душа его, какъ птицы изъ гнѣзда, упорхнула изъ тѣла—и всѣ, старъ и младъ, сдружились съ горестью. Россія со скорбью и печалью восклицаетъ о немъ: «о бѣдная жертва разбойника—міра!» Такъ! не спасъ тебя отъ оковъ колдовства этой старой волшебницы—судьбы талисманъ твой! Ты удалился отъ земныхъ друзей: да будетъ въ небесахъ тебѣ другомъ милосердіе Божіе! Бахчисарайскій фонтанъ посылаетъ твоему праху съ весеннимъ вѣтеркомъ благоуханіе двухъ розъ твоихъ. Сѣдовласый старецъ—Кавказъ отвѣтствуетъ на пѣсни твои стономъ въ стихахъ Сабуги [1])».

Таково содержаніе этой замѣчательной поэмы.

---

[1]) Псевдонимъ автора, Мирзы Ахундова.

IV.

Проф. А. С. Архангельскій объ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина.

(Академическое изданіе сочиненій Пушкина. Варшава 1900 г.)

Академическое изданіе сочиненій великаго поэта (собственно пока вышелъ одинъ томъ—въ двухъ изданіяхъ) было несомнѣнно самымъ крупнымъ явленіемъ юбилейной Пушкинской литературы. При своемъ появленіи оно вызвало общее вниманіе—и довольно пестрый рядъ самыхъ разнообразныхъ отзывовъ. Его слишкомъ долго ждали, отъ него слишкомъ многаго ожидали: естественно, что спокойная и безпристрастная оцѣнка его на первыхъ порахъ была невозможна. Къ нему предъявляли, въ большинствѣ случаевъ, прямо невозможныя требованія, сильно подчеркивали каждый промахъ и пробѣлъ, слегка упоминая о достоинствахъ. Сначала молчаніе, а потомъ смерть редактора, такъ и не выступившаго на защиту своей точки зрѣнія, какъ будто бы все болѣе и болѣе усиливали задоръ нападавшихъ, иногда совсѣмъ неумѣстный...

Серьезная и дѣльная, очень спокойная и доказательная брошюра г. Архангельскаго явилась какъ нельзя кстати. Детальный разборъ вопроса далъ ему устойчивый базисъ для правильной оцѣнки безвременно оборвавшагося и до сихъ поръ еще не получившаго правильной оцѣнки монументальнаго труда.

При разборѣ Академическаго изданія г. Архангельскій ставитъ себѣ прежде всего цѣль—«указать въ общемъ то мѣсто, какое оно должно занять въ ряду другихъ имѣющихся на лицо изданій произведеній нашего великаго поэта» (стр. 2). Для этого онъ сопоставляетъ его съ лучшими изъ предшествующихъ изданій и доказываетъ, что они сильно проигрываютъ при сравненіи съ академическимъ: «изъ бывшихъ у насъ до сихъ поръ изданій сочиненій Пушкина даже лучшія, наиболѣе самостоятельныя, или являются иногда лишенными широкой строго научной постановки, страдаютъ недостаточностью, иногда даже случайностью изученія своихъ основныхъ первоисточниковъ, матеріаловъ рукописныхъ и первопечатныхъ... или, при широтѣ научной постановки, тщательности изученія первоисточниковъ, являются въ значительной степени фактически неполными» (12—13). Л. Н. Майковъ воспользовался одинаково вни-

мательно какъ рукописями, такъ и печатными изданіями стихотвореній Пушкина и положилъ прочную основу установленію текста и выясненію его *внутренней исторіи* и хронологическаго распредѣленія. Высоко ставитъ г. Архангельскій и его примѣчанія къ тексту. «Помимо подробныхъ указаній на относящійся къ той или другой пьесѣ рукописный и печатный матеріалъ, помимо полнаго приведенія относящихся сюда варіантовъ и вообще по возможности болѣе или менѣе подробнаго изложенія исторіи текста издаваемой пьесы, помимо указаній и соображеній хронологическихъ и т. п.—чрезвычайно цѣнной стороной этихъ примѣчаній являются обширные заключающіеся въ нихъ историко-литературные комментаріи, и вообще разнаго рода историческія и бытовыя поясненія къ издаваемому основному тексту. Историко-литературныя поясненія и комментаріи, даваемые примѣчаніями, подробно и всесторонне выясняютъ разнообразныя точки соприкосновенія «лицейскихъ» стихотвореній Пушкина обстоятельствами личной жизни поэта, съ господствовавшими въ его время у насъ и на западѣ литературными теченіями, нерѣдко со всею со временной поэту эпохой,—и тѣмъ самымъ указываютъ важное историко-литературное значеніе издаваемыхъ произведеній. Комментаріи прежде всего выясняютъ чрезвычайно важное значеніе этихъ произведеній нашего великаго писателя—въ смыслѣ біографическаго матеріала» (52—53). Это «записки о юности Пушкина»; въ нихъ много личнаго, автобіографическаго—«цѣлый рядъ мелкихъ автобіографическихъ фактовъ и указаній, множество подробностей, требующихъ поясненія и въ свою очередь очень многое поясняющихъ въ жизни поэта и въ исторіи его поэтическаго творчества.»

«Комментаріи, приводимые въ разсматриваемомъ изданіи къ тексту той или другой пьесы, нерѣдко по своей обстоятельности являются какъ бы отрывками біографіи поэта. Въ нихъ находитъ чрезвычайно цѣнный матеріалъ для всесторонняго изученія первыхъ лѣтъ жизни поэта и его поэтической дѣятельности,—той обстановки, внѣшней и внутренней, въ которой росъ и развивался въ первые годы поэтическій талантъ будущаго великаго писателя; мы видимъ здѣсь ближайшихъ товарищей и друзей поэта-лицеиста, его профессоровъ, характеръ научныхъ занятій въ Лицеѣ, довольно значительное развитіе среди лицеистовъ литературныхъ интересовъ, разнообразіе и въ извѣстной степени обширность ихъ чтенія, общій болѣе или менѣе свободный строй лицейской жизни, особенно для воспитанниковъ старшихъ классовъ, ихъ внѣ—лицейскія знакомства и

т. д.,—эту, въ общемъ, довольно богатую умственную и нравственную атмосферу, среди которой жилъ въ Лицеѣ будущій писатель, для котораго ко всему присоединялись еще болѣе близкія и непосредственныя литературныя связи и знакомства, пріобрѣтенныя еще съ дѣтства, въ отцовскомъ домѣ, и теперь, въ Лицеѣ, сами собой упрочившіяся и развившіяся» (стр. 53—4).

Кромѣ того, эти комментаріи даютъ «подробную исторію постепеннаго развитія, внутренняго роста писателя, картину постепеннаго совершенствованія его поэтическаго таланта».

«Въ нѣкоторыхъ изъ лицейскихъ стихотвореній поэтъ самъ указываетъ намъ свои первыя литературныя связи, говоритъ о разныхъ своихъ литературныхъ увлеченіяхъ, перечисляетъ своихъ наиболѣе раннихъ «любимыхъ писателей», «первыхъ учителей» и руководителей его на литературномъ поприщѣ. Комментаріи указываютъ намъ главные факты, различныя обстоятельства и подробности въ этой начальной исторіи развитія выступающаго писателя,— важнѣйшіе факторы совершавшагося въ немъ внутренняго процесса» (стр. 54).

Лицейскія стихотворенія Пушкина вообще прекрасно характеризуютъ общій нравственный складъ, духовный обликъ Пушкина-лицеиста, какъ писателя, и доказываютъ, какъ рано въ его поэзіи сказалась вся самобытность его генія, и какія богатыя надежды онъ подавалъ еще на школьной скамьѣ.

Мы видимъ въ нихъ «весьма значительное общее образованіе молодого поэта, по крайней мѣрѣ стремленіе расширить его, нѣкоторую начитанность, раннее развитіе лучшихъ, наиболѣе здоровыхъ и свѣжихъ литературныхъ вкусовъ и симпатій», «рано пробивающееся стремленіе къ поэтической самостоятельности» и «вполнѣ самостоятельное отношеніе къ своимъ литературнымъ образцамъ».

«Уже въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина какъ его современниковъ, такъ и теперешняго изслѣдователя поражаетъ превосходство языка, изящество внѣшнихъ формъ, необычайная для нашей тогдашней литературы художественность; въ юношѣ—поэтѣ любопытно обнаруживающееся нерѣдко стремленіе придать въ своихъ стихахъ мимолетному явленію или факту болѣе общій смыслъ и значеніе, художнически обобщить частное явленіе, личное, субъективное чувство... Нерѣдко уже здѣсь, въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, насъ поражаетъ отзывчивость музы юнаго поэта,

реальность содержанія и направленія его поэзіи, ея близость къ окружающей его обстановкѣ; лицейскія стихотворенія Пушкина вообще не отдѣлимы отъ той почвы, на которой возникли, отъ цѣлаго ряда живыхъ лицъ и подробностей... Очень многія изъ этихъ произведеній относятся къ разряду тѣхъ, въ которыхъ юношеская муза начинающаго поэта «за чашей пѣла для гостей и, какъ вакханочка, рѣзвилась»... Но рядомъ съ юношеской живостью чувства, юношескимъ легкомысліемъ, — нерѣдкими сценами и картинами извѣстнаго содержанія,—со всей этой данью, вполнѣ естественной и понятной, «днямъ юности златой»,—не можемъ не замѣтить здѣсь же и другой стороны, для насъ болѣе существенной и важной, гораздо болѣе говорящей изслѣдователю, біографу: рядомъ съ сейчасъ отмѣченными пьесами, во множествѣ другихъ лицейскихъ пьесъ, принадлежащихъ тому же юношѣ—поэту, насъ не можетъ не поражать зрѣлость мыслей, проявленіе серьезной вдумчивости, наблюдательности, проблески замѣчательнаго для такихъ лѣтъ знанія человѣческаго сердца и вообще людскихъ отношеній... Замѣчательно, напр., это уже рано пробуждающееся въ юношѣ—поэта сознаніе его будущаго поэтическаго призванія, рѣшимость слѣдовать этому высшему призванію,—несмотря на «опасность» этой «тропы», на крики «безумныхъ дружинъ», возможность «безславнаго паденія» и «гоненій», а также и того, что вообще—участь писателей не блестяща:

Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты;
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужки подъ землей, высоки чердаки
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы...

что

Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—сонъ... Замѣчателенъ и этотъ взглядъ на искусство, на литературное произведеніе,—рано проявляющіяся постоянныя и чрезвычайно старательныя заботы о внѣшней отдѣлкѣ своихъ поэтическихъ опытовъ... Чрезвычайно любопытно и это раннее обращеніе къ новымъ сюжетамъ для своей поэзіи, къ мотивамъ безыскусственного народнаго творчества,—хотя на первыхъ порахъ еще весьма условное; попытки юнаго поэта въ этомъ отношеніи еще крайне слабы, случайны и болѣе чѣмъ что другое носятъ характеръ подражательности, подчиняются вліянію старыхъ традицій; для выступающаго поэта нужна была еще долгая

и трудная школа, чтобы эта сторона его поэзіи получила должный характеръ и направленіе... Нельзя, наконецъ, не отмѣтить уже въ лицейскихъ произведеніяхъ Пушкина столь нерѣдко проглядывающей общей искренности, задушевности чувства,—этой, напр., необыкновенно нѣжной и глубокой привязанности поэта къ своимъ юнымъ товарищамъ, къ своему родному Лицею. Нельзя не отмѣтить при этомъ и особой какой-то элегической струи, нерѣдко пробивающагося какого то особаго, какъ бы сдавленнаго, меланхолическаго чувства, хотя чаще всего мимолетнаго [1])... (стр. 56—7).

Внимательный и добросовѣстный анализъ академическаго изданія привелъ г. Архангельскаго къ любопытной характеристикѣ лицейскихъ стихотвореній Пушкина —эмбріона его поэзіи. Характеристика настолько въ общемъ свѣжа и знаменательна, что мы сочли нужнымъ познакомить съ нею читателей подробнѣе.

V.

О приписываемомъ Пушкину стихотворномъ переложеніи молитвы «Отче нашъ».

Сила, простота и глубина молитвеннаго настроенія «Отче нашъ» давно обратили на себя вниманіе русскихъ писателей.

Попытки стихотворныхъ и прозаическихъ переложеній его начинаются съ XVIII в.

Онѣ представляютъ интересъ и сами по себѣ, какъ образчики выполненія очень трудной поэтической задачи—сохранить силу выраженія при полной простотѣ и безъ измѣненія тона, и по именамъ авторовъ, и при сравненіи разныхъ пріемовъ передачи, и по литературнымъ судьбамъ, иногда очень оригинальнымъ.

Первое изъ извѣстныхъ намъ переложеній принадлежитъ Сумарокову [2]):

---

[1]) Въ концѣ 1902 г. Академія Наукъ издала „Матеріалы для академическаго изданія сочиненій Пушкина“, собранные Л. Н. Майковымъ. Сюда вошло все то, что было собрано покойнымъ академикомъ для продолженія его труда, въ томъ числѣ нѣсколько стихотвореній великаго поэта, впервые появляющихся въ печати. Полному собранію сочиненій Пушкина съ этимъ изданіемъ придется считаться серьезно. Оно даетъ, кромѣ текстовъ и варіантовъ, много цѣнныхъ библіографическихъ указаній. „Матеріалы“ заключаютъ въ себѣ только стихотворенія.

[2]) Полное собраніе всѣхъ сочиненій Сумарокова I, М., 1787 стр. 228 изъ „Трудол. Пчелы“ 1759 г.).

Отче нашъ, небесный Царь,
Коему подвластна вся на свѣтѣ тварь,
Коему послушны суша, море, рѣки,
Горы и лѣса.
Солнце и лѣса, звѣзды, небеса!
Да Твое святится, Боже, имя въ вѣки,
Да пріидетъ царствіе Твое,
И въ Твоей да будетъ волѣ
Все селеніе сіе
И Тебя увидитъ на Твоемъ престолѣ.
Хлѣбъ насущный дай намъ днесь
И оставь намъ долги здѣсь,
Яко мы своихъ должниковъ прощаемъ
И не отмщаемъ.
Отъ искуса охраняй всякъ часъ
И отъ зла избави насъ.

Сколько лишнихъ словъ—въ погонѣ за ритмомъ и риѳмой, какой прозаизмъ мѣстами!

Въ принадлежащемъ одному изъ московскихъ букинистовъ (А. А. Астапову) рукописномъ сборникѣ отца митр. Филарета (Дроздова), по почерку—конца XVIII в., среди стихотвореній Державина помѣщено другое стихотворное переложеніе—можетъ быть, Державина же [1]), еще болѣе многосложное и растянутое:

Отче нашъ, всѣхъ благъ податель,
Всей вселенныя творецъ:
Ты—Господь нашъ и создатель,
Царь нашъ, Богъ нашъ и отецъ!
Ты на небѣ пребываешь.
Ты всему кладешь предѣлъ,
Ты звѣздамъ повелѣваешь,
Ты царей на тронъ возвелъ.
Да прославится во-вѣки
Имя, Господи, Твое;
Да познаютъ человѣки

---

1) Въ изданіи Я. К. Грота его нѣтъ.

Прегрѣшеніе свое.
Все въ Твоей да будетъ волѣ,
Будь Господь и царь надъ всѣмъ.
Ни о чемъ не мысля болѣ,
Царства Твоего мы ждемъ.
Жизнью нашею управи,
Призри съ высоты небесъ,
Всѣ долги Ты намъ остави,
Хлѣбъ насущный даждь намъ днесь,

Равно какъ и мы прощаемъ
Тѣмъ, что намъ желаютъ зла,
Злобы въ насъ не ощущаемъ,
Не винимъ другихъ дѣла.
Ты насъ, Боже, не остави,
Искушенью не предай,
Отъ лукаваго избави,
Въ сѣть его насъ не ввергай.

Проще и сжатѣе переложеніе П. Голенищева-Кутузова (Стих. I, М., 1803, стр. 36):

О Отче, сущій въ небесахъ!
Да Имя въ-вѣкъ Твое святится!
Да царствуетъ во всѣхъ сердцахъ,
Твоя да воля совершится
Въ семъ мірѣ и во всѣхъ мірахъ.
Насущный хлѣбъ намъ даруй въ подкрѣпленье
И наши долги намъ оставь,
Какъ нашимъ должникамъ творимъ мы отпущенье,
Не ввергни насъ во искушенье
И отъ лукаваго избавь!

Очень многословенъ и шереховатъ по формѣ «Раздробительный смыслъ молитвы *Отче нашъ*» Николева («Творенія», I, М., 1795, стр. 85—86):

Рода смертнаго Отецъ! Удостой вниманьемъ,
Буди вѣдомъ и любимъ, славимъ по вселенной,
Мудрымъ дѣйствіемъ своимъ, дивнымъ дарованьемъ!
Долженъ славить ввѣкъ тебя духъ нашъ удивленной.

Небеса да чтутъ тебя, адъ да устрашится;
Да съ Тобою мы одно будемъ ввѣкъ любовью,
Жизнь и царствіе Твое въ насъ да утвердится,
Въ часъ суда да воспоютъ всѣ омыты кровью.
Да совершится на земли Отческая воля
Съ тѣмъ же духомъ правоты, въ небѣ какъ свершилась,
Да законъ Твой и совѣтъ наша будетъ доля,
Установятъ вѣчной путь, чтобъ судьба рѣшилась.
Даждь намъ Свой насущный хлѣбъ, жизнью нашей будн;
Мы не сыты безъ Тебя иль вкушаемъ яды,
А ко хлѣбу намъ прибавь въ пищу нашей груди
Слово, благодать Свою, тайныя отрады.
Отпусти намъ долгъ, Господь, яко отпускаемъ;
Сотворенные грѣхи истреби забвеньемъ,
Какъ досады и Свои съ сердца мы стираемъ:
Съедини сердца и духъ самъ Твоимъ прощеньемъ.
Плоть и адъ, и міръ, и грѣхъ душу соблазняютъ;
Кознь отрѣй ихъ отъ ума, случаи отъ взора,
Да въ призракахъ чувства въ насъ силы не теряютъ.
Коль соблазнъ неизбѣжимъ, будь душамъ подпора.
Свободи отъ лютыхъ золъ, что влечетъ природа,
И къ чему прибавилъ адъ злобу и гоненье,
Да надъ всѣмъ бы вознеслась благодать, свобода,
Претворя сердцамъ въ вѣнецъ лютое мученье.
Буди тако... Вашъ Господь праведенъ и вѣренъ.
Далъ молитву Іисусъ, вы ее свершите.
Насъ къ моленію зоветъ духъ нелицемѣренъ,
Что противно рвенью есть, то и отвратите.

Изящно въ своей простотѣ и очень близко къ подлиннику прозаическое переложеніе гр. Д. Н. Блудова (Мысли и замѣчанія гр. Д. Н. Блудова,, СПБ., 1866, 12): «Отецъ нашъ небесный! да будетъ свято имя Твое; да пріидетъ Твое царствіе; да исполняется воля Твоя и на землѣ, какъ въ небесахъ; даруй намъ и въ сей день нашъ хлѣбъ насущный; и прости насъ, Тебя прогнѣвавшихъ, какъ мы прощаемъ оскорбившихъ насъ; и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ зла. Аминь».

Прекрасное прозаическое же переложеніе даетъ Сперанскій («Дружескія письма графа М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому», *Спб. 1862*, приложеніе): «Отче нашъ, Ты, Который владѣешь

и небомъ, и землею! Да будетъ священно и прославляемо имя Твое во вѣхъ, да царствуешь Ты въ сердцахъ, да исполняется вездѣ воля Твоя; хлѣбъ, нужный намъ для покрѣпленія тѣла, Ты намъ пошли и прости намъ оскорбленія, кои мы Тебѣ наносимъ, такъ какъ мы прощаемъ ихъ нашимъ ближнимъ; отдали отъ насъ случаи ко грѣху и уклони отъ насъ все душѣ нашей опасное».

Очень вольное стихотворное переложеніе даетъ Кюхельбекеръ (1832 г.) [1]):

Отецъ Ты нашъ, живый на небесахъ!
Не ты ли исполняешь все Собою?
Всѣмъ правишь Ты вездѣ, во всѣхъ вѣкахъ,
Премудрый, всемогущею рукою!
Вселенную призвалъ Ты въ бытіе.
Во всей вселенной съ трепетомъ пріято
Да будетъ имя дивное Твое,
И всѣмъ странамъ, и всѣмъ народамъ свято!
Во тьмѣ стезею скользкою идемъ:
Спаси отъ искушенья насъ, Хранитель!
И будь свѣтиломъ нашимъ и вождемъ.
Изъ дому тлѣна въ вѣчную обитель!

И отъ лукаваго избави насъ,
И отъ всего строптиваго и злого,
И да почіемъ каждый день и часъ
Подъ сѣнью Твоего щита святаго!
О Боже! Ты единый нашъ покровъ;
Ты царь во вѣки, власть Твоя и сила,
Твоя же слава до конца вѣковъ
И отъ начала ихъ не заходила!

Настолько же далеко отъ подлинника и переложеніе неизвѣстнаго («Собраніе стихотвореній». М. 1892, стр. 35—36):

О Боже, Отче, въ небесахъ,
Прими моленіе мое,
Да славѣ въ славныхъ чудесахъ
Святится имя ввѣкъ Твое!

---

1) „Русск. Стар.“ 1875, XIII, 497—8.

Всевѣдущъ Ты всемогущъ,
Трепещетъ предъ Тобою все,
Всевидящъ Ты и вездѣсущъ —
Да придетъ царствіе Твое!
Премудрости Ты, Боже, полнъ,
И въ счастьѣ мысль одна моя:
Пусть средь житейскихъ бурь и волнъ
Да будетъ воля ввѣкъ Твоя!
Ты, всеблагій нашъ Богъ и Царь,
Объемлешь, зиждешь міръ Ты весь,
И вся къ Тебѣ взываетъ тварь:
Хлѣбъ нашъ насущный дай намъ днесь!
Ты милосердъ, Ты справедливъ:
Оставь долги Ты наши намъ,
Какъ, гнѣвъ и злобу позабывъ,
Прощаемъ мы своимъ врагамъ!
Кто безъ Тебя безгрѣшенъ былъ?
Во искушенье не введи!
Насъ немощныхъ, о Боже силъ,
Отъ злого духа огради!
Твое бо царствіе, Твоя
И сила, міра Властелинъ!
Тебѣ и слава и хвала
Во вѣки вѣчные, аминь!

Прозаическій перифразъ «Молитвы Господней» гр. Л. Н. Толстого (О. Миллеръ, Русскіе писатели послѣ Гоголя. II. Спб. 1886, стр. 417, со ссылкой на «Православное Обозрѣніе» 1885, май—іюнь, 327) носитъ на себѣ отпечатокъ его религіозныхъ мнѣній и вобще отличается большимъ своеобразіемъ: «Отецъ нашъ безначальный, какъ небо. Пусть будетъ будетъ свято Твое Существо, пусть будетъ власть только Твоя, такъ, чтобы воля Твоя совершалась безначально и безконечно на землѣ. Дай *мнѣ* пищу жизни въ настоящемъ. *Ошибки мои* прежнія загладь и сотри, такъ же какъ я заглаживаю и стираю всѣ ошибки братьевъ моихъ (и да не скрываютъ отъ насъ истинной жизни ошибки и заблужденія прошедшаго). Чтобы я не попалъ въ соблазнъ, избави меня отъ зла, потому что Твоя власть и сила, и Твое рѣшеніе».

Особенно замѣтенъ интересъ къ этой молитвѣ у Фета.

Н. Н. Черногубовъ, владѣющій большимъ количествомъ матеріаловъ относительно этого поэта (его стихотвореній, писемъ, записныхъ книжекъ и пр.), любезно предоставилъ въ наше распоряженіе нѣсколько очень цѣнныхъ фактовъ.

Въ старой записной книжкѣ поэта, безъ обозначенія времени, написано:

«Вѣчный смыслъ Молитвы Господней: такъ какъ я одинъ во вселенной сознаю Твою власть и недосягаемый идеалъ, то одинъ я раздвоенъ и долженъ уже сознательно искать хлѣба. Тѣмъ не менѣе звѣрь во мнѣ сидитъ. Дай мнѣ сегодня добыть хлѣба, но такъ какъ это идетъ рядомъ со звѣрскими искушеніями, которыхъ въ силу вѣчныхъ Твоихъ законовъ не избѣжишь, то прости безсильному, если я забылъ избавиться отъ лукавого сотвѣтственнымъ его давленію противувѣсомъ, въ видѣ надежной лѣстницы наказаній».

Въ его же бумагахъ сохранился листокъ, переписанный, по свидѣтельству близкихъ къ нему лицъ, рукой мужа его сестры, пожелтѣвшій отъ времени—повидимому, конца 40-хъ или начала 50-хъ годвъ.

На немъ написано стихотвореніе, которое много разъ приписывалось Пушкину, но подъ которымъ стоитъ подпись «А. Фетъ». Его историко-литературныя судьбы настолько интересны, что мы ниже остановимся на нихъ подробнѣе, а пока замѣтимъ, что, по нашему мнѣнію, подпись вполнѣ рѣшаетъ вопросъ, такъ какъ ни Фету, ни его шурину не было никакихъ основаній присваивать чужое стихотвореніе, въ общемъ очень слабое.

Вотъ его текстъ:

1. Я слышалъ въ келіи простой,
Старикъ молитвою чудесной
Молился тихо предо мной:
«Отецъ людей, отецъ небесный!
5. «Да имя вѣчное Твое
«Святится нишими сердцами;
«Да прійдетъ царствіе Твое,
Твоя да будетъ воля съ нами.
«Какъ въ небѣсахъ (sic) такъ на земли,
10. «Насущный хлѣбъ намъ низпошли
«Своею щедрою рукою;
«И какъ прощаемъ мы людей,

«Такъ насъ, ничтожныхъ предъ Тобою,
«Прости Отецъ Своихъ дѣтей!
15. «Не ввергни насъ во искушенье,
«И отъ лукаваго прельщенья
«Избави насъ!»...
Такъ онъ молился: свѣтъ лампады
Мерцалъ въ потьмахъ издалека;
20. И сердце чаяло отрады
Отъ той молитвы старика.

А. Фетъ.

Въ этомъ стихотвореніи нельзя счесть удачными и умѣстными—эпитеты «простой» и чудесный», мысль поэта заставить старика молиться тихо *предъ собой*, риѳмы:—«твое—твое» и пр.

Повидимому, недовольный первой передѣлкой, Фетъ вернулся къ той же темѣ въ половинѣ 80-хъ годовъ, съ бо̀льшимъ успѣхомъ [1]):

Чѣмъ болѣ я живу, чѣмъ больше пережилъ,
Чѣмъ повелительнѣй смиряю сердца пылъ,
Тѣмъ для меня яснѣ, что не было отъ вѣка
Словъ, озаряющихъ свѣтлѣе человѣка:
«Всеобщій нашъ Отецъ, Который въ небесахъ!
Да свято имя мы Твое блюдемъ въ сердцахъ,
Да прійдетъ царствіе Твое, да будетъ воля
Твоя какъ въ небесахъ, такъ и въ земной юдоли.
Пошли и нынѣ хлѣбъ насущный отъ трудовъ,
Прости намъ долгъ: и мы прощаемъ должниковъ,
И не введи Ты насъ, безсильныхъ, въ искушенье,
И отъ лукаваго избави самомнѣнья».

По указанію Н. Н. Черногубова, Фетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (1888 г.) упоминаетъ, какъ онъ, «проникнувшись глубокимъ нравственнымъ и жизненнымъ значеніемъ Молитвы Господней», «переложилъ ее стихами». Есть основанія думать, что эти слова

---

1) Полное собраніе стихотвореній. Спб., 1901, II, 587.

относятся ко второй передѣлкѣ; о первой Фетъ въ данномъ случаѣ или забылъ, или не хотѣлъ упоминать.

Выше мы указали уже на то, что стихотвореніе Фета: «я слышу въ келіи простой» не разъ приписывалось, не смотря на неоднократныя возраженія, Пушкину.

Насколько намъ извѣстно, впервые это сдѣлано въ заграничномъ изданіи: «Русская Библіотека т. VIII. Новые (sic) стихотворенія Пушкина и Шевченка (sic)». (Лейпцигъ, 1859, стр. 1—2) [1])

Сравнительно съ приведеннымъ выше рукописнымъ текстомъ въ печатномъ текстѣ встрѣчаются слѣдующіе варіанты:

1—2. Я слышалъ—въ келіи простой
Старикъ и пр.
8. Да будетъ воля Твоя съ нами.
11. Твое.
15. Искушенья.
20. *Прибавлено*: Передъ крестомъ
19. Чуть-чуть издалека.
20. А сердце и пр.

Въ 1861 г. Русскій (Гербель) издалъ въ Берлинѣ книгу: «Стих. Пушкина, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій». Между прочимъ, въ ней перечислены «стихотворенія, приписываемыя Пушкину, но вовсе ему принадлежащія, что доказано въ послѣднее время критикою», и указано, «кто и гдѣ именно *печатно* призналъ ихъ за Пушкинскія, тогда какъ впослѣдствіи обнаруживалось, что они были написаны совершенно другими лицами». На стр. IX въ числѣ другихъ подобныхъ стихотвореній указана и «Молитва», «стихотвореніе неизвѣстнаго», изданное Головинымъ («Стихотворенія Пушкина и Шевченка»).

Это не помѣшало однако г. Чирикову («Замѣтки на новое изданіе сочиненій Пушкина», «Русскій Архивъ» 1881, I, 214 и П. И. Бартеневъ, «Пушкинъ». М., I, 1881, 125—126) приписать его Пушкину—со ссылкой на «два (?) заграничныхъ изданія 1859 и

---

[1]) Срв. также „Стих. А. Пушкина", 2 изд. Лейпцигъ, 1879, стр. 507.

1861 г. (?)»: «по стиху и манерѣ, по всей вѣроятности» это стихотвореніе принадлежитъ Пушкину. П. И. Бартеневъ включилъ даже его въ свое «общедоступное изданіе» стихотвореній Пушкина (М., 1887, стр. 196—197).

Съ этимъ указаніемъ посчитался въ 1881 г. П. А. Ефремовъ («Соч. Пушкина», V, Спб., 1881, стр. 540): «*По прочтеніи Байронова Каина* и «*Молитва*» вовсе не имѣютъ за себя *никакихъ* данныхъ и засорять изданіе ими едва ли кто рѣшится, тѣмъ болѣе, что «Молитва» совсѣмъ напоминаетъ Ѳедора Глинку».

Въ своихъ «Этюдахъ объ А. С. Пушкинѣ» (II, Варшава, 1894, стр. 73—75) проф. Сумцовъ опять вернулся къ прежней точкѣ зрѣнія и выдвинулъ противъ П. А. Ефремова рядъ «возраженій».

Это замѣчательное стихотвореніе написано поэтомъ, вѣроятно, въ концѣ жизни, можетъ быть, въ 1835 году, когда была написана молитва «Отцы пустынники», и представляетъ такимъ образомъ послѣдній полный аккордъ той религіозной симфоніи, которая зародилась въ душѣ Пушкина въ дѣтствѣ, звучала затѣмъ и въ древне-русской, и во французской, и въ магометанской формѣ, пока не получила окончательнаго своего завершенія въ связи съ «Молитвой Господней»... На мой взглядъ, «Молитва»—безусловно Пушкинское стихотвореніе, и вмѣсто предполагаемаго «засоренія» внесеніе ея въ собранія сочиненій Пушкина дастъ имъ лишь новое немаловажное украшеніе. Эта «Молитва», вѣроятно, написана одновременно съ переложеніемъ извѣстной молитвы Ефрема Сирина. Въ обѣихъ молитвахъ («Я слышалъ» и «Отцы пустынники») обнаруживаются сходные пріемы поэтическаго творчества; обѣ имѣютъ въ началѣ нѣчто въ родѣ вступленія, обѣ одинаково гармонируютъ съ душевнымъ настроеніемъ Пушкина. «Молитва воспроизводитъ... излюбленный Пушкинымъ мотивъ о ночной лампадѣ и стоитъ въ близкой связи съ ...подражаніемъ Корану».

Почтенный изслѣдователь забылъ, насколько могутъ быть опасны пріемы такихъ чисто внѣшнихъ сопоставленій и субъективныхъ оцѣнокъ: извѣстно, что подражатели какъ разъ перенимаютъ внѣшнія особенности, «излюбленные мотивы», и послѣ этого любое подражательное произведеніе можно отнести—къ первоисточнику этихъ «мотивовъ»...

Новое оживленіе внесъ въ этотъ вопросъ г. Острогорскій. Въ 1898 году онъ посѣтилъ «Пушкинскій уголокъ» и свои впечатлѣнія сначала изложилъ на страницахъ «Міра Божьяго» (1898,

сент.), а потомъ въ отдѣльномъ изданіи (М., 1899). Изъ своего путешествія онъ вывезъ «неизвѣстное стихотвореніе будто бы Пушкина, найденное въ альбомѣ покойной А. Н. Вульфъ, сплошь составленномъ изъ стихотвореній Пушкина, но уже напечатанныхъ». «Въ этотъ-то альбомъ и былъ вложенъ листочекъ съ этимъ стихотвореніемъ, но безъ подписи Пушкина и безъ даты, когда оно написано». «Утверждать, что это стихотвореніе принадлежитъ непремѣнно Пушкину, я, конечно, не могу; да и вовсе не утверждаетъ этого и семья Вревскихъ, но читалъ я его Е. И. Фокъ, тоже его не знавшей, и многимъ другимъ, и всѣ говорятъ единогласно, что оно можетъ принадлежать ему, какъ по поэтической силѣ, сжатости и стиху, такъ и по своему характеру, совсѣмъ Пушкинскому; а что до сего времени оно извѣстно не было, въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ. Пушкинъ, какъ и Лермонтовъ, писалъ очень много и въ альбомахъ, и на клочкахъ бумаги, даря свои экспромты тому или другому изъ знакомыхъ или близкихъ, и часто забывалъ о написанномъ. Мы увѣрены, что такихъ сюрпризовъ отыщется еще не мало. Если же стихотвореніе принадлежитъ въ самомъ дѣлѣ Пушкину (можетъ быть, это только неотдѣланный набросокъ), то относится оно, по всей вѣроятности, приблизительно, къ послѣднему періоду его дѣятельности (1834—1836 г.г.), когда, особенно съ 1834 г., начинаетъ проявляться въ поэтѣ, подъ вліяніемъ угнетающихъ обстоятельствъ жизни и всякихъ предчувствій, раздумья надъ прожитой жизнью, настроеніе религіозное. Оно-то и вызвало нѣсколько чудныхъ вещей въ этомъ родѣ... Это же настроеніе легко могло вызвать и *Отче нашъ*, составляющее какъ бы pendant къ предыдущему» (стр. 94—96).

Рядъ сдѣланныхъ въ печати возраженій не помѣшалъ г. Острогорскому перепечатать во второмъ изданіи своего «Пушкинскаго уголка» стихотвореніе—съ слѣдующимъ примѣчаніемъ, которое очень мало вяжется съ текстомъ: «стих. *Отче нашъ* приписывается также и Ѳ. Глинкѣ; въ *Сборникѣ дѣтскихъ пѣсенъ* Г. Маренича оно напечатано съ подписью Архимандрита (?) Анатолія; тѣмъ не менѣе (?) мы рѣшились привести его».

Сравнительно съ приведеннымъ выше рукописнымъ текстомъ г. Острогорскій даетъ слѣдующіе варіанты:

1. Я слышалъ—въ келіи простой.
3. Такъ передо.

14. Твоихъ.
17. Передъ крестомъ.
19. Чуть-чуть мерцалъ.
20. А сердце.

Многія газеты (напр., «Астраханскій Листокъ», 1898 № 204; «Одесскія Новости». 1898, № 4400 и пр.) перепечатали эту «сорокалѣтнюю новость» съ большимъ восторгомъ и безъ всякихъ оговорокъ. Г. Сумцовъ назвалъ въ «Харьк. Губ. Вѣд.» (1898, № 239) это открытіе «недоразумѣніемъ или, правильнѣе, недосмотромъ» и прибавилъ при этомъ: «Въ 1894 году на страницахъ «Рус. Филол. Вѣстника» (№ 4) я сдѣлалъ разборъ этого стихотворенія и пришелъ къ тому мнѣнію, что «Молитва» несомнѣнно написана Пушкинымъ и принадлежитъ къ числу весьма цѣнныхъ его произведеній».

Г. Драгановъ («Новое Время» 1898 № 8178) напомнилъ о г. Чириковѣ, привелъ прозаическое переложеніе «Отче нашъ» гр. Л. Н. Толстого, но въ принадлежности этого стихотворенія Пушкину не усомнился.

Скоро на страницахъ того же «Новаго Времени» завязалась полемика, которая отчасти разъяснила вопросъ, а въ другомъ отношеніи еще болѣе запутала его.

Въ замѣткѣ: «Развѣ это Пушкинъ?» («Новое Время», 1898, № 8179) г. А. С-нъ заподозрилъ принадлежность этого переложенія Пушкину—на основаніи двухъ неудачныхъ стиховъ: «какъ на небесахъ, такъ на земли» и «передъ крестомъ такъ молился онъ», кстати ошибочно процитированныхъ г. Драгановымъ въ его замѣткѣ (тамъ же, № 8178).

«Библіографическая замѣтка» г. А. Ф. П.: «О стихотворномъ переложеніи молитвы «Отче нашъ» («Новое Время», 1898, № 8185) указала два факта: «въ моей записной книжкѣ имѣется это самое стихотвореніе, списанное мною лѣтъ 10 назадъ, не помню откуда, но съ помѣткою: «Пушкина» (судя по приводимымъ дальше варіантамъ, точная копія съ заграничнаго изданія [1]). Важнѣе было другое указаніе: «къ этому считаю не безынтереснымъ прибавить еще, что

[1]) Въ „Новомъ Времени“ 1899 г. (№ 8201) г. А. В. указалъ, что въ дѣтствѣ, въ 50-хъ годахъ онъ училъ это стихотвореніе, какъ Пушкинское. По пути онъ дѣлаетъ довольно любопытную общую характеристику

въ одномъ изъ имѣющихся въ моей семьѣ сборниковъ пѣсенъ для дѣтей есть одинъ, довольно обширный, но, къ сожалѣнію, безъ обложки, что не позволяетъ мнѣ назвать имя его автора или издателя. Въ этомъ сборникѣ, на стр. 111—117, помѣщены ноты для двухголоснаго исполненія трехъ молитвъ: «Царю Небесный», «Отче нашъ» и «Владыко дней моихъ». Всѣ три молитвы въ стихотворномъ переложеніи, при чемъ въ заголовкѣ каждой молитвы напечатано имя автора переложенія, именно для молитвы «Владыко дней моихъ» «слова А. Пушкина», для двухъ же первыхъ молитвъ «Слова архіепископа Анатолія».

Въ концѣ былъ поставленъ библіографомъ вопросъ: «почему переложеніе молитвы «Отче нашъ» буквально такое, какъ въ моемъ спискѣ,—приписано архіепископу Анатолію, тогда какъ другіе приписываютъ это переложеніе А. С. Пушкину»?

переложенія. „Единственная погрѣшность противъ версификаціи—въ томъ, что 5 и 7 строки риемуются однимъ и тѣмъ же словомъ—„Твое". Но эта „вольность" имѣетъ себѣ нѣкоторое оправданіе: при помощи ея получилась возможность передать слова молитвы почти буквально. Въ остальномъ версификація безукоризненна. „Прошеніе" молитвы: „и остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ" передано неудачно: „какъ прощаемъ мы людей" не передаетъ мысли—прощать нашихъ обидчиковъ; и стихи: „такъ насъ, ничтожныхъ предъ Тобою, прости Отецъ, своихъ дѣтей"—шероховаты... Можно найти дефектъ и въ самой композиціи стихотворенія. Картина такая: старикъ молится у себя въ келіи, не замѣчая присутствія свидѣтеля поэта, который откуда то „подслушиваетъ" молитву. „Лучъ лампады мерцалъ впотьмахъ издалека": „издалека"—надо полагать, для поэта, ибо старикъ молился „передъ крестомъ", гдѣ, слѣдуетъ думать, горѣла и лампада. Я не умѣю представить себѣ эту картину: „келія простая" (маленькая комната) и „издалека"—трудно совмѣстно. Или поэтъ видѣлъ молящагося изъ другого помѣщенія въ открытую дверь келіи? Но „издалека" не были бы „слышны" слова молитвы. Далѣе: „старикъ", „келія". „крестъ", „лампада"—все это отнюдь не усиливаетъ, а скорѣе ослабляетъ впечатлѣніе молитвы: она сильнѣе въ устахъ грѣшника, еще сильнѣе—въ устахъ гонимаго, чѣмъ въ устахъ праведника въ тишинѣ келіи (или, напр., младенца подъ диктовку няни). А главное, стихотвореніе производитъ такое впечатлѣніе, будто поэтъ умиленъ молитвой, которую слышитъ впервые („Отче нашъ"!!). Сопоставьте это съ стихотвореніемъ: „Отцы пустынники и жены непорочны";—молитву „Господи, владыко живота моего" поэтъ, конечно, давно знаетъ наизусть: она только чаще другихъ ему „приходитъ на уста"

Въ 8187 № «Новаго Времени» г. П. Н. К—ъ указалъ фамилію составителя Сборника—Г. Маренича и его заглавіе: «Пѣсни для школы, дѣтскія и народныя, на одинъ и на два голоса» (Спб., 1878; 2-ое изд. 1881 г.). Въ первомъ изданіи на стр. 108—9 помѣщена молитва Анатолія «Царю небесный», на стр. 109—110 «Отче нашъ» его же (во второмъ изд. стр. 115—116), на стр. 111—«Владыко дней моихъ» Пушкина.

Сравнительно съ рукописью Фета въ самой молитвѣ у Маренича мы замѣтили слѣдующіе варіанты:

8. Да будетъ воля Твоя.
10. Хлѣбъ нашъ насущный ниспошли.
11. Твоей намъ щедрою.
14. Твоихъ.
17. Отъ всякихъ бѣдъ избави насъ.

С. П-въ («Конечно, не Пушкинъ»—«Новое Время», 1898, № 8194) какъ будто бы окончательно рѣшилъ вопросъ.

«Никто изъ прежнихъ редакторовъ (Плетневъ, Анненковъ, Ефремовъ, Геннади, Гербель, Морозовъ и другіе), никто изъ людей, понимающихъ поэзію, не приписывалъ Пушкину этого переложенія. Развѣ Пушкинъ могъ позволить себѣ риѳмы—«твое» и «твое»? Развѣ онъ могъ допустить неправильное удареніе въ стихѣ: «Да будетъ воля Твòя съ нами?» [1]) А слова «келія», «старикъ» (т. е. монахъ), «лампада» ясно даютъ понять, что это—монашеское издѣліе [2])... Въ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, въ первый разъ напечатано было это переложеніе въ книгѣ «Вѣра, Надежда и Любовь, А. А. М. М.» (т. е. Анатолія, Архіепископа Могилевскаго-Мстиславскаго). Ко второй части этой книги были приложены «Духовныя стихотворенія», отпечатанныя еще ранѣе—въ 1853, а цензурою дозволенныя въ 1850 г. И вотъ въ этомъ приложеніи, на стр. 42, напечатанъ перифразъ пѣсни церковной «Отче нашъ», безъ келіи, старика и лампады [3]) и съ мелкими варіантами. Въ 1867 г. вышло уже пятое,

---

[1]) Г. П-въ не замѣтилъ, что это только одинъ изъ варіантовъ—неудачный.

[2]) Развѣ эти слова—монополія монаховъ? Тогда и „Вѣтку Палестины“ за слова „свѣтъ лампады“, „крестъ“, „кивотъ“ и пр. можно тоже счесть „монашескимъ издѣліемъ“...

[3]) А ихъ-то какъ разъ и слѣдовало ожидать въ „монашескомъ, издѣліи“!

дополненное изданіе той же книги, и въ приложеніи къ ней, на стр. 32, напечатано то же самое переложеніе, съ новымъ варіантомъ въ послѣднемъ стихѣ. Въ обоихъ изданіяхъ стихотвореніе это напечатано безъ подписи; но очевидно (?), что эту редакцію переложенія, это уничтоженіе первыхъ и послѣднихъ стиховъ, однимъ словомъ—эту передѣлку могъ по праву сдѣлать только (?) авторъ, жившій въ 50-хъ годахъ (а не Пушкинъ, сконч. въ 1837 году). И этимъ авторомъ несомнѣнно (?) былъ архіепископъ Анатолій, помѣстившій его скромно (?) въ своей книгѣ и писавшій тогда много духовныхъ стихотвореній, подъ псевдонимомъ Авдія Востокова, которыя встрѣчаемъ и въ названной книгѣ. Несмотря на недостатки переложенія, надо сказать однако, что оно довольно близко къ подлиннику, и въ настоящемъ своемъ видѣ съ пользою можетъ обращаться въ кругу любителей духовной поэзіи. Прочтемъ его въ послѣдней редакціи:

Отецъ людей, Отецъ небесный!
Да имя вѣчное Твое
Святится нашими сердцами;
Да придетъ царствіе Твое;
Да будетъ воля Твоя съ нами,
Какъ въ небесахъ, такъ на землѣ [1]);
Хлѣбъ нашъ насущный ниспосли [2])
Твоей намъ щедрою рукою;
И какъ прощаемъ мы людей,
Такъ насъ, ничтожныхъ предъ Тобою,
Прости, Отецъ, Твоихъ дѣтей;
Не ввергни насъ во искушенье,
И отъ лукаваго прельщенья,
Отъ всякихъ бѣдъ [3]) избави насъ!»

Послѣднее слово какъ будто бы осталось за г. П-вымъ. Его мнѣніе показалось настолько убѣдительнымъ, что на него стали ссылаться, какъ на несомнѣнный фактъ.

Въ замѣткѣ: «Сороколѣтняя новость» («Рус. Вѣд.», 1899, № 30) П. А. Ефремовъ справедливо вооружился противъ легкомыслія нѣ-

---

Въ первомъ изданіи: [1]) земли, [2]) низпошли, [3]) избави насъ. *В. К.*

которыхъ газетъ и журналовъ: «въ послѣднее время съ нашихъ газетахъ и въ нѣкоторыхъ историческихъ журналахъ, къ сожалѣнію, начали печататься, какъ новость, давнымъ-давно извѣстныя произведенія нашихъ лучшихъ писателей прежняго времени, а иногда даже вовсе имъ не принадлежащія, не говоря уже о поддѣлкахъ». «Для примѣра достаточно указать... на мнимое стихотвореніе Пушкина «Отче нашъ», напечатанное, какъ новость, въ прошедшемъ году въ *Мірѣ Божьемъ* только на томъ основаніи, что рукопись (неизвѣстной руки) найдена въ альбомѣ, въ которомъ были написаны рукою Пушкина нѣкоторыя изъ его стихотвореній». «Что же касается до «Отче нашъ», то и это стихотвореніе было напечатано еще въ 1881 г. въ Русскомъ Архивѣ, и тогда же была основательно заподозрѣна его принадлежность Пушкину. Въ прошломъ году (1898) возникла цѣлая литература за и противъ (всего до 10 статей), причемъ харьковскій профессоръ Ѳ. Сумцовъ [1]) даже похвалялся, что своимъ филологическимъ (помнится) разборомъ [2]) въ *Воронежскихъ Запискахъ* [3]) онъ *несомнѣнно доказалъ* принадлежность этихъ стиховъ Пушкину. Оказалось, однако, что «принадлежность» кому-нибудь какой-нибудь пьесы *разборомъ*, хотя бы и филологическимъ, доказывать трудно, потому что «Отче нашъ» было отыскано С. И. Пономаревымъ въ изданіи сочиненій архіепископа могилевскаго и мстиславскаго Анатолія».

Г. Сумцовъ, указавъ нѣсколько мелкихъ неточностей въ этой замѣткѣ (онѣ указаны и нами въ примѣчаніи), прибавилъ въ концѣ («Рус. Вѣд.», 1899, № 36): «проф. Сумцовъ, основываясь на внутренней связи молитвы «Отче нашъ» со многими другими Пушкинскими стихотвореніями, и нынѣ продолжаетъ считать его Пушкинскимъ и по духу, и по формѣ».

Въ 47 № «Рус. Вѣдом.» 1899 г. П. А. Ефремовъ закончилъ эту полемику такъ: «при чемъ же тутъ Пушкинъ? Г. Пономаревъ указываетъ, что стихотвореніе это преосвященный перепечатывалъ въ своихъ сочиненіяхъ [2]) *нѣсколько разъ* и при томъ каждый разъ [3]) съ новыми варіантами, которые могъ сдѣлать только авторъ, жившій

---

[1]) Н. Ѳ. [2]) Разборомъ по мотивамъ. [3]) Въ „Рус. Филол. Вѣстн." за 1894 г. (и отдѣльно).

[2]) Въ составленномъ имъ сборникѣ.

[3]) Это не точно: варіанты, очень незначительные въ общемъ, начинаются со второго изданія; затѣмъ печаталось безъ перемѣнъ.

въ 50-хъ годахъ, а не Пушкинъ, скончавшійся въ 1837 г. Прибавлю еще, что даже «разборъ по мотивамъ, по духу и по формѣ» долженъ бы былъ остановиться въ недоумѣніи передъ началомъ и окончаніемъ стихотворенія: такъ, въ началѣ говорится, что старикъ «молился такъ *передо мною*», а въ концѣ: *передъ крестомъ* такъ онъ молился». Пушкинъ подобнаго неряшества не оставилъ намъ даже въ своихъ «черновыхъ» набросках!

Обратимся теперь къ вопросу объ авторствѣ архіепископа Анатолія.

Мы уже видѣли раньше, что его доказывали слѣдующими соображеніями: 1) стихотвореніе «Отче нашъ» включено въ его сборникъ «Духовныхъ Стихотвореній»; 2) Мареничъ прямо называетъ его авторомъ этого стихотворенія: 3) архіепископъ Анатолій слегка варіировалъ стихотвореніе въ разныхъ изданіяхъ и даже вносилъ болѣе существенныя перемѣны (отсѣченіе начала и конца), что могъ себѣ позволить только авторъ.

Всѣ эти положенія основаны на недоразумѣніи или даже рядѣ недоразумѣній.

«Духовныя стихотворенія» преосв. Анатолія—сборникъ стихотвореній *разныхъ авторовъ*.

Подъ большинствомъ стихотворенія поставлены имена авторовъ: Ломоносовъ, Державинъ, Языковъ, Ѳ. Глинка, Мерзляковъ, Пушкинъ, В. А-скій (Аскоченскій?) и пр. Иногда обозначено изданіе: «изъ журнала *Маякъ*», «изъ книгъ *Священныя пѣснопѣнія древняго Сіона*. Подъ семью сихотвореніями подпись *А.* или *Авдій Востоковъ*, которою, несомнѣнно, собиратель хотѣлъ выдѣлить свое авторство.

Изъ 146 стихотвореній 44 остались анонимными—потому, что собиратель не хотѣлъ или не могъ указать автора.

Мы убѣждены, что, произведя тщательныя сличенія этого сборника съ другими соотвѣтствующими, можно было бы установить авторовъ многихъ анонимныхъ стихотвореній. Что это такъ, видно изъ слѣдующаго примѣра.

У преосв. Анатолія на стр. 47—49 2-го изданія его сборника напечатано анонимное переложеніе молитвы: «душе моя, душе моя! востани! что спиши?» Мы разыскали его въ сборникѣ: «Для дней поста святой четыредесятницы» (М., 1868, стр. 3—5). На заглавномъ листѣ этой брошюрки сначала было напечатано: «Соч. Прот. Пл. Капустина», но потомъ это обозначеніе было заклеено особымъ

листкомъ съ типографскими украшеніями, хотя на свѣтъ его очень легко разобрать: авторъ сначала хотѣлъ было огласить свою фамилію, а потомъ передумалъ, но обложки не перепечаталъ. Любопытно, что въ текстѣ сборника преосв. Анатолія сравнительно съ текстомъ автора допущены нѣкоторые варіанты: вм. «во-вѣкъ»—«во вѣки вѣковъ», вм. «непокорныхъ» — «ослѣпленныхъ», вм. «воздаяній» — «испытаній».

Вѣроятно, стихотвореніе прот. Капустина было напечатано гдѣ-нибудь раньше или попало въ руки преосв. Анатолія въ рукописномъ видѣ. Трудно, конечно, сказать, не имѣя подъ руками первоначальной редакціи, чѣмъ объясняются варіанты: особенностями той версіи, которою пользовался собиратель, или его собственными поправками. Насколько свободно относился онъ вообще къ тексту печатаемыхъ произведеній, можно видѣть изъ того, что онъ, напр., отбросилъ начало стихотворенія Пушкина: «Отцы и пустынники и жены непорочны» и оставилъ только одну молитву, т. е. сдѣлалъ именно то, чѣмъ доказывалось его авторство переложенія «Отче нашъ»... Въ томъ же стихотвореніи Пушкина вмѣсто «Владыка» поставлено «Владыко».

Мы не видимъ затѣмъ основаній не вѣрить собирателю, выдѣлившему свои стихотворенія особыми обозначеніями, и предполагать, что ему могутъ принадлежать и стихи не подписанные (напр., «Царю небесный», «Отче нашъ»): какая у него могла быть цѣль при такомъ раздѣленіи?

Мареничъ, зная, что сборникъ составленъ преосв. Анатоліемъ, приписалъ ему анонимные стихи, т. е. впалъ въ ошибку, допущенную и новѣйшими библіографами. Между тѣмъ «Царю небесный» очень нескладно, гораздо ниже обозначенныхъ стихотвореній Анатолія и нисколько не соотвѣтствуетъ имъ ни по языку, ни по общему строю, такъ же какъ и «Отче нашъ». Среди анонимныхъ стихотвореній, судя по языку, много произведеній XVIII и самаго начала XIX в.; несомнѣнно они принадлежатъ разнымъ авторамъ, такъ какъ рѣзко отличаются другъ отъ друга фактурой стиха и свойствами стиля.

Г. Сумцовъ, такимъ образомъ, приведя высказанныя выше соображенія, легко могъ бы обезоружить своихъ противниковъ и, при желаніи, настаивать дальше на принадлежности злополучнаго переложенія Пушкину.

Онъ предпочелъ болѣе легкій путь: отдѣлаться отъ возраженій противниковъ соображеніями общаго, очень не убѣдительнаго свойства—и повтореніемъ аргументаціи «Этюдовъ».

«П-въ приводитъ передѣлку Молитвы Господней въ сборникѣ духовныхъ стихотвореній могилевскаго архіепископа Анатолія въ началѣ 50-хъ годовъ. Но это указаніе г. П-ва совсѣмъ неубѣдительно, такъ какъ указанное стихотвореніе имѣетъ совершенно самостоятельный характеръ; нѣтъ въ немъ ни келіи, ни старика, ни лампады, т. е. всего того, что̀ характерно для Пушкинскаго стихотворенія, что̀ доказываетъ подлинность Пушкинскаго переложенія «Молитвы Господней». Г. С-нъ и г. П-въ въ оцѣнкѣ Пушкинскаго стихотворенія исходятъ, очевидно, изъ совершенно ошибочнаго предположенія о существованія какого-то Пушкинскаго абсолюта, Пушкинскаго совершенства, и потому требуютъ полной безукоризненности въ риѳмахъ и удареніяхъ. Точка зрѣнія совершенно не научная. Ѳ. Е. Коршъ въ своемъ разборѣ окончанія Русалки прекрасно выясняетъ, что̀ нужно понимать подъ словами Пушкинскій стихъ, Пушкинскій языкъ, и какъ осторожно нужно въ научномъ отношеніи трактовать о стилѣ Пушкина». (Проф. Сумцовъ, «Пушкинъ». Изслѣдованія. Харьковъ. 1900. Стр. 155).

Г. Сумцовъ, повидимому, забылъ о *текстуальномъ* совпаденіи молитвъ, при которомъ не можетъ быть и рѣчи о самостоятельности стихотвореній, и не зналъ о сдѣланномъ преосв. Анатоліемъ отсѣченіи начала другого стихотворенія Пушкина.

Кромѣ того, относясь вообще несочувственно къ точкѣ зрѣнія Ѳ. Е. Корша и неоднократно возражая противъ нея въ своей книгѣ, онъ въ данномъ случаѣ воспользовался ею для собственной аргументаціи.

На это противорѣчіе обратилъ вниманіе г. Суворинъ («Новое Время», 1900, № 8591), при чемъ онъ очень внимательно разобралъ художественную сторону спорнаго стихотворенія.

«Переложеніе «Отче нашъ» напоминаетъ только самые слабые лицейскіе стихи Пушкина, а хорошіе изъ нихъ гораздо лучше этого переложенія. Три начальныхъ стиха и четыре съ половиною конечныхъ, т. е. треть всего стихотворенія, даже темноваты. «Старикъ молился молитвою чудесной»: «молиться молитвою»—развѣ это хорошо? «Въ келіи простой (?) молился тихо предо мной». Передъ кѣмъ? Въ концѣ стихотворенія: «*передъ крестомъ* такъ онъ молился». Въ началѣ «передо мной» молился, въ концѣ «передъ кре-

стомъ» молился—это и понять невозможно. «Свѣтъ лампады мерцалъ чуть-чуть издалека́... А сердце чаяло отрады отъ той молитвы старика». Почему «издалека» мерцалъ «свѣтъ лампады» въ «простой келіи» («простой» не опредѣляетъ кельи: эпитетъ только для риѳмы, какъ келія для размѣра)? Келья—маленькая комната. Очевидно, «издалека» для риѳмы «старика». Гдѣ былъ крестъ, гдѣ была лампада, гдѣ молился старикъ и гдѣ слушалъ его незнакомецъ? Въ этой декораціи молитвы все сбивчиво до послѣдней степени. Чье сердце «чаяло отрады», самого ли старика или того незнакомца, *передъ* которымъ старикъ молился молитвой? Когда такіе недоумѣнные вопросы возникаютъ при чтеніи стихотворенія, то лучше отложить его въ сторону. Пушкинъ, конечно, абсолютъ въ сравненіи и не съ такимъ перелагателемъ. Возьмите самое переложеніе. «Отецъ людей», «прощаемъ мы людей» (вмѣсто «должниковъ»), «да имя вѣчное Твое святится сердцами», «да прійдетъ», «да будетъ воля Твоя съ нами» (почему съ нами: это не выражаетъ подлинника, а только искажаетъ его); «не ввергни насъ во искушенья и отъ лукаваго прельщенья избави насъ»—все это ученически плохо и водянисто въ сравненіи съ краткостью и выразительностью подлинника. Нѣтъ, «Отче нашъ» останется прекрасною молитвой, а переложеніе этой молитвы стихами останется плохимъ стихотвореніемъ».

Подобныя простыя и естественныя соображенія (высказывались они и до г. Суворина) не разрушили гипноза и не пріостановили дальнѣйшаго движенія легенды. Она оказалась очень живучей и способной возраждаться, подобно фениксу, изъ пепла...

Свящ. Троицкій («Религіозный элементъ въ произведеніяхъ Пушкина». Кіевъ, 1899, стр. 39—40) всецѣло присоединился къ аргументаціи г. Сумцова—въ его «Этюдахъ».

Г. Рождественскій («Пушкинъ. Черты внутренняго облика». М., 1889, стр. 24—25, и «Вѣра и церковь», 1899, V, 851—2) пополняетъ ее и своими соображеніями.

«Считая недоказаннымъ еще принадлежность стих. арх. Анатолію, укажемъ данныя для присвоенія его Пушкину. 1) Оно сильно напоминаетъ по манерѣ извѣстное Пушкинское переложеніе молитвы Ефрема Сирина: «Отцы пустынники и жены непорочны». Такая же (?) сжатость и близость къ подлиннику, почти такъ же мало до-

полненій ради стиха, и они такъ же удачны [1]). 2) Переложеніе начинается и оканчивается разсказомъ о молящемся старикѣ, который непонятенъ, если представляетъ цѣльное произведеніе, но вполнѣ возможенъ, какъ отрывокъ изъ поэмы [2]). 3) Образъ подвижника, старца свойственъ Пушкину [3])... 4) У Пушкина по нѣскольку разъ повторяются разъ употребленныя, полюбившіяся выраженія и слова [4])... Представленіе *кельи* и *лампады* любимое у Пушкина... Что нѣкоторыя выраженія молитвы Господней [5]) часто «приходили ему на уста», видно, напр., изъ... стих. «Родригъ»: *Но Твоя да будетъ воля*... Срв. также «Короля въ уединеньи сталъ *лукавый искушать*». О прощеніи срв. «Обиды, пѣсни—все прощаю, а мнѣ пускай долги простятъ»... «*Царствіе* небесъ» («Родригъ») [6]). 5) Размѣръ стих.—четырехстопный ямбъ, обычный у Пушкина для поэмъ [7]). Это, можетъ быть, отрывокъ изъ недоконченнаго или уничтоженнаго произведенія... [8]) (стр. 25—26).

Такими чисто внѣшними сопоставленіями можно доказать все, что угодно—напр., что «Вѣтка Палестины» и «Три пальмы» написаны Пушкинымъ.

Кажется, съ нашей стороны не будетъ слишкомъ смѣлымъ утверждать, что это стихотворное переложеніе «Молитвы Господней» не можетъ принадлежать ни Пушкину, ни арх. Анатолію, а написано Фетомъ въ ранніе годы его литературной дѣятельности.

Мы остановились такъ подробно на исторіи этого стихотворенія не безъ задней цѣли. По нашему мнѣнію, она чрезвычайно характерна для нашихъ ученыхъ нравовъ.

---

1) Выше мы видѣли, насколько состоятельны всѣ эти субъективныя, ничѣмъ не обоснованныя утвержденія.

2) Какимъ образомъ это можетъ доказывать авторство Пушкина?

3) Какъ и многимъ другимъ поэтамъ (напр., Ѳедору и Авдотьѣ Глинкамъ, Шаховой и пр.).

4) А развѣ это составляетъ его исключительную особенность?

5) Несомнѣнно, онъ зналъ ее—съ дѣтства...

6) Послѣднія три цитаты представляютъ результатъ простого недоразумѣнія: „лукавый искушалъ“, „царствіе небесъ“—обычныя разговорныя выраженія; „прощать долги“—не совсѣмъ подходящій въ данномъ случаѣ каламбуръ...

7) Ямбъ сдѣлался любимѣйшимъ размѣромъ русскихъ поэтовъ еще со временъ Ломоносова.

8) Одна гипотеза обосновывается другой: circulus vitiosus.

Характерно все—и періодическое воскресаніе ни на чемъ не основанной легенды, ея исключительная живучесть,—и самая возможность неоднократныхъ открытій «сорокалѣтнихъ новостей», и самовнушеніе изслѣдователей, принявшихъ ни съ того, ни съ сего плохое юношеское стихотвореніе начинающаго поэта за вѣнецъ зрѣлаго творчества Пушкина, увѣрившихъ себя въ этомъ и пытавшихся увѣрить въ этомъ и другихъ...

Память у насъ коротка...

Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, досужій журналистъ найдетъ, быть можетъ, пожелтѣвшій и запыленный листокъ все съ тѣмъ же переложеніемъ и указаніемъ на Пушкина, съ радостью объявитъ о своей находкѣ urbi et orbi, ее напечатаютъ и перепечатаютъ, начнутся комментаріи, возникнетъ цѣлая литература—однимъ словомъ, начнется опять все та же старая исторія...

Такъ было уже три раза, но на этомъ, вѣроятно, дѣло не остановится...

V

Поэтическая оцѣнка Пушкина современниками.

(18 5—1837 гг.).

I.

«Поразительное и необычайное явленіе представляютъ первые шаги Пушкина въ литературѣ. Онъ выступалъ точно восходящій лучезарный богъ, вызывающій своимъ появленіемъ общую радость, единодушный сердечный привѣтъ. Никто не оспаривалъ его генія. Никто не сомнѣвался въ великомъ будущемъ, ожидающемъ юнаго поэта. Рядъ его первыхъ опытовъ—рядъ его первыхъ успѣховъ. Жуковскій и Державинъ, пѣвецъ Людмилы и пѣвецъ Фелицы, авторъ балладъ и авторъ одъ, съ одинаковымъ интересомъ прислушивались къ пѣснямъ новаго пѣвца; представители двухъ литературныхъ поколѣній мирно сходились въ привѣтствіяхъ и благословеніяхъ начинавшему поэту. Есть что-то трогательное и знаменательное въ этомъ союзѣ боровшихся противоположностей,—союзѣ, скрѣпляемомъ рукою 16-лѣтняго поэта. Тутъ какъ будто навсегда намѣчена была та вы-

сокая, примирительная, объединяющая роль, которой Пушкинъ оставался вѣренъ во всю свою жизнь» [1]).

За рѣдкими исключеніями, передъ мощью генія умолкали зависть и соперничество, личные счеты и литературные предразсудки. Самые ярые враги великаго поэта рѣшались обвинять его произведенія въ безнравственности и грубости, но не отрицали глубины и мощи его творческихъ силъ,—хулили его новыя произведенія, безмѣрно превознося старыя... Когда Пушкинъ въ своемъ творческомъ развитіи переросъ своихъ современниковъ, когда его новыя произведенія, классически отточенныя по формѣ и глубоко реальныя по содержанію, рѣзко столкнулись съ литературными вкусами «любителей россійской словесности», даже тогда критики, угождавшіе низменнымъ вкусамъ толпы, не забывали его прежнихъ заслугъ и признавали яркія вспышки генія въ неудачныхъ будто бы произведеніяхъ послѣдняго періода.

Поэты держались самостоятельнѣе, не измѣняли своему признанному главѣ. Многихъ изъ нихъ влекло къ Пушкину непросвѣтленное сознаніемъ внутреннее чувство, которое шло въ разрѣзъ съ установившеюся системою мнѣній. Не замѣчая всей глубины пропасти, раздѣлявшей ихъ теоретическіе взгляды и свѣтлое, широкое, гармонически-свободное міровоззрѣніе Пушкина; придерживаясь изжитыхъ и осужденныхъ на безславное вымираніе литературныхъ формъ и пріемовъ,—они, какъ болѣе чуткія все-таки натуры, преклонялись передъ геніемъ, въ словахъ котораго звучала новая, таинственная, непонятная поклонникамъ и тѣмъ болѣе привлекательная правда. Не многіе старались и умѣли поспѣвать за быстрымъ ходомъ развитія великаго поэта, идти съ нимъ въ ногу. Благодаря всему этому дружно несутся хвалебные гимны изъ всевозможныхъ поэтическихъ лагерей, которые заглушаютъ рѣдкое и безсильное шипѣніе вражды и позднѣе скрашиваютъ замѣтное охлажденіе средняго читателя къ своему прежнему любимцу. Классики, сантименталисты, романтики разныхъ оттѣнковъ—всѣ вплетаютъ свою посильную дань въ лавровый вѣнокъ великаго поэта.

«Старикъ-Державинъ» «замѣтилъ и, въ гробъ сходя, благословилъ» нашего поэта, по его собственному выраженію. Отецъ Пушкина,

---

[1]) *Ждановъ:* „Нѣсколько словъ о значеніи Пушкина“. Спб., 1887 г., стр. 5.

С. Л., разсказываетъ [1]): «За обѣдомъ (послѣ акта въ лицеѣ), на который я былъ приглашенъ гр. А. К. Разумовскимъ, бывшимъ тогда министромъ просвѣщенія, графъ, отдавая справедливость молодому таланту, сказалъ мнѣ: «Я бы желалъ однако же образовать сына вашего въ прозѣ».—«Оставьте его поэтомъ!»—отвѣчалъ ему за меня Державинъ съ жаромъ, вдохновенный духомъ пророчества». По свидѣтельству Ѳ. Н. Глинки [2]), пѣвецъ Фелицы, «прочтя первые стихи Пушкина, понялъ будущаго поэта и сказалъ С. Т. А(ксако)ву: «вотъ кто замѣнитъ Державина!» Батюшковъ дивился сказочно-быстрому росту его дарованія—и подчасъ мучительно завидовалъ: прочитавъ его элегію «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» (по другому извѣстію, посланіе къ Юрьеву), онъ воскликнулъ: «Злодѣй! Какъ онъ началъ писать!»—и судорожно скомкалъ бумагу. Бережно слѣдятъ за каждымъ его шагомъ, заботливо опекаютъ его А. И. Тургеневъ и кн. Вяземскій. В. Л. Пушкинъ съ дѣтства предсказываетъ ему блестящую участь—

И съ сочувствіемъ роднымъ,
Съ властью, нѣжностью отцовской,
Карамзинъ слѣдилъ за нимъ! [3]).

За одинъ стихъ своего юнаго друга, кн. Вяземскій готовъ былъ отдать «все... движимое и недвижимое»; Жуковскій даритъ ему свой портретъ съ знаменательной надписью: «побѣдителю ученику отъ побѣжденнаго учителя». Его воспѣваютъ классики Катенинъ и гр. Хвостовъ, слезливый кн. Шаликовъ, пылкій руссофилъ Глинка и вся многоцвѣтная «Пушкинская плеяда».

Сначала поэтическая оцѣнка Пушкина была отчасти отраженіемъ оцѣнки общественной и, въ свою очередь, вліяла на нее; позднѣе онѣ разошлись, но общество не могло не считаться съ устойчивымъ мнѣніемъ большинства поэтовъ, хотя не всегда соглашалось съ нимъ. Во всякомъ случаѣ, когда русское общество, подхваченное второй и болѣе сильной волной романтическаго теченія, охладѣло къ реальной музѣ своего прежняго любимца, поэты не оставили его. Только у нихъ находилъ онъ поддержку въ самыя трудныя минуты своей многострадальной жизни.

---

1) „Замѣчанія С. Л. Пушкина"—*Отеч. Зап.* 1841 г., т. IV, стр. 3.
2) „Воспоминаніе о піитической жизни Пушкина". М., 1837 г., стр. 1[illegible].
3) Кн. Вяземскій: „Поминки".

Это, несомнѣнно, самая свѣтлая страница его трагической въ общемъ личной исторіи, и въ свѣтлые дни лучшаго изъ нашихъ національныхъ праздниковъ, во время глубокихъ по своему общественному смыслу юбилейныхъ торжествъ, отраднѣе остановиться именно на ней...

II.

Эта поэтическая оцѣнка начинается рано—съ 1815 г.

Первымъ отозвался «сынъ лѣни вдохновенный», «парнасскій волокита», баронъ Дельвигъ, которому Пушкинъ позднѣе (1830 г.) писалъ:

Мы рождены, мой *братъ названый*,
Подъ одинаковой звѣздой;
Киприда, Фебъ и Вакхъ румяный
Играли нашею судьбой.
Явилися мы разно оба
На ипподромъ, а не на торгъ,
Вблизи державинскаго гроба,
И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ...

По свидѣтельству самого поэта, «никто на свѣтѣ не былъ для него ближе Дельвига», «съ нимъ толковалъ онъ обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томитъ».

Кого осѣнило божественное дуновеніе поэзіи, тотъ, по словамъ посланія Дельвига къ Пушкину, съ младенчества

обучается
Воспѣвать красоты поднебесныя,
И ланиты его отъ привѣтствія
Удивленной толпы горятъ пламенемъ.
И Паллада туманное облако
Разсѣваетъ отъ взоровъ,—и въ юности
Онъ ужъ видитъ священную истину
И порокъ, исподлобья взирающій!
Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется,
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій [1]).

---

[1]) *Россійскій Музеумъ* 1815 г., т. III, стр. 260—1; *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія* 1819 г., т. XII, стр. 193—4.

Въ 1817 г. онъ обращается къ своему «брату по музѣ», своему «Оресту»:

Но въ тряской, скачущей телѣгѣ,
Мой другъ, свободно ли мечтать?
И только мысль тебя обнять,
Съ тобой дѣлить вино, мечтанья
И о быломъ воспоминанья—
Меня въ ней можетъ утѣшать [1]).

Когда поэты заговорили о преемникахъ умершаго Державина, Дельвигъ прямо указалъ на своего задушевнаго друга [2]):

Державинъ умеръ! Чуть факелъ погасшій дымится, о Пушкинъ!
О, Пушкинъ! Нѣтъ ужъ великаго! Музы надъ прахомъ рыдаютъ...
. . . . . .
Кто-жъ нынѣ посмѣетъ владѣть его громкою лирою? Кто?—
Пушкинъ,
Атлетъ молодой, кипящій летѣть по шумной аренѣ,
Въ порывѣ прекрасной души ее свѣжимъ вѣнкомъ увѣнчаетъ.
Молися Каменамъ! И я за друга молю васъ, Камены!
Любите младого пѣвца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный умъ, окрыляйте юные персты!
Но и въ старости грустной пускай онъ, пріятно по лирѣ
Гремящей сперва ударяя, уснетъ исчезающимъ звономъ!...

Пророчество было подсказано тѣмъ таинственнымъ внутреннимъ голосомъ, который прекрасно опредѣленъ самимъ Дельвигомъ въ его прелестномъ сонетѣ, посвященномъ Языкову [3]):

Отъ раннихъ лѣтъ я пламень не напрасный
Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію пристрастной.
Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,

---

[1]) *Благонамѣренный* 1818 г., т. II, стр. 13—14; *Современникъ* 1854 г., т. I, стр. 3—4.

[2]) *Гротъ:* „Соч. Державина", т. IX, стр. 552.

[3]) *Труды вольнаго общ. люб. рос. слов.* 1823 г., XXI, стр. 58; *Новости литературы* 1824 г., т. V, стр. 79.

Съ нимъ раздѣлялъ и грусть, и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье
И за себя боговъ благословилъ!

Когда Пушкинъ, уставшій отъ клеветъ и преслѣдованій, хотѣлъ «укрыться въ безвѣстности», Дельвигъ поддержалъ его бодрымъ и сильнымъ словомъ [1]):

Какъ? Житель гордыхъ Альпъ, надъ бурями парящій,
Кто кроетъ солнца ликъ развернутымъ крыломъ,
Услыша подъ скалой ехидны свистъ шипящій,
Раздвинулъ когти врозь и оставляетъ громъ?
Тебѣ-ль, младой вѣщунъ, любимецъ Аполлона,
На лиру звучную потокомъ слезы лить,
Дрожать предъ завистью и, подъ косою Крона
Склоняся, даръ небесъ въ безвѣстности укрыть?
Нѣтъ, Пушкинъ! Рокъ пѣвцовъ—безсмертье, не забвенье!...

Почти одновременно съ Дельвигомъ отозвался «братъ Виля» или «Кюхля»—нескладный, смѣшной и наивный, но въ высшей степени благодушный и честный Кюхельбекеръ.

Въ своихъ *Запискахъ* (Спб., 1886 г., стр. 382—3) Гречъ далъ очень яркую его характеристику:

«Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ—комическое лицо мелодрамы (14 декабря 1825 г.). Онъ воспитывался въ лицеѣ съ Пушкинымъ, Дельвигомъ, Корфомъ и др., успѣлъ хорошо въ наукахъ и отличался необыкновеннымъ добродушіемъ, безмѣрнымъ тщеславіемъ, необузданнымъ воображеніемъ, которое онъ называлъ поэзіею,—раздражительностью, которую можно было употреблять въ хорошую и въ дурную сторону. Онъ былъ худощавъ, долговязъ, неуклюжъ, говорилъ протяжно, съ нѣмецкимъ акцентомъ. По выходѣ изъ лицея, былъ онъ учителемъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій; потомъ поѣхалъ въ чужіе края секретаремъ при А. Л. Нарышкинѣ, который было полюбилъ его, но вскорѣ принужденъ былъ съ нимъ разстаться. Въ Парижѣ Кюхельбекеръ свелъ знакомство съ какими-то либеральными литераторами и вздумалъ читать на французскомъ языкѣ лекцію въ «Атенеѣ» о литературѣ и

---

[1]) „Соч. Дельвига". Спб., 1893 г., стр. 110—111.

политическомъ состояніи Россіи... Часть публики смѣялась надъ нимъ; другая рукоплескала его выходкамъ. Въ концѣ рѣчи онъ сдѣлалъ какое-то размашистое движеніе рукою, сшибъ свѣчу, стаканъ съ водою, хотѣлъ удержать и самъ слетѣлъ съ каѳедры. Одинъ сѣдой якобинецъ слушалъ его внимательно и поддержалъ его словами: «ménagez-vous, jeune homme! votre patrie a besoin de vous! (берегите себя, молодой человѣкъ! Ваше отечество нуждается въ васъ!)»

Отношенія Пушкина къ нему были очень сложны: тутъ было искреннее уваженіе къ благородству личнаго характера пріятеля и честности его убѣжденій, снисходительно-насмѣшливое отношеніе къ его обидчивости и мелочности. Упрекая Кюхельбекера за болѣзненную обидчивость, Пушкинъ однажды ему сказалъ [1]): «тяжелый у тебя нравъ, братъ Кюхля! Вспомни мое слово: ни любовницы, ни друга не познать тебѣ во вѣкъ». Въ эпиграммахъ Пушкинъ называлъ его «внукомъ Тредьяковскаго», утверждая, что онъ

Какъ Геркулесъ, сатиры пишетъ,
Влюбленъ, какъ Буало.

Подчасъ Жуковскому, какъ и другимъ пріятелямъ и знакомымъ, приходилось «кюхельбекерно и тошно» [2]). Въ вакхической пѣснѣ Пушкинъ ему предлагалъ:

Писатель! за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
Вильгельмъ, прочти свои стихи—
Чтобъ мнѣ уснуть скорѣе.

Систематически преслѣдуетъ его великій поэтъ за претенціозное геніальничанье, головную, надуманную любовь и неудачную имитацію сильныхъ чувствъ:

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье;
Тебѣ пріятно слезы лить,
Напраснымъ пламенемъ томить воображенье

---

1) „Соч. кн. П. П. Вяземскаго". Спб., 1893 г., стр. 486.

2) Эта цитата изъ собственной эпиграммы очень часто встрѣчается въ письмахъ Пушкина.

И въ сердцѣ тихое уныніе таить.
Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель!...

Съ другой стороны, онъ считалъ своего «Кюхлю» «человѣкомъ дѣльнымъ съ перомъ въ рукахъ, хоть и сумасбродомъ», и жалѣлъ, что у него «отбили охоту къ журналамъ» (письмо къ кн. Вяземскому 1825 г.), называлъ его своимъ «братомъ по музѣ, по судьбамъ» («19 октября 1825 г.») и трогательно прощался съ нимъ въ 1817 г.:

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ пенатъ.
Лицейской жизни милый братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.
Прошли лѣта соединенья;
Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
Прости! Хранимый небомъ,
Не разлучайся, другъ,
Съ свободою и Фебомъ!
Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья:
И дни твои полетомъ сновидѣнья
Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
Прости! Гдѣ-бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.
И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?),
Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

На рукописи своего «Шеньэ» онъ приписалъ сбоку «Кхбкр (т.-е. Кюхельбекеръ). Да сохранитъ тебя твой добрый геній подъ бурей». Когда Кюхельбекеръ былъ арестованъ по дѣлу декабристовъ и заключенъ въ крѣпость, Пушкинъ освѣдомляется о немъ съ нѣжной заботливостью и не можетъ хладнокровно вспомнить объ его несчастной судьбѣ. Въ бумагахъ Пушкина сохранилось трогательное описаніе его случайной встрѣчи съ Кюхельбекеромъ въ 1827 г., на станціи Залазахъ, когда его перевозили изъ Шлюссельбурга въ Сибирь: «Я вышелъ взглянуть на нихъ» (тройки съ фельдъегеремъ). Одинъ изъ арестантовъ стоялъ, опершись у колонны. Къ нему подошелъ высокій, блѣдный и худой молодой человѣкъ, съ черною

бородой, во фризовой шинели... Увидѣвъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга—и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегеръ взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ телѣжку и ускакали».

Бывшій при этомъ фельдъегерь подалъ по начальству любопытный рапортъ, дорисовывающій намѣченную Пушкинымъ сцену свиданія [1]): «Отправленъ былъ я... въ г. Динабургъ съ государственными преступниками, и по пути, пріѣхавъ на станцію Залазы, вдругъ бросился къ преступнику Кюхельбекеру ѣхавшій изъ Новоржева въ С.-Петербургъ нѣкто г. Пушкинъ и началъ послѣ поцѣлуевъ съ нимъ разговаривать. Я, видя сіе, наиспѣшнѣйше отправилъ какъ перваго, такъ и тѣхъ двухъ за полверсты отъ станціи, дабы не дать имъ разговаривать, а самъ остался для написанія подорожной и заплаты прогоновъ. Но г. Пушкинъ просилъ меня дать Кюхельбекеру денегъ; я въ семъ ему отказалъ. Тогда онъ, г. Пушкинъ, кричалъ и, угрожая мнѣ, говорилъ, что, по прибытіи въ С.-Петербургъ, въ ту же минуту доложу его императорскому величеству, какъ за недопущеніе распроститься съ другомъ, такъ и дать ему на дорогу денегъ; сверхъ того, не премину также сказать и ген.-адъютанту Бенкендорфу. Самъ же г. Пушкинъ, между прочими угрозами, объявилъ мнѣ, что онъ посаженъ былъ въ крѣпость и потомъ выпущенъ, почему я еще болѣе препятствовалъ имѣть ему сношеніе съ арестантомъ; а преступникъ Кюхельбекеръ мнѣ сказалъ: это тотъ Пушкинъ, который сочиняетъ».

Высоко цѣнилъ эту дружбу Кюхельбекеръ, гордился своею близостью къ Пушкину и его поэтическому кружку [2]):

Такъ! Не умретъ и нашъ союзъ,
Свободный, радостный и гордый,
И въ счастьи, и въ несчастьи твердый,
Союзъ любимцевъ вѣчныхъ музъ!

Назвавъ Дельвига и Баратынскаго, онъ особенно подробно остановился въ цитированномъ выше стихотвореніи на Пушкинѣ:

---

1) См. берлинское изданіе стихотвореній Пушкина 1861 г.

2) *Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія* 1820 г., IV, стр. 78.

...ты, нашъ юный корифей,
Пѣвецъ любви, пѣвецъ Руслана!
Что для тебя шипѣнье змѣй,
Что крикъ и филина, и врана?
Лети и вырвись изъ тумана,
Изъ тьмы завистливыхъ временъ...
О, други! Пѣснь простого чувства
Дойдетъ до будущихъ племенъ.
Весь вѣкъ нашъ будетъ посвященъ
Труду и радостямъ искусства.
И что-жъ? Пусть презритъ насъ толпа:
Она безумна и слѣпа!

«Родимые своды» вязовъ Царскаго Села главнымъ образомъ тѣмъ святы и дороги для него, что съ ними связаны первыя впечатлѣнія слагавшейся дружбы и формировавшагося «тройственнаго союза» [1]). Онъ пишетъ «изъ Царскаго Села»:

Здѣсь мрачныя мѣста, гдѣ возвышéнныхъ музъ,
Небесный пламень ихъ и радости святыя,
Порывъ къ великому, любовь къ добру—впервые
Узнали мы, и гдѣ нашъ тройственный союзъ,
Союзъ младыхъ пѣвцовъ, и чистый, и священный,
Волшебнымъ навыкомъ, судьбою заключенный,
Былъ дружбой утвержденъ!
И будетъ онъ для насъ до гроба незабвенъ!
Ни радость, ни страданье,
Ни лѣта, ни корысть, ни почестей исканье—
Ничто души моей отъ васъ не удалитъ!
И въ пѣсняхъ сладостныхъ, и въ славѣ состязанье
Друзей-соперниковъ тѣснѣй соединитъ!
Зачѣмъ же нѣтъ васъ здѣсь, избранники харитъ—
Тебя, о, Дельвигъ мой, поэтъ, мудрецъ лѣнивый,
Безпечный и въ своей безпечности счастливый,—
Тебя, мой огненный, чувствительный пѣвецъ
Любви и добраго Руслана,—

---

[1]) *Сынъ Отечества* 1818 г., ч 48, № 33, стр. 129—130; *Благонамѣренный* 1818 г., III, стр. 133—5.

Тебя, на чьемъ челѣ предвижу я вѣнецъ
Арьоста и Парни, Петрарки и Баяна?
О, други! почему не съ вами я брожу?
Зачѣмъ не говорю, не спорю здѣсь я съ вами?
Или, сплетясь руками,
Зачѣмъ не вмѣстѣ мы внимаемъ шуму водъ,
Біющихъ искрами и пѣною о камень?
Не вмѣстѣ смотримъ здѣсь на солнечный восходъ,
На потухающій на краѣ неба пламень?

Обрадованный вѣстью о женитьбѣ Пушкина и не предчувствуя ея роковыхъ послѣдствій, онъ обращается къ великому поэту съ трогательнымъ привѣтомъ [1]):

...данъ ты въ честь
Въ утѣху данъ родному краю;
Въ подругѣ ангела обрѣсть
Умѣлъ ты—и, подобно раю,
Отнынѣ днямъ поэта цвѣсть.
Расторгъ ты козни вѣроломства...
Итакъ, впередъ, и въ слухъ потомства
Пролейся въ пѣсняхъ вѣковыхъ!
Талантъ, любимцу небомъ данный,
Въ унылой ночи нѣдръ земныхъ
Да не сокроется! Избрàнный!
Примѣръ и вождь пѣвцовъ младыхъ!
Въ эѳиръ свободный и просторный [2])
Полетъ тебѣ ли не знакомъ?
Вперед же, доблестнымъ орломъ!

Изъ далекой ссылки, изъ-за «страха Европы—сѣдого Урала» Енисея, степей и Байкала откликнулся онъ въ 1836 г. на лицейскую годовщину [3]).

---

[1]) „Избранныя стихотворенія Кюхельбекера", Шо-де-фонъ, 1880 г., стр. 92—94.

[2]) Пространный?

[3]) „Избранн. стихотв., стр. 43—44; *Отеч. Зап.* 1863 г., кн. XI, стр. 38—39.

...На крылахъ печали
Любовью къ вамъ несусь изъ темной дали.
Поминки нашей юности—и я
Ихъ праздновать хочу. Воспоминанья!
Въ лучахъ дрожащихъ тихаго мерцаньи
Воскресните! Предстаньте мнѣ, друзья!
Пусть созерцаетъ васъ душа моя—
Всѣхъ васъ, лицея нашего семья!
Я съ вами былъ когда-то счастливъ, молодъ,—
Вы съ сердца свѣете туманъ и холодъ.
Чьи рѣзче всѣхъ рисуются черты
Предъ взорами моими? Какъ перуны
Сибирскихъ грозъ, его златыя струны
Рокочутъ... Пушкинъ, Пушкинъ! Это ты!
Твой образъ—свѣтъ мнѣ въ морѣ темноты.
Твои живыя, вѣщія мечты
Меня не забывали въ ту годину,
Какъ пилъ и ты, уединенъ, кручину.
Тогда и ты, какъ нѣкогда Назонъ,
Къ родному граду простиралъ объятья,
И надъ Невой затрепетали братья,
Услышавъ гармоническій твой стонъ.
Съ сѣдого Пейпуса, волшебный, онъ
Раздался, прилетѣлъ и прервалъ сонъ,
Дремоту нашихъ мелкихъ попеченій—
И погрузилъ насъ въ волны вдохновеній.
О, братъ мой! Много съ той поры прошло,
Твой день прояснѣлъ, мой покрылся тьмою;
Я сталъ знакомъ съ Торкватовой судьбою...

Страшнымъ ударомъ было для него внезапное извѣстіе о трагической судьбѣ друга [1]):

...Я одинъ средь чуждыхъ мнѣ людей
Стою въ ночи, безпомощный и хилый,

---

[1]) „Избранн. стих., стр. 46—47; *Отеч. Зап.* 1863 г., кн. XI, стр. 40; *Русская Старина* 1870 г., кн. I, стр. 293—294. Это стихотвореніе—Лицейская годовщина.

Надъ страшной всѣхъ надеждъ моихъ могилой,
Надъ мрачнымъ гробомъ всѣхъ моихъ друзей!
Въ тотъ гробъ бездонный, молніей сраженный,
Послѣдній палъ родимый мнѣ поэтъ—
И вотъ опять лицея день священный,
Но Пушкина уже межъ вами нѣтъ!
Не принесетъ онъ новыхъ пѣсенъ вамъ,
Отъ нихъ не затрепущутъ груди ваши,
Не выпьетъ съ вами онъ заздравной чаши—
Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ.
Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пируетъ,
Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ:
По нихъ, по нихъ душа моя тоскуетъ;
Я жадно руки простираю къ нимъ!...

Онъ такъ часто и много думаетъ о своихъ безвременно погибшихъ друзьяхъ, Грибоѣдовѣ, Дельвигѣ и Пушкинѣ, «жертвахъ сердца своего, страдальцахъ и поэтахъ», «вызывая ихъ изъ дальнихъ могилъ», что на берегахъ «угрюмаго сына степей, хранительницъ Китая, Онона», даже увидѣлъ, въ минуту поэтическаго экстаза, дорогіе призраки и, очнувшись, еле совладалъ съ своимъ сердцемъ—надеждою на «свиданіе *тамъ*»...

Третій членъ этого тѣснаго поэтическаго кружка—Баратынскій

Пушкинъ высоко цѣнилъ его поэтическій талантъ и нравственный характеръ.

Въ 1822 г. онъ писалъ кн. Вяземскому: «Но каковъ Баратынскій? Признайся, что онъ превзойдетъ и Парни, и Батюшкова, если впредь зашагаетъ, какъ до сихъ поръ. Вѣдь 23 года счастливцу! Оставимъ ему ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону, а то спасенья нѣтъ».

Онъ негодовалъ на критику за ея холодность къ Баратынскому и въ 1827—1831 гг. носился съ планомъ статьи, которая должна была выяснить значеніе этого «Гамлета русской поэзіи». Отъ нея сохранились только отрывки. «Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ. Кромѣ прелестныхъ элегій

и мелкихъ стихотвореній, знаемыхъ всѣми наизусть и столь неудачно поминутно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили бы ему славу, а у насъ были замѣчены одними знатоками... Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды», т.-е. Батюшкова.

Благодаря своему философскому и эротическому характеру, лирика Баратынскаго даетъ мало реальныхъ отголосковъ. Характерное упоминаніе о Пушкинѣ мы нашли только въ знаменитыхъ, «Пирахъ» [1]).

Мы, тѣ же сердцемъ въ вѣкъ иной,
Сберемтесь дружеской толпой
Подъ мирный кровъ домашней сѣни:
Ты, вѣрный мнѣ, ты, Дельвигъ мой,
Мой братъ по музамъ и по лѣни,—
Ты, Пушкинъ нашъ, кому дано
Пѣть и героевъ, и вино,
И страсти молодости пылкой,—
Дано съ проказливымъ умомъ
Быть сердца вѣрнымъ знатокомъ
И лучшимъ гостемъ за бутылкой,—
Вы всѣ, дѣлившіе со мной
И наслажденья, и мечтанья,
О, поспѣшите въ домикъ мой
На сладкій пиръ, на пиръ свиданья!

. . . . . .

Со дня разлуки, знаю я,
И дни, и годы пролетѣли,
И разгадать у бытія
Мы много тайнаго успѣли:
Что ни ласкало встарину,
Что прежде сердцемъ ни владѣло,—
Подобно утреннему сну
Все измѣнило, улетѣло!
Увы! на память намъ придутъ

---

1) „Полное собраніе сочиненій". Спб., 1894 г., II, стр. 153—154. Остальныя упоминанія слишкомъ мимолетны и малосодержительны.

Тѣ пѣсни, за веселой чашей,
Что на Парнассѣ берегутъ
Преданья молодости нашей:
Собранье пламенныхъ замѣтъ
Богатой жизни юныхъ лѣтъ,
Плоды счастливаго забвенья,
Гдѣ воплотить умѣлъ поэтъ
Свои живыя сновидѣнья...
Не обрѣсти замѣны имъ!
Чему же вѣру мы дадимъ?—
Пирамъ! Въ безжизненныя лѣта
Душа остылая согрѣта
Ихъ утѣшеніемъ живымъ.
Пускай навѣкъ исчезла младость,
Пируйте други: стукомъ чашъ
Авось примененная радость
Еще заглянетъ въ уголъ нашъ!

III.

Завязанныя въ «Арзамасѣ» дружескія отношенія Пушкина и кн. Вяземскаго окрѣпли, сдѣлались тѣсными и интимными еще въ началѣ 20-хъ годовъ, Недавно опубликованная переписка кн. Вяземскаго и А. И. Тургенева 1812—1819 гг. [1]) даетъ много драгоцѣнныхъ чертъ для характеристики этихъ отношеній, въ которыхъ такъ много рѣдкой у насъ теплоты и деликатности.

Когда другіе, оскорбленные въ лучшихъ чувствахъ своей филистерской мсрали, метали въ Пушкина громы за его увлеченія и ошибки, кн. Вяземскій писалъ [2]): «Ему нужно волненіе и сотрясеніе: пускай трясетъ онъ себѣ!» Тургеневъ, всю жизнь няньчившійся съ мятежнымъ поэтомъ, какъ курица съ высиженнымъ утенкомъ, по характерному выраженію кн. Павла Вяземскаго,—вторилъ своему другу [3]) и оправдывалъ его увлеченія условіями домашняго и школьнаго воспитанія.

Много гуманности и широты взгляда у этихъ старыхъ «арзамасскихъ гусей»!

---

1) *Остафьевскій Архивъ*, т. I, Спб., 1899 г.
2) Ibid., стр. 206.
3) Ibid., стр. 280.

По поводу «Руслана и Людмилы» Тургеневъ извѣщалъ о Пушкинѣ [1]): «Племянникъ почти кончилъ свою поэму, и на сихъ дняхъ я два раза слушалъ ее. Пора въ печать. Я надѣюсь отъ печати и другой пользы, личной для него. Увидѣвъ себя въ числѣ напечатанныхъ и, слѣдовательно, уважаемыхъ авторовъ, онъ и самъ станетъ уважать себя и нѣсколько остепенится. Теперь его знаютъ только по мелкимъ стихамъ и крупнымъ шалостямъ; но по выходѣ въ печать его поэмы будутъ искать на немъ если не парикъ академическій, то по крайней мѣрѣ не первостепеннаго повѣсу. А кто знаетъ, можетъ быть, схватятъ и въ Академію. Тогда и поминай, какъ звали!»

Въ то время какъ другіе, въ порывѣ чисто-русской дружбы, о которой такъ горько отзывался Пушкинъ и которая, какъ извѣстно, освобождаетъ отъ всякой нравственной сдержки [2]), даетъ право грубаго вмѣшательства въ самыя интимныя дѣла и чаще всего выражается въ радостномъ подхватываніи самыхъ невѣроятныхъ позорящихъ слуховъ о пріятеляхъ, — когда другіе своими сплетными усложняли и безъ того трудное положеніе гонимаго поэта, вооружали противъ него глубоко чтимыхъ имъ Карамзиныхъ и взводили на него всевозможныя небылицы,—Вяземскій пишетъ отъ его лица сильный, продуманный и прочувствованный протестъ [3]): «Гдѣ гнѣздо, гдѣ улей сплетней, составляемыхъ на мой счетъ въ столичномъ городѣ Петра? Хорошо ли было встревожить Карамзиныхъ насчетъ человѣка, коего они любятъ горячо,—не предваривъ прежде всего человѣка, уже немалолѣтняго? Дружба хороша, но если она при слабоуміи, то можетъ иной часъ накутить болѣе непріятностей, чѣмъ сама непріязнь. Позволительно ли изъ шалостей случайныхъ, не имѣющихъ никакой связи съ жизнью, не имѣющихъ на нее и на все, что есть въ ней высокаго, никакого обратнаго дѣйствія, составить себѣ о человѣкѣ мнѣніе постоянное, исключительное?»...

---

1) „Соч. кн. П. П. Вяземскаго", стр. 481. „Остаф. Арх." II 23—24.

2) *Пріятель* Арк. Родзянка, наприм., написалъ на *ссыльнаго* Пушкина сатиру, въ которой приписывалъ ему „гимнъ Занду (убійцѣ Коцебу) на устахъ, въ рукѣ портретъ Лувеля" (убійцы герцога Беррійскаго); свободолюбивое и атеистическое письмо Пушкина, послужившее одной изъ причинъ его ссылки въ Михайловское, получило огласку благодаря пріятелямъ и т. д.

3) „Соч. Вяземскаго", стр. 505—506.

«Положимъ, что иные поступки, иныя слабости въ пріятеляхъ моихъ и кажутся мнѣ предосудительными, но хорошо ли сдѣлаю, если пойду трезвонить о нихъ на городскихъ колокольняхъ? И составлю хоръ, единогласный съ городскими кумами и заодно буду ругать изъ дружбы того, котораго другіе ругаютъ изъ злости?» Когда другіе широко распространяли стихотворенія Пушкина, сильно тогда нуждавшагося, и этимъ тормозили продажу его изданій, тотъ же Вяземскій настаивалъ [1]): «не надобно же дать грабить Пушкина: довольно и того, что его давятъ».

Когда изъ Одессы доходили тревожные слухи о неугомонномъ поэтѣ, онъ пишетъ ему «секретное письмо» [2]): «Сдѣлай милость, будь остороженъ на языкъ и на перо. Не играй своимъ будущимъ. Теперешняя ссылка твоя лучше всякаго мѣста. Что тебѣ въ Петербургѣ?... Вѣрные люди сказывали мнѣ, что уже на Одессу смотрятъ, на champ d'asyle,, а въ этомъ полѣ вѣрно никакая ягода болѣе тебя не обращаетъ вниманія. Въ случаѣ какой-нибудь непогоды Воронцовъ не отстоитъ тебя и не защититъ, если правда, что и онъ подозрѣваемъ въ подозрительности (по отношенію къ Пушкину)? Да къ тому же, признаюсь откровенно, я не твердо уповаю на рыцарство Воронцова. Онъ человѣкъ пріятный, благонамѣренный, но не пойдетъ донкихотствовать противъ власти ни за *лицо*, ни за *мнѣніе*, какія бы они ни были, если власть поставитъ его въ необходимость объявить себя за нихъ или за нее. Ты довольно сыгралъ пажескихъ штукъ съ правительствомъ, довольно подразнилъ его, и полно! А вся наша оппозиція ничѣмъ инымъ ознаменоваться не можетъ que par des espiègleries. Намъ не дается мужествовать противъ него; мы можемъ только ребячиться. А всегда ребячиться надоѣстъ...»

Въ стихотвореніяхъ и письмахъ Пушкина можно найти много отголосковъ его искренней пріязни къ арзамасскому «Асмодею»— Вяземскому, уваженія къ его поэтическому таланту, острому уму и многостороннему, добытому самостоятельнымъ трудомъ, образованію.

Наиболѣе характерный изъ нихъ —начало недоконченнаго посланія:

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый,

---

[1]) Ibid., стр. 497.

[2]) Отчетъ Публичной библіотеки. Спб., 1898 г., стр. 52—3.

Счастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
Невѣжество разить анаѳемой игривой...

Въ поэзіи Вяземскаго эта дружба оставила глубокіе слѣды. Всю свою долгую жизнь, даже переживши свой талантъ, свою славу и самого себя, потерявъ всякое чутье дѣйствительности и съ увлеченіемъ отдаваясь пошлому брюзжанію на новыя теченія,—онъ оживляется при имени Пушкина, и въ его дряхлѣющемъ стихѣ просыпается сила, воскресаетъ прежняя яркость.

Въ 1826 году онъ писалъ сестрѣ поэта [1]);

Насъ случай свелъ; но не слѣпцомъ меня
Къ тебѣ онъ влекъ непобѣдимой силой:
Поэта другъ, сестра и геній милый,
По сердцу ты и мнѣ давно родня.
Такъ, въ памяти сердечной безъ заката
Мечта о немъ горитъ теперь живѣй;
Я полюбилъ въ тебѣ сначала брата,
Братъ по сестрѣ еще мнѣ сталъ милѣй.
Удѣлъ его—блескъ славы вѣчно льстивой,
Не часто намъ сіяющей изъ тучъ;
И отъ нея ударитъ яркій лучъ
На жребій твой, въ безпечности счастливый.
Но для него ты благотворной будь;
Свѣти ему звѣздою безмятежной,
И въ бурной мглѣ отрадой, дружбой нѣжной
Ты услаждай тоскующую грудь.

Потрясенный смертью Пушкина, онъ посылаетъ [2]) кому-то за границу (повидимому, А. О. Россетъ-Смирновой) свои стихи «на память»:

Одною думою, однимъ событьемъ полный,
Когда на чуждый брегъ васъ переносятъ волны,
И звуки родины должны въ послѣдній разъ

---

[1]) „Сочин.", т. III, стр. 405.
[2]) „Сочин.", т. IV, стр. 207—8.

Печалью врѣзаться и отозваться въ васъ
На память и въ завѣтъ о прошломъ въ мірѣ новомъ,
Я васъ напутствую единнымъ скорбнымъ словомъ,—
Затѣмъ, что скорбь моя превыше силъ моихъ,
И, вѣрный памятникъ сердечныхъ слезъ и стона,
Вамъ затвердитъ одно рыдающій мой стихъ:
Что яркая звѣзда съ родного небосклона
Внезапно сорвана средь бури роковой,—
Что пѣсни лучшія поэзіи родной
Внезапно замерли на лирѣ онѣмѣлой,—
Что палъ во всей порѣ красы и славы зрѣлой
Нашъ лавръ, нашъ вѣщій лавръ, услада нашихъ дней,
Который трепетомъ и сладкозвучнымъ шумомъ
Отъ сна воспрянувшихъ пророческихъ вѣтвей
Вѣщалъ глаголъ боговъ на сѣверѣ угрюмомъ,—
Что навсегда умолкъ любимый нашъ поэтъ,
Что скорбь постигла насъ, что Пушкина уже нѣтъ!

Въ 1853 году передъ его творческимъ воображеніемъ въ «Поминкахъ» воскресаетъ все тотъ же дорогой образъ [1]):

Поэтической дружины
Смѣлый вождь и исполинъ!
Съ дѣтства твой полетъ орлиный
Достигалъ крутыхъ вершинъ
. . . . . .
Отрокъ съ огненной печатью,
Съ теплымъ заревомъ лучей
Вдохновенья и призванья
На пророческомъ челѣ,
Полномъ думы и мечтанья—
Крыльевъ нашихъ на землѣ;
Вѣщій отрокъ, отрокъ славы...
. . . . . .

---

[1]) Сочин., т. XI, стр. 17.

IV.

Судьба, какъ бы заботясь о богатствѣ и разнообразіи жизненныхъ впечатлѣній, столь нужныхъ для поэта, бросала Пушкина во всевозможныя условія и обстановки, сводила его съ самыми разнообразными общественными элементами. Самъ онъ жадно ищетъ новыхъ фактовъ и наблюденій, съ глубокимъ вниманіемъ всматривается во всѣ встрѣчающіяся на его пути явленія. Въ литературѣ онъ сразу занимаетъ самостоятельное мѣсто, стоитъ выше партійныхъ счетовъ и въ своемъ широкомъ міровоззрѣніи объединяетъ лучшіе результаты всей предшествующей идейной работы и вѣками слагавшейся поэтической техники.

Сохранилось очень характерное и знаменательное его признаніе: «Я въ литературѣ скептикъ (чтобы не сказать хуже)... Всѣ ея *секты* для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть?»...

Вездѣ онъ ищетъ и находитъ крупицы правды, во всемъ его ясный и свѣтлый взоръ подмѣчаетъ сильныя и слабыя стороны. Принадлежность къ «Арзамасу» не помѣшала ему сблизиться съ Катенинымъ, познакомиться довольно близко съ кн. Шаховскимъ, высоко цѣнить Грибоѣдова, которые, какъ извѣстно, были литературными врагами карамзинистовъ и большими поклонниками французскаго классицизма. Въ высокомъ синтезѣ поэзіи Пушкина мирно слились враждовавшіе доселѣ элементы; самая сила генія подавляла протесты и броженіе не желавшей сразу сдаться—и все же отжившей старины.

Долго несмолкавшіе споры о литературномъ языкѣ смолкаютъ передъ Пушкинскимъ языкомъ и Пушкинскимъ стихомъ; теперь мирно уживаются рядомъ боровшіеся раньше національные, народные и общечеловѣческіе элементы, отголоски русской старины и европейской культуры; Пушкинъ учится съ одинаковымъ рвеніемъ у классиковъ, сантименталистовъ и романтиковъ, никому не «порабощая своей литературной совѣсти», всегда оставаясь «внутренне свободнымъ»,—и своимъ творчествомъ на практикѣ разрѣшаетъ ихъ теоретическія разногласія и недоумѣнія...

Онъ пополняетъ наиболѣе крупные пробѣлы въ дѣятельности карамзинистовъ—«слабость народно-поэтической стихіи и отсутствіе

драматическаго творчества»—уроками ихъ литературныхъ противниковъ. Вспомнимъ, какъ познакомился онъ съ Катенинымъ [1]): «Пушкинъ просто пришелъ въ 1818 г. къ Катенину и, подавая ему свою трость, сказалъ: «Я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисѳену: побей, но выучи!»—«Ученаго учить—портить»,—отвѣчалъ авторъ «Ольги».

Однако, отъ Катенина, прекраснаго знатока теоріи драмы, отличавшагося тонкимъ литературнымъ вкусомъ, Пушкинъ, какъ онъ и ожидалъ, многому научился. Во всякомъ случаѣ, Катенинъ поддержалъ въ немъ скептицизмъ насчетъ нашего доморощеннаго романтизма, сочувственно встрѣтилъ переходъ къ самобытности и реализму, раздвинулъ литературный горизонтъ своего друга. Все болѣе и болѣе разраставшееся увлеченіе Шекспиромъ не мѣшало Пушкину и позднѣе отдавать должное французской драмѣ, въ чемъ тоже нельзя не видѣть вліянія Катенина.

«Очевидно, точка зрѣнія Пушкина была такъ своеобразна, такъ широка и возвышенна, что для него исчезали, какъ несущественныя подробности, всѣ (частныя) особенности древней и новой драмы (которымъ тогда придавали слишкомъ большое значеніе), всѣ различія Шекспира и Корнеля... Онъ объединилъ въ художественномъ синтезѣ разнообразныя теченія современной ему общественной и поэтической мысли и этимъ синтезомъ очистилъ путь для дальнѣйшаго движенія нашей литературы. Пушкинъ точно созданъ былъ для такой именно объединяющей роли. Всякая односторонность, всякая крайность и нетерпимость внушали отвращеніе его гармонически настроенной душѣ». «Самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ»,—писалъ Пушкинъ Дельвигу,—«но разнообразіе спасительно для души!» «Ты отучилъ меня отъ односторонности,—писалъ поэтъ Катенину,—а односторонность есть пагуба мысли». Это отвращеніе отъ односторонности, это стремленіе къ разнообразію и помогли Пушкину стать тѣмъ, кѣмъ онъ сталъ—вождемъ новаго литературнаго движенія, хорегомъ всей новѣйшей русской литературы» [2]).

Поэтому-то какъ легко и свободно чувствовали себя съ этимъ пѣвцомъ и страстнымъ поклонникомъ безусловной внутренней свободы, съ этимъ ярымъ врагомъ всякаго рабства—передъ насиліемъ

---

1) *Ждановъ*: „О значеніи Пушкина“, стр. 10.

2) Ibid., стр. 13—14.

произволомъ, авторитетомъ и традиціей,—люди самыхъ разнообразныхъ взглядовъ и настроеній. Они не только преклонялись передъ мощью генія, но иногда очень тонко улавливали и его своеобразныя особенности; на-ряду съ общими и довольно неопредѣленными характеристиками мы часто встрѣчаемъ характеристики болѣе детальныя и обоснованныя. Первыя чаще встрѣчаются у представителей старшихъ литературныхъ поколѣній, вторыя—у младшихъ.

Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ Шишковской «Бесѣды», знаменитый метроманъ гр. Хвостовъ, высоко ставилъ прелесть Пушкинскаго стиха, напоминавшаго ему соловьиное пѣніе,—и патріотизмъ поэта. Узнавъ, что А. С. живетъ въ Петербургѣ на Фурштатской, онъ провѣщился на этотъ разъ совсѣмъ-таки человѣческими стихами [1]):

Любитель музъ, съ зарею майской,
Спѣши къ источникамъ ключей:
Ступай подслушать на Фурштатской,
Поетъ гдѣ Пушкинъ-соловей!

Когда «Бородинская годовщина» и «Клеветникамъ Россіи» вызвали сильныя и въ общемъ довольно справедливыя нареканія лучшей части русскаго общества, гр. Хвостовъ счелъ своимъ долгомъ заступиться за порицаемаго поэта [2]). Правда, онъ начинаетъ по-хвостовски:

Приближася похода къ знаку,
Я сталъ союзникъ Зодіаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пѣлъ при старости іюль [3]),—

такъ что Пушкинъ собирался было «достойно отвѣтить союзнику Водолея, Рака и Козерога». Но въ его дубовыхъ и малограмотныхъ виршахъ слышатся и другія ноты:

Спасибо Пушкину-поэту;
Завистникамъ гостинецъ вновь

---

1) Соч., VII, стр. 171. Спб., 1844 г.
2) Ibid., стр. 99 - 102.
3) „Соч. Пушкина“ (литер. фонда), VII, стр. 293.

Заморскому докажетъ свѣту
Его къ отечеству любовь.
Его твореніе прекрасно,
Замысловато, сильно, ясно,
Легко, пріятно и умно,
Но попадатъ ли въ цѣль оно?...

. . . . . .

Тебѣ дала поэта жаръ
Мать вдохновенія—природа:
Употреби свой, Пушкинъ, даръ
На славу русскаго народа;
Какъ началъ громко—продолжай
О древнихъ подвигахъ великихъ,
И вопли птицъ ночныхъ и дикихъ
Ты, пѣснопѣвецъ, презирай!...

Таковъ геній поэта—Орфея: онъ заставляетъ чувствовать и камни! Даже гр. Хвостовъ почувствовалъ въ стихотвореніяхъ великаго поэта характерное для него соединеніе чарующей прелести формы съ глубиною содержанія, прозрачностью мысли и простотой...

Одинъ изъ второстепенныхъ карамзинистовъ, Иванчинъ-Писаревъ [1]), подмѣтилъ въ Пушкинѣ свойство «прямого генія»,—то, что «онъ чтитъ великое въ великомъ не страшится», такъ какъ посвятилъ своего «Бориса Годунова»—«драгоцѣнной для россіянъ памяти Н. М. Карамзина»:

Несносно солнце для совы,—
Орелъ къ нему стремится!

Для Гнѣдича дороги въ Пушкинѣ его изумительная способность перевоплощаться и измѣняться до неузнаваемости, самобытность и глубокое проникновеніе въ таинства «русскаго духа и міра» [2]):

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній!
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій

---

1) *Дамскій Журналъ* 1831 г., VII, стр. 104.
2) Соч., I, стр. 361. Спб., 1884 г. (1831 г.?).

Добрыхъ друзей:
Пой, какъ поешь ты, *родной соловей*!
Байрона геній, иль Гёте, Шекспира—
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ:
Ты же, *постигнувшій таинство русскаго духа и міра*,
Пой намъ *по-своему, русскій Баякъ*!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Вѣдь на Руси ты поэтъ *несравненный*!

Благодушный Ѳ. Н. Глинка [1]) привѣтствуетъ молодого поэта въ 1819 г. за его плѣнительные, «чудесные стихи». Изъ небесныхъ жителей полюбили Пушкина еще младенцемъ эроты, граціи и музы; они лелѣяли его въ колыбели и пророчили ему великую поэтическую будущность:

И выросъ ты, рѣзвился въ волю,
И взросъ съ тобою даръ боговъ,
И вотъ, блажа безпечну долю,
Поешь ты радость и любовь,
Поешь утѣхи, наслажденья,
И топотъ коней, громъ сраженья,
И чары вѣдьмъ и колдуновъ,
И русскихъ витязей забавы...

Все это написано подъ обаяніемъ «Руслана и Людмилы».

Уже на мѣстѣ ссылки узналъ Пушкинъ объ этомъ посланіи, въ печати оно было обращено уже къ опальному поэту, и съ особенною силой должны были прозвучать для него заключительныя строчки стихотворенія Глинки:

Судьбы и времени сѣдого
Не бойся, молодой пѣвецъ!
Слѣды исчезнутъ поколѣній,
Но живъ талантъ, безсмертенъ геній!

---

[1]) *Сынъ Отечества* 1820 г., ч. 64, стр. 231—233.

Насколько былъ тронутъ Пушкинъ этимъ посланіемъ, можно видѣть изъ его горячо прочувствованнаго отвѣта «Аристиду»:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!...

Его братъ, С. Н. Глинка, очень извѣстный въ началѣ 30-хъ годовъ подъ характернымъ псевдонимомъ «Мечтателя», своеобразно мирилъ узкій націонализмъ съ искреннимъ уваженіемъ къ западной культурѣ. Почти одновременно онъ могъ доказывать, что вся премудрость великихъ законодателей, отъ Солона до Монтескьё, заключается въ нашей Кормчей, а философія Локка,—во мнѣніяхъ боярина Матвѣева,—и искренно увлекаться геніемъ Байрона. Для него [1]) Пушкинъ—«русскій Байронъ». Ему «отжилымъ перомъ нельзя вѣнка сплетать, но сердцу весело вѣсть общу повторять»:

Орломъ за Байрономъ ты вьешься въ облакахъ,
Любезностью сердца плѣняешь;
Перомъ, умомъ, душой ты будешь жить въ вѣкахъ
И русскій нашъ Парнассъ собою украшаешь.

По его мнѣнію [2]), Пушкинъ—«дивить рожденъ». Онъ—Орфей оживляющій природу и «торжествующій грознымъ перуномъ Байрона надъ морознымъ сердцемъ».

Редакторъ *Дамскаго Журнала,* кн. Шаликовъ—«Вздыхаловъ», «пола женскаго усердный почитатель, пріятный и въ стихахъ, и въ прозѣ нашъ писатель»,—такъ высоко ставилъ рано развившійся талантъ молодого поэта, что въ 1822 г. рѣшился даже напечатать хвалебную надпись къ портрету *ссыльнаго* Пушкина [3]):

Талантъ и чувства въ немъ созрѣли прежде лѣтъ.

---

[1]) *Дамскій Журналъ* 1829 г., XIV, стр. 8.
[2]) Ibid., 1831 г., XVII, стр. 53.
[3]) *Новости Литературы* 1822 г., XVI, стр. 48.

Овидій нашъ, онъ сталъ ко славѣ музъ поэтъ!

Когда Пушкинъ сказалъ ему, что собирается заѣхать въ Грузію, Шаликовъ спѣшитъ [1]) свое отечество

привѣтствовать съ поэтомъ,
Явившимъ въ юности себя
Олимпа нашего атлетомъ...

Въ день рожденія великаго поэта онъ шлетъ ему прочувствованный привѣтъ [2]):

Когда рождался ты, хоръ въ олимпійскомъ мірѣ
Средь небожителей пророчески воспѣлъ:
Младенца славный ждетъ удѣлъ—
Плѣнять сердца игрой на лирѣ!...

«Другъ юности и всякихъ лѣтъ», арзамасецъ, но съ сильною классическою закваской, В. Л. Пушкинъ неизмѣнно преклонялся передъ талантомъ своего «племянника и поэта». По своему благодушію многое онъ прощалъ своему племяннику, даже насмѣшки и прямыя издѣвательства... Ему нравится, его плѣняетъ [3])

Все, что умно, краснорѣчиво,—
Все, что написано съ душой.

Поэтому-то онъ читаетъ «съ живымъ восторгомъ» стихи своего племянника и «твердитъ» ихъ «не для критики пустой— для наслажденья».

Молодой поэтъ—любимецъ Аполлона, одаренный тонкимъ вкусомъ,—«очаровательъ и счастливецъ», полонившій сердца всѣхъ

Своимъ талантомъ превосходнымъ,
Всѣ мысли выражать способнымъ.

Его произведенія полны «прекрасныхъ вдохновеній». Осуждая подчасъ «модный романтизмъ», В. Л. [4]) любитъ и уважаетъ «истин-

---

[1]) *Дамскій Журналъ* 1829 г., XIV, стр. 9—10.
[2]) Ibid., 1829 г., XLI, стр. 27.
[3]) Ibid., ств. 113.
[4]) Ibid., стр. 115—116.

ный талантъ» племянника, совѣтуетъ ему не обращать вниманія на придирчивыя критики и не «оставлять своей прелестной свирѣли»:

Пустыя критики достоинствъ не умалятъ;
Жуковскій, Дмитріевъ тебя и чтутъ, и хвалятъ;
Крыловъ и Вяземскій—въ числѣ твоихъ друзей:
Пиши и утѣшай ихъ музою своей,
Наказывай глупцовъ, не говоря ни слова,
Печатай имъ на зло скорѣй «Годунова!»...

Въ концѣ этого посланія онъ совѣтуетъ племяннику «словесность русскую, языкъ обогащать» и вѣчно соединять лавры съ миртами...

Остроумное и изящное посланіе Катенина [1]) къ А. С. Пушкину находится въ тѣсной связи съ его балладой «Старая быль». Въ ней, между прочимъ, разсказывалось, что кн. Владиміръ на состязаніи пѣвцовъ присудилъ греку коня и латы, а русскому—завѣтный кобокъ, подаренный Святославу Цимисхіемъ.

Посланіе отдаетъ этотъ поэтическій кубокъ «настоящему поэту»—Пушкину:

Лишь кубокъ, говорятъ, остался
Одинъ въ живыхъ изъ всѣхъ наградъ;
Изъ рукъ онъ въ руки попадался,
И даже часто невпопадъ,—
Гулялъ, бродилъ по бѣлу свѣту,
Но къ настоящему поэту
Пришелъ однако на житье.
Ты съ нимъ, счастливецъ, поживаешь,
Въ него ты черезъ край вливаешь
Свое волшебное питье,
Въ которомъ Вакха лозъ огнистыхъ
Румяный, сочный, вкусный плодъ
Растворенъ свѣжестію чистыхъ,
Живительныхъ кастальскихъ водъ.

При свиданіи пусть Пушкинъ напоитъ его своимъ волшебнымъ питьемъ, но съ кубкомъ нужно обращаться осторожно:

Онъ, я слыхалъ, завороженъ,

---

[1]) „Соч. и переводы Катенина", I, Спб., 1832 г., стр. 98—100.

И смѣло пить тому лишь можно,
Кто сыномъ Фебовымъ рожденъ.

Лукаво подсмѣивается Катенинъ надъ нашими доморощенными романтиками:

Невиннымъ опытомъ сначала
Узнай, правдивъ ли этотъ слухъ:
Младыхъ романтиковъ хоть двухъ
Проси отвѣдать изъ бокала.
И если, капли не проливъ,
Напьются милые свободно,
Тогда и слухъ, конечно, лживъ,
И можно пить кому угодно;
Но если, Боже сохрани,
Замочатъ пазуху они,—
Тогда и я желанье кину,
Въ урокъ поставлю ихъ бѣду
И вслѣдъ Ринальду паладину
Благоразуміемъ пойду;
Надеждой ослѣпленъ пустою,
Опаснымъ не прельщусь питьемъ
И, въ дѣло не входя съ судьбою,
Останусь лучше при своемъ.
Наливъ, тебѣ подамъ я чашу,
Ты выпьешь, духомъ закипишь
И тихую бесѣду нашу
Бейронскимъ пѣньемъ огласишь...

Всѣмъ, конечно, намятенъ прелестный отвѣтъ Пушкина:

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!...

V.

Если столь разнообразные представители старшихъ литературныхъ поколѣній мирно сходились за дружнымъ гимномъ въ честь молодого поэта, только что выступившаго на поэтическое поприще,

то отъ его свертниковъ мы можемъ ожидать еще болѣе повышенной оцѣнки созрѣвавшаго и созрѣвшаго таланта. Дѣйствительно, въ стихотвореніяхъ о Пушкинѣ литературной молодежи 20-хъ и 30-хъ годовъ мы найдемъ еще больше сердечности, восторга и больше сознательности, опредѣленности; не только *признаніе* всей мощи генія, но и довольно тонкое пониманіе его характерныхъ особенностей.

Для барона Розена [1]) онъ—«свѣтило изъ свѣтилъ», «полночное свѣтило». 26 мая, день рожденія великаго поэта,—«лучшій день весны», «великое празднество для свѣта»:

Въ дни соловья, во дни утѣхъ и цвѣта,
Когда съ небесъ слетаютъ счастья сны,
Есть празднество—великое для свѣта;
Какъ торжество, какъ *лучшій* день весны,
Мы празднуемъ рожденіе поэта,
Чьей жизнію мы всѣ оживлены!
Сей день богамъ въ хвалу и честь мы ставимъ—
Такъ! Генія сошествіе мы славимъ!...

Неожидано полученное посланіе отъ Пушкина глубоко взволновало Языкова [2]): никакъ онъ благосклоннаго привѣта

Въ тиши безвѣстности не ждалъ
Отъ сына музы своенравной,
Равно торжественной и славной
И высшей—рока и похвалъ!

Вниманіе великаго—залогъ безсмертія и для Языкова:

Меня твое благоволенье
Предастъ въ другое поколѣнье,
И сталь плѣшиваго косца,
Всему ужасная, не скоситъ
Тобой хранимаго пѣвца...

Сближеніе съ Пушкинымъ, дружескія бесѣды въ Михайловскомъ и Тригорскомъ дали Языкову много сильныхъ и глубокихъ впечат-

---

[1]) „Альціона". Спб., 1832 г., стр. 33—34: „26-е мая" бар. Розена.
[2]) Стих. т. II Спб. 1858 г., стр. 156—157.

лѣній, и къ нимъ онъ очень часто возвращается въ своихъ позднѣйшихъ стихахъ: обычная тема въ нихъ—прелесть поэтической дружбы, вольнолюбивые споры, няня Пушкина, обитательницы Тригорскаго. Многимъ дороги ему эти воспоминанія. Въ посланіи къ Вульфу [1]) онъ писалъ:

Мнѣ все плѣнительно въ Тригорскомъ,
Все свято: Пушкинъ, ты да я—
Тамъ не въ одномъ винѣ заморскомъ
Мы пили нѣгу бытія...

Горячо онъ привѣтствуетъ [2]) Михайловское—

Пріютъ *свободнаго* поэта,
Не побѣжденнаго судьбой!
Благоговѣю предъ тобой,—
И даръ божественнаго свѣта,
Краса и радость лучшихъ лѣтъ,
Моя надежда и забава,
Моя любовь, и честь, и слава—
Мои стихи тебѣ привѣтъ!

Онъ первый оцѣнилъ [3]) всю поэтическую прелесть Пушкинской няни, «свѣтъ Родіоновны», незабвенной, «благодатной» хозяйки той сѣни.

Гдѣ Пушкинъ, не сраженъ суровою судьбой,
Презрѣвъ людей, молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
Священнодѣйствовалъ при алтарѣ Камены...

Да и какъ ее забыть?

Всегда привѣтами сердечной доброты
Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты...
. . . . . .
Какъ сладостно твое святое хлѣбосольство
Намъ баловало вкусъ и жажды своевольство!
Съ какимъ радушіемъ—красою древнихъ лѣтъ—

---

[1]) Ibid., т. I, стр. 106.
[2]) Ibid., т. I, стр. 74.
[3]) Ibid., т. I, стр. 89.

Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!

. . . . . .

Ты занимала насъ—добра и весела—
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ:
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ—и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотный,
И легкіе часы летѣли беззаботно!

Съ большимъ чувствомъ отозвался онъ на вѣсть объ смерти [1]):

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ межъ чужихъ гробовъ
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ
О свѣтлой юности моей
И въ поучительныхъ преданьяхъ
Про жизнь поэтовъ нашихъ дней...

Воспоминаніе о нянѣ сливается съ воспоминаніями о Михайловскомъ, бѣдномъ домикѣ поэта, самомъ поэтѣ; незабвенны для него—«обоями худыми»

Гдѣ, гдѣ прикрытая стѣна,
Полъ нечиненый, два окна,
И дверь стеклянная межъ ними;
Диванъ подъ образомъ въ углу,
Да пара стульевъ; столъ украшенъ
Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ...

Няня приходила къ столу.

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли—и порой
Къ своей веснѣ переносилась

---

[1]) Ibid., т. II, стр. 2—4.

Разгоряченною мечтой;
Любила слушать наши споры,
Живые звуки чуждыхъ странъ,
Рѣчей напоры и отпоры,
И звонъ стакановъ о стаканъ.
Ужъ гаситъ ночь свои свѣтила,
Зарей алѣетъ небосклонъ;
Я помню, что-то намъ про сонъ
Давнымъ-давно ты говорила...
Напрасно! Взялъ свое Токай,
Шумнѣй удалая пирушка:
Садись-ка, добрая старушка,
И съ нами бражничать давай!
Ты разскажи намъ: въ дни былые,
Не правда-ль, не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?...

Ея безхитростные разсказы увлекали пылкое воображеніе поэта:

...Какъ дѣтство шаловлива,
Какъ наша молодость вольна,
Какъ полнолѣтіе умна,
И какъ вино краснорѣчива,
Со мной бесѣдовала ты,
Влекла мое воображенье.

Онъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ принести къ подножію ея смиреннаго креста свое «поминовеніе», «свѣжіе цвѣты» на гробъ:

Предъ нимъ печальной головою
Склонюся; много вспомню я—
И умиленною мечтою
Душа разнѣжится моя!

Не одни воспоминанія молодости, не одно юное безпечное веселіе связывало поэтовъ,—сильнѣе соединяла ихъ пылкая любовь къ свободѣ и красотѣ. Языковъ пишетъ Пушкину [1]):

---

[1]) *Русскій Архивъ* 1867 г., стр. 722; *С.-Петерб. Вѣдомости* 1866 г., № 163.

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣе дѣвицы пригожей,
Святѣе всякой головы!
Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальные края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы, ты да я—
Двѣ силы Руси православной—
Постановили своенравно
Нашъ поэтическій союзъ.
Пророкъ изящнаго, забуду-ль,
Какъ волновалася во мнѣ,
На самой сердца глубинѣ,
Восторговъ пламенная удаль...
. . . . . .
Какъ мы, бывало, пьемъ да пьемъ,
Творимъ обѣты нашей Гебѣ,
Зовемъ свободу въ нашу Русь—
И я на вѣчѣ, я на небѣ,
И славой прадѣдовъ горжусь!
Мнѣ утѣшительно доселѣ,
Мнѣ весело воспоминать
Сію поэзію во хмелѣ,
Ума и сердца благодать...

Притягательную силу Пушкина, силу его личнаго обаянія живо чувствуетъ и Я. Н. Толстой, одинъ изъ наиболѣе симпатичныхъ членовъ легкомысленнаго общества «Зеленой лампы», умѣвшій мирить безхитростное, безпечное, жизнерадостное веселье съ довольно высокими культурными интересами.

Толстой, оказавшій Пушкину много услугъ, всегда былъ ему «милъ», по его собственнымъ словамъ. Оборванныя благодаря ссылкѣ отношенія были сильно подогрѣты тоскою изгнанія и одиночества...

Когда въ 1822 г. Толстой вспомнилъ о своемъ опальномъ другѣ и написалъ ему письмо, Пушкинъ поспѣшилъ ему послать свои «сердечныя благодаренья»: «ты одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минувшей молодости, вспомнилъ обо мнѣ...

Горишь ли ты, *лампада* наша,
Подруга бдѣній и пировъ?
Кипишь ли ты, златая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣ же-ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмелья
Попрежнему-ль летятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньѣ скучномъ, каждый часъ
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ»...

Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Толстой вымаливаетъ посланія у Пушкина, проситъ у него поэтическихъ совѣтовъ [1]).

Въ его обращеніи къ великому поэту много любви и искренняго увлеченія:

О ты, который съ юныхъ лѣтъ
Прельщаешь лирой золотою,
Направя къ Пинду свой полетъ,
Летишь во храмъ его стрѣлою,
И тамъ, въ бесѣдѣ Аонидъ,
То гимны страстны и веселы
Поешь, какъ истинный піитъ,
То громозвучные глаголы
Текутъ, какъ пламенна рѣка,
Изъ устъ твоихъ обильнымъ токомъ,—
Разсѣкши черны облака
Въ своемъ пареніи высокомъ,
Дивятъ и трогаютъ сердца...

Онъ проситъ у Пушкина хоть «бездѣлки» на память, хоть нѣсколькихъ стиховъ. Вѣдь ему творчество дается такъ легко:

Искусство для тебя не ново,
Тебѣ плетутъ давно вѣнецъ

---

[1]) „Мое праздное время“. Спб., 1821 г., стр. 48—51.

На Пиндѣ музы для примѣра.
Возьми жъ свой пламенный рѣзецъ,
Владыко риѳмы и размѣра,
И имъ изобрази мнѣ живо
Прелестный образъ музы той,
Что пѣть тебя краснорѣчиво
Такъ научила, милый мой...

Его восхищаетъ сжатость и изящная простота Пушкинскаго стиха:

Открой искусство мнѣ столь сладко
Писать, какъ вѣчно пишешь ты,
Чтобъ могъ изображать я *кратко*
И сохранялъ бы красоты,
Чтобъ нѣжность, вкусъ, витійства сила,
Что отъ боговъ тебѣ даны,
И коими Русланъ, Людмила
Удачно такъ облечены,
Въ моихъ стихахъ являлись съ блескомъ
Такимъ же точно, какъ въ твоихъ;
Во вкусѣ медленномъ нѣмецкомъ
Отвадь меня низать мой стихъ;
Въ моихъ строфахъ излишство слога
Рѣзцомъ своимъ ты отколи,
И отъ таланта хоть немного
Ты своего мнѣ удѣли!
На что мнѣ длинное посланье?
Твоихъ стиховъ десятка три—
Вотъ, Пушкинъ, все мое желанье:
Меня ты ими подари.
Пускай трудится мрачный мистикъ
Надъ кипой древнихъ теоремъ,—
Ты напиши одинъ мнѣ листикъ,
И я доволенъ буду тѣмъ.
Давно въ враждѣ ты съ педантизмомъ
И съ пустословіемъ въ войнѣ,
Такъ научи-жъ, какъ съ *лаконизмомъ*
Ловчѣе подружиться мнѣ...
Прошу, очисти мнѣ дорогу

Кратчайшую во вкуса храмъ,
И твоего держася слогу,
Пойду піита по стопамъ!

Пушкинъ отвѣчалъ ему не «бездѣлкой», а прелестными стансами:

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
Зови же сладкое бездѣлье,
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмелье!
До капли наслажденье пей,
Живи безпеченъ, равнодушенъ,
Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей!

Толстой широко воспользовался добрымъ совѣтомъ своего пріятеля...

VI.

Въ отношеніяхъ молодыхъ поэтовъ къ Пушкину много искренней пріязни, самой нѣжной заботливости—и вмѣстѣ съ тѣмъ очень высокой требовательности. Такъ А. М. (можетъ быть, А. Марлинскій-Бестужевъ) горько упрекаетъ [1]) «отважнаго питомца Каменъ» за его свѣтскія и любовныя увлеченія, за то, что онъ тратитъ «восторги священныхъ часовъ для пѣсней любви и забавы»:

Дни юности дважды, пѣвецъ, не придутъ!
Утраченнымъ чувствамъ не будетъ возврата,
И жадный Кроніонъ притекшихъ минутъ
Не выдастъ за цѣну всесильнаго злата!
Оставь приступленнымъ и празднымъ душамъ
Отгнать беззаботно ихъ срочное время,
Оставь сладострастье коварнымъ женамъ,
Сбрось чувственной нѣги позорное бремя!
Пусть бьются другіе въ волшебныхъ сѣтяхъ
Ревнивыхъ прелестницъ,—пусть ищутъ другіе
Награды съ отравой въ ихъ хитрыхъ очахъ:
Храни для героевъ восторги прямые,

---

1) *Сынъ Отечества* 1822 г., часть 76, стр. 129—131.

Согрѣй ихъ лучами возвышенныхъ дѣлъ
И стройной красою изящнаго міра,
И доблести строй дай лиру въ удѣлъ,
И доблестью строгой прославится лира!

Своимъ «юнымъ и слабымъ языкомъ, коснѣющимъ рано на лошѣ страданья», онъ хотѣлъ бы проникнуть во «вдохновенное сердце» поэта, вдохнуть въ него новую жизнь, заставить его воспѣть «сираго героя»—можетъ быть, Наполеона, передъ которымъ преклонялись наши юные романтики.

Веневитиновъ [1]) понуждаетъ его воспѣть—Гёте:

Извѣстно мнѣ: доступенъ геній
Для гласа искреннихъ сердецъ.
Къ тебѣ, возвышенный пѣвецъ,
Взываю съ жаромъ пѣснопѣній:
Разсѣй на мигъ восторгъ святой,
Раздумье творческаго духа,
И снисходительнаго слуха
Младую музу удостой...

Великій поэтъ въ своемъ «хвалебномъ гимнѣ» воспѣлъ уже Байрона, Наполеона и Шенье:

Волнуясь пѣснію твоей,
Въ груди восторженной моей
Душа рвалась и трепетала.
Но ты еще не доплатилъ
Каменамъ долга вдохновенья:
Къ хваламъ оплаканныхъ могилъ
Прибавь веселыя хваленья.
Ихъ ждетъ еще одинъ пѣвецъ...

Эта «властитель думъ» поэтически-философскаго кружка Веневитинова—Гете: вѣдь

Досель въ немъ сердце не остыло,
И вѣрь, онъ съ радостью живой
Въ пріютѣ старости унылой

---

1) Соч., Спб., 1855 г., стр. 54.

Еще услышитъ голосъ твой.
И, можетъ быть, тобой плѣненный,
Послѣднимъ жаромъ вдохновленный,
Отвѣтно лебедь запоетъ
И. къ небу съ пѣснію прощанья
Стремя торжественный полетъ,
Въ восторгѣ дивнаго мечтанья
Тебя, о Пушкинъ, назоветъ!

Изящное посланіе Ф. А. Туманскаго [1]) выдвигаетъ на первый планъ ранній расцвѣтъ генія въ Пушкинѣ, гордую независимость творческой личности, сохранившей «въ шумѣ свѣта» «небесный жаръ» своей души и «вмѣщавшей міръ» въ себѣ одной, «самодержавной»:

...вѣрный тайному влеченью,
Онъ надъ судьбой торжествовалъ.
Подъ бурями, въ глуши изгнанья,
Вмѣщая міръ въ себѣ одномъ,
Младое сѣмя дарованья,
Какъ пышный цвѣтъ, созрѣло въ немъ.
Онъ пѣлъ въ степяхъ, подъ игомъ скуки
Влача свой страннический вѣкъ, —
И на плѣнительные звуки
Стекались нимфы чуждыхъ рѣкъ;
Внимая пѣснопѣньямъ славнымъ,
Пришельца въ лавры облекли
И въ умиленьи нарекли
Его пѣвцомъ самодержавнымъ!

Недовольная Пушкиномъ за его нападки на женщинъ, Готовцова [2]), однако, все прощаетъ *генію*:

Несправедливъ твой приговоръ,
Но порицать тебя не смѣемъ:
Мы генію простить умѣемъ —
Молчанье выразить укоръ.

---

[1]) Стих. В. И Туманскаго Спб., 1881 г., стр. XXVII—XXVIII.
[2]) „Сѣверные Цвѣта". Спб, 1828 г., стр. 180 - 181.

Многимъ дорогъ ей высокій талантъ пѣвца,—чудеснымъ изображеніемъ природы, тонкимъ анализомъ душевныхъ движеній, «выраженіями *свободныхъ* мыслей»:

О, Пушкинъ, слава нашихъ дней,
Поэтъ, любимый небесами!
Ты вѣкъ нашъ на зарѣ своей
Украсилъ дивными цвѣтами:
Кто выразитъ тебя сильнѣй
Природы блескъ и чувства сладость,
Восторгъ любви и сердца радость,
Тоску души и пылъ страстей?
Кто не дивился вдохновеньямъ,
Игривой юности мечтамъ,
Свободныхъ мыслей выраженьямъ,
Которыя ты предалъ намъ?
Въ неподражаемой картинѣ
Ты намъ Кавказъ изобразилъ, —
И дѣву горъ, и плѣнъ въ чужбинѣ,
Черкесовъ жизнь въ родной долинѣ
Волшебной кистью оживилъ.
Дворецъ и садъ Бахчисарая,
Фонтанъ любли, грузинки месть,
Изъ края въ край, не умолкая,
Гласятъ поэту славы вѣсть...

Для неизвѣстнаго поклонника кн. З. А. Волконской, отправившаго къ ней сочиненія Пушкина съ своей стихотворной припиской [1]), Пушкинъ—«геній», «талантъ всемогущій»:

Который терніи намъ розами творитъ,
Который не умретъ во времени грядущемъ,
Въ которомъ вѣчный огнь божественный горитъ,
И на котораго взираетъ съ вѣчнымъ хладомъ
Одинъ отверженецъ природы и небесъ!...

Свое поэтическое обращеніе поэтъ заканчиваетъ словами:

Раскрой же Пушкина! Раскрой его скорѣй,
Приникни взорами и чувствами къ поэту,

---

1) *Д[illegible] Журналъ* 1826 г., т. III, стр 111—112.

От музъ самихъ вѣнецъ пріявшему атлету,—
И олимпійскій нектаръ пей!

Шевыревъ[1]) гордится тѣмъ, что онъ—ученикъ Пушкина, «камертонъ-поэта»: изъ Рима, пишетъ онъ Пушкину—

Изъ гроба древности тебѣ привѣтъ!
Тебѣ сей гласъ, гласъ неокрѣплый, юный,—
Тебѣ звучатъ, нашъ камертонъ-поэтъ,
На ладъ твоихъ настроенныя струны.
Простишь меня великодушно въ томъ,
Когда твой слухъ взыскательный и нѣжный
Я оскорблю неслаженнымъ стихомъ
Изъ риѳмою нестройной и мятежной.
Но, можетъ быть, порадуешь себя
Въ моемъ стихѣ своимъ же ты успѣхомъ,—
Что въ древній Римъ отозвалась твоя
Гармонія, хотя и слабымъ эхомъ.

Онъ горько жалуется Пушкину на современный русскій литературный языкъ:

... отъ слова-ль праздный слогъ
Чуть отогнешь, небережно ли вынешь,
Тѣснѣе-ль въ рѣчь мысль новую водвинешь,—
Ужъ боленъ онъ, не вынесетъ, кряхтитъ,
И мысль на немъ, какъ грузъ какой, лежитъ!

Единственная надежда у него—на Пушкина, глубоко познавшаго «природный составъ», «звукъ и нравъ» русскаго языка:

... кто-же его оправитъ?
Кто отъ одра болящаго возставитъ?...
Тебѣ открытъ природный въ немъ составъ,
Тебѣ знакомъ и звукъ его и нравъ.
Врачуй его: подъ хладнымъ русскимъ Фебомъ
Корми его почаще сытнымъ хлѣбомъ,
Отъ суетныхъ печалей отучи
И *русскими* въ немъ *чувствами* звучи,
. . . . . .

---

[1]) *Данница* М. 1831 г., стр. 107—114.

Чтобъ богатырь стряхнулъ свой сонъ глубокій,
Далъ звукъ густой, и сильный, и широкій,
Чтобъ славою отчизны прогудѣлъ,
Какъ колоколъ, изъ мѣди литъ рифейской,—
Чтобъ перешелъ за свой родной предѣлъ!...

Узнавъ случайно, что Пушкинъ называлъ его слогъ «блѣднымъ, какъ мертвецъ», и отрицалъ въ его поэзіи «чувство» и «живость», благодушный Плетневъ сильно огорчился, но не обидѣлся— по весьма характерной причинѣ [1]):

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ:
На немъ печать твоей *открытой силы*,
И, можетъ быть, взыскательный урокъ
Ослабшія мои возбудитъ крылы.
Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
Утѣшнѣе хвалы простонародной;
Я узнаю судью моихъ стиховъ,
А не льстеца съ улыбкою холодной...

На «Посланіе въ Сибирь», дошедшее до «каторжныхъ норъ», декабристъ кн. А. И. Одоевскій отвѣтилъ сильными стихами (*Бартеневъ*, «Пушкинъ». М., 1881 г., стр. 112—113):

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.
Но будь спокоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся...
Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ:
Изъ искры возгарится пламя,
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.
Мечи скуемъ мы изъ цѣпей,
И вновь вожжемъ огонь свободы

---

[1]) Сочин. и переписка. III. Спб., 1885 г, стр. 276—278,

И съ нею грянемъ...
И радостно вздохнутъ народы!

Для Бороздны [1]) Пушкинъ —«любимый баловень музъ», «новый ›ометей», «гордый и свободный геній», проложившій себѣ «воль- ій путь»:

Кавказа средь вершинъ надменныхъ,
Въ поляхъ Тавриды, орошенныхъ
Салгира звучною волной,
Средь ханскихъ стѣнъ опустошенныхъ
И на брегахъ Невы родной—
Вездѣ ты зиждешь міръ прекрасный,
Плѣнительный, разнообразный,
Куда всѣхъ манишь за собой
Звяцаньемъ лиры сладкогласной!

. . . . . .

Такъ! Власть плѣнять сердца людей
Въ тебѣ есть музы даръ безцѣнный;
Когда же, свыше вдохновенный,
Поешь ты звучно вмѣстѣ съ ней,—
Тогда родной страны твоей
Лѣтъ прошлыхъ славные поэты
(Огнемъ давнишнимъ вновь согрѣты)
Летятъ, покинувъ, наконецъ,
Страну Элизія и Леты,—
Тебѣ внимать, младой пѣвецъ,
И, надъ челомъ обвороженнымъ
Витая сонмомъ восхищеннымъ,
Лавровый для тебя вѣнецъ
Плетутъ съ восторгомъ неизмѣннымъ!...

Въ сильномъ и очень знаменательномъ стихотвореніи на смерть ушкина [2]) онъ же примѣнилъ къ великому поэту стихъ изъ «Андрея ›енье»: «Плачь, муза, плачь!»

---

[1]) *Славянинъ* 1828 г. II, стр. 487—489.

[2]) *Сынъ Отечества* 1837 г., CLXXXVII, стр. 141—143; *Русскій ѣстн.* 1869 г., XI, стр. 97—8.

Насколько сознательно относился онъ къ понесенной русской литературой тяжкой потерѣ, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующихъ словъ:

Ты перешелъ за край земного міра,
Очарователь нашъ, родной пѣвецъ,
Священныхъ музъ любимый жрецъ,
И златострунная осиротѣла лира!
О, какъ плѣнительно на ней,
Во славу родины своей,
Измлада полный откровенья,
Игралъ могучей ты рукой,
Роняя пламень вдохновенья
Въ грудь молодого поколѣнья,
Путеводимаго тобой!
И путь твой совершенъ! И гордая Россія
Ихъ сбережетъ, твои созданья вѣковыя,
Неисчерпаемый источникъ чувствъ и думъ!

Всѣмъ дорогъ и памятенъ Пушкинъ:

Ты стариковъ питаешь строгій умъ,
Мечтателямъ даришь заманчивыя грезы,
Скорбящимъ—утѣшенья слезы;
Ты, какъ мудрецъ, разишь порокъ,
Величію даешь величія урокъ,
Волнуешь сердце юной дѣвы
Картиной жизни и страстей,
И сладкорѣчіе любви внушаютъ ей
Твои волшебные напѣвы!
Всесильной думою своей
Давно минувшіе ты воскрешаешь годы:
Когда-жъ живописуешь ты
И міра чудеса и міра красоты,—
Въ твоихъ стихахъ слышна гармонія природы!
О, звуки ихъ изъ рода въ роды
Стезею славы долетятъ!
Потомки поздніе ихъ жадно затвердятъ,
И будетъ яркою звѣздою
Сіять вѣнецъ, покинутый тобою!

. . . . . .

А ты на новосельѣ неземномъ
Восторжествуй, нашъ бардъ великій!
На гробовомъ холмѣ твоемъ
Не порастутъ забвенья павилики,—
Зазеленѣетъ лавръ безсмертія на немъ!...

VII.

Безвременная смерть великаго поэта произвела потрясающее впечатлѣніе на русское общество, сильно всколыхнула его сознаніе, вызвала общую растерянность, чувство острой боли передъ невознаградимостью потери.

Весь Петербургъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за послѣдними минутами жизни и встрѣтилъ открытымъ, глубокимъ горемъ смерть Пушкина—за исключеніемъ немногихъ «надменныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отповъ», «свободы генія и славы палачей».

По словамъ гр. Соллогуба [1]) «Пушкина не стало. Вся грамотная Россія содрогнулась отъ великой утраты».

Панаевъ [2]) даетъ болѣе выразительную картину общественнаго настроенія:

«Трагическая смерть Пушкина пробудила Петербургъ отъ апатіи. Весь Петербургъ всполошился. Въ городѣ сдѣлалось необыкное движеніе. На Мойкѣ, у Пѣвческаго моста (Пушкинъ жилъ тогда въ третьемъ этажѣ стариннаго дома княгини Волконской), не было ни прохода, ни проѣзда. Толпы народа и экипажи съ утра до ночи осаждали домъ; извозчиковъ нанимали, просто говоря: «къ Пушкину», и извозчики везли прямо туда. Всѣ классы петербургскаго народонаселенія, даже люди безграмотные, считали своимъ долгомъ поклониться тѣлу поэта. Это было уже похоже на народную манифестацію, на очнувшееся вдругъ общественное мнѣніе. Университетская и литературная молодежь рѣшила нести гробъ на рукахъ до церкви; стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались въ десяткахъ тысячъ экземплярахъ, перечитывались и выучились наизусть всѣми».

---

[1]) „Воспом.“, Спб. 1887 г., стр. 187.

[2]) „Полное собраніе сочиненій“, т. VI. Спб.. 1888 г., стр. 103.

Многочисленные поклонники поэта забѣгали въ квартиру поэта десятки разъ справиться объ его состояніи и, узнавъ объ его кончинѣ, рѣшили «явиться на квартиру поэта и присоединиться къ тѣмъ, которые будутъ нести гробъ».

Какъ извѣстно, испуганное общественнымъ волненіемъ, начальство измѣнило церемоніалъ погребенія и тайкомъ, ночью, вынесло трупъ поэта въ церковь. Въ церковь пускали только по билетамъ. «Вся Конюшенная площадь была усыпана народомъ. Квартальные такъ и сновали въ толпѣ. Жандармы верхами окружали площадь».

Принятыя начальствомъ экстраординарныя мѣры еще болѣе волновали общество. Да и какъ было не волноваться?

По свидѣтельству кн. П. П. Вяземскаго [1], «начальникъ штаба корпуса жандармомъ Дубельтъ, въ сопровожденіи около двадцати штабъ-и оберъ-офицеровъ присутствовалъ при выносѣ. По сосѣднимъ дворамъ были разставлены пикеты: все выражало предчувствіе, что въ мирной средѣ друзей поэта можетъ произойти смута. Развернутыя вооруженныя силы вовсе не соотвѣтствовали малочисленнымъ и крайне смирнымъ друзьямъ Пушкина, собравшимся на выносъ тѣла. Назначенный день и мѣсто выноса были измѣнены; списокъ лицъ, допущенныхъ къ присутствованію въ печальной процессіи, былъ крайне ограниченъ, и самыя энергическія и самыя оскорбительныя мѣры были приняты для недопущенія лицъ неприглашенныхъ».

Желая удержать студентовъ отъ участія въ погребеніи Пушкина, министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ далъ знать въ университетъ, что въ день похоронъ онъ посѣтитъ аудиторіи, и этимъ еще болѣе подлилъ масла въ огонь.

Одинъ изъ тогдашнихъ студентовъ, скрывшійся подъ буквою М., позднѣе вспоминалъ [2]): «Роковая вѣсть о кончинѣ пришла на другой же день, при окончаніи лекцій, въ 4-мъ часу. Многіе студенты сговорились идти вмѣстѣ на похороны Пушкина, но не знали, откуда будутъ похороны,—всѣ полагали, что изъ Адмиралтейской церкви: послѣ оказалось, что таковыхъ похоронъ вовсе въ Петербургѣ не было: было одно отпѣваніе въ Конюшенной церкви; самое время препровожденія тѣла держалось въ неизвѣстности, и оффиціальныя приглашенія были въ церковь,—изъ нихъ только мы

---

1) „Собраніе сочин.". Спб., 1893 г., стр. 559—560.
2) *Русская Старина*, 1881 г., т. V, стр. 159—160.

узнали о днѣ отпѣванія. Толпами мы бросились сперва къ Адмиралтейской, потомъ къ Конюшенной площади, но здѣсь трудно было протолкаться чрезъ полицію, и только нѣкоторые счастливцы получили доступъ въ церковь; въ числѣ ихъ меня не было, и я оставался съ другими на площади и былъ очевидцемъ того, какъ на вопросъ проходящихъ, кого хоронятъ, жандармъ ничего не отвѣтилъ, будочникъ, — что не можетъ знать, а квартальный надзиратель: «Камеръ-юнкера Пушкина!» Долго ждали мы окончанія церковной службы; наконецъ, на паперти начали появляться выходящія изъ церкви лица. Гробъ вынесенъ былъ на улицу посреди пестрой толпы мундировъ и салоповъ, что мало сотвѣтствовало тому чувству, которое въ этотъ моментъ наполняло наши юношескія души. Живо помню, какъ взоры наши слѣдили въ глубину воротъ за гробомъ, пока онъ не исчезъ—вотъ все, чѣмъ ознаменовалось участіе молодежи въ погребеніи русской гражданской славы!»

Несмотря на всѣ препятствія, толпы народа стекались къ площади церкви, гдѣ отпѣвали Пушкина, и «среди всеобщаго участія къ умершему, среди всеобщаго глубокаго сожалѣнія», какъ то сами собою сложились «дѣйствительно народные похороны», по выраженію Никитенка [1]).

Въ провинціи, вдали отъ бдительнаго начальственнаго глаза, скорбь выражалась свободнѣе и—мѣстами—сильнѣе. По словамъ Мельникова-Печерскаго, казанскій профессоръ словесности и эстетики Суровцовъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ Пушкина, явился на лекцію съ особою цѣлью. Суровцевъ, по обыкновенію, вошелъ въ аудиторію во время боя часовъ. Мы ожидали, что онъ, какъ водится, взойдетъ, слегка прихрамывая, на каѳедру, сядетъ, оглядитъ студентовъ, замѣчая, кто не пришелъ на лекцію, вынетъ серебряную табакерку, положитъ ее налѣво и начнетъ лекцію обычною фразою: «Въ прошедшій разъ бесѣдовали мы, государи мои, о томъ-то». Не тутъ-то было. Г. С. взошелъ на каѳедру и, не садясь, вынулъ изъ кармана газетный листокъ, помнится, *Русскаго Инвалида*, поднялъ его кверху и, окинувъ быстрымъ взглядомъ аудиторію, громко сказалъ: «Встаньте!» Мы встали, съ изумленіемъ глядя на профессора. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ которомъ слышались горькія задушевныя слезы, онъ прочелъ извѣстіе—всего нѣсколько строкъ.

---

[1]) „Дневникъ", т. I, стр. 382—383.

Живо помню первыя слова его: «солнце нашей поэзіи закатилось— нѣтъ болѣе Пушкина!» Аудиторія ахнула въ одинъ голосъ, послышались рыданія... Самъ профессоръ сѣлъ и, склонивъ на каѳедру сѣдую, какъ серебро, голову, горько заплакалъ... Прошло нѣсколько минутъ, онъ всталъ и сказалъ: «князь русскихъ поэтовъ во гробѣ. Его тѣло везутъ изъ Петербурга куда-то далеко. При незакрытомъ еще гробѣ Пушкина какъ смѣть говорить о русской словесности! Лекціи не будетъ—пойдемте молиться». Во время торжественной панихиды присутствовали: попечитель, профессора, студенты и члены «общества любителей отечественной словесности», къ которому принадлежалъ и Пушкинъ (*Усовъ*: «П. И. Мельниковъ». Спб., 1898 г., стр. 57—58).

Почти всѣ журналы отозвались горячо и сочувственно на національное горе; предъ смертью смолкли всѣ личные счеты, и даже самые ожесточенные литературные враги покойнаго поддались общему настроенію.

С.-Петербургскія и *Московскія Вѣдомости* (№ 24-й 31 января и № 11-й 6 февраля) указали, что «русская литература не терпѣла столь важной потери со времени смерти Карамзина». *Journal de St.-Pétersbourg* (№ 13) отмѣтилъ, что «Россія обязана благодарностью Пушкину за услуги, оказываемыя имъ литературѣ въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ и сопровождавшіяся рядомъ блистательныхъ успѣховъ во всѣхъ видахъ произведеній. Пушкинъ жилъ только 37 лѣтъ—время слишкомъ краткое для обыкновеннаго человѣка, но очень значительное, если принять во вниманіе все созданное имъ за такой недолгій періодъ. Отечество могло ожидать отъ него еще многаго». По словамъ *St.-Petersbourg Zeitung* (№ 25), «русская литература понесла незамѣнимую утрату со смертью замѣчательнаго писателя Александра Пушкина. Покойный достигъ только 37-лѣтняго возраста; онъ оставилъ поле дѣятельности, создавши уже много блестящаго, въ тотъ періодъ жизни, когда отъ его созрѣвшаго генія можно было ожидать еще болѣе блистательныхъ твореній».

Московскій Наблюдатель [1]) далъ трогательное «извѣщеніе о смерти Пушкина»: «*Пушкина не стало*! Мы потеряли съ нимъ часть лучшихъ наслажденій нашихъ, часть нашей народной жизни,

---

[1]) *Москва*, 1836 г. (sic), т. II, ноябрь, I кн., часть X, стр. 122. Бѣлинскаго?

нашей души, нашего слова. Въ послѣдніе годы онъ не былъ такъ дѣятеленъ, какъ прежде; но теперь, когда его нѣтъ, кто не вспомнитъ тѣхъ чувствованій, какими потрясалъ онъ всю Россію, когда поэма смѣняла поэму, когда мы не успѣвали досыта насладиться одною, и являлась новая, свѣжая пѣсня? Его нѣтъ, и мы лучше узнали, кого мы лишились, и въ сердцѣ русскомъ какъ-то стало тяжело и жутко, какъ будто часть его оторвалась съ поэтомъ. Для Пушкина настало минувшее; насталъ печальный вопросъ о томъ, какое мѣсто долженъ занять его памятникъ въ ряду тѣхъ русскихъ гробницъ, гдѣ покоются владѣтели нашей мысли и славы. Много вопросовъ предстоитъ рѣшить намъ, но теперь всѣ они да уступятъ чувству горести по любимомъ поэтѣ Россіи!»

Гречъ напечаталъ въ *Сѣверномъ Пчелѣ* [1]) небольшую замѣтку Л. Якубовича, за что и получилъ суровый оффиціальный выговоръ: «Сегодня, 29 января, въ 3-мъ часу пополудни, литература русская понесла невознаградимую потерю: А. С. Пушкинъ, по кратковременнымъ страданіямъ тѣлеснымъ, оставилъ юдольную сію обитель. Пораженные глубочайшею горестью, мы не будемъ многорѣчивы при семъ извѣщеніи: Россія обязана Пушкину благодарностью за 22-лѣтнія заслуги его на поприщѣ словесности, которыя были рядъ блистательнѣйшихъ и полезнѣйшихъ успѣховъ въ сочиненіяхъ всѣхъ родовъ. Пушкинъ прожилъ 37 лѣтъ: весьма мало для жизни человѣка обыкновеннаго, и чрезвычайно много въ сравненіи съ тѣмъ, что совершилъ уже онъ въ столь краткое время существованія, хотя много, очень много могло бы еще ожидать отъ него признательное отечество»...

Одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ литературныхъ враговъ Пушкина, Н. Полевой, посвятилъ его памяти обширную статью въ *Библіотекѣ для Чтенія* (т. XXI) [2]). Вотъ ея основныя положенія:

«Умеръ онъ. Пѣсня его умолкла. Погребальный звонъ колокола надъ его гробомъ отозвался въ Русской землѣ печальною вѣстью. «Пушкина нѣтъ!» Свѣтлая Божія весна скоро зазеленѣетъ, и въ тающемъ снѣгѣ псковскихъ лѣсовъ впервые обнажитъ холодную, безмолвную могилу великаго русскаго поэта».

---

[1]) 1837 г., № 24, стр. 94.

[2]) Стр. 181, 182, 194, 195, 197—198.

«Въ холмистой странѣ могилъ, которыя поспѣшно вырастаютъ изъ почвы нашего вѣка, взоръ потомка будетъ искать и отыщетъ могилу твою, нашъ поэтъ! И надъ этою могилою, черезъ годы и столѣтія, всегда ровно будетъ горѣть, для избранныхъ, неугасаемый пламень вдохновенія».

«Въ теченіе 20 лѣтъ Пушкинъ пережилъ и перечувствовалъ всею жизнью и всѣми мыслями своего времени и своего народа. Эти остатки классицизма и XVIII в. въ первыхъ его твореніяхъ; безотчетное бѣгство къ новымъ идеямъ; безсистемное юношеское стремленіе къ нововведеніямъ, которыми кишѣла литература англійская, германская, французская съ 1815 г.; отвращеніе отъ гибельныхъ слѣдствій, какими кончились эти усилія для большей части Запада; потомъ мысль о собственной самобытности, о народности сѣверной, восточной, русской; опыты создать ее въ литературѣ; необходимость труда разнообразнаго, переходы къ драмѣ, повѣсти, роману, исторіи, народной сказкѣ; вѣчное неудовлетвореніе себя тѣмъ, что довольствовало умъ обыкновенный; безпрерывное движеніе впередъ и неизбѣжная оттого усталость; сомнѣніе, недовольство самимъ собою и другими—все это не показываетъ ли генія, рожденнаго въ вѣкъ переходный? Таковъ былъ Пушкинъ».

«Развѣ не исполинскій подвигъ—представить собою свое время и свой народъ въ области поэзіи? Какимъ благороднымъ чувствомъ современнымъ не билось теплое сердце нашего поэта? Что прекрасное и славное не находило сочувствія въ его душѣ? Хотите ли исчислить все, что высокаго и задушевнаго успѣлъ перемыслить и сказать Пушкинъ въ жизнь свою? Перебѣгите все, что врѣзалось невольно въ сердце ваше отъ его неподражаемыхъ стиховъ. Да, неподражаемыхъ! Когда мы всѣ умремъ, когда простынутъ наши сердца, и новыя времена, новые подвиги, новыя впечатлѣнія овладѣютъ чувствами русскими и далеко оставятъ за ними понятія и происшествія, одушевлявшія Пушкина, и тогда еще онъ будетъ великій писатель, которому могутъ явиться равные по подвигу, но никогда равные по подражанію».

«Истинный истолкователь главной тогдашней потребности своего народа, онъ заговорилъ чистымъ, кореннымъ, живымъ языкомъ русскимъ въ своихъ пѣсняхъ, и вся наша поэзія заговорила этимъ языкомъ».

«Однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ качествъ Пушкина былъ его невыразимо чуткій и вѣрный вкусъ. Его ухо, его языкъ, его перо издали чуяли то, что неловко, негладко, неизящно по-русски».

«Пусть каждый изъ насъ, кто цѣнилъ геній Пушкина, будетъ участникомъ въ сооруженіи ему надгробнаго памятника. Наши художники вспыхнутъ вдохновеніемъ, когда мы потребуемъ отъ нихъ труда, достойнаго предмета, и въ мраморѣ или бронзѣ станетъ на могилѣ поэта монументъ, свидѣтель того, что современники умѣли цѣнить Пушкина. И сильно забьется сердце юноши, при взглядѣ на этотъ мраморъ, и тихо задумается странникъ, зашедшій въ ветхія стѣны Святогорской обители, гдѣ почіетъ незабвенный прахъ перваго поэта нашей славной Русской земли!»

«Солнце нашей поэзіи закатилось», писалъ Краевскій. Согрѣтые лучами этого солнца, русскіе писатели не могли не почувствовать всей величины, всей горечи и потери и выразили общее настроеніе искренно, убѣжденно, сильно...

Услышавъ о кончинѣ Пушкина, въ далекой ссылкѣ, на Кавказѣ, Марлинскій «не сомкнулъ глазъ во всю ночь», на разсвѣтѣ заказалъ въ тифлисскомъ монастырѣ св. Давида панихиду по Грибоѣдовѣ и Пушкинѣ и, при пѣніи «за убіенныхъ боляръ Александра и Александра», «чуть не задохся отъ рыданій» [1]).

Жуковскій писалъ [2]): «Россія потеряла Пушкина въ ту минуту, когда геній его, созрѣвшій въ опытахъ жизни размышленіемъ и наукою, готовился дѣйствовать полною силой,—потеря невозвратная и ничѣмъ невознаградимая».

Братъ Ѳ. М. Достоевскаго, А. М., вспоминаетъ [3]): «не знаю, вслѣдствіе какихъ причинъ извѣстіе о смерти Пушкина дошло до нашего семейства уже послѣ похоронъ матушки. Вѣроятно, наше собственное горе и сидѣніе всего нашего семейства постоянно дома были причиною этому. Помню, что братья чуть съ ума не сошли, услыхавъ объ этой смерти и о всѣхъ подробностяхъ. Братъ Ѳедоръ въ разговорахъ со старшимъ братомъ нѣсколько разъ повторялъ, что ежели бы у него не было семейнаго траура, то онъ просилъ бы позволенія отца носить трауръ по Пушкинѣ». Братья Достоев-

---

1) *Русскій Вѣстникъ*, 1869 г., т. XI, стр. 99.

2) Сочин., Спб., 1885 г., т. VI, стр. 7.

3) „Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго". Спб., 1883 г., I, стр. 27, 29.

скіе даже сговорились, «пріѣхавъ въ Петербургъ, тотчасъ же сходить на мѣсто поединка и пробраться въ бывшую квартиру Пушкина, чтобъ увидать ту комнату, въ которой онъ испустилъ духъ».

Въ интимныхъ разговорахъ съ А. Ѳ. Кони И. А. Гончаровъ вспоминалъ [1]: «Пушкинъ былъ въ это время для молодежи все, всѣ ея упованія, сокровенныя чувства, чистѣйшія побужденія, всѣ гармоническія струны души, вся поэзія мыслей и ощущеній—все сводилось къ нему, все исходило отъ него... Я помню извѣстіе объ его кончинѣ. Работы было немного,—и я для себя, безъ всякихъ цѣлей, писалъ, сочинялъ, переводилъ, изучалъ поэтовъ и эстетиковъ. Особенно меня интересовалъ Винкельманъ. Но надъ всѣмъ господствовалъ *онъ*. И въ моей скромной чиновничьей комнатѣ, на полочкѣ, на первомъ мѣстѣ, стояли его сочиненія, гдѣ все было изучено, гдѣ всякая строка была прочувствована, продумана... И вдругъ пришли и сказали, что онъ убитъ, что его болѣе нѣтъ... Это было въ департаментѣ. Я вышелъ изъ канцеляріи въ коридоръ и горько, горячо, не владѣя собой, отвернувшись къ стѣнѣ и закрывая лицо руками, заплакалъ. Тоска ножомъ рѣзала сердце, и слезы лились въ то время, когда все еще не хотѣлось вѣрить, что его уже нѣтъ, что Пушкина нѣтъ! Я не могъ понять, чтобы тотъ, предъ кѣмъ я склонялъ мысленно колѣни, лежалъ бездыханенъ... И я плакалъ горько и неутѣшно, какъ плачутъ по полученіи извѣстія о смерти любимой женщины... Нѣтъ, это невѣрно,—по смерти матери... да, матери...»

VIII.

Въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ на смерть Пушкина наряду съ воспоминаніями и изліяніями взволнованнаго чувства мелькаютъ любопытныя черты оцѣнки личности и творчества великаго поэта.

Какъ извѣстно, однимъ изъ первыхъ вступился за «праведную кравь поэта», за «нашу славу» Лермонтовъ. Его стихи прозвучали тяжкимъ обвиненіемъ противъ «наперсниковъ разврата», клеветниковъ безбожныхъ», противъ «свѣта, завистливаго и душнаго для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей»..

---

[1]) *Русск. Стар.* 1899 г., V, стр. 265—266.

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять...

Въ лицѣ Пушкина погибъ для него «свободный, чудный даръ», «дивный геній»,

Грустнымъ раздумьемъ вѣетъ отъ стихотворенія Кольцова «Лѣсъ». Ему какъ-то не вѣрится, чтобы пошлая и низменная интрига могла погубить такую мощь ума и таланта:

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули;
Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову—
Не большой горой,
А соломинкой...

Его письмо къ Краевскому мѣстами незамѣтно переходитъ въ тонъ народной похоронной причети [1]): «А. С. Пушкинъ померъ; у насъ его уже болѣе нѣту!... Едва взошло русское солнце, едва осѣтило широкую Русскую землю небесъ вдохновеннымъ блескомъ, огня животворной силой; едва огласилась могучая Русь стройной гармоніей райскихъ звуковъ; едва раздалися волшебныя пѣсни родимаго барда... Прострѣлено солнце... Лицо помрачилось, безобразной глыбой упало на землю! Кровь, хлынувъ потокомъ, дымилася долго, наполняя воздухъ святымъ вдохновеньемъ недожитой жизни!... Толпой согласной соберитесь, други, любимцы искусства, жрецы вдохновенья, посланники Бога, пророки земные! Глотайте тотъ воздухъ, гдѣ русскаго барда, съ послѣднею жизнью, текла кровь на землю, текла и дымилась! Глотайте тотъ воздухъ, глотайте душою: та кровь драгоцѣнна. Соберите ту кровь, въ сосудъ положите, въ роскошный сосудъ. Сосудъ тотъ поставьте на той на могилѣ, гдѣ Пушкинъ лежитъ.

О, лейтесь, лейтесь же ручьями,
Вы, слезы горькія изъ глазъ,—
Нѣтъ больше Пушкина межъ нами,
Безсмертный Пушкинъ нашъ угасъ!

---

[1]) Стих. и письма Кольцова. Спб., 1893 г., стр. 118.

«Слѣпая судьба! Развѣ у насъ мало мертвецовъ? кромѣ Пушкина, тебѣ нельзя было кому-нибудь другому смертный гостинецъ передать? Мерзавцевъ есть много,—за что-жъ ты ихъ любишь, къ чему бережешь? Мерзавка судьба!... Творецъ Всемогущій свѣта! Твоя воля, Твои совѣты мудры, но непостижимъ намъ Твой законъ!»

Не можетъ примириться и Полежаевъ съ тою мыслью [1]), что

... поэтическія вѣжды
Сомкнула грозная стрѣла—
Тогда какъ свѣтлыя надежды
Вились вокругъ его чела;
Когда рука его сулила
Намъ тьму надеждъ, тогда сразила
Его судьба...

Его творчеству воображенію представлялось—

... въ садахъ лицея,
Какъ юный русскій соловей,
Весенней жизнью пламенѣя,
Расцвѣлъ нашъ дивный корифей!
И гармоническіе звуки
Его младенческія руки
Умѣли рано исторгать.

Пушкинъ «понялъ тайну вдохновеній, возсталъ, какъ новая стихія, могучъ и славенъ, и великъ,—и изумленная Россія узнала гордый свой языкъ».

Гдѣ же ты, поэтъ народный
Величавый, благородный,
Какъ широкій океанъ,
И могучій, и свободный,
Какъ суровый ураганъ?
Отчего же голосъ звучный,
Голосъ съ славой неразлучный,
Своенравный и живой,
Ужъ не царствуетъ надъ скучной,
Охладѣлою душой,

---

[1]) Стихотв. Спб., 1892 г, стр. 75.

Не владѣетъ нашей думой,
То отрадной, то угрюмой,
По внушенью твоему?
Не всегда ли безотчестно,
Добровольно и охотно
Покорялись мы ему?...

Смерть поэта поразила всѣхъ «невольнымъ содроганьемъ»...

Высоко надъ главой поэзіи печальной
Вознесся не вѣнокъ, но факелъ погребальный,—
И Пушкинъ—трупъ, и Пушкинъ—прахъ!
Онъ—прахъ!... Довольно! Прахъ непробудимый!
Угасъ, и навсегда, мильонами любимый
Державы сѣверной Баянъ!
Онъ новыя пріялъ нетлѣнныя одежды
И къ небу воспарилъ, подъ радугой надежды,
Разсѣя вѣчности туманъ!...

Тютчевъ [1]) называетъ Дантеса «цареубійцей» и обѣщаетъ погибшему поэту, что его, «какъ первую любовь, Россія сердце не забудетъ».

По словамъ Вуича [2]), смерть Пушкина, «любимаго жреца полночной музы», «милаго генія«,—«тяжкая бѣда». Безжалостная судьба сразила его «въ разгарѣ *свѣтлыхъ* вдохновеній», «исполненнаго творчества и силъ»; онъ, «пришлецъ избранный», обреченный высокой долѣ, сіялъ лучезарной звѣздой на «небосклонѣ русской славы»...

Но мы внимали дивнымъ звукамъ,
Мы ими нѣжили сердца,
Такъ сохранимъ же нашимъ внукамъ
Даръ незабвеннаго пѣвца!
Даръ свѣтлый, пѣсни вдохновенны,—
Поэтъ въ тѣхъ пѣсняхъ не умретъ;
За нихъ ему вѣнецъ нетлѣнный,
Вѣнецъ бессмертья дастъ народъ.

---

[1]) Сочин. Спб., 1886 г., стр. 109—110.
[2]) *Галатея* 1839 г., V, № 44, стр. 559—560.

Тѣ же ноты въ прекрасномъ стихотвореніи Рахманнаго—Веревкина [1]):

Умеръ Пушкинъ!... Нѣтъ поэта!
Лучезарная звѣзда
Закатилась навсегда
Для рыдающаго свѣта!
Блескъ лучей ея исчезъ,
И несытая могила
Безвозвратно поглотила
Это лучшее свѣтило
Нашихъ пасмурныхъ небесъ.

Въ своей «думѣ о Пушкинѣ» М. Маркоьъ [2]) даетъ довольно яркую характеристику личности и творчества великаго поэта:

Давно ли ты, черно-кудрявый,
Мѣдяно-лицый Феба жрецъ,
Міръ оглушилъ своею славой
И съ торжествомъ надѣлъ вѣнецъ?
Давно-ль, вслѣдъ музѣ прихотливой,
Восторженный, нетерпѣливый
Весь свѣтъ влачился за тобой,
Въ аулъ черкесовъ, въ садъ Гирея,
Или въ жилище Кочубея—
Изъ-подъ кибитки кочевой!
Вездѣ, всегда себя достойный,
Ты насъ, волшебникъ, изумлялъ;
Плѣнялъ ли ты картиной стройной,
Язвилъ ли ты, иль тосковалъ;
Являлся ли въ бесѣдѣ шумной
И, съ видомъ шутки, рѣчью умной
Лжемудрость варварски (?) казнилъ,
Иль молньей быстраго отвѣта
Сжигалъ недоумѣнья свѣта—
И послѣ, какъ дитя, былъ милъ!

---

1) *Кіевлянинъ* 1880 г., № 125; „Опыты въ русской словесности воспыт. гимназій Бѣлорусск. учебн. округа“. Вильна, 1839 г., стр. 287.

2) „Мечты и были“, I. Спб.. 1838 г., стр. 15—17.

И сколько на тебя Россія
Надеждъ великихъ создала!
Тебя на подвиги святые
Она съ улыбкой обрекла.
Сквозь мракъ временъ, подобный вочи,
Одни твои сокольи очи
Могли прозрѣть,—и ты-бъ прозрѣлъ...
Но вдругъ—да будетъ Божья воля!—
Тебѣ дана иная доля...
И цѣлый міръ осиротѣлъ...

Тяжелую по формѣ, но глубокую по своему смыслу оцѣнку Пушкина И. М. Бакунинъ [1])

...Пушкина здѣсь прахъ!
Онъ геній горделивый
Не битвамъ посвятилъ, не шелъ стезей честей,
Но, беззаботный и лѣнивый,
Былъ музы баловень игривый,
Взлелѣянъ музой съ юныхъ дней.
Онъ, бывъ въ душѣ вполнѣ поэтъ,
Не для другихъ пѣлъ, не для славы,—
Какъ соловей въ тѣни дубравы,
Пѣлъ все, что въ умъ ему придетъ:
То въ думахъ громкихъ возвышался,
Исполненъ бывъ избыткомъ силъ,
То пѣснью смѣлой утѣшался
Иль вздоромъ публику смѣшилъ;
То своевольно и забавно
Страстями, чувствами игралъ,
То кистью рѣзвой своенравно
Своихъ противниковъ каралъ.
Разсказъ живой и простодушный
Онъ сохранять въ стихахъ умѣлъ,
И вѣчно, музыкѣ послушный,
Роскошно стихъ его гремѣлъ.

---

[1]) „На все и время и пора". Спб., стр. 15—118 *Новое Время*, № 2875, 2877, 2882; *Новости литературы* 1824 г., сент., стр. 136.

Огнистый, полный чувства силы,
Врѣзался въ памяти легко;
Его бездѣлки были милы;
Что думалъ,--думалъ глубоко.
Читали, радуясь, его
Въ глуши деревни и въ столицѣ,
Отрадна русскому была
Народность въ Пушкина цѣвницѣ,
Всѣмъ пѣснь его была мила...

Пушкинъ, прежде всего, лучшій изобразитель и выразитель своего вѣка, исполненнаго всякихъ противорѣчій:

Его ужъ нѣтъ! Но живъ для свѣта
Онъ вѣчно лирою своей.
Пройдетъ грядущими вѣками.
Изобразивъ остро, легко
Потомству рѣзкими чертами
Духъ буйный вѣка своего,
Его мечты, его желанья,
Пороки, слабости, страданья,
Житье потѣшное его!
Герой, побѣдами стяжавшій славу міра,
Вельможа, властелинъ забудутся скорѣй,
Чѣмъ память Пушкина: и пѣснь его, и лира
Ему нетлѣнный мавзолей!

Огаревъ, упомянувъ случайно [1]) о Пушкинѣ въ своемъ «Юморѣ», со скорбью восклицаетъ:

. . . . . Но, Боже мой
Кого я назвалъ?... Плачъ надгробный
Ужели смолкъ въ странѣ родной?
Гдѣ нашъ пѣвецъ, душой незлобный,
Гдѣ дивныхъ пѣсенъ даръ святой
И голосъ, шуму водъ подобный?
Гдѣ слава нашихъ тусклыхъ дней?
. . . . . .

---

[1]) Стр. 65—69.

Когда молву, что нѣтъ его
Въ столицѣ древней услыхали,
Всѣмъ было грустно отъ того.
Всѣ посердились, покричали,
Но черезъ день—какъ ничего,
Опять спокойно замолчали:
Такъ шумный рой спугнутыхъ мухъ,
Взлетѣвъ на мигъ, садится вдругъ...

. . . . . .

. . . . ничтожный прахъ
Людей ничтожныхъ и презрѣнныхъ,
Которыхъ кознями поэтъ
Погибъ въ всей силѣ лучшихъ лѣтъ.
Ему досадой сердце жгли,
И дѣло быстро шло къ дуэли;
Предотвратить ее могли,
Но не хотѣли, не хотѣли...
Къ нему на похороны шли
Лишь люди въ фризовой шинели,
И тѣхъ обманомъ отвели,
И гробъ тихонько отвезли.
Поэта мучить и терзать,
Губить со злобою холодной,
На тѣло мертвое не дать
Пролить слезу любви народной—
Что-жъ можно вамъ еще сказать,
Чтобъ было хуже? Благородный,
Священный гнѣвъ въ душѣ моей
Кипитъ—чѣмъ скрытнѣй, тѣмъ сильнѣй.
Но только втайнѣ пару словъ
Могу сказать въ кругу собратій,
Боясь тюрьмы, боясь оковъ,
Боясь предательскихъ объятій.
А какъ бы на его враговъ
Я, сколько есть въ душѣ проклятій,
Собрать былъ радъ въ единый мигъ,
Чтобы въ лицо имъ плюнуть ихъ!
И нашъ еще спокоенъ духъ,
И не дрожите вы съ досады,

Что такъ безсильны мы, мой другъ,
И что намъ правду прятать надо,
И мнѣнью высказаться вслухъ
Вездѣ поставлены преграды?!
Да, еслибъ кто чужой узналъ,
Онъ насъ бы трусами назвалъ!

Я. К. Гротъ («Нѣсколько данныхъ къ біографіи», Спб., 1895 г., стр. 75; «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 289—280), отозвавшись на общую скорбь:

Сколько прекрасныхъ начатковъ новой блистательной славы
Въ гробъ онъ уноситъ съ собой!..

Находитъ все-таки просвѣтъ—и утѣшеніе:

...Но утѣшимся, мысль намъ осталась;
Древо разбито грозой, но плоды отъ него уцѣлѣли.
Младости бурной порывы, сердца печальныя думы,
Взглядъ самобытный на міръ, на призывы природы свой откликъ—
Все завѣщалъ намъ поэтъ...

IX.

Передъ нами прошла пестрая вереница русскихъ поэтовъ, крупныхъ и мелкихъ, даровитыхъ и бездарныхъ, передовыхъ и отсталыхъ, съ ихъ оцѣнкою Пушкина. Мы видѣли не только одно безотчетное признаніе силы, преклоненіе передъ мощью генія, но и довольно тонкое пониманіе его своеобразныхъ отличій. За вычетомъ отдѣльныхъ, частныхъ шероховатостей и недоразумѣній, выступаетъ общій яркій, вполнѣ правильный фонъ. Отмѣчены были могучее нравственное воздѣйствіе Пушкинской музы, необыкновенно тонкій и острый умъ поэта, простодушіе и живость его разсказа, часто лукаваго и проказливаго,—самая ширина размаха и глубина творческихъ силъ, народность, яркое выраженіе своей эпохи, благородное свободолюбіе, изящная простота—однимъ словомъ, все то, что мы и теперь больше всего цѣнимъ въ Пушкинѣ.

Часто повторяютъ избитую и исторически невѣрную фразу, будто Бѣлинскій первый установилъ надлежащій взглядъ на Пушкина. Что это не совсѣмъ такъ, ясно доказываютъ уже отмѣченныя нами выше данныя. Это положеніе можно было бы еще болѣе сузить,

еслибы мы припомнили журнальныя статьи И. Киреевскаго и другихъ критиковъ начала 30-хъ годовъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что лучшіе изъ современниковъ великаго поэта и до критическихъ статей Бѣлинскаго относились къ его личности и творчеству разумнѣе и сознательнѣе, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ...

Тяжелыя впечатлѣнія 29 января 1837 г. только углубили, внесли больше свѣта сознанія въ эти взгляды.

Насколько былъ силенъ этотъ свѣтъ, можно было видѣть изъ цитированныхъ выше статей и стихотвореній.

Чтобы еще больше обосновать нашу мысль, приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ журнальныхъ статей.

Живописное Обозрѣніе [1]) посвятило Пушкину довольно обширную некрологическую статью. Оно отмѣчаетъ «неслыханный успѣхъ» Пушкина. «Имя Пушкина загремѣло и въ великолѣпныхъ палатахъ, и въ скромныхъ домикахъ уѣздныхъ городовъ, и въ глуши отдаленныхъ деревень».

«Вдругъ роковая вѣсть поразила всю Россію: *Пушкинъ умеръ*! Сначала не хотѣли вѣрить этому и даже не вѣрили, читая въ газетахъ оффиціальное извѣстіе о смерти его.. Такъ любила Россія своего поэта, такъ сжилась она съ нимъ. Пушкинъ былъ великій поэтъ, безсмертный своими заслугами русской словесности. Онъ много лѣтъ оставался нашимъ *народнымъ* поэтомъ, потому что въ поэзіи народъ—не большинство *всѣхъ*, а та часть *избранныхъ*, для которыхъ существуетъ поэзія. Пушкинъ былъ поэтъ не простонародья, у котораго могутъ быть свои любимцы, но поэтъ образованной части общества. Ни одно чувство, ни одна мысль современная не была чужда ему, и онъ всѣ выражалъ ихъ съ тою увлекательностью, которая покоряла каждаго, безъ различія литературныхъ партій. Заслуга его языку неизмѣрима... Кто не зналъ Пушкина лично, для тѣхъ скажемъ, что отличительнымъ характеромъ его въ большомъ обществѣ была задумчивость или какая-то тихая грусть, которую даже трудно выразить. Онъ казался при этомъ стѣсненнымъ, попавшимъ не на свое мѣсто. Зато въ искреннемъ небольшомъ кругу, съ людьми по сердцу, не было человѣка разговорчивѣе, любезнѣе, остроумнѣе. Тутъ онъ любилъ и посмѣяться, и похохотать, глядѣлъ на жизнь только съ веселой стороны и съ необы-

---

[1]) Томъ III, 1837, листъ 10, стр. 78, 80.

кновенною ловкостью умѣлъ открывать смѣшное. Одушевленный разговоръ его былъ краснорѣчивою импровизаціей, потому что онъ обыкновенно увлекалъ всѣхъ, овладѣвая разговоромъ, и это всегда кончалось тѣмъ, что другіе смолкали невольно, а говорилъ онъ. Еслибы записанъ былъ хоть одинъ такой разговоръ Пушкина, похожій на разсужденіе,—передъ нимъ показались бы блѣдными профессорскія рѣчи Вильмена и Гизо. Вообще, Пушкинъ обладалъ необычайными умственными способностями... Онъ страстно любилъ искусства и имѣлъ на нихъ оригинальный взглядъ. Тѣмъ особенно былъ занимателенъ и разговоръ его, что онъ обо всемъ судилъ умно́, блестяще и чрезвычайно оригинально».

«Галатея» [1]) въ статьѣ, напечатанной въ 1840 г., но несомнѣнно написанной раньше, относитъ Пушкина къ числу тѣхъ существъ, «которыя, рождаясь для заключенія извѣстнаго періода какой-либо жизни, даютъ ей опредѣленное значеніе, полноту и оконченность, и потому представляютъ собою какъ бы яркія исключенія изъ круга обыкновенной дѣятельности природы».

«Потому они не находятъ себѣ безпрерывныхъ преемниковъ, что, съ одной стороны, завѣщаютъ имъ такое огромное наслѣдство дѣйствованія, которое должно напередъ совершаться и перерабатываться въ горнилѣ общаго труда при обыкновенныхъ условіяхъ и съ постепеннымъ ходомъ времени; съ другой, отбрасываютъ отъ себя (такой) яркій отблескъ вліянія на современность, что онъ не прежде можетъ угасать, какъ только съ кончиною однихъ и рожденіемъ другихъ поколѣній».

«Какъ, съ умомъ обыкновеннымъ, проникнуть и измѣрить всю глубину такого генія, каковъ геній Пушкина, и начертать его поэтически вѣрную характеристику, —это предоставляется будущности. Совершеніе такого дѣла лежитъ на времени, своимъ отдаленіемъ показывающемъ предметы въ необманчивомъ свѣтѣ, и грядущимъ потомкамъ, вооруженнымъ на то потребною силой. Намъ современникамъ, пораженнымъ смертію поэта и столь близкимъ отъ него, остается только съ любовію и благодарностію (впрочемъ, не безотчетною) пользоваться наслѣдіемъ, полученнымъ въ даръ отъ поэта».

«Радостію и надеждами привѣтствовала Россія явленіе отрока-поэта, какъ бы ниспосланнаго на замѣну старца-великана (Держа-

---

[1]) 1840, X, стр. 182—185.

вина), который уже безстрашнымъ окомъ взиралъ на западъ жизни. Предсказаніе пѣвца Фелицы не обмануло ожиданій Руси. Первые опыты еще незрѣлаго, но уже много обѣщавшаго въ себѣ творчества, обратили на себя всеобщее вниманіе. И когда мы, пораженные неслыханными звуками, упоенные родною гармоніей, предавались сомнительнымъ надеждамъ,— юный атлетъ все росъ талантомъ между нами. Быстро и независимо всходилъ онъ на завидную чреду свою, какъ бы потому, что столь же быстро и неожиданно ему суждено было оставить ее».

«Изъ соображенія всѣхъ этихъ данныхъ: ранняго вызова дарованія къ творчеству, удивительнаго разнообразія твореній и ихъ самосоятельнаго вліянія на души и сердца людей, кажется, можно вывести заключеніе о томъ, что *Пушкинъ былъ геніемъ-выразителемъ чувствъ и думъ русскаго народа*».

«Онъ болѣе всѣхъ любилъ народность, содѣйствовалъ ей, и самъ, въ полномъ смыслѣ, былъ *народнымъ поэтомъ*».

«Пробѣгите произведенія нашей литературы послѣднихъ 12 лѣтъ, и вы удивитесь ея невѣроятнымъ успѣхамъ, которыми обязана она могучему представителю слова русскаго—Пушкину»...

Съ высокимъ гражданскимъ мужествомъ, пренебрегши местью очень опасныхъ враговъ, А. А. Краевскій помянулъ только что умершаго поэта трогательнымъ словомъ: «Солнце нашей поэзіи закатилось! Пушкинъ скончался, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ серединѣ своего великаго поприща!... Болѣе говорить о немъ не имѣемъ силы, да и не нужно: всякое русское сердце узнаетъ всю цѣну этой невозвратной потери, и всякое сердце будетъ растерзано. Пушкинъ, нашъ поэтъ, наша радость, наша народная слава!... Неужели въ самомъ дѣлѣ уже нѣтъ у насъ Пушкина?... Къ этой мысли нельзя привыкнуть!...»

Солнце закатилось... но лучи его и до сихъ поръ несутъ свѣтъ и тепло въ «страшную потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь», на нашу «земную, подчасъ горькую и скучную дорогу». Раньше они освѣщали верхи горъ,—дай Богъ, чтобъ они добрались теперь и до общественныхъ низинъ...

---

[1]) Литер. прибавл. къ *Рус. Инв.* 1837 г., № 5, стр. 48.

VII.

Стихотворенія о Пушкинѣ.

(1817--1899).

Во второмъ выпускѣ «Pusckiniana» мы даемъ вторую серію дополненій къ нашему сборнику «Русскіе поэты о Пушкинѣ».

Сюда вошло 1) нѣсколько стихотвореній на смерть Пушкина, извлеченныхъ изъ бумагъ Краевскаго и впервые печатаемыхъ, 2) нѣсколько иноязычныхъ стихотвореній о великомъ поэтѣ, интересныхъ для его оцѣнки за границей и 3) рядъ цѣлыхъ стихотвореній и отрывковъ о Пушкинѣ, дающихъ нѣкоторыя черты для характеристики его литературныхъ отношеній, взглядовъ на него другихъ поэтовъ и пр. Все, конечно, сырой матеріалъ, который, можетъ быть, дождется своей обработки. Наша статья «Оцѣнка Пушкина современниками», напечатанная выше, представляетъ *попытку* обработки *части* собранныхъ нами же раньше матеріала. Подобную разработку можно было бы углубить и расширить, но для этого теперь у насъ нѣтъ времени.

Первый выпускъ вызвалъ нѣсколько отзывовъ («Литер. Вѣст.,» 1902, VII, 245—247; «Рус. Богатство», 1902, XII, 68—69; «Русская Мысль», 1903, I, 29 и пр.)

Одинъ изъ нихъ указываетъ на то, что выдѣленіе стихотвореній о Пушкинѣ сдѣлано нами по внѣшнему признаку, и что разъ мы начали собирать отзывы о великомъ поэтѣ, стихотворные слѣдовало соединить съ прозаическими. Мы имѣли въ виду это часто *формальное* возраженіе при началѣ нашей работы.

1) *Поэтическіе* отзывы *поэтовъ* о поэтѣ выдѣляются не только формой, но и содержаніемъ и представляютъ самостоятельный интересъ.

2) Собраніе прозаическихъ отзывовъ современниковъ о Пушкинѣ представляетъ другую, грандіозную по своимъ размѣрамъ задачу, начало разрѣшенію которой, впрочемъ, уже положено Л. Н. Майковымъ.

3) Выполненіе ея (съ коментаріями) заняло бы рядъ томовъ.

4) При безбрежности матеріала, чтобы не расплыться въ немъ, нужно было строго держаться какого-нибудь одного признака! Въ рядѣ дополненій мы добьемся не только относительной, но и абсолютной полноты.

Вильгельмъ Кюхельбекеръ [1]).

Моимъ саркко-сельскимъ друзьямъ [2]).

Длань своенравной судьбы надъ всею вселенной простерта:
Для непреклонной ничто слезы печальной любви,
Для непреклонной ничто страданья дружбы: «разстаньтесь!»
Грозно вѣщаетъ друзьямъ съ яснымъ отъ вѣка челомъ.
Сердце холодной рукой отторгнувъ отъ сердца родного,
Неомраченна, тиха, ликъ безмятежной хранитъ.
Ропотъ до слуха ея не доходитъ. Будемъ же тверды!
Боги покорны судьбѣ, выше судьбы человѣкъ:
Мы никому, друзья, не подвластны душою; въ минувшемъ,
Въ будущемъ можемъ ли жить въ сладостной свѣтлой мечтѣ!

Бар. А. А. Дельвигъ. [3]).

Къ друзьямъ [4]).

Я рѣдко пѣлъ, но весело, друзья!
Моя душа свободно разливалась.
О Царскій садъ, тебя ль забуду я?
Твоей красой волшебной оживлялась
Проказница фантазія моя,
И со струной струна перекликалась,
Въ согласный звонъ сливаясь подъ рукой,—

[1]) „Сынъ Отечества“, 1817, № XXVII, 26.

[2]) Пушкину и др.

[3]) Соч. Дельвига, СПБ., 1893, стр. 24 (изъ „Современника“, 1853, т. XXXIX).

[4]) Пушкину, Кюхельбекеру и другимъ лицеистамъ изъ Малороссіи.

И вы, друзья, любили голосъ мой.
Вамъ пѣсни даръ отъ сельскаго поэта!
Любите ихъ за то хоть, что мои.
Богъ вѣсть, куда умчитесь въ шумѣ свѣта
Всѣ вы, друзья, всѣ радости мои!
И, можетъ быть, мечты моей Лилета
Тамъ будетъ мнѣ мученіемъ любви,
А даръ пѣвца, лишь вамъ въ пустынѣ милый,
Какъ василекъ не доцвѣтетъ унылый!

1817.

А. Ѳ. Воейковъ. [1]

Посланіе къ Д. В. Давыдову.

. . . . . .

Заглядываю въ тайный шкафъ:
Онъ пусть—въ печи Буяновъ [2]),
Гервасіяда въ камелькѣ;
Одинъ пѣвецъ Руслановъ
Тихонько кроется въ углу,
Загороженъ Бюффономъ.

. . . . . .

Кн. А. А. Шаховской. [3]

. . . . . .

Bon jour! Графъ Нулиня!
И, говорятъ, любезной,
Хотя вся жизнь моя
Не кажется полезной.
Пускай я былъ ничто

---

1) „Сынъ Отечества“ 1821, ч. 68, стр. 181.
2) „Опасный Сосѣдъ“ В. Л. Пушкина.
3) “Сѣв. Пчела“ 1829, № 133. Слова графа Нулина въ пьесѣ:“ Е Меркурій или романный маскарадъ въ стихахъ“.

И свѣтъ коптилъ напрасно,
Но Пушкинымъ зато
Представленъ вамъ прекрасно.

А. Ѳ. [1]).

Анны эпиграммы.

I.

Свистушкина читалъ ли эпиграмму?
Стишки, ей Богу, хороши!
«Читалъ! врага хотѣлъ предать онъ сраму,
И начерталъ портретъ—своей души!»

II.

«Ты на Фиглярина читалъ ли пасквиль?»—«Нѣтъ!»
«Помилуй, да его читаетъ цѣлый свѣтъ.
Въ немъ вылилъ весь свой умъ поэтъ нашъ забіяка».
«Давай, когда смѣшонъ, и я похохочу».
«Нѣтъ, не смѣшонъ, а золъ!»—«Читать я не хочу:
Смѣется человѣкъ; кусается собака».

1830.

С. Сельскій. [2]).

Элегія.

Въ тѣнистой рощѣ, у ручья
Ни на зарѣ, ни въ часъ полночный,
Не слышно пѣсенъ соловья:
Онъ прогремѣлъ свой срокъ урочный;
Отпѣлъ весну, отпѣлъ любовь
И, звучный голосъ прерывая,
Умолкъ, чтобъ сладостнѣе вновь
Воспѣть красу другого мая!...

---

[1]) По рукописи Публичной Библіотеки (изъ бумаги Полѣнова № 11. На эпиграмму Пушкина „Фигляринъ, вотъ полякъ примѣрный". Воейкова или самого Булгарина.

[2]) По рукописи Публичной Библіотеки. Изъ бумагъ А А. Краевск[illegible]

Но ты умолкъ на вѣкъ, великій нашъ пѣвецъ!
Безсмертный геній нашъ! поэтъ, кумиръ народный!
Тебѣ вручила смерть страдальческій вѣнецъ,
И ты принялъ его съ улыбкой благородной.
Кто безъ смущенія на Небо не взглянулъ,
При вѣсти роковой, что нѣтъ тебя на свѣтѣ!
Кто не сронилъ слезы, кто тайно не вздохнулъ,
Безъ словъ, теряяся и въ грусти, и въ отвѣтѣ?
Пѣвецъ возвышенный! И ты весну отпѣлъ,
И о любви твоя намъ лира прозвучала:
Ты очаровывалъ насъ звуками умѣлъ,
Но на землѣ тебя наслушались мы мало!
Къ ужасной мысли той привыкнуть не легко,
Что намъ съ тобой сужденъ плачевный часъ разлуки;
Но въ нашей памяти запали глубоко
Твои священные, возвышенные звуки!..
Мы бережемъ въ сердцахъ твой каждый стройный стихъ.
Твоей поэзіей, какъ воздухомъ, мы дышимъ,
И, можетъ быть, теперь въ кругу пѣвцовъ земныхъ,
Подобнаго тебѣ пѣвца мы не услышимъ.
Да будетъ тѣнь твоя утѣшена, поэтъ!
Ты бросилъ сѣмена на нивѣ небесплодной —
И имя Пушкина чрезъ много, много лѣтъ
Пребудетъ въ памяти прославлено народной!..

Не пролетай сюда весною,
Трелистый, громкій соловей:
Зови въ печальный край съ собою
Твоихъ подругъ, твоихъ друзей.
Живите тамъ съ весны до лѣта.
Гдѣ прахъ безсмертнаго поэта
Засыпанъ хладною землей
И скрытъ въ могилѣ роковой!..
О, пойте намъ звучнѣй, прекраснѣй
Передъ зарей, въ полночный часъ:
Пѣвецъ земной былъ сладкогласнѣй
И въ мірѣ [1]) пѣлъ прелестнѣй васъ!

---

[1]) Въ подлинной рукописи „въ мирѣ"—вѣроятно, описка.

Его вы память ублажайте,
Чаруйте пѣснью вѣчный сонъ
И смертныхъ всѣхъ туда сзывайте,
Къ его могилѣ на поклонъ!...

А. Арапетовъ [1]).

Его ужъ нѣтъ.
(Дума).

Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря . . . . . .
. . . . . .
Потухъ огонь на алтарѣ! . . .
„Онѣгинъ“.

Скажи, Кавказъ, гдѣ духъ тотъ величавый,
Чей звучный стихъ, чей сладостный напѣвъ
Намъ передалъ всю роскошь горныхъ дѣвъ,
Кого плѣнялъ твой Эльборусъ двуглавый?
Скажи, Кавказъ, гдѣ онъ, гдѣ твой поэтъ?...
Но мраченъ ты. Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Шумитъ потокъ; твой сынъ въ безумьи рыщетъ;
Въ слезахъ дочь горъ... и мнѣ одно въ отвѣтъ:
Его ужъ нѣтъ! его ужъ нѣтъ!
Скажи, семья безпечная, живая,
Какъ нѣкогда, любя вашъ вольный бытъ,
Не въ таборѣ ль свободномъ онъ укрытъ,
Онъ, кто васъ пѣлъ, отъ свѣта убѣгая?
Скажите мнѣ, гдѣ онъ, гдѣ вашъ поэтъ?...
Но все молчитъ. Унынье межъ шатрами;
Смуглянки ликъ покрытъ тамъ [2]) слезами;
Вашъ визгъ утихъ... и мнѣ одно въ отвѣтъ:
Его ужъ нѣтъ! его ужъ нѣтъ!
Скажите мнѣ о вы, брега Салгира,
Гдѣ геній тотъ, кто оживилъ вашъ край,

---

1) По рукописи Публичной библіотеки. Изъ бумагъ А. А. Краевскаго.
2) Въ подлинной рукописи „тами“—описка и пропускъ (тамъ ужъ?)

Кѣмъ славенъ сталъ на-вѣкъ Бахчисарай,
Гдѣ чудная его звучала лира?
Скажите мнѣ, гдѣ онъ, гдѣ вашъ поэтъ?...
Но что же вы? Брега и долы нѣмы;
Мрачна, какъ скорбь, тамъ бродитъ тѣнь Заремы,
И слезъ фонтанъ одно журчитъ въ отвѣтъ:
Его ужъ нѣтъ! его ужъ нѣтъ!
Скажи земля великая, родная!
Гдѣ славныхъ дѣлъ пѣвецъ твой молодой,
Могучій духъ поэзіи родной,
Великій сынъ огромнѣйшаго края?
Святая Русь, скажи, гдѣ твой поэтъ?...
Но ты молчишь. Поэта ликъ священный
Народъ кропитъ слезою умиленной,
И стонъ нѣмой мнѣ роковой отвѣтъ:
Его ужъ нѣтъ! его ужъ нѣтъ!...

Кн. Сергѣй Волконскій [1]).

Къ гробу Пушкина.

Прости, поэтъ—и честь, и слава,
И лира звонкая славянъ,
И наша звучная октава,
И современный нашъ Боянъ!
Отчизны геній вдохновенный!
Народъ гласитъ тебѣ: прощай!
Молитъ народъ въ тебя влюбленный:
Нашъ Геній намъ же завѣщай!
О станься съ нами, Геній нашъ!
Не покидай осиротѣлый
И край родной, и твой, и нашъ!
Скажи намъ, трупъ оледенѣлый,
Куда твой житель—нашъ поэтъ—
Скажи, куда переселился?

---

[1]) По рукописи Публичной Библіотеки. Изъ бумагъ Краевскаго.

Скажи, гдѣ тотъ счастливый свѣтъ,
Который имъ обогатился?
Взгляни, нашъ царь, нашъ ангелъ славный,
И добродѣтели и благъ—
Къ тебѣ склонилъ свой ликъ державный,
Но ты молчишь, бездушный прахъ!
Въ тебѣ ужъ нѣтъ волшебной силы
Насъ пѣснопѣньемъ забавлять!
Ты сталъ стяжаніе могилы!
Нашъ Пушкинъ, Пушкинъ небомъ взятъ!
Нашъ Пушкинъ, Пушкинъ, гдѣ же ты?
Неужель нѣтъ тебя на свѣтѣ?
Не могутъ свыкнуться мечты
Съ мечтой ужасной о поэтѣ!...

П. П. [1]).

Звѣзда.

Потемнѣла звѣзда ясная;
Потемнѣла.
Закатилась въ понебесью;
Закатилась!
Ты куда, куда скрываешься
И куда пошла?
Или съ небомъ раздружаешься,
Гдѣ красой была?
Съ небомъ яснымъ я не ссорюся,
Я въ него иду:
Тамъ ему на вѣкъ усвоюся
И—покой найду!

---

[1]) По рукописи Публичной Библіотеки. Изъ бумагъ А. А. Краевскаго.

На Н. Н. Пушкину [1]).

Не смыть ей горькими слезами
Съ себя пятна,
Не отмолиться ей мольбами:
Жалка она.
Вотъ пѣсни звучной и свободной
Умолкъ пѣвецъ,
Не свянетъ въ памяти народной
Его вѣнецъ.
Не смолкнетъ голосъ вдохновенный
Во гробѣ съ нимъ;
Онъ повторится, какъ священный
Народный гимнъ,
И въ дальни годы донесется
Его напѣвъ,
И сердце юноши забьется,
И русскихъ дѣвъ.
И скорбь и смерть его вспомянетъ
Пѣвецъ младой,
Но голосомъ его не грянетъ
Пѣвецъ другой.
И будутъ новы поколѣнья
О немъ твердить,
Любовь, тоску и жажду мщенья—
Все въ немъ любить.
И на могилу ту покажутъ,
Гдѣ прахъ сокрытъ,
За что, когда и кѣмъ, разскажутъ,
Онъ былъ убитъ.
Не смыть ей горькими слезами
Съ себя пятна.

---

1) Восп. Бестужева-Рюмина, Сборникъ 2 отд. Ак. Наукъ, т. СПБ., 1901, стр. 11—12. Сохранилось среди бумагъ П. Я. Дашкова [illegible] колаевскаго времени). 4 первыя строчки были приведены въ „Нов[illegible] Времени“ № 1529, № 1759, откуда перепечатаны въ предисловіи къ [illegible]шему сборнику „Русскіе поэты о Пушкинѣ“ (М., 1899).

Не отмолиться ей мольбами:
Жалка она.

1837.

А. Савинскій [1]).

На кончину А. С. Пушкина

Гдѣ ты, геній вдохновенья?
Гдѣ великій человѣкъ?...
Пушкинъ, свѣтъ, вѣнецъ творенья,
Какъ звѣзда, угасъ твой вѣкъ!
Ахъ, нѣмнѣтъ сердца струны!
Мнѣ отрада лишь въ слезахъ!
Вторьте, грозные перуны,
Тяжкій стонъ мой въ небесахъ...
И кровавыми когтями
Мнѣ тоска вонзилась въ грудь!
Кто на пиршество съ богами
Мнѣ теперь укажетъ путь?
Кто положитъ славы грани
На предѣлахъ двухъ міровъ,
То гремя, какъ громы брани,
То вздыхая, какъ любовь?
И величіе съ красою
Въ роковой рыдали мигъ!
И Кавказъ сѣдой главою
Къ безднамъ Каспія поникъ!
Други, кровію безцѣнной
Купимъ горестный урокъ:
Жить для славы полвселенной,
Но пусть жизнью правитъ Богъ!

П. А. Гвоздевъ [2]).

Отвѣтъ Лермонтову на его стихи «На смерть Пушкина».

Зачѣмъ порывъ свой благородный
Ты имъ излилъ, младой поэтъ?

---

[1]) Подарокъ прекрасному полу. Стих. М. 1846. стр. 99—100.
[2]) „Рус. Старина“ 1896, окт., 131—2.

Взгляни, какъ этотъ міръ холодный
Корою льляною одѣтъ!
Напрасно звукъ души печальной,
Какъ эхо порванной струны,
Раздался въ пѣснѣ погребальной...
О нѣтъ, поэтъ, твоей страны
Сердца покрыты зимней вьюгой,
Ихъ чувства холодны, какъ ледъ,
Ихъ души мертвыя въ кольчугѣ,
Имъ недоступенъ твой полетъ!...
Напрасно лирою печальной
Ты имъ воспѣлъ удѣлъ Творца:
Слезы не кануло прощальной
На гробъ убитаго пѣвца—
Пѣвца Кавказа, русской славы...
Имъ пѣснь твоя, какъ судъ кровавый,
Для нихъ она, какъ грозный мечъ;
Не могъ ты въ ихъ душѣ презрѣнной
Свободной истиной зажечь
Огонь высокій и священный.
Не понялъ ихъ бездушный свѣтъ
Порыва благородной лести:
Ихъ души алчныя, поэтъ,
Горятъ въ н.....[2]), низкой лести;
Твой стихъ свободнаго пера
Обидѣлъ гордое тщеславье,
И стая вранъ у ногъ царя,
Какъ милость, ждутъ твое безславье....
Но ты гордись, младой пѣвецъ,
Предъ кознями ихъ адской злобы:
Не расплести ими твой вѣнецъ...
Пускай отверзутся хоть гробы,
. . . . . .
. . . . . .
Не ты ль сказалъ: «есть грозный судъ!»
И этотъ судъ—есть судъ потомства,

---

1) Точки здѣсь, какъ и ниже, въ подлинникѣ.

Сей судъ прочтетъ ихъ приговоръ,
И на листѣ, какъ вѣроломство,
Онъ впишетъ имя ихъ въ позоръ.

СПБ. 22 февраля 1837 г.

Падучая звѣзда [1]).

(*Притча*).

Я былъ въ первой порѣ юности, когда среди блистающихъ свѣтилъ ночи, надъ хладными полями моей родинѣ взошла звѣзда *первой величины, лучшая красавица сѣвернаго неба.* Съ улыбкой встрѣтили новорожденную безчисленныя миріады ея подругъ: одна изъ нихъ [2]), болѣе лучезарная, сходя во гробъ, благословила явленіе нежданной; другія радостно привѣтствовали дивнаго пришельца и дали ему мѣсто межъ *Лебедя* и *Лиры*... Почетное мѣсто, не случаемъ указанное, но Богомъ назначенное. А на землѣ, въ юдоли плача и скорби, что дѣлали въ то время ея вѣчно—движущіеся труженики? Ихъ очи и сердца устремились на небо... Туда, туда... къ звѣздѣ невиданной. Угаснетъ ли завоеватель—Наполеонъ, прозвучитъ ли пѣвецъ—Моцартъ, повѣетъ ли былью старина, иль грусть—злодѣйка ляжетъ на сердце отъ унылой пѣсни родины... мы смотримъ: что яркій гость небесъ? не пламенѣетъ ли гнѣвомъ? не сверкнетъ ли восторгомъ? не меркнетъ ли грустію? И много мы любовались имъ!... И онъ померкъ! но не отъ грусти. Плачьте, люди! Плачьте всѣ, кому на тяжкій, жизненный путь онъ сыпалъ благодатные лучи! Кто жъ дерзнулъ похитить перлъ небесъ?... О, тяжело вымолвить!... Когда бы грозный хвостъ кометы увлекъ его въ надзвѣздный міръ; когда бъ, по волѣ Вышняго, онъ улетѣлъ къ инымъ свѣтиламъ, чтобъ озарить собой обширныя поля неизмѣримыхъ пространствъ вселенной; или—предтеча грядущихъ бѣдствій—сокрылъ бы чело свое отъ ужасной кары могущаго... не такъ бы ныло сердце. А то... повѣришь ли?... Великій Боже!... ничтожный червь затмилъ его; великанъ небесъ поникъ главой отъ праха.

---

[1]) По рукописи Публичной Библіотеки. Изъ бумагъ А. А. Краевскаго. Внизу написано: „помѣстите, если можно, въ Литературныхъ Прибавленіяхъ, это маранье одной дамы, огорченной смертью Пушкина“.

[2]) Державина.

О, еслибъ этотъ червь могъ измѣрить величину утра шей; еслибъ этотъ прахъ могъ вѣдать глубину печали... (сорвалъ бы *звѣзды, лучшей красавицы нашего неба.*

В. К. Кюхельбекеръ [1]).

Тѣни Пушкина.

Итакъ, товарищъ вдохновенный,
И ты!—А я на прахъ священный
Слезы не пролилъ ни одной—
Съ привычки къ горю и страданьямъ
Всѣ высохли въ груди больной.
Но образъ твой моимъ мечтаньямъ
Въ ночахъ безсонныхъ предстоитъ,
Но я тяжелой скорбью сытъ,
Но, мрачный, близъ жены мнѣ милой
И думать о любви забылъ...
Тамъ мысли, надъ твоей могилой!
Смолкъ шорохъ благозвучныхъ крылъ
Твоихъ волшебныхъ пѣснопѣній,—
На небо отлетѣлъ твой Геній,
А визги желтой клеветы
Глупцовъ, которые марали,
Какъ былъ ты живъ, твои черты
И нынѣ, въ часъ святой печали,
Безумные, не замолчали!
Гордись! Ей Богу, стыдъ и срамъ
Ихъ подлая любовь! Пусть жалятъ!
Тотъ пустъ и гнилъ, кого всѣ хвалятъ;
За зависть дорого я дамъ.
Гордись! Никто тебѣ не равенъ,
Никто изъ сверстниковъ пѣвцовъ:
Не смеркнешь ты во мглѣ вѣковъ;
Въ вѣкахъ тебѣ клевретъ Державинъ.

24 мая (183

---

[1]) По рукописи Публичной Библіотеки. Изъ бумагъ А. А. Кра
См. также „Лит. Вѣст.“ 1902, II, 168—169.

А. Ѳ. Воейковъ [1]).

Домъ сумасшедшихъ.

. . . . . .

Вотъ онъ—Пушкина убійца,
Легкомысленный французъ,
Развращенный кровопійца,—
Огорчилъ святую Русь;
Схоронилъ нашъ кладъ завѣтный,
Въ землю скрылъ талантъ пѣвца,
Вырвалъ камень самоцвѣтный
Онъ изъ царскаго вѣнца!

. . . . . .

Вотъ Козловъ. Его смѣшнѣе
Дурака я не видалъ:
Модный фракъ, жабо на шеѣ....
Будто только отплясалъ
Котильонъ, нашъ франтъ убогій,
И, къ себѣ питая страсть,
Мѣтитъ прямо въ полубоги
Или въ Пушкины попасть!

. . . . . .

1838 (?)

Гр. Растопчина [1]).

Нашимъ будущимъ поэтамъ.

A quoi servent vos vers de flamme et de lumière?
A faire quelque jour reluire vos tambeaux?
M-me Anaïs Ségalas.

Не трогайте ея, зловѣщей сей цѣвницы!...
Она губительна!... Она вамъ смерть даетъ!...
Какъ семимужняя библейская вдовица,

---

1) „Рус. Старина", 1874, мартъ, 589, 601.
1) Стих., II, СПБ., 1856; 83-84. На смерть Лермонтова.

На избранныхъ своихъ она грозу зоветъ!..
Не просто, не въ тиши, не мирною кончиной,
Но преждевременно, противника рукой
Поэты русскіе [2]) свершаютъ жребій свой.
Не кончивъ пѣсни лебединой!..
Есть гдѣ то дерево [3]), на дальнихъ островахъ,
За океанами, гдѣ вѣчнымъ зноемъ пышетъ
Экваторъ пламенный—гдѣ въ вѣковыхъ лѣсахъ,
Въ растеньяхъ, въ воздухѣ и въ безсловесныхъ дышитъ
Всесильный, острый ядъ—и горе пришлецу,
Когда подъ деревомъ онъ ищетъ, утомленный,
И отдыхъ, и покой!!—Сномъ смерти усыпленный,
Онъ близокъ къ своему концу...
Онъ не отторгнется отъ мѣста роковаго,
Не встанетъ, не уйдетъ; ему спасенья нѣтъ!..
Убійца—дерево не выпуститъ живого
Изъ—подъ вѣтвей своихъ!... Такъ точно, о поэтъ,
И слава хищная невѣрнымъ упоеньемъ
Тебя предательски издалека манитъ!
Но ты не соблазнись, бѣги... Она даритъ
Однимъ кровавымъ разрушеньемъ!
Смотри: существенный, торгующій нашъ вѣкъ,
Столь положительный, насмѣшливый, холодный,
Поэзіи, пѣвцамъ и пѣснямъ ихъ изрекъ,
Зѣвая, приговоръ вражды неблагородной.
Онъ безъ вниманія къ разсказамъ и мечтамъ,
Онъ не сочувствуетъ высокимъ вдохновеньямъ,
Но зависть знаетъ онъ—и мститъ своимъ гоненьемъ
Вѣнчаннымъ лавромъ головамъ!...

1841.

---

[2]) Имѣются въ виду главнымъ образомъ Пушкинъ и Лер
[3]) *Манцинилло*, убивающее того, кто заснетъ подъ его
При

М. Е. Салтыковъ (Щедринъ) [1].

Лира.

На русскомъ Парнассѣ есть лира;
Струнами ей—солнца лучи,
Ихъ звукамъ внимаетъ полъ—міра,
Предъ ними самъ громъ замолчи!
И въ черную тучу главою
Небрежно уперлась она;
Могучій утесъ подъ стопою,
У ногъ его стонетъ волна.
Два мужа на лирѣ гремѣли,
Гремѣли могучей рукой;
Къ нимъ звуки отъ неба летѣли,
И приняли образъ земной.
Одинъ былъ старикъ величавый;
Онъ мощно на лирѣ бряцалъ.
Вѣнцомъ немерцающей славы
Поэта міръ хладный вѣнчалъ.
Другой былъ любимый сынъ Феба:
Онъ пѣсни допѣть не успѣлъ,
И въ свѣтлой обители неба
Ужъ исповѣдь сердца допѣлъ.
Пѣвецъ тотъ былъ славенъ и молодъ,
Онъ пѣснею смертныхъ увлекъ,
И міра безжизненный холодъ
Въ волшебные звуки облекъ.
Угасли! Въ святыя селенья
Умчавшись, съ собой унесли
И лиру, одно утѣшенье
Средь бурь и волненій земли!...

---

[1]) „Библіотека для чтенія“, 1841, VI, 105—106. Подпись С—въ. „Дѣтское чтеніе“ 1899, V, 477 относитъ это стихотвореніе къ Державину и Пушкину.

Н. И. Куликовъ [1].

Братья журналисты.

(Шутка-пародія на стих. Пушкина „Братья-Разбойники").

Не стая птицъ, а какъ собаки,
Готовыя изъ-за костей
Загрызть и ближнихъ, и друзей,
Такъ алчные вина и драки,
Въ урочный изъ недѣльныхъ дней,
Къ Бумарину, въ числѣ гостей,
Сбирались разные писаки.
Какая смѣсь лицъ и умовъ,
Способностей и состоянья:
Изъ нѣмцевъ, поляковъ, жидовъ
Здѣсь русскихъ критиковъ собранье;
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ:
Не вѣрить никакимъ законамъ.
Межъ ними зрится панъ—бѣглецъ,
Что приставалъ ко всѣмъ знаменамъ.
Песоцкій букинистъ—варягъ
И множество другихъ бродягъ—
Языкскій, Шпицъ, Межевичъ грязный,
И Греча сынъ и съ лѣнью праздной
Самъ Гречъ, дѣйствительный цыганъ.
Шпіонство, злость, подрывъ, обманъ,
Вотъ узы избранныхъ мерзавцевъ;
Тотъ ихъ, кто по міру пустилъ
Двухъ или трехъ книгопродавцевъ;
Кто ближняго изъ-за чернилъ
Передъ правительствомъ чернилъ;
Кому смѣшна прямая честность,
Что умъ и геній не щадитъ,
Кого безчестье веселитъ,
Какъ Гречъ, срамимая извѣстность!
Раскрылись подлыя уста...

---

[1]) „Рус. Стих.", 1885, II, 471 - 3., „Лютня", II, 1874, 28—30.

Рѣчь о писателяхъ заходитъ,
И на невинныхъ клевета
Изъ устъ въ другія переходитъ.
Но сплетенъ истощивъ запасъ,
Умолкли всѣ... Ихъ занимаетъ
Ѳаддея [1]) стараго разсказъ,—
И все вокругъ него внимаетъ.
«Насъ только двое: Гречъ и я;
Вросли мы розно; наша дружба—
Какъ басня «Крестьянинъ и змѣя».
Наскучила намъ чести служба,
И согласились межъ собой
Мы издавать журналъ большой;
Въ сотрудники себѣ набрали
Пройдохъ такихъ, какъ мы—точь въ точь;
Свои грѣхи на нихъ слагали,
А пикнутъ—отгоняли прочь.
Бывало. въ пору ту глухую
Статейку пустимъ удалую,
Бранимъ иль хвалимъ подъ рукой
И вѣсъ имѣемъ надъ толпой.
Кто не забылъ меня и Греча?
Сберется ль гдѣ-нибудь родъ вѣча,
Туда, какъ братья, и кричимъ,
Всѣхъ громче судимъ, осуждчемъ,
На счетъ хозяевъ пьемъ, ѣдимъ,
Всѣхъ, какъ Іуды, предадимъ—
И сребренники получаемъ:
И что жъ? попались молодцы!
Мы съ Пушкинымъ не совладали,
Онъ насъ клеймилъ; какъ подлецы,
Съ тѣхъ поръ мы въ общемъ мнѣньи стали,
И я чуть не попалъ въ острогъ!
Но вынесть больше Греча могъ:
Я бѣгалъ подъ двумя орлами,
Онъ все гонялся за чинами!
Я упѣлѣлъ, онъ изнемогъ!

---

[1]) Булгарина.

Съ трудомъ поддерживая связи,
(Хоть и въ чинахъ а все изъ грязи),
И мнѣ во всемъ бывъ по плечу,
Онъ трусилъ всѣхъ, твердя всечасно:
«Мнѣ стыдно здѣсь... въ Парижъ хочу!»
Я тутъ ему себя напрасно
Въ примѣръ безстыдства выставлялъ:
Онъ въ Петербургѣ всѣхъ стыдился
И путешествовать пустился.
Оттоль статейки присылалъ;
Въ нихъ русскимъ льстилъ, другихъ ругалъ,
Но тѣмъ не выигралъ у трона...
Лишь за границею стяжалъ
Онъ имя русскаго шпіона.
Но наша связь свое взяла!
Вновь съ Гречемъ мы соединились,
Стыдливость глупая прошла,
Съ ней честь и совѣсть удалились..
Возстали снова мы! Съ тѣхъ поръ
Росла въ насъ злость на всѣхъ извѣстныхъ,
Душа рвалась при видѣ честныхъ,
Алкала сплетенъ, лжи и ссоръ!
Вамъ тощенъ былъ журналъ правдивый,
Редакторъ, критикъ справедливый,
Поэтъ, художникъ и актеръ,
И въ юношѣ талантъ счастливый,—
На всѣхъ двойной точили ножъ!
Всѣхъ подъ сюркупъ вели! И что жъ,
Изъ всѣхъ—лишь одного больного
Намъ страшно рѣзать старика:
На Николая Полевого
Не поднимается рука!
Разъ, помню, самъ въ войнѣ жестокой,
Въ измѣнѣ трижды уличенъ
(Какъ перебѣжчикъ двухъ сторонъ),
Я, съ чувствомъ подлости глубокой,
Кричалъ: vivat! Урра! Pardon!»

1842.

М. А. Дмитріевъ [1]).

Къ безыменному критику. (Бѣлинскому).

. . . . . .
Нѣтъ! Народъ нашъ не ребенокъ
Былъ еще и до Петра:
Русскій мечъ давно ужъ звонокъ,
Наша честь—давно стара!
И не съ нынѣ начинаемъ
Мы вести поэтовъ родъ!
Плодъ и въ корнѣ почитаемъ,—
Но не чтимъ растлѣнный плодъ!
Нѣтъ! Россіи честь и слава
И до Пушкина была,
И цвѣтетъ ея держава
Не съ вчерашняго числа!

Н. П. Огаревъ [2]).

Грановскому.

. . . . . .
Мы одинаково здоровы
И одинаково больны,
И оба жребіемъ сурово
Одной хандрой надѣлены.
Я радостно въ твоемъ посланьи
Прочелъ, что говорить со мной
Ты можешь только да женой
О тайномъ внутреннемъ страданьи.
Одно, что я въ себѣ цѣню.
Основу дружбы нашей вижу
(Хоть слабость глупую мою
Всегда безплодно ненавижу):

---

1) „Москвитянинъ“, 1842, V, № 10, стр. 284.
2) „Русская Мысль“, 1889, XII, 16—17.

То женски—тохой, нѣжный нравъ.
Не знаю, правъ я иль не правъ?
Одно пристрастье я съ тобою
Питаю къ Пушкину. И что жъ
Съ его больною стороною
Мы, можетъ, дружны? Онъ похожъ
На насъ болѣзненно. А, можетъ,
Къ нему у насъ пристрастья нѣтъ,
А просто ни одинъ поэтъ
Души такъ вѣрно не тревожитъ.
Вѣдь не болѣзнь его печаль,
И порицать мы станемъ нынѣ—
Изъ современности—едва ли,
Что находили въ немъ святыней,
Чѣмъ наслаждались мы въ тиши—
И грусть, и свѣтъ его души!
А Таня! Милое созданье,
Поэта лучшій идеалъ,
Не разъ ему въ пустомъ блужданьи
Я воплощенія искалъ,—
Такъ онъ мнѣ близокъ! Но признаться,
Я идеаловъ всѣхъ моихъ
Хоть не могу отстать отъ нихъ—
А сталъ ужасно какъ бояться.
Дано въ числѣ мнѣ Божьихъ каръ
То, что я вмѣстѣ старъ и молодъ,
Что сохранилъ я юный жаръ,
А жизнь навѣяла мнѣ холодъ...
Еще довольно скорби дастъ
Мнѣ сей безвыходный контрастъ!
. . . . . 1843.

И. С. Тургеневъ [1]).

Параша.

. . . . . .
Она читала жадно... и равно

---

[1]) **Стихотв.**, СПБ., 1891, стр. 5—6.

Марлинскаго и Пушкина любила,
(Я сознаюсь въ ея проступкахъ), но
Не воскицала: «Ахъ, какъ это мило?»
любовалась молча.– Вамъ смѣшно?
Не вѣрите вы въ русскую словесность?
И я не вѣрю тоже, хоть у насъ
Весьма легко пріобрѣсти извѣстность...
Россійскіе стихи—россійскій квасъ
Одну и туже участь раздѣляютъ:
Въ порядочныхъ домахъ ихъ не читаютъ,
А квасъ не пьютъ... Но благодаренъ я
Такимъ чтецамъ, какъ барышня моя.
Для нихъ пишу.....

1843.

Dr. Wilhelm Wolfsohn [1]).

Ein Hochzeitlied dem Weibe Pusehkin's.

O, die ein grosses Herz besessen,
Um die ein starker Geist geweint,
Mag dich, o Weib, die Welt vergessen,
Mag dich vergessen Freund und Feind—
Wie du vergisst die ernste stunde,
In der seine Augen schloss,
Und aus des Dichters Todeswunde
Für *dich* der letzte Tropfen floss!
Du willst dnn Namen nicht mehr tragen,
Der dir vermacht mit seinem Blut,
Um den im Norden Männer klagen
Mit weiblich innig zarter Glut—
So trag' auch *dich* in seinem Busen
Kein Mensch, der diesen Namen nennt,
Der auth dem Altar hel'ger Musen
Als Liebesopferflamme brennt!
So mag auch fern die Schritte lenken

---

1) По рукописи Публичной Библіотеки. Изъ бумагъ Краевскаго.

Von jedem Orte, der dich trägt,
Wem je des Dichters Angedenken
In andachts vollem Herzen schlägt!
Der Name, der so herrlich leuchtet,
Der deine Seele überlebt,
Der manches Fremden Auge feuchtet,
Vor dem manch fremde Herz erbebt—
Er mird nicht mehr erneu'n die Klagen,
Wenn *du* zur Erde sinkst hinab,
Er wird nicht mehr als Denkmal ragen
Auf deinem unbekannten Grab!
Dies Lied aus meiner tiefsten Seelen
Grell klingt's an deinem Ehrentag,
Ich kann den Wunsch dir nicht verhehlen,
Dass es wie Fluch dir klingen mag!
Wie einst gebrannt dich deine Schmerzen
Bei neines Gatten Abschiedsgruss,
So brenne heiss auf deinem Herzen
Ietzt deines Gatten Nochzeitskuss!

Astafjewo bei Mo
August 1844.

L. de Manzini [1].

In morte del poeta Puschin.

Sonetto.

Cinge le tempia di feral cipresso,
Apollo, e stempra l'armoniosa lira,
In duol le muse stanno a lui dappresso,
Coro dolente, che tristezza inspira.
Tutto si tace, e nel silenzio istesso,
Un lungo mormorar cupo s'aggira,
Qual flebile gemir d'un core oppresso,
Che più dolci pensier l'alma non spira.
Che avvenue? Che fu? O infausto giorno!

---

1) Poesie di Puschin, tradotte in versi italiani. S.-Pietroburgo. 1844

Morte ne svelse chi di lauro cinta
Glorioso ormava la severa fronte.
Ei no è più; ma d'auree stelle adorno
Volò beato al delizioso monte,
Là vè la gloria non rimane estinta.

А. Мартыновъ [1]).

Пародія на «Евгенія Онѣгина» (VII, 55).

Еще прибавимъ два—три слова:
«Я негодяя молодова
Доселѣ пѣлъ, и вотъ конецъ.
Подай хоть елевый вѣнецъ
Гудочнику, кокетка Муза!
Я, признаюсь, и вкось и кривь
Вилялъ, зато разсказъ игривъ.
Насилу съ плечъ стреслась обуза!»

В. Бенедиктовъ [2]).

Бахчисарай.

Настала ночь. Утихъ базаръ.
Тѣснины улицъ глухи, нѣмы.
Луна, лелѣя сонъ татаръ,
Роняетъ лучъ сквозь тонкій паръ
На сладострастные гаремы.
Врата открылъ передо мной
Дворецъ. Подъ ризою ночной
Объяты говоромъ фонтановъ
Мечеть—гаремъ—гробницы хановъ—
Молитва—нѣга и покой.
Здѣсь жизнь владыкъ земныхъ витала,
Кипѣла воля, сила, страсть;

---

1) „Маякъ", 1844, май, 32.
2) „Метеоръ", 1845, СПБ., стр. 75—6.

Здѣсь власть когда то пировала,
И громъ окрестъ и страхъ метала—
И все прошло; исчезла власть.
Теперь все полно тишиною.
Какъ сей увѣнчанный луною
Глубокій яхонтовый сводъ.
Все пусто—башни и кіоски,—
Лишь чьей то тѣни виденъ ходъ,
Да слышны въ звонкомъ плескѣ водъ
Стиховъ волшебныхъ отголоски.
Вотъ тотъ фонтанъ!... Когда о немъ,
Гремя, вѣщалъ органъ Россіи,
Сей мраморъ плакалъ въ честь Маріи,
Онъ былъ слезами въ водоемъ—
И ихъ ужъ нѣтъ!—Судьба свершилась:
Ея послѣдняя гроза
Надъ вдохновеннымъ разразилась—
И смолкъ фонтанъ,—остановилась,
Замолкла въ мраморѣ слеза.

А Савинскій [1].

Пушкину.

Умъ всеобъемлющій, глубокій, величавый!
О Пушкинъ! кто, скажи, твоей наслѣдникъ славы?
Кто прелесть съ нѣгою, съ величіемъ любовь
Соединитъ въ себѣ гармоніей боговъ?
О тѣнь безсмертная! звѣзда души поэта!
Явись и услади грусть горькую полсвѣта,
Или хоть съ дѣвой горъ промчись по облакамъ!
Греми тамъ пѣснь свою безсмертнымъ и мірамъ
Поставь свой памятникъ, гдѣ колыбель вселенной!..
Во мнѣ таинственной, безмолвной и священной,
Сверкая взорами, тысячелѣтій сонмъ
Придетъ одѣть твой прахъ безсмертія крыломъ!

---

[1] Подарокъ прекрасному полу, Стихотв. М. 1846. стр. 10

Нѣтъ, нѣтъ! въ урокъ вѣкомъ, орлы Петровой славы
Пріосѣнятъ тебя перунами Полтавы!

К. Павлова [1].

Думы.

. . . . . .
Не одного мы погребли поэта!
Судьба у насъ ихъ губитъ въ цвѣтѣ дней.
Онъ [2]) первый палъ—вѣсть памятна мнѣ эта!
И раздалась другая вслѣдъ за ней
Удаченъ вновь былъ былъ выстрѣлъ пистолетъ,
Но смерть *твоя* [3]) мнѣ въ грудь легла больнѣй.
. . . . . .

1846.

А. Григорьевъ [4].

. . . . . .
.... Можетъ быть, вы въ сѣверную ночь,
Болѣзненно прозрачную, бродили
По городу, какъ я... когда невмочь
Отъ жару, отъ тоски, отъ страшной пыли
Вамъ становилось... Васъ тогда томили
Безцѣльныя желанья—вы бѣжали прочь
Отъ этихъ зданій, вытянутыхъ фронтомъ,
Отъ длинныхъ улицъ съ тѣснымъ горизонтомъ.
Тогда быть можетъ, память васъ влекла
Туда, гдѣ «ночь надъ мирною Коломной
Тиха отмѣнно» [5]); гдѣ въ тиши цвѣла
Параша красотой своею скромной;

---

[1]) „Сѣверные цвѣты“ М., 1901, стр. 73.
[2]) Пушкинъ.
[3]) Лермонтовъ.
[4]) Первая глава изъ романа „Отпѣтая“—„Московскій Городской Листокъ“, 1847, № 163, стр, 652.
[5]) „Домикъ въ Коломнѣ“ Пушкина.

Вы вспоминали, какъ она была мила,
Наивно любовавшаяся томной
Луной—мечтавшая Богъ вѣсть о чемъ...
И. думая о ней, вы думали о немъ—
О томъ пѣвцѣ съ младенческой душой,
Съ божественною рѣчью на устахъ,
Съ вѣнчанной лаврами кудравой головой,
Съ разумной думой мужеской въ очагъ;
Вы жили вновь его отрадною тоскою
О тишинѣ полей, о трехъ соснахъ,—
Тоской, которой даже въ лѣтахъ зрѣлыхъ
Страдалъ «погибшій рано смертью смѣлыхъ». [1])
Иль нѣтъ—простите, я совсѣмъ забылъ:
Вы человѣкъ иного поколѣнья,
Иной вожатый [2]) васъ руководилъ
Въ иныя страсти, муки и волненья;
Другой вожатый вѣрить васъ училъ...
И вы влюбились въ демона сомнѣнья,
Вблизи Коломны Пушкина—увы!—
Съ тѣмъ злобнымъ демономъ бродили вѣчно вы!

. . . . . .

Н. Маркевичъ [3]).

Русскіе поэты.

Жуковскій, Пушкинъ Карамзинъ!
О! въ этихъ именахъ такъ много славы, жизни.
Мнѣ грустно было бъ жить, когда бы я одинъ
Былъ преданъ вамъ въ моей отчизнѣ.
Кто добръ, тотъ ваши имена
Съ любовью, съ вѣрой повторяетъ;
И ваша пѣснь, души полна,
На землю небо призываетъ.
Вадимъ, Свѣтлана, Громобой,—
Ужели дѣва есть такая,

---

1) Стихъ изъ „Евгенія Онѣгина". *Авт.*
2) Лермонтовъ.
3) „Москвитянинъ", 1848, III, № 8, стр. 82—4.

Чтобы невинною душой
Не поняла напѣвовъ? [1])
Всѣ отзывы твои къ друзьямъ
Доступны, сладостны сердцамъ,
Не зараженнымъ язвой свѣта;
Надъ грустной пѣснію твоей
Слеза изъ дѣвственныхъ очей
Есть добродѣтели примѣта:
При сладкомъ голосѣ твоемъ
Бывалымъ снова мы живемъ,
И часто снова передъ нами
«Съ алмазнымъ счастіе ключомъ,
Любовь съ прелестными дарами,
И съ яркимъ истины лучомъ».
А другъ твой, этотъ благодѣтель
Своей отчизны, исполинъ,
Всего протекшаго свидѣтель,
Великій, славный Карамзинъ...
У всѣхъ насъ, мы должны сознаться,
Сестра, невѣста, мать, жена
И чувствовать, и выражаться
Карамзинымъ научена.
Во мракъ протекшаго, сквозь покрывало ночи,
Вперивъ орлиныя, пронзительныя очи,
Во глубь вѣковъ проникъ; потомству передъ взглядъ
Далекихъ подвиговъ явилъ онъ длинный рядъ,
Клалъ неподкупною рукою, не блѣднѣя,
Печать проклятія на дѣйствія злодѣя;
Заставилъ насъ любить родную старину,
Воспѣлъ Наталью намъ, Борецкаго жену,
И долго странствуя изъ мѣстъ чужихъ, далекихъ,
Привезъ намъ много думъ и новыхъ, и глубокихъ;
Нечистыхъ гадовъ клубъ, завистливыхъ и злыхъ,
Шипѣлъ у ногъ его,—не раздавилъ онъ ихъ.
И вотъ вашъ ученикъ: Евгеній и Татьяна,
Они родные намъ, живутъ у насъ въ мечтахъ,

---

[2]) Герои сочиненій Жуковскаго.

[1]) Повидимому, пропущено слово (рая?).

Нерѣдко заставалъ я русскихъ дѣвъ въ слезахъ
Надъ пылкими его страницами романа.
Вотъ онъ, нашъ Пушкинъ, нашъ пѣвецъ;
Надѣвъ Овидія вѣнецъ,
Онъ зналъ судьбу его и горе.
Угрюмъ, уединенъ, на Черное онъ море
Въ раздумьи наклонясь, поетъ намъ про фонтанъ
Или разбойниковъ, или толпу цыганъ.
По Бессарабіи вдали отъ насъ скитаясь,
Въ горахъ заоблачныхъ Кавказа укрываясь,
Какъ мраморъ кажется холоднымъ межъ людей,
Но чувство пылкія таитъ въ душѣ своей:
Такъ знойны Африки тропическія степи.
Онъ въ городѣ не свой, онъ ненавидитъ цѣпи;
Безбреженъ онъ въ мечтахъ, какъ даль, какъ океанъ,
Когда на немъ лежитъ развившійся туманъ.
Въ немъ голосъ сладостенъ, какъ передъ бурей мор.;
Съ нимъ изъ пѣвцовъ никто, никто не станетъ въ спор
Людмила и Русланъ съ Черкешенкой его
Пройдутъ и на пути не встрѣтятъ ничего,
Чтобъ быстрый ихъ полетъ въ вѣкахъ остановило.
Пѣснь благозвучная, гдѣ чувство говорило,
Въ потомствѣ не умретъ. Пусть зависть, клевета
Ея не чувствуютъ; пусть подлыя уста
Въ своемъ безуміи прекрасное поносятъ:
Жуковскій, Карамзинъ похвалъ себѣ не просятъ;
Они и Пушкинъ нашъ—всѣ три пойдутъ въ вѣка:
Ихъ лавровъ не сомнетъ нечистая рука.

К. Соважъ [1].

Недоконченная быль.

. . . . . .
Во время оно и въ романѣ
Быть русскимъ было такъ смѣшно,
И имя русское Татьяны

---

[1]) „Тревога раздумья.“ Стих. М., 1848, стр. 26—7.

Впервые Пушкинымъ дано.
Эрастъ, Темира и Аглая
Съ любовью небывалыхъ дней
Сулили намъ отрады рая,
Шалашъ и истинныхъ друзей.
Но время нѣжнаго желанья
И романтическихъ затѣй
Прошло, какъ странныя мечтанья
Моралью мыслящихъ людей.
И передъ нами дикъ и нѣмъ
Сталъ романтическій Эдемъ.
Досадно многимъ, что родныя
Теперя въ модѣ имена,
Что были русскія, простыя
Внимать вся Русь осуждена.

. . . . . .

К. Соважъ [1].

Старое время, славное время.

. . . . . .

Разочарованныя лица
Намъ, право, вовсе не къ лицу.
Досадно видѣть, какъ дѣвица
Идетъ задумавшись къ вѣнцу.
Какъ въ дни бывалые, надежда
Не веселитъ стыдливый взоръ.
Ей мужъ все кажется невѣжда,
А бракъ—тяжелый приговоръ.
Вскружили голову романы,
Всѣ наповалъ хотятъ страдать,
И роль Онѣгиной Татьяны
Хоть разъ одинъ да разыграть.
Ужъ этотъ Западъ, Боже мой,
Ненуженъ онъ странѣ родной.

. . . . . .

---

[1]) „Тревога раздумья.“ Стихотворенія. М. 1848. Стр. 5.

Ѳ. Глинка [1].

Мастерская Брюлова (во время его сна).

. . . . . .

Ты спишь, творецъ, а *мастерская*
Твоя движеніемъ полна:
У *Пскова* сѣча роковая,
Святая русская война!
Въ виду торжественнаго клира,
Среди хоругвей храмовыхъ
Играетъ русская сѣкира
Надъ головой *гостей* чужихъ...
Подъ глыбами взлетѣвшихъ башней,
Гдѣ взвихрился ретивый конь,
Нашъ русскій, на войнѣ домашней,
Кричитъ чужимъ: «меня не тронь!...»
Но изъ русскаго тумана
Чародѣйною мечтой
Сталъ я гостемъ у *фонтана*—
На *Тавридѣ* золотой.
Вотъ красавицы Востока,
То поютъ, то говорятъ,
То смѣются, то слѣдятъ
Образъ свой въ стеклѣ фонтана...
У одной лишь, видно, рана [2]
Въ грудь всосалась, какъ вампиръ:
Для *Заремы* черноокой,
Одичалой, одинокой,
Грустенъ весь подлунный міръ—
Затаившееся горе
И предчувствій вѣщій гласъ
Шепчутъ ей про даль, про море

---

1) „Раутъ", М., 1851, стр. 57—58. Эти стихи написаны наскоп осмотрѣ мастерской Брюллова, когда онъ, одержимый тяжкою болг забылся сномъ, который не хотѣлось нарушать. *Прим. авт.*

2) Намеки на „Бахчисарайскій фонтанъ" Пушкина и извѣ картину Брюллова, изображающую обитательницъ гарема.

Да про облачный Кавказъ.
Взглядомъ смутнымъ и заразнымъ
Блещетъ глазъ ея кристалъ,
А надъ поясомъ алмазнымъ
Сросся съ пальцами кинжалъ...
Чуждо ей подругъ веселье!..
Но прекрасенъ *миръ души*,
Въ сторонѣ, *въ укромной кельѣ*...
Кто тамъ дѣва?... кто, въ тиши,
Ангеломъ мелькаетъ чудно
Предъ лампадой и крестомъ,
Въ дивномъ свѣтѣ изумрудномъ—
Въ чистомъ воздухѣ святомъ?...

. . . . . .

1849

Сперанскій [1].

Exeunt omnes.

Не плачь, не плачь, о Русь родная
О милыхъ двухъ твоихъ сынахъ!
Такъ, видно, хочетъ власть святая,
Чтобъ жизнь ихъ сгинула, какъ прахъ!
О Пушкинъ, Лермонтовъ! на то ли
Мгновенно геній вашъ блеснулъ,
Чтобъ жертвой пасть враждебный доли?...
Звѣздой падучей онъ сверкнулъ...
Сверкнулъ... и озарилъ лучами
Туманный русскій небосклонъ—
Въ *пустынѣ* пѣсни ихъ звучали
И стихли, какъ вечерній звонъ!
Рабовъ и слугъ толпа слѣпая
Поэтовъ не могла цѣнить,—
Правдивый гласъ ихъ осуждая,
Позоръ стала ихъ клеймить!
Они исчезли... Одинокій,

[1]) „Лютня", II, 1874.

Народный геній нашъ стоитъ,—
Какъ странникъ, онъ въ степи широкой
Себѣ пристанища не зритъ.
Ни въ скромной хижинѣ селеній,
Ни въ пышной роскоши дворцовъ
Онъ не встрѣчаетъ вдохновеній,
Родныхъ не слышитъ голосовъ.
А если гдѣ и слышно пѣнье,
Какъ тихій говоръ ручейка,
Безъ пищи... гибнетъ вдохновенья,
Какъ въ снѣгѣ искра огонька!

1850.

(Тройницкій?) [1]

Гоголю.

(Въ память знакомства съ нимъ при возвращеніи его чрезъ Одессу изъ Италіи).

Ты возвращался изъ страны,
Гдѣ столько красокъ и весны;
Гдѣ въ мірѣ вольнаго искусства
Такой просторъ для думъ и чувства;
Гдѣ свѣтлымъ мраморнымъ богамъ
Курился долго ѳиміамъ;
Гдѣ обаяньемъ дышатъ донны;
Гдѣ изваянныя мадонны
По перекресткамъ и дворцамъ
Подъемлютъ взоры къ небесамъ;
Гдѣ въ храмахъ прежнихъ поколѣній
Ужъ не возносится моленій;
Гдѣ древній міръ пріютъ нашелъ;
Гдѣ католичества престолъ.
О той полуденной странѣ,
Ея богахъ, ея веснѣ,
Ея чарующихъ созданьяхъ,
Гремящихъ славою преданьяхъ,

---

1) „День памяти Пушкина 6 (25) іюня 1880 года въ Импер. Новорос. Универс.," Одесса, 1880, стр. 48—51

Великій нашъ пѣвецъ мечталъ,
Хотя ея и не видалъ [1]):
Въ нее лишь мыслью уносился,
Лишь духомъ съ нею онъ родился [2]),
И ликъ ея, какъ бы живой,
Сіялъ предъ вѣщею душой.
Ты, на пути въ свой край родимый,
На скиѳскій берегъ нашъ ступилъ,
И міръ иной, родной картиной,
Тебя отвсюду окружилъ.
Перебирая молча четки,
Ты намъ привѣтъ послалъ рукой
Сквозь карантинныя рѣшетки,
И здѣсь мы встрѣтились съ тобой:
Братъ знаменитаго поэта [3])
Да я ничѣмъ не именитый,
Да ты—зашелецъ знаменитый
Горячимъ воздухомъ одѣта,
Виднѣлась цѣпь черезъ заливъ;
Волны рокочущей отливъ
До слуха чутко доносился,
Пока ты съ нами не простился.
Былъ ясный день, и зной томилъ,
Когда ты кровъ мой посѣтилъ.
И незамѣтно время мчалось,
И многое припоминалось
Про зарубежный жизни строй,
И намъ присущій бытъ родной,
И про твои съ *поэтомъ* [4]) встрѣчи.
О *немъ*—владыкѣ русской рѣчи,
Высокомъ, искреннемъ пѣвцѣ,
Въ терново—лавровомъ вѣнцѣ
Унесшемъ въ глубь своей могилы
Такія творческія силы,

---

1) Извѣстно, что Пушкину ни разу не довелось побывать за границей. *Прим. авт.*

2) сроднился?

3) Л. С. Пушкинъ.

4) Пушкинъ.

Намъ грустно было вспоминать
И раны сердца растравлять.
. . . . . .

(1852?)

Гр. Ростончина [1].

Прощальная пѣснь русскаго лебедя.

Распахнемъ широко братскія объятья
Сиротамъ Жуковскимъ! Они всѣ намъ братья,
Они всѣ намъ дѣти!... Кто изъ поколѣнья,
Смолоду увлекшись силой вдохновенья,
Не мечталъ, не плакалъ, и въ томленьи страстномъ
Не любилъ, съ поэтомъ нашимъ сладкогласнымъ,
Съ добрымъ и безвреднымъ, нравственнымъ поэтомъ,
Стройными стихами Пушкина воспѣтымъ?...
. . . . . .

1852.

Кн. П. А. Вяземскій [2].

Поминки (Языковъ).

Ты, душой не ослабѣвшій
Подъ болѣзненнымъ ярмомъ,
Ты сверкавшій, ты гремѣвшій
Огнедышащимъ стихомъ,—
Складкой русской, краской мѣстной
Ты поэтъ нашъ коренной!
Пушкинъ былъ отецъ твой крестный,
А Державинъ прадѣдъ твой.
. . . . . .

1853.

---

1) Стих., II, СПБ., 1856, 317. На смерть Жуковскаго.
2) Соч., XI, 8.

Fr. Bodenstedt[1]).

er regierenden Fürstin Mathilde von Schwarzburg-Sondershausen.

Ich führe Dich in ferne Lande,
In eine sagenreiche Welt:
Vom Prunkpalast am Newastrande
Zu des Nomaden Steppenzelt,—
Von eisgen, steilen Bergespfaden,
Wo kaum die Gemse klettern mag,
Zu Tauris' blühenden Gestaden.
Zum Meer-umrauschten Ajudagh.
Du wandelst auf geweihten Bahnen,
Wo Trümmer einst'ger Herrlichkeit
Dich an Iahrtausende gemahnen
Und aller Macht Vergänglichkeit,—
Wo über modernde Gebeine
Von Königen den Grabwurm kriecht,
Und unter einem einz'gen Steine
Ein Weltenreich begraben liegt.
Gewalt'ge Helden auferstehen
Vor Dir, voll ungefüger Kraft,—
Auch Modehelden wirst du sehen,
Spielbälle nicht'ger Leidenschaft;
Machtvollen Klängen wirst Du lauschen,
Des Schlachtlärms wilder Poesie,—
Dem Sturmgeheul, dem Meeresrauschen:
Dem Urquell aller Melodie.
Die keushe Musee dieser Lieder
Ist kein verhimmelt, smachtend Weib,
Putzt nicht mit Flitter staat die Glieder,
Weil selbst zu schön von Seel' und Leib,
Sie weint und jauchzt aus vollen Herzen,
Mag fröhlich gern mit Frohen sein,
Und ist zu reich an wahren Schmerzen
Um künstlichen ihr Wort. zu leihn.

---

[1]) Gedichte von A. Puschkin, Berlin, 1854, стр. VII—VIII. Посвященіе къ переводамъ изъ Пушкина.

Und was begeisternd mich durchgrungen
Von ihrem Lust-und Leidgesang,
Hab' ich begeistert nachgesungen,
Gehüllt in heimatlichen Klang:
Und *Dir*, die am Altar des Schönen
Selbst eine hohe Priesterin,
Weih' ich mit diesen Liedestönen
Mein Werk in treuergeb'nem Sinn.

Кн. П. А. Вяземскій [1]).

Литературная исповѣдь.

Доволенъ я собой и по сердцу мнѣ трудъ,
Когда сдается мнѣ, что выдержалъ бы судъ
Жуковскаго; когда надѣяться мнѣ можно,
Что Батюшковъ, его провѣривъ осторожно,
Ему бъ на выпускъ далъ свой цензорскій билетъ;
Что самъ бы на него не положилъ запретъ
Счастливый образецъ изящности аѳинской
Мой зорко—смѣтливый и строгій Баратынскій;
Что Пушкинъ, наконецъ, гроза плохихъ писакъ,
Пожавъ бы руку мнѣ, сказалъ: «вотъ эго такъ!»
. . . . . .

1854.

Кн. П. А. Вяземскій [2]).

Англичанкѣ.

Когда, бѣснуясь, ваши братья
Въ насъ шлютъ и ядра, и проклятья,
И варварами насъ зовутъ,—
На зло Джонъ—Булю и французамъ,
Вы, улыбаясь русскимъ музамъ,

---

[1]) Соч., XI, 171.
[2]) Соч., XI, 192.

Имъ дали у себя пріютъ.
Вы любите напѣвъ ихъ стройный,
Умъ русскій, свѣтлый и спокойный,
Простосердечный и прямой.
Языкъ есть исповѣдь народа:
Въ немъ свѣтится его природа,
Его душа и бытъ родной.
Крылова стихъ простой и сильный,
И поговорками обильный,
Вы затвердили наизусть.
Равно и Пушкина вамъ милы—
Мечты, стихъ звучный, легкокрылый
И умительная грусть.
. . . . . .

1855

А. Н. Майковъ [1].

П. А. Плетневу.

За стаею орловъ двѣнадцатаго года
Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей, [2]
И пѣсни чудныя невидимыхъ гостей
Доселѣ памятны у русскаго народа.
Изъ стаи ихъ теперь одинъ остался ты,
И грустный между насъ, задумчивый ты бродишь;
И, прежнихъ звуковъ полнъ, все взора съ высоты,
Куда тѣ лебеди умчалися, не сводишь.

1855.

Кн. П. А. Вяземскій [3].

Императрицѣ Маріи Александровнѣ.

. . . . . .
О, еслибъ Пушкину преемникъ вдохновенный

---

[1] Полное собраніе соч., I. СПБ., 1893, стр. 230.
[2] Пушкинская „плеяда“, къ которой принадлежалъ и Плетневъ.
[3] Соч., XI, 246—7.

Родился подъ златымъ созвѣздьемъ новыхъ лѣтъ,
И стихъ его, огнемъ души воспламененный,
Сверкнулъ и загремѣлъ, вмѣщая громъ и свѣтъ:
Когда бъ народный бардъ, внимаемый престоломъ,
Изъ многихъ избранный пророкъ и вѣщій жрецъ,
Онъ поучалъ умы живымъ своимъ глаголомъ
И струны потрясалъ сочувственныхъ сердецъ;
Когда бъ восторгъ, любовь и трепетъ умиленья
Рождались подъ его властительнымъ стихомъ:
Счастливецъ, могъ бы онъ одинъ безъ дерзновенья
И волю чувствамъ дать, и быть Твоимъ пѣвцомъ.

18

П. Григорьевъ [1].

. . . . . .

Нѣтъ! добрый нашъ старикъ, въ столѣтній юбилей,
Артисты русскіе тебя не позабыли!
Мы скажемъ здѣсь, предъ публикою всей,
Какъ память о твоихъ заслугахъ сохранили:
Въ своихъ бесѣдахъ ты намъ живо объяснялъ
Театръ, таланты греческаго міра,
И увлекательно, подробно излагалъ
Творенья славныя *Мольера* и *Шекспира!*
Тутъ не одинъ *артистъ* охотно былъ готовъ
Заслушаться тебя, любить твои бесѣды:
Тутъ *Грибоѣдовъ* былъ, и *Пушкинъ*, и *Крыловъ*,
И *Милорадовичъ*, сынъ брани и побѣды,
Хмельницкій былъ, *Столыпинъ*, *Чебышовъ*...

. . . . . .

[1]) Въ память столѣтія русскаго театра, СПБ., 1855, 104—105. С
щеніе къ кн. А. А. Шаховскому.

Гр. Ростончина [1]).

Простой обзоръ.

. . . . . .

О предки русскихъ музъ! О наша слава—
Державинъ, Ломоносовъ, Карамзинъ!...
Нѣтъ! не таковъ былъ вѣкъ вашъ величавый!...
Нѣтъ! не стерпѣлъ изъ васъ бы ни одинъ
Всѣ дерзости словеснаго раскола!
Ихъ поразилъ бы вашъ громовый стихъ!...
Не смѣла бы при васъ родиться школа
Отчаянья и наущеній злыхъ!...
Воззрите къ намъ съ высотъ своихъ загробныхъ,
Духъ жизни дайте мертвымъ словесамъ,
Иныхъ поэтовъ, чистыхъ и незлобныхъ,
И вѣрящихъ, скорѣй пошлите намъ!
Чтобъ были бы они теплы душою
И независѣмы умомъ,—
Чтобъ геній ихъ, парящій надъ землею.
Слегка земли касался бы крыломъ!...
Чтобъ Русьже (?) сыновнею любовью
Любили безъ причудъ, безъ ханжества,
Чтобъ отстоять могли перомъ и кровью
Ея судьбу, ея права!...
Чтобъ книжники лже мудрою толпою
Изъ храма выбѣгли подъ ихъ бичомъ,—
И Пушкинской волшебною строфою,
И Грибоѣдовскимъ стихомъ!...

1857.

С. Николаевскій [2]).

Таврида.

I.

Кто видѣлъ край тотъ чудный, благодатный,
Любимый край полуденной весны,

---

[1]) Стих., IV, 1859, 347—348.
[2]) Стихотворенія, СПБ., 1858 г. стр. 44—46.

Гдѣ полонъ воздухъ нѣги ароматной,
Гдѣ тишь садовъ и шумъ морской волны?—
Все прелестію дышитъ непонятной
И сладостно лелѣетъ сердца сны:
Невѣдомы тамъ вьюги и морозы,
Тамъ круглый годъ благоухаютъ розы.

II.

Кто видѣлъ край, гдѣ гимнами поэта
Оглашены дубравы и поля?
Блаженна ты, сокрывшая отъ свѣта
Небеснаго избранника земля!
Достойная—достойно и воспѣта
Имъ красота роскошная твоя:
Ей похвала разносится далеко,
По всей Россіи—матушкѣ широкой.

III.

Кто видѣлъ край, гдѣ рядъ нѣмыхъ кургановъ
Еще себѣ ждетъ вѣщаго пѣвца:
Гдѣ нѣтъ уже великолѣпныхъ хановъ
Въ покояхъ ихъ богатаго дворца?...
Давно замолкъ игривый шумъ фонтановъ,
Разросся плющъ вдоль ветхаго крыльца,
А въ часъ ночной, подъ сводами гарема,
Двѣ тѣни носятся: Марія и Зарема.

IV.

Кто видѣлъ край, гдѣ знамя лжепророка
Питало духъ тревоги и войны
Въ пришельцахъ рьяныхъ дикаго Востока?
Но пробилъ часъ, и мечъ вложенъ въ ножны!
Воителей потомки спятъ глубоко,
Въ душевный хладный сонъ погружены,
И вѣкъ проводятъ весь съ восточной лѣнью
Своихъ садовъ подъ сладостною тѣнью.

V.

Кто видѣлъ край, гдѣ сѣверною славой
Земли ознаменованъ каждый шагъ?

Гдѣ осѣнилъ орелъ нашъ двоеглавый
Впервые Черноморскій славный флагъ?
Гдѣ счастье зналъ подъ русскою державой
Дотоль ея непримиривый врагъ?—
Исполнены тамъ горы и долины
Великимъ именемъ Второй Екатерины!

VI.

Кто видѣлъ край, боролася гдѣ нынѣ
Съ насиліемъ къ отечеству любовь?
Хоть города тамъ сдѣлались пустыней,
Но пролита на нихъ святая кровь;
И къ нимъ опять, какъ бы къ какой святынѣ,
Мы, дѣти Сѣвера, стремиться будемъ вновь,
Чтобы сказать: «я видѣлъ край священный,
Гробами храбрецовъ запечатлѣнный!»

С. Николаевскій [1].

Памяти А. С. Пушкина.

Мой ночникъ.

Veille encore lampe fidèle. Béranger.

Мой ночникъ уединенный,
Погоди, не потухай!
Мнѣ бесѣдой вдохновенной
Насладиться дольше дай.
Я бесѣдую съ незримымъ
Гостемъ, сердцу дорогимъ,
Всей отчизною любимымъ,—
Съ милымъ Пушкинымъ моимъ!
Пѣсни—честь родного слова,
Руси вѣщую молву,
Перечитывая снова,
Снова юностью живу.

---

1) Стихотворенія, СПБ:, 1858 г. стр. 120—121.

И заслышавъ страсти звуки,
Самъ я страстію томимъ,
Всѣ любви припомнилъ муки,
Съ милымъ Пушкинымъ моимъ.
Но разсѣялъ грусть лихую
Онъ запѣлъ про Русь родную,
Про святую къ ней любовь.
Звукъ за звукомъ величавый
Повторяю я за нимъ,
И горжусь отчизны славой,
Съ милымъ Пушкинымъ моимъ.
Власть волшебная искусства—
Мой всегдашній идеалъ!
Сила генія и чувства!
Счастливъ, кто тебя позналъ...
Ты огнемъ насъ оживляешь,
Вдохновительнымъ, святымъ;
Ты меня увеселяешь
Милымъ Пушкинымъ моимъ.

А. Бѣшенцевъ [1].

Посвященіе.

Кому мнѣ посвятить мои стихотворенья?
Друзьямъ?—Друзей у меня нѣтъ.
Кого жъ займутъ чужія впечатлѣнья?!
Себялюбивъ нашъ модный свѣтъ.
Но, можетъ быть, вдали столицъ и спекуляцій,
Еще найдется уголокъ,
Гдѣ царствуютъ и Пушкинъ, и Горацій,
И сѣнь дубравъ, и камелекъ.

. . . . . .

[1]) Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, М., 1858, стр. 85.

Th. Opitz [1]).

An Puschkin's Genius.

In Stunden stiller Einsamkeit
Hast Du Dich bei mir eingefunden;
Ich habe Deine Herrlichkeit
In meiner Seele tief empfunden.
Du hast geöffnet mir Dein Herz,
Dein Herz, das edle, kindlich gute;
Esaward Dein Schmerz mein eigner Schmerz,
Ich blutete mit Deinem Blute.
So fühl'ich, Du wirst mit mir sein,
Ich fühle freudieg, ich darf's wagen,
Dein seelenvolles Lied in mein
Geliebtes Deutsch zu übertragen.

Кн. П. А. Вяземскій [2]).

«Зачѣмъ глупцовъ ты задѣваешь?»
Не разъ мнѣ Пушкинъ говорилъ:
«Ихъ не сразишь, хоть поражаешь;
Въ нихъ перевѣсъ числа и силъ.
Ты только имъ къ возстанью служишь;
Пожалуй, ранишь кой-кого;
Что жъ? одного обезоружишь,
А сотня встанетъ за него».
Совѣтъ разуменъ былъ. Но, къ горю,
Не вразумилъ меня совѣтъ;
До старыхъ лѣтъ съ глупцами спорю,
А переспорить средства нѣтъ:
Сѣдинамъ въ бороду, на встрѣчу,
Знать завсегда и бѣсъ въ ребро:
Какъ скоро глупость гдѣ подмѣчу,
Сейчасъ зачешется перо.

---

1) Dichtungen von A. Puschkin und M. Lermontow. Deutsch von Theodor Opitz. (Classiker des In-und Auslandes). Berlin. 1859. Стр. 68.

2) Сухомлиновъ, Изслѣдованія, II, СПБ., 1889, 354. Соч. Вяземскаго XI, 412.

Кн. П. А. Вяземскій [1]).

Берлинъ.

. . . . . .

Любилъ онъ нашу рѣчь и, поздній ученикъ,
Онъ въ трудности ея и таинства проникъ;
Онъ понялъ русскаго стиха размѣръ и плавность,
Онъ Пушкина любилъ и пылъ, и своенравность,
И въ душу вкрадчивый, задумчивый напѣвъ
Пѣвца, воспѣвшаго «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ».
За русской мыслью онъ слѣдилъ: ея развитью
Сочувствовать умѣлъ, какъ свѣтлому событью
И вкладу новому въ сокровище временъ:
Они въ области ума не зналъ китайскихъ стѣнъ.

. . . . . .

А. Жемчужниковъ [1]).

Мой знакомый.

. . . . . .

Пишу затѣмъ, что я родное слово
Люблю, какъ друга любитъ вѣрный другъ,
И русская душа моя готова
Звучать въ отвѣтъ на задушевный звукъ.
Пишу стихи, хоть врядъ ли въ наше время
Плѣняются гармоніей стиховъ,
И Пушкинымъ воспитанное племя
Втоптало въ грязь имъ брошенное сѣмя,
И наша рѣчь—добыча *русаковъ*,
Карающихъ въ насъ элементъ французскій,
Но русскимъ языкомъ не пишущихъ по-русски.
Объ этомъ говорить мнѣ тяжело,

---

1) „Въ дорогѣ и дома“, стр. 103. Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остаф. Архова, I, М., 1867, стр. 125—6. Соч. Вяземскаго, XI, 332. О Варнгагенѣ фонъ Энзе.

1) Отд. оттискъ изъ „Отеч. Зап.“ т. XCVIII (?)

И пользы нѣтъ. Къ тому же заключенье
Положенный предѣлъ ужъ перешло
И лучшее утратило значенье.
Хотѣлось мнѣ спокойно, безъ затѣй,
О пятистопномъ помечтать размѣрѣ,
Ступая вслѣдъ за *сказкой для дѣтей*
И *Домикомъ въ Коломнѣ*...

. . . . . .

Н. Звѣревъ [1].

Къ портрету Пушкина.

«Чудесный жреб:й совершился»
Сказалъ любимый нашъ поэтъ,—
И слишкомъ двадцать лѣтъ, какъ скрылся
Въ могилу онъ,—его ужъ нѣтъ!
Глава поэтовъ, чудный геній,
Творецъ волшебныхъ пѣснопѣній,
Тебѣ, нашъ сѣверный кумиръ,
Дивиться вѣчно будетъ міръ.
Твоя фантазія живая
Свѣтла, игрива, глубока,
Звучитъ, какъ пѣсня неземная,
Сильна, какъ быстрая рѣка.
Ты обнялъ мыслью скоротечной
И тьму, и свѣтъ, и тайны думъ,
И бездну глубины сердечной,
До дна проникъ твой дивный умъ!
Твоя прелестная Людмила,
Кавказскій плѣнникъ, Крымскій ханъ,
То сладостно, то вдругъ уныло,
Журчатъ, какъ твой ночной фонтанъ.
О чудный Пушкинъ! кто посмѣетъ
Сказать хвалу тебѣ въ стихахъ?
Передъ тобой языкъ нѣмѣетъ...
Передъ тобой я пыль и прахъ!

---

1) Свободные часы. Стих., СПБ., 1860, стр. 13—14.

В. Курочкинъ [1]:

Стансы на будущій юбилей Бавія.

(Самимъ юбиляромъ сочиненные),

. . . . . .
Литературнымъ принятъ кругомъ,
За муки авторскихъ потугъ,
И я бы Пушкина былъ другомъ,
Когда бы Пушкинъ былъ мой другъ.
. . . . . .

1861.

X [2]).

Портретъ многихъ.

Не прельщу никого я собой
И любить меня что за охота:
Я—неловкій, несчастный герой
Въ шутовскомъ колпакѣ Донъ-Кихота!
Жизнь мою окружалъ страшный мракъ,
Живъ на свѣтѣ, не видѣлъ я свѣта,
Хоть рядился порой, какъ дуракъ,
И въ мишурное платье Гамлета!
Невозможнаго вѣчно желалъ,
Въ невозможныхъ мечтахъ былъ упоренъ,
И страстями своими игралъ—
Какъ игралъ съ княжной Мери Печоринъ.
Былъ любимъ лишь однимъ существомъ,
Лишь ему я всю жизнь благодаренъ:
Но я былъ предъ моимъ божествомъ
Какъ авдѣевскій жалокъ Тамаринъ!
Жажду къ дѣлу въ душѣ затая,
Горячась отъ нелѣпыхъ сужденій,
Былъ лѣнивъ, какъ Обломовъ Илья,

---

1) Собр. стих., II, СПБ, 1869, стр. 150. На кн. Вяземскаго.
2) „Искра“, 1861, стр. 509.

И скучалъ, какъ Онѣгинъ Евгеній!
Потерялъ я всѣ силы давно—
Путь мой въ жизни былъ грязенъ и труденъ,
И, навѣрное, мнѣ суждено
Кончить такъ, какъ тургеневскій Рудинъ.

Ѳ. И. Тютчевъ [1]).

На юбилей кн. П. А. Вяземскаго.

. . . . . .
...мы всѣ, въ молитвенномъ молчаньѣ,
Священные поминки совершимъ,
Мы совершимъ тройное возліянье
Тремъ незабвенно—дорогимъ.
Нѣтъ отклика на голосъ ихъ зовущій,
Но въ свѣтлый праздникъ вашихъ именинъ
Кому жъ они не близки, не присущи —
Жуковскій, Пушкинъ, Карамзинъ?...
Такъ, вѣримъ мы, незримыми гостями
Теперь они, покинувъ горній міръ,
Сочувственно витаютъ между нами
И освящаютъ этотъ пиръ.
За ними, князь, во имя Музы вашей,
Подносимъ вамъ заздравное вино,
И долго—долго въ этой свѣтлой чашѣ
Пускай кипитъ и искрится оно!...

1861.

В. Зотовъ [2]).

Полувѣковой юбилей лицея.

(посвящается всѣмъ лицеистамъ XXIV курсовъ).

День великій, день нашъ ясный,
Лучшій день изъ нашихъ дней!...

---

1) Соч., СПБ., 1900, 242—243.
2) 50-ти лѣтн. юбилей Имп. Алекс. лицея,—СПБ., 1861, стр. 51—53.

Собрался нашъ кругъ согласный
Встрѣтить братски юбилей.
Свѣтлый праздникъ, нами чтимый,
Встрѣченъ дружною семьей,
Въ честь тебя, Лицей любимый,
Въ честь тебя, Лицей родной!

Честно прожилъ ты полвѣка;
Въ эти долгіе года
Гражданина-человѣка
Ты воспитывалъ всегда.
И служенье правды чистой,
Неподкупный идеалъ
Каждый, въ имя лицеиста
Съединяя, воплощалъ.

Братья старшіе межъ нами—
Жизнь ихъ почестью полна;
Намъ родными именами
Наша родина славна.
Всѣхъ ихъ знаетъ не по слухамъ
Весь нашъ доблестный народъ,
Но, какъ первый, тѣмъ же духомъ
И послѣдній курсъ живетъ.

Мы тотъ духъ, какъ Весты пламя,
Неусыпно берегли.
Мы нашъ лозунгъ, наше знамя
По отчизнѣ разнесли.
И въ года бѣды, напасти,
Этотъ духъ намъ всѣмъ родной
Былъ опорой правой власти,
Беззаконія грозой.

Въ этой жизни все проходитъ
Все дряхлѣетъ каждый годъ,
Каждый день старѣе всходитъ
Солнца ликъ на небосводъ,
Измѣняются нежданно

Мысли, чувства каждый часъ,
Но тверда и постоянна
Все любовь къ Лицею въ насъ.

И куда бы рокъ суровый
Въ жизни насъ ни разметалъ,
Пусть обязанностью новой
Насъ, какъ гражданъ, онъ связалъ,
Но въ день счастья свѣтлый, чистый,
Въ дни страданья и потерь
Будемъ тѣ же лицеисты
Мы всегда, какъ и теперь.

Сохранили невозвратно
Царскосельскіе сады
Нашей жизни благодатной
Незабвенные слѣды.
Но все тотъ же, въ новомъ зданьи,
Съ старымъ чувствомъ нашъ Лицей—
Помня праздникъ основанья,
Собралъ всѣхъ своихъ дѣтей.

Тѣсенъ кругъ нашъ неподкупный,
Съ каждымъ днемъ онъ все тѣснѣй.
Многихъ нѣтъ... имъ недоступны
Клики громкіе друзей.
Вырвалъ рокъ ихъ изъ объятій
Тѣхъ, кто дорогъ былъ для нихъ,
Но мы помнимъ мертвыхъ братій,
Въ нашей памяти живыхъ.

Вѣримъ мы: они межъ нами,
Гробовую кинувъ сѣнь...
И съ родными мы тѣнями
Вмѣстѣ празднуемъ нашъ день.
Впереди-пѣвецъ любимый,
Тотъ, кого прославилъ свѣтъ,
Первый русскій нашъ родимый
И лицейскій нашъ поэтъ.

И теперь рука съ рукою,
Всѣ, при звукахъ братскихъ чашъ,
Повторимъ семьей родною
Мы обѣтъ лицейскій нашъ:
Вѣкъ въ союзѣ дружбы чистой,
Въ братствѣ жить до позднихъ дней,
Помня имя лицеиста
И любя родной Лицей!...

Кн. П. А. Вяземскій [1]).

Попробуй съ рьянымъ неофитомъ,
Схватившимъ вкругъ вершки всего,
Въ вопросѣ ужъ давно избитомъ
И новомъ только для него,
Попробуй быть съ нимъ разныхъ мнѣній,—
Хоть Пушкинъ будь, хоть Карамзинъ,—
Онъ градомъ брани и каменій
Засыплетъ васъ съ своихъ вершинъ.

. . . . . .

1862.

Кн. П. А. Вяземскій [2]).

. . . . . .

Карамзина языкъ ославленъ:
Онъ молъ риторикой томитъ;
И Пушкинъ чуть не обезславленъ:
Онъ лишней логикой грѣшитъ.
Теперь пошелъ порядокъ новый—
И въ воду старые концы!
Челомъ поникнуть мы готовы
Предъ вами, новые дѣльцы.

. . . . . .

1862.

---

[1]) Соч., XI, 442.
[2]) Соч., XI, 441.

Кн. П. А. Вяземскій [1]).

Когда Карамзина не стало,
Надолго умеръ Карамзинъ;
Наслѣдниковъ нашлось не мало,
Но изъ законныхъ—ни одинъ.
И грустно на его могилѣ
Его перо, его вѣнокъ
Лежатъ, наслѣдьемъ не по силѣ
Потомкамъ, пишущимъ на срокъ.
Не стаю Пушкина; перуномъ
Разбитый, лавръ его завялъ—
И не разцвѣлъ въ побѣгѣ юномъ;
Изъ пепла фениксъ не возсталъ.

. . . . . .

1862.

Кн. П. А. Вяземскій [2]).

Вся жизнь въ приливѣ и отливѣ,
Посѣвъ и жатва чередой
Смѣняются на Божьей нивѣ
Подъ человѣческой рукой.
Впередъ, впередъ, моя исторья!
Взывалъ Онѣгина творецъ,
Когда просилъ отъ музъ подспорья,
Чтобы съ концомъ свести конецъ.
Сей кликъ труда и упованья—
И человѣчества есть кликъ,
Онъ съ первыхъ дней міросозданья,
А не съ вчерашняго возникъ.

. . . . . .

1862.

---

[1]) Соч., XI, 440.
[2]) Соч., XI, 434.

М. Л. Михайловъ [1]).

Конецъ спора золота съ булатомъ.

— «Ну, такъ что жъ», сказало злато.
— «Ничего», сказалъ булатъ.
— «Пошолъ вонъ», сказалъ злато.
— «И пойду» сказалъ булатъ.

С. А. Соболевскій [2]).

Эпиграмма.

О жертва бѣдная двухъ адовыхъ исчадій:
Тебя убилъ Дантесъ и издаетъ Геннади.

Кн. П. А. Вяземскій [3]).

Памяти гр. Д. Н. Блудова.

Сошедши тихо по ступенямъ
Годовъ, отсчитанныхъ ему,
Онъ отошелъ къ любезнымъ тѣнямъ,
Роднымъ по сердцу и уму.
Онъ, какъ залогъ и клятву, свято
Хранилъ и помнилъ до сѣдинъ,
Что съ нимъ шли объ руку когда то
Дашковъ, Жуковскій, Карамзинъ.
Въ листкахъ сердечныхъ былъ утраченъ
И Батюшковъ въ графѣ утратъ;
Былъ имъ оплаканъ, былъ имъ встрѣченъ
И Пушкинъ, всѣмъ имъ младшій братъ.
Онъ съ ними жилъ душой, сознаньемъ,

---

1) По словамъ П. А. Ефремова, „покойный поэтъ М. Л. М-въ, находя, что споръ золота съ булатомъ не рѣшенъ, добавилъ“ это четверостишіе (Соч. А. С. Пушкина II, М. 1882, стр. 403—4).

2) „Энциклоп. Словарь“, т. 50, 848.

3) Соч., XII, СПБ., 1896, стр. 45.

Когда жъ пробилъ имъ смертный часъ,—
Ихъ свѣтлыхъ лѣтъ онъ былъ преданьемъ,
Ихъ свѣтлыхъ лицъ лучомъ для насъ.

. . . . . .

1864.

Кн. П. А. Вяземскій [1]).

Поминки.

Дельвигъ, Пушкинъ, Баратынскій,
Русской музы близнецы,—
Съ бородою Бородинской [2])
Завербованный въ пѣвцы,
Ты, наѣздникъ, ты, гуляка,
А подчасъ и Жомини [3]).
Сочетавшій пѣснь бивака
Съ пѣснью нѣжною Парни!
Ты, Языковъ простодушный,
Нашъ заволжскій соловей,
Безыскусственно послушный,
Тайной прихоти своей!
Ваши дружескія тѣни
Часто вьются надо мной,
Вашихъ звучныхъ пѣснопѣній
Слышенъ мнѣ напѣвъ родной.
Ваши споры и бесѣды,
Словно шли они вчера,
И веселые обѣды
Вплоть до самаго утра,—
Все мнѣ памятно и живо.
Прикоснетесь вы меня,
Словно вызоветъ огниво
Искръ потоки изъ кремня.

---

1) Соч., XII, 139-140. „Русскій", 1867, № 7—8, стр. 111.
2) Д. В. Давыдовъ.
3) Извѣстный военный писатель.

Дни минувшіе и рѣчи,
Ужъ замолкшія давно,—
Въ столкновеньи милой встрѣчи
Все воспрянетъ за одно.
Дѣло пополамъ съ бездѣльемъ,
Трудъ степенный, нѣги лѣнь,
Смѣхъ и грусти за весельемъ
Набѣгающая тѣнь,—
Все, чѣмъ жизни блескъ наружный
Соблазняетъ легкій умъ,
Все, что въ тишинѣ досужной
Пища тайныхъ чувствъ и думъ,—
Сходитъ все благимъ наитьемъ
Въ поздній сумракъ на меня,
И событьемъ за событьемъ
Льется памяти струя.
Въ ихъ живой потокъ невольно
Окунусь я глубоко,
Сладко мнѣ, свѣжо и больно,
Сердцу тяжко и легко.

1864.

Я. К. Гротъ [1].

19 октября 1865 г.

Былъ день суровый октября,
Но солнце ласково сіяло:
Въ чертогахъ кроткаго царя
Благое дѣло возникало.
Въ тотъ свѣтлый незабвенный день
(Его узнаютъ наши внуки!)
Царь открывалъ радушно сѣнь
Для скромныхъ подвиговъ науки.
И на могущественный зовъ

[1] „Русскій Архивъ“, 1866. I, 122., Я. К. Гротъ, Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ, СПБ., 1895, 139—140.

Вкусить ея струи живыя
Со всѣхъ отечества концовъ
Стеклися силы молодыя.
И тамъ, гдѣ всталъ ея алтарь,
Средь изумленнаго чертога,
Питомцевъ юныхъ встрѣтилъ царь
Съ благословеньемъ у порога;
И въ рощахъ Царскаго Села,
Въ сѣни счастливаго покоя
Жизнь мысли бодро потекла
Безъ треволненій и застоя.
Друзья! мы—дѣти жизни той...
Давно уже въ мѣстахъ родимыхъ
Она погибла подъ грозой
Судебъ земли неотвратимыхъ;
Но мы, какъ тотъ знакомый цвѣтъ,
Который ликъ свой неустанно
Вращаетъ въ край, откуда свѣтъ,
Мы будемъ такъ же постоянно
Взоръ устремлять въ тотъ милый край,
Гдѣ въ дружбѣ и трудѣ когда то
Цвѣлъ нашей молодости рай!
Да, будемъ, братья, помнить свято
Завѣтъ, намъ данный жизнью той:
Какъ нѣкогда въ стѣнахъ лицейскихъ,
Пусть будетъ умственный застой
Намъ чуждъ на всѣхъ путяхъ житейскихъ!

Кн. П. А. Вяземскій [1].

Слухи изъ Ливадіи.

Съ Бахчисараемъ случай разомъ
Шутя Ливадію сравнялъ:
Нашъ Озеровъ сталъ водолазомъ.
Благодарю, не ожидалъ!

---

[1]) Соч., XII, 428. Шталмейстеръ Озеровъ въ Ливадіи попалъ въ фонтанъ.

Онъ тезку трагика оставилъ
И Пушкинымъ быть пожелалъ:
Онъ свой фонтанъ собой прославилъ.
Благодарю, не ожидалъ!
Въ Крыму фонтанамъ жребій странный;
Одинъ поэта вдохновилъ,
Другой шталмейстеру сталъ ванной
Благодарю, не ожидалъ!

1869.

Надпись на домѣ Инзова въ Кишиневѣ [1].

Здѣсь жилъ маститый генералъ,
Врагъ шумныхъ пиршествъ и забавы,
Здѣсь русскій геній отдыхалъ,
Стяжалъ вѣнокъ народной славы.
Его и школьникъ память чтитъ
И часто, преклоня колѣна,
Рукою дѣтской на стѣнахъ
Здѣсь имя генія чертитъ.

Д. Д. Минаевъ [2].

Графу Соллогубу.

Хотя изъ памяти своей
Меня давно вы, вѣрно, вымели,
Но вамъ, какъ другу прежнихъ дней,
Я шлю теперь свое факсимиле.
Межъ нами сходства много, графъ,
И сходства, право, очень милаго,

---

[1]) „Новорос. Вѣд.“, 1869, № 49. Яковлевъ, отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи, Одесса, 1887, стр. 101. Въ „Искрѣ“ (1859, № 49, стр. 505) изображена каррикатура: „Домъ въ Кишиневѣ, гдѣ жилъ А. С. Пушкинъ. Домъ этотъ находился 30 лѣтъ въ казенномъ присмотрѣ“. Очень хорошо передана именно „мерзость запустѣнія“.

[2]) „Не въ бровь, а въ глазъ“, Эпиграммы, 2 изд., стр. 550.

Такъ пусть вотъ этотъ автографъ
Напомнимъ вамъ про Репетилова.
Какъ Вы, я Пушкина знавалъ...
Разъ увидалъ на Невскомъ издали,
О немъ статейку издавалъ,
Какъ сами вы когда то издали.
Какъ вы, и я пишу стихи,
Стихи, какъ ваши хромоногіе,
Зато ужъ юности грѣхи:
Въ грѣхахъ мы сходны, какъ немногіе.
Своихъ не выдумавъ остротъ,
Вы пробавлялись не моими ли?
Такъ не дивитесь же, что шлетъ
Вамъ старый другъ свое факсимиле.

Д. Д. Минаевъ [1].

Записка.

Я вмѣсто всякаго письма
Тебѣ шлю Пушкина изданье.
Въ немъ есть Геннади примѣчанья.
«Фу, братецъ, сколько въ нихъ»... Ума,
Ты думаешь, поди? А я такъ
Въ нихъ больше вижу опечатокъ.

К. К. Павлова (Янишъ) [2].

Гр. Е. Ѳ. Ростончиной.

Мы современницы, графиня,
Мы обѣ дочери Москвы,—
Тѣхъ юныхъ дней, суетъ рабыня,
Вѣдь не забыли же и вы!
Насъ Байрона живила слава

---

[1]) „Не въ бровь, а въ глазъ", стр. 228.
[2]) Татевскій сборникъ, СПБ., 1899, стр. 110.

И Пушкина изустный стихъ;
Да, лѣтъ однихъ мы съ вами, право—
Зато призваній не однихъ...

. . . . . .

А. Н. Апухтинъ [1]).

Дилетантъ.

. . . . . .

Я нахожу, и въ томъ виновенъ,
Что Пушкинъ былъ не идіотъ,
Что выше сапоговъ—Бетховенъ,
И что искусство не умретъ;
Чту имена,—не знаю, кстати ль? —
Какъ, напримѣръ, Шекспиръ и Дантъ...
Ну, такъ какой же я писатель!
Я—дилетантъ, я—дилетантъ!

. . . . . .

60-тые годы.

В. Курочкинъ [2]).

Causerie.

(Эклога литератора—ветерана).

. . . . . .

«Хорошъ россійскій Геликонъ!»
Такъ Пушкинъ молвилъ въ старину,
(Я тоже съ Пушкинымъ былъ другъ).
Увы! Ужъ нѣтъ его! Одну
Бездарность вижу я вокругъ,
Нахальство безъ границъ и мѣръ
Нигилистическій туманъ..

. . . . . .

1) Соч., СПБ., 1898, стр. 296—7.

2) Собр. стих., II, СПБ., 1869, стр. 226. Пародія на кн. П. А. [illegible] скаго.

М. Бурбоновъ (Д. Д. Минаевъ) [1]).

. . . . . .

Любилъ теперь онъ, въ часъ досуга,
Провозгласить предъ всѣми вдругъ:
—«Меня Жуковскій чтилъ, какъ друга,
И даже Пушкинъ былъ мнѣ другъ»...

. . . . . .

Но онъ не тотъ уже теперь,
Онъ—точно звѣрь, попавшій въ клѣтку,
Съ когтями сломанными звѣрь.

. . . . . .

М. Бурбоновъ (Д. Д. Минаевъ) [2]).

Замѣтка.

(Подражаніе Московскому поэту).

«На нашей почвѣ урожайной
Раститъ и тупость сѣмена»...
Такъ молвилъ въ злобѣ чрезвычайной
Поэтъ, воспрянувшій отъ сна.
Вы правы, злобою алѣя:
Въ одни и тѣ же времена
Взросли—вѣдь нѣтъ насмѣшки злѣе—
Таланта Пушкина лилея
И вашей музы бѣлена.

Д. Д. Минаевъ [3]).

П. В. Шумахеру.

Роскрылъ я Пушкина недавно.
«Поэтъ, ты самъ свой высшій судъ»

---

1) „Здравія желаю!“ Стих. СПБ. 1867, стр. 249. На кн. П. А. Вяскаго.

2) „Здравія желаю!“ Стих. СПБ. 1867, стр. 211. На кн. П. А. Вяземго.

3) „Не въ бровь, а въ глазъ“. Эпиграммы. Стр. 334.

Онъ восклицалъ весьма забавно:
Не вѣдалъ онъ, что дни придутъ,
Когда и музы приговора
Въ любомъ судѣ не избѣгутъ,
И ужъ пѣвцы не запоютъ
Въ отвѣтъ на громы прокурора:
«Поэтъ, ты самъ свой высшій судъ!»

Д. Д. Минаевъ [1]).

«Третій проектъ памятника Пушкина».

(Забѣлло).

Забѣлло скажемъ мы не безъ кручины:
На это изваянье
Какъ много онъ потратилъ глины
И мало — таланта!...

Н. А. Некрасовъ [2]).

Поэтъ.

(Памяти Шевчева).

Гдѣ вы — тѣмы любви, свободы, мира
И доблести? Гдѣ кровь и мечи?
За гробъ земля тѣ посылаетъ факиры
Провозглашать героевъ тѣмъ...
Тамъ знаетъ: «тѣмы не нужны вѣку»
И тѣмъ тѣмовъ... Замолкло боевое...
А кто въ теперь напомнитъ человѣку
Высокое призваніе его?...
Просто гражданинъ, художникъ вдохновенный,
И выразитель... Волшебный рыцарь мой,
Могучей рукой и дерзновенной
Звонъ вызвать изъ стоустной толпы!

---

1) Не въ прозѣ, а въ стихахъ [illegible].
2) Въ печати не разъ сравнивался съ Пушкинымъ.

Вооружись небесными громами!
Нашъ падшій духъ взнеси на высоту,
Чтобъ человѣкъ не мертвыми очами
Могъ созерцать добро и красоту...
Казни корысть, убійство, святотатство!
Сорви вѣнцы съ предательскихъ головъ,
Увлекшихъ міръ съ пути любви и братства,
Стяжаннаго усильями вѣковъ,
На путь вражды!... Въ его дѣла и чувства
Гармонію внести лишь можешь ты.
Въ твоей груди, гонимый жрецъ искусства,
Тронъ истины, любви и красоты.

1874.

С. И. Соболевскій [1]).

Вопіющая несправедливость.

Скопятъ людей у нашей братьи!
Про это свѣдавъ, на бѣду
Приказъ: всѣхъ насъ [2]) забрать, и
Немедленно предать суду.
Чьего же заступничества ради
Другимъ скопителямъ [3]) просторъ?
Не подъ судомъ до этихъ поръ
Отрѣшковъ, Анненковъ, Геннади!

Кн. П. А. Вяземскій [4]).

По поводу новыхъ пріобрѣтеній россійскаго языка.

Есть слово модное и всѣмъ на вкусъ пришлось:
Всѣ *игнорировать* пустились вкривь и вкось.
—«Такого слова нѣтъ у Пушкина»—Такъ что же?
Для насъ ужъ Пушкинъ старъ, давай намъ помоложе.

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1874, II, 464.

[2]) Скопцовъ, находившихся тогда подъ судомъ. Отъ ихъ имени будто бы написано стихотвореніе.

[3]) Издатели сочиненій Пушкина.

[4]) Соч., XII, 484.

Жуковскій, Батюшковъ—все это старина,
Все школа старая временъ Карамзина.
Мы игнорируемъ дѣла ихъ, книги и заслуги;
Ученья новаго поклонники и слуги,
Мы пишемъ на-обумъ и чаще безъ ума.
Учиться некогда учителямъ печати:
Врожденныхъ силъ своихъ напрасно не губя,
Мы призваны другихъ учить, а не себя.
Безъ лишняго труда ждетъ генія побѣда,
А всѣ мы геніи отъ *а* до *зеда*.
Когда же какъ-нибудь нѣтъ мысли на лицо,
Пускаемъ въ оборотъ мы новое словцо,
Мы любимъ щеголять словъ чужеземныхъ кражей,
Хоть языкамъ чужимъ и плохо учены,
«Богъ въ помощь, господа! *Прогресса* вы сыны!
«*Лингвистики* у васъ нѣтъ въ *авторской* поклажѣ,
«Но *игнористикой* вы щедро снабжены:
«Вы *игнорируете даже*,
«Какъ вы *въ концѣ концовъ и жалки и смѣшны!*

1874.

Н. П. Огаревъ [1]).

Юморъ.

. . . . . .

Въ литературѣ, о друзья,
(Хоть самъ пишу, о томъ ни слова)
Не много проку вижу я.
Въ Москвѣ все проза Шевырева—
Весьма фразистая статья,
Даютъ Парашу Полевого,
И плачетъ публика моя—
Пѣвцы замолкли, Пушкинъ стихъ,
Хромаетъ тяжко вялый стихъ.

. . . . . .

1) „Лютня“, II, 1874, стр., 381.

Н. А. Некрасовъ [1]).

В. Г. Бѣлинскій.

. . . . . .

Тогда все глухо и мертво
Въ литературѣ нашей было:
Скончался Пушкинъ; безъ него
Любовь къ ней публики остыла.
Въ бореньи пошлыхъ мелочей
Она погрязнувъ поглупѣла...

. . . . . .

А. Н. Майковъ [2]).

О, дальнія дорожки Монплезира...
Или тенистый Царскосельскій садъ...
И вдругъ—видѣнье неземного міра...
Чуть слышно кони быстрые летятъ...
О, Пушкинъ! –думалъ я—твоя бы лира...
Ты лишь умѣлъ, твой вдохновенный взглядъ.
Вмигъ указать, гдѣ божество во храмѣ,
Вмигъ разгадать Мадонну въ свѣтской дамѣ!...

. . . . . .

«Вотъ за дѣтей кто Богу дастъ отвѣтъ!»
Княжна, бывало: «ужъ не то, что Жени,
Большому оглупѣть!» j'en perds la tête!
Тотъ буквы *ѣ* и *ъ*, а тотъ спряженій
Не признаетъ!... Поэзіи—ужъ нѣтъ!
Одинъ, такъ вмѣсто всякихъ упражненій
Въ граматикѣ, сталъ дѣвочку учить—
Да нѣтъ! о томъ *мнѣ* стыдно говорить!
Взяла другого. Чѣмъ же началося?
Читать стихи далъ Пушкина «Поэтъ»,

---

1) „Лютня“, II, 1874, стр. 32.

2) Полное собраніе сочиненій, III, СПБ., 1888, стр. 209, 223—4. яжна ***, трагедія въ октавахъ“.

И сдѣлалъ двѣсти тридцать два вопроса.
Чтобъ дѣвочка на всѣ дала отвѣтъ.
На этомъ—годъ ученье уперлося!
Да всѣ поэты опротивятъ!... Нѣтъ!
Они—о прелесть!—сдѣлали открытье,
Что нужны намъ не знанья, а развитье!»

. . . . . .

1877.

Кн. П. А. Вяземскій [1]).

Поминки.

(по гр. Віельгорскомъ).

. . . . . .

Онъ старостою былъ, душой и запѣваломъ
Бесѣдъ аттическихъ и дружескихъ трапезъ,
Съ Жуковскимъ чокался онъ пѣнистымъ бокаломъ,
И съ Пушкинымъ въ карманъ онъ за словомъ не лѣзъ.

. . . . . .

1877.

Гр. П. И. Капнистъ [2]).

. . . . . .

Жизнь есть всеобщій братскій пиръ;
Всѣмъ и всему мои объятья!
Нашъ Пушкинъ, Шиллеръ и Шекспиръ
Всегда другъ другу будутъ братья...

. . . . . .

1879.

---

[1]) Собр. соч., XII, 537.
[2]) Соч., М., 1901, 134.

Д. Д. Минаевъ [1]).

Передъ картиной «Пущинъ въ гостяхъ у Пушкина въ Михайловскомъ» Н. Ге.

Была къ картинѣ публика допущена
И напрягала глазъ,
Но все-таки до Пушкина, до Пущина
Она не добралась.

Смотрю - и, будто раздраженный,
Поэтъ изъ рамъ заговорилъ:
Художникъ—варваръ кистью сонной
Меня въ картинѣ исказилъ».

М. А. Гришечко-Климовъ [2]).

Памяти А. С. Пушкина.

1880 г. 26 мая.

Стукъ дружный молотовъ рабочихъ
Пѣлъ пѣсню чудную тебѣ.
Прошли года, минули поколѣнья,
Земля сравняла ихъ слѣды,
И вотъ изъ общаго крушенья
Возсталъ, какъ призракъ, ты.
Сбылося твое намъ завѣщанье:
Тропа къ тебѣ не заросла,
Твое великое созданье
Россія съ дружбой приняла.
Своимъ ты словомъ вдохновенья
Училъ добру и чести насъ,
И пѣснь сердечнаго стремленья
Въ средѣ родной отозвалась.

---

1) „Не въ бровь, а въ глазъ“, стр. 494.
2) Москва, 1880.

Тебя привѣтствуютъ родные,
Къ тебѣ стремятся на поклонъ,
И, какъ рѣки валы крутые,
Народъ спѣшитъ потокомъ волнъ.
Но ты стоишь среди волненья,
Великій духъ, какъ привидѣнье,
Стоишь безъ словъ и безъ движенья,
Но полонъ думъ и выраженья.

1880.

М. А. Хитрово [1]).

Предъ памятникомъ Пушкина.

Могучій ликъ Петра съ безсмертными чертами
Узрѣвъ передъ собой въ животворящемъ снѣ,
Когда то надъ Невой желѣзными стихами
Ковалъ онъ «Всадника на бронзовомъ конѣ».
На новые пути въ сознаніи народномъ
Вступила наша мысль,—свершился переломъ,
И онъ, поднявшій стягъ въ семъ шествіи свободномъ,
Родного творчества онъ сдѣлался Петромъ.
И здѣсь о немъ гремитъ Россіи кликъ побѣдный!
Надъ бѣлокаменной, великою Москвой,
Какъ имъ воспѣтый Петръ, какъ этотъ Всадникъ Мѣдный,
Изъ бронзы вылитый, стоитъ онъ, какъ живой!

1880.

Е. Бѣлозерскій [2]).

На открытіе памятника Пушкина въ Москвѣ 6 іюня 1880 г. [3]).

Вотъ памятникъ тебѣ народный!
Къ нему не зарастетъ тропа.

---

1) Стихотвореніе. СПБ., 1881. стр. 84.

2) „Отъ души и сердца“ Стихотворенія. Москва 1894 г. стр. 7.

3) Стихотвор., отосланное въ Москву на имя И. С. Тургенева, но не дошедшее до него. *Прим. авт.*

Твой геній мощный, благородный
Сегодня чествуетъ толпа.

Въ тебѣ родникъ Руси широкой,
Почти ты всякому знакомъ;
Твоею мыслію глубокой
Живетъ дворецъ и сельскій домъ.

Ты возрастилъ три поколѣнья,
Стихомъ возвысилъ русскій духъ;
Ты правъ: твой прахъ не знаетъ тлѣнья,
То Русь теперь признала вслухъ.

Она, съ поникшей головою,
Сошлась къ стопамъ твоимъ, поэтъ,
Тебѣ ударила Москвою
За пѣсни чудныя въ отвѣтъ.

Парижъ, 1880.

А. Звонаревъ [1]).

На открытіе памятника Пушкину.

Злато чувства не убило,
Талантъ не гибнетъ среди насъ.
Что сердцу дорого, мило,
Восторгъ на вѣки, не на часъ,
И трудиться лестно въ мірѣ:
Увѣковѣченъ Пушкинъ нашъ..
Люблю я пѣть его на лирѣ,
Стихъ противъ злобы, какъ палашъ.
Трудись, надѣйся—оцѣнятъ.
Трудъ легко намъ тѣмъ нести,
Чему труженики вѣрятъ,
А злобу, зависть имъ прости!

---

1) Стихотворенія, V, СПБ., 1884, 53. Какъ всѣ стихотворенія Звонарева, безграмотный наборъ безсвязныхъ фразъ.

Здѣсь цѣнители найдутся,
Достойному честь отдадутъ,
Отъ него не отвернутся;
Тѣмъ ихъ къ трудамъ больше влекутъ.
Вотъ предъ нами всенародно
Здѣсь Пушкинъ отлитый стоитъ,
Чувство съ нами всегда сродно,
Русь за труды благодаритъ.

А. А Марковъ [1]).

На могилѣ Пушкина.

Я посѣтилъ тотъ кровъ, гдѣ жилъ ты въ дни гоненья,
Пѣвецъ великій нашъ, поэтовъ нашихъ царь!
Я посѣтилъ твой прахъ, и ожилъ въ тѣ мгновенья
Великій образъ твой, какъ встарь.
Могила генія, забыта ты толпою,
Забыта ты. Чуть видная тропа
Ведетъ къ тебѣ на холмъ, заросшая травою.
Инымъ пѣвцамъ кадитъ толпа!
Разрушены вѣковъ губительною силой
Ступени лѣстницъ; монастырь
На стражѣ надъ твоей безвременной могилой
Стоитъ, какъ древній богатырь.
Все тихо; говоръ, шумъ окрестнаго поселка
Твой не тревожатъ прахъ, къ тебѣ не долѣтятъ...
Лишь вѣтеръ плачется, жужжитъ немолчно пчелка,
Да дерева листвою шевелятъ.

1881.

А. А. Марковъ [2]).

Воспоминаніе о селѣ Михайловскомъ.

Кто, русскій, не слыхалъ еще ребенкомъ, въ школѣ,
Объ уголкѣ глухомъ, гдѣ изгнанный поэтъ

---

1) Стихотворенія и рисунки. СПБ., 1895, стр. 95.
2) Стих. и рисунки, СПБ., 1895. стр. 128-132

Скучалъ и пѣлъ, какъ соловей въ неволѣ,
Друзей «Тригорскаго» участьемъ лишь согрѣтъ.
Поэта домикъ былъ и низкій, и невзрачный,
Съ высокой кровлею; онъ мхомъ уже поросъ
И, сгорбясь, какъ старикъ, угрюмый, дряхлый, мрачный,
Въ сырую землю крѣпко вросъ.
Зато съ террасы внизъ чаруетъ видъ прелестный:
Синѣетъ озеро, къ нему крутой обрывъ;
За много, много верстъ открылся край окрестный.
Холмы, луга и озера разливъ.
Съ террасы къ озеру еще остались сходы,
Рядъ мшистыхъ, дряхлыхъ ступеней,—
Поэта сверстники; ихъ не щадили года,
Имъ жить уже не много дней.
Деревья вкругъ тѣ будто постарѣли,
Вершины ближе къ небу лишь шумятъ;
Березы эти, клены, сосны, ели—
Всѣ знали Пушкина, всѣ помѣстамъ стоятъ.
Вкругъ самаго двора сплошной, глухой стѣною
Стоитъ зубчатый старый лѣсъ,
Тѣснится онъ къ жилью, шумитъ надъ крутизною,
Таинственъ, полонъ весь чудесъ.
Онъ зеленъ и могучъ, какъ прежде густъ и строенъ;
Ручья бѣгущаго въ немъ сладокъ ропотъ струй,
Всегда прохладно здѣсь, хоть полдень душенъ, зноенъ,
И жарокъ солнца поцѣлуй.
Чѣмъ дальше вглубь идешь, деревья выше, чаще;
И тишь, и глушь. Играетъ кровь сильнѣй,
И дышишь грудью всей; все будто легче, слаще.
Пушистый мохъ лежитъ вкругъ вѣковыхъ корней.
Порою смѣлый лучъ пробьетъ себѣ оконце.
Сквозь чащу и на мху, иль гдѣ-нибудь на пнѣ,
Блеснетъ на мигъ, какъ маленькое солнце,
Напомнивъ вдругъ о яркомъ днѣ.
Какъ будто ожилъ лѣсъ, и слышишь, какъ онъ дышитъ;
Березы шепчутся; одѣтый въ свой уборъ,
Нарядный кленъ шумитъ, здоровьемъ такъ и пышетъ;
Ведутъ степенно сосны разговоръ;
Прямыя, длинныя, всѣ въ струнку, какъ солдаты,

Въ султанахъ, съ ружьями, онѣ здѣсь стали въ рядъ;
Вотъ ель—красотка кажетъ шлейфъ богатый;
Побѣги юные, какъ дѣти, вкругъ шалятъ.
Воображеніе рисуетъ рой видѣній:
Вотъ вѣдьма старая, сварливая яга;
Котъ-лѣшій свиснулъ, вкругъ своихъ владѣній
Его ступаетъ тяжкая нога;
Въ вѣтвяхъ сидитъ самъ Соловей-разбойникъ;
Шипя и крадучись, Горыничъ—змѣй ползетъ;
Вотъ коршунъ вьется, —знать, зарытъ покойникъ;
Вотъ карла кладъ свой стережетъ.
Исчезнетъ все, и снова ловишь ухомъ
Ручья журчанье, сладкій листьевъ шумъ.
Какъ хорошо! Бодрѣешь, крѣпнешь духомъ.
Душа смиряется, и отдыхаетъ умъ.
Да, гдѣ жъ такъ дышится, гдѣ отдыхъ мирный слаще,
Гдѣ грезъ свѣтлѣе вьется рой,
Какъ не въ лѣсной, родимой, темной чащѣ
Въ день жаркій, лѣтнею порой?
Какъ въ старь, бѣжитъ дорога темнымъ лѣсомъ,
И къ самимъ олеямъ тѣснятся дерева,
И кроетъ путника, какъ раскиднымъ навѣсомъ,
Какъ въ дни былые, темная лисгва.
Дорога вьется, быстро убѣгаетъ;
Вотъ знаменитыя мелькнули три сосны,
Лѣсъ порѣдѣлъ, онъ видимо мельчаетъ,
И пашни, и луга видны.
Вновь видъ раскрылся дальній, славный, дивный,
Вотъ снова озеро, и сине, и свѣтло;
Вотъ церковь на горѣ, и слышенъ звонъ призывный,
Кругомъ Тригорское раскинулось село.
Одинъ здѣсь съ свѣтлой, чудной думой—
Увы, дѣла минувшихъ лѣтъ—
Иль въ часъ хандры, суровый и угрюмый,
Бродилъ такъ часто нашъ поэтъ.
Мѣста привольныя! Вы, полныя простора
И чисто русской, мощной красоты,
Отъ пашенъ и луговъ, лѣсовъ густыхъ убора,
И до озеръ кристальной чистоты.

Я понялъ, почему, сроднившись, сжившись съ вами,
Пѣвцомъ народнымъ Пушкинъ жилъ и пѣлъ.
Здѣсь пѣлъ поэтъ Онѣгина строфами,
Творилъ Полтаву, здѣсь Борисъ созрѣлъ.
Здѣсь кровъ, гдѣ слушалъ онъ разсказы старой няни,
Деревню понялъ, полюбилъ,
Тотъ кровъ, гдѣ увидалъ онъ образъ милой Тани,
Гдѣ отъ бѣды намъ Богъ поэта сохранилъ.
Поэта нѣтъ давно. Расширенъ, передѣланъ,
На мѣстѣ прежняго стоитъ ужъ новый домъ:
Онъ комфортабельно и заново отдѣланъ,
И тѣни старины мы не находимъ въ немъ.
Мнѣ было горько тамъ. Казалось посмѣяньемъ
Поэта памяти, что домъ его снесенъ;
Тотъ домъ вѣдь было всего народа достояньемъ,
Святыней нашей—и разрушенъ онъ.
Пора сознаться намъ: изъ равнодушья, лѣни
Такъ память мы хранимъ и лучшихъ изъ людей;
Не любимъ вспоминать великія мы тѣни
И славу, блескъ истекшихъ дней.
Кумировъ безъ конца охотно создавая.
Цѣнить великое мы все жъ не доросли.
Скончался геній,—сынъ твой, Русь святая, –
На-завтра онъ забытъ, какъ прахъ, какъ снѣдь земли.

1882.

А. Н. Майковъ [1]).

Excelsior.

О царство вѣчной юности
И вѣчной красоты!
Въ твореньяхъ свѣтлыхъ геніевъ
Намъ чувствуешься ты!
Сіяющіе мраморы,
Лизиппъ и Пракситель!...

---

[1]) Полное собр. соч., I, СПБ., 1893, стр. 481.

Съ безсмертными Мадоннами
Счастливый Рафаэль!...
Святая лира Пушкина,
Его кристальный стихъ,
Моцартовы мелодіи,
Все радостное въ нихъ—
Все то не откровенья ли
Съ надзвѣздой высоты,
Изъ царства вѣчной юности
И вѣчной красоты?...

1883.

С. П. [1]).

На развалинахъ дома Инзова, гдѣ жилъ А. С. Пушкинъ.

(экспромтъ).

...Къ нему не зарастетъ народная тропа.

Въ недоумѣніи нѣмомъ
Стою поникшъ я челомъ
Передъ развалиной священной...
Какъ? тамъ, гдѣ геній вдохновенный
Училъ добру родной народъ,
Гдѣ свѣтлой мыслью шелъ впередъ
Въ тамъ невѣжества изгнаннікъ
Гдѣ жилъ и чувствовалъ поэтъ
Что вновь живой въ изображеніяхъ
И молодость родной и свѣтъ
Тамъ жилъ разлитый языкъ
Полмстеу темному, лишь
Пышнѣ что, сердцамъ понятный
Здѣсь жилъ великій чужеземецъ

[1]) Стихотв.

[1]) Дневникъ, часть [illegible], стр. [illegible].

П. Жуковскій [1]).

На день 50-лѣтія кончины А. С. Пушкина.

Увы! Полвѣка миновало
Съ тѣхъ поръ, какъ Пушкина ужъ нѣтъ,
Какъ смерть уста его сковала,
Какъ смолкъ великій нашъ поэтъ.
Онъ умеръ только бреннымъ тѣломъ,
Душой же съ нами онъ живетъ,—
Не ограничено предѣломъ,
Когда онъ на Руси умретъ.
Нѣтъ, не умретъ великій геній,
Онъ будетъ съ Русью вѣчно жить,
Но въ жизни той, ужъ для гоненій
Не будетъ цѣлью онъ служить.
Чѣмъ дальше отъ него отходимъ,
Тѣмъ грандіознѣй его ликъ,
И болѣе мы въ немъ находимъ,
Какъ для Руси онъ былъ великъ.
Не для Руси лишь, а для міра,
Онъ достоянье всѣхъ племенъ,
И гдѣ его звучала лира,
Онъ тамъ высоко вознесенъ.
Живи же въ памяти ты вѣчной
И русскій поучай народъ,—
Онъ съ благодарностью сердечной
Тебя почтитъ изъ рода въ родъ!

1887.

П. И. [2]).

Памяти А. С. Пушкина въ день 50-лѣтія его кончины.

Полъ-вѣка, какъ зарытъ въ холодный мракъ могилы
Сраженный варварски жестокою рукой

---

[1]) Стихи, СПБ., 1893, стр. 76.

[2]) „Чествованіе А. С. Пушкина въ Одес Коммерч. Училищѣ“, Одесса 1887, стр. 39—40.

Великій нашъ поэтъ, погибшій въ цвѣтѣ силы.
Какъ жертвы клеветы и пошлости людской!
И съ нимъ угасъ его даръ чудный вдохновенья,
И свѣтлый умъ его, и геній молодой,
Готовившій еще восторгъ и наслажденья
Поэзіи своей высокой красой.
Поэта нѣтъ давно... но лирой благородной
И «прелестью стиховъ» чаруетъ онъ людей
И «чувства добрыя» въ сердцахъ толпы холодной,
Какъ прежде, будитъ онъ гармоніей своей.
Поэта нѣтъ давно... но есть его творенья:
Въ нихъ вѣчной красотой живетъ душа его!..
Покрытый славою и чувствомъ удивленья,
Онъ не умретъ въ сердцахъ народа своего.
Поэта нѣтъ давно... но цѣлый рядъ поэтовъ
Создалъ онъ, вдохновилъ и далъ землѣ родной,
И узнаны они съ восторгомъ цѣлымъ свѣтомъ:
Тургеневъ, Лермонтовъ, и Гоголь, и Толстой!
Поникнемъ же главой предъ памятью поэта!
Онъ далъ намъ все: свой умъ и дивный геній свой!
Онъ жизнь свою отдалъ въ угоду нравамъ свѣта,
Убитый пришлеца недрогнувшей рукой!...
А мы чѣмъ воздадимъ ему за жертву эту?
Чѣмъ грѣхъ своихъ отцовъ предъ нимъ мы искупимъ?...
Поникнемъ же главой предъ памятью поэта
И прахъ его слезой, хоть позднею, почтимъ!

1887.

А. М. Земскій [1].

Пятьдесятъ нынѣ ровно исполнилось лѣтъ
Съ того дня, какъ погибъ нашъ великій поэтъ.
Забыть можемъ ли мы роковой страшный день,
День, въ который былъ Пушкинъ убитъ въ цвѣтѣ лѣтъ.
Кто жъ не знаетъ изъ насъ, какой смертію погибъ,

[1] Полное собраніе сочиненій всѣхъ стихотвореній Пушкина, Лермонтова и Кольцова. М., 1899. стр. 3—4. Рѣдкое по своей безграмотной притязательности изданіе.

Во всемъ блескѣ таланта, великій поэтъ,
И печальный его, скорбно—грустный конецъ.
Да!... погибъ геніальный могучій творецъ.
Пушкинъ былъ для Руси идеальный пѣвецъ.
О! не мало слезъ скорбныхъ пролито, друзья,
За того, кто родную намъ Русь прославлялъ
И стремился поднять духъ народный ея
И своимъ чуднымъ геніемъ насъ вдохновлялъ.
О, позвольте и мнѣ, въ столь торжественный день,
Свои чувства излить, слово молвить, друзья;
Васъ прошу, господа, не корите меня,
Съ душой робкой, смущенной, и, сердце скрѣпя,
Къ вамъ лишь съ скромнымъ стихомъ обращаюсь здѣсь я;
Признаюсь честно въ томъ, что могучій путь лиры—
Сфера, самъ знаю я, вѣрьте мнѣ, не моя..
Но теперь память Пушкина чествуемъ мы
И вся Русь знаменательный сей юбилей:
Я желаю, чтобъ въ общей здѣсь чашѣ скорбей,
Какъ торжествъ тутъ теперь, такъ и горестныхъ дней,
И моя бы слеза вмѣстѣ съ вашей была, и
Не на часъ бы здѣсь въ ней не хладѣла бъ она,
И кипѣла бъ слеза съ грустью тихою въ ней,
Здѣсь отъ самыхъ и славныхъ сихъ Пушкинскихъ дней
Съ чувствомъ преданности, и на всѣ времена
Въ дни, которы поэтъ межъ волненья, тревогъ
Изнывая страдалъ среди тайныхъ враговъ;
Подъ бездушно—холодной и низкой молвы,
Подъ вліяніемъ эгоистической лжи
И средь темныхъ интригъ, клеветой окруженъ,
Потомъ рыцарскимъ палъ, пулей вражьей сраженъ.
Кто жъ былъ врагъ, что преступную руку поднялъ
И его жизни скрытно, коварно искалъ?
То былъ авантюристъ, иноземецъ Дантесъ.
Петербургомъ, къ несчастью, приласканъ пришлецъ,
Интриганъ въ семью вторгнулся Пушкина. Влилъ
Въ нее нравственный ядъ, жизнь поэта разбилъ,
Весь покой и блаженства семьи отравилъ,
Домогаясь здѣсь тайной преступной любви,
Потопталъ свою честь, пустилъ ложь клеветы,

Не щадя ничего, лишь бы цѣли достичь,
Свою гнусно-преступную страсть утолить.
Тутъ не снесъ нашъ поэтъ, оскорбленный въ душѣ,
Чтобы сбросить тревожный слухъ грубой молвы,
Защищая честь юной, любимой жены,
Но прискорбный и гибельный часъ здѣсь насталъ:
Пушкинъ палъ средь интригъ. Его врагъ не дремалъ,
Роковымъ пистолетнымъ и мѣткимъ ударомъ
На дуэли его гнусно жизни лишилъ.
И поэтъ былъ убитъ почти въ лоскъ наповалъ.
О! здѣсь страшны часы были скорбной тоски
Для поэта,—послѣдней предсмертной борьбы,
Когда Пушкинъ лежалъ съ смертной раной въ груди,
Разставаясь съ дѣтьми и съ любимой женой,
Оставляя ее безъ защиты вдовой.
Такъ нашъ Пушкинъ великій несчастно погибъ.
Но онъ будетъ для насъ въ вѣки вѣчно великъ.

М. Л. Будаговъ [1].

Памяти А. С. Пушкина.

29 января 1878 г

Священнодѣйствіемъ печальныхъ паннихидъ
О комъ сегодня вся Россія вспоминаетъ?
И сердце русское какая скорбь томитъ?
Чью память славную оно благословляетъ?
Сегодня ужъ полвѣка минуло съ тѣхъ поръ,
Когда поэта сердце биться перестало,
Когда навѣкъ потухъ проникновенный взоръ,
Съ тѣхъ поръ, какъ Пушкина не стало...
Подъ тяжкимъ бременемъ безстыдной клеветы,
Не въ силахъ совладать иль примириться съ нею,
Угасъ, угасъ поэтъ, безвременно и ты,—
За честь пожертвовалъ ты жизнію своею.

---

[1]) Гласовъ, Въ память Пушкина. Торж. дни въ С.-Петербу *Гимн.*, СПБ., 1899, стр. 27—28.

И хоть предъ смертію пришлось страдать тебѣ
Невыносимо тяжко—свѣтлый духъ витіи,
Какъ прежде, ясенъ былъ, и, покорясь судьбѣ,
Ты счастія желалъ «царю въ его Россіи».
Ты уходилъ отъ насъ въ иной далекій свѣтъ
Безъ злобы на людей, безъ горькаго сомнѣнья
И жизни посылалъ прощальный свой привѣтъ
Съ улыбкою любви, съ улыбкой всепрощенья...
Прошли года... Но ты, какъ встарь, живешь межъ насъ.
Ты вѣченъ сталъ, поэтъ, черезъ свои творенья;
Тебя ужъ нѣтъ давно, но въ русскихъ не угасъ
Свѣтильникъ твоего живого вдохновенья.
Ты въ ихъ сердцахъ запечатлѣлъ, поэтъ,
Любовь къ прекрасному, возвышенныя чувства,
Любезно имъ, что чаровалъ ты свѣтъ
Созданіями русскаго искусства,
Что самъ ты русскій былъ, что ты живописалъ
И нравы русскіе и русскую природу,
Что правду образовъ своихъ ты завѣщалъ
Родному русскому народу!...
И долго будешь ты отчизнѣ дорогой,
Поэтъ, сіять немеркнущею славой,
И русскій много разъ со скорбію святой
Вспомянетъ о кончинѣ Пушкина кровавой,
И много разъ въ сей день вся Русь тебя почтитъ
Священнодѣйствіемъ печальныхъ паннихидъ.

В. Сибирскій [1]).

27 января 1837 - 1887 г.

(экспромтъ).

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,—
Полвѣка минуло какъ разъ;
Но не покрыли ржа и плѣсень
Твой стихъ, блестящій, какъ алмазъ.

---

[1]) Не отъ скуки. Стихотворенія. Томскъ. 1890. Стр. 88.

Ты поработалъ Руси много,
Стоялъ ты за родной народъ:
Къ твоей могилѣ пусть дорога
Да никогда не зарастетъ!
Да и въ позднѣйшихъ поколѣньяхъ
Тотъ не исчезнетъ идеалъ,
Который ты въ своихъ твореньяхъ
Въ живые типы облекалъ.
Народъ—страдалецъ къ жизни новой
Возставъ, пойметъ, поетъ, того,
Кто, въ вѣкъ работая суровый,
Свободу чтилъ прежде всего...
Кто палъ чрезъ зависть гнусной злобы
Зато, что злобу презиралъ:
Кто проливалъ свѣтъ и въ трущобы
И милость къ падшимъ призывалъ!

1887.

А. Табакевичъ [1].

Памяти Пушкина. На 29-ое января 1887 г.

Насталъ великій, грустный день
Полустолѣтней годовщины
Твоей трагической кончины...
Покинувъ гробовую сѣнь,
Восходитъ тихо передъ нами,
Сіяя свѣтлыми очами,
Твоя увѣнчанная тѣнь.
И славы новыми лучами
Она нашъ грустный міръ даритъ,
И геній твой опять паритъ
Надъ нами мощными крылами.
Быть можетъ, новой свѣтлой думой
На насъ опять повѣетъ онъ,
Взволнуетъ умъ, разгонитъ сонъ
И эгоизмъ души угрюмой,
И свѣта новою струею

---

1) СПБ., 1887.

Вновь наши чувства оживитъ,
И новой, чистою волною
Теченье жизни обновитъ.
И лиры пламенные звуки
Въ воспоминаньи оживутъ,
И, внемля имъ, коль не умрутъ,
Хотя на время смолкнутъ муки
Житейскихъ бѣдъ, заботъ и скуки.
Хотя на время оживутъ
Поэзіи минувшей розы,
И отъ унылой нашей прозы
Хоть мигъ забвенья намъ дадутъ.
И въ дивныхъ образахъ твореній,
Въ порывахъ чувствъ и вдохновеній,
Въ борьбѣ страстей, въ волненьи думъ,
Гдѣ вѣчно будетъ жить твой геній,
Вновь отдохнетъ усталый умъ.

Но въ день торжественный, въ день славы
Вѣнчая лавромъ геній твой,
Кто не припомнитъ, сколь неправы
Въ тѣ дни мы были предъ тобой!
Какъ много горькихъ испытаній
На долю выпало тебѣ!
И сколько ложныхъ нареканій
Ты вынесъ въ жизненной борьбѣ!
Ни клеветою ядовитой,
Ни злобой не былъ ты забытъ!
Ихъ ядъ досель еще кипитъ,
Въ пыли ихъ критики забытой.

Твой голосъ рано смолкъ, твой геній
Отъ насъ до время улетѣлъ,
Не довершивъ земной удѣлъ,
Не выдавъ намъ всѣхъ вдохновеній.
Быть можетъ, въ томъ есть воля рока,
Быть можетъ, случая,—какъ знать?

Но не жалѣть и не роптать—
Зачѣмъ судьба была жестока—
Не можетъ тотъ, кто могъ понять
Ударъ судьбы и смерть пророка.

———

Но и надъ грустною кончиной
Сумѣла злоба ядъ излить,
Чтобъ возмутить, чтобъ оскорбить
Хоть тѣнь твою молвой обидной!
Среди пристрастныхъ чувствъ и мнѣній,
Превратныхъ взглядовъ и сужденій,
Кто не рѣшался утверждать,
Что самъ хотѣлъ ты жизнь прервать,
Что твой талантъ изсякъ,—что геній
Угасъ, и ихъ переживать
Ты не хотѣлъ среди сомнѣній!

———

И какъ обидны, какъ неправы
Тѣ были рѣчи и слова!
Но помрачила ли молва
Безсмертный блескъ безсмертной славы?
Талантъ не можетъ истощиться,
Не можетъ геній угасать,
Пока намъ умъ не помрачится,—
Онъ можетъ только утомиться,
Но что не должно отдыхать?
Тебя не поняли, но въ этомъ
Ты не одинъ—таковъ удѣлъ,
Кто созданъ истиннымъ поэтомъ!
Не вѣкъ, а вѣчность ихъ предѣлъ.

———

Когда твоя умолкла лира,
Когда упалъ съ главы твоей
Лавръ свѣтозарнаго кумира
Къ ногамъ безчувственныхъ людей,
Толпа безмолвно отступила

Въ оцѣпенѣніи нѣмомъ.
Какъ въ ясный день нежданный громъ,
Ее твоя смерть поразила!
Но и тогда не оцѣнила,
Но и тогда не поняла
Она, кого насъ смерть лишила;
Кого въ тебѣ смерть отняла!

———

Не всѣмъ прекрасное прекрасно,
Не всѣмъ судительно дано—
Что для иныхъ свѣтло и ясно,
Другимъ невнятно и темно.
Твой жребій палъ, судьба свершилась —
И геній смолкъ и улетѣлъ,
Померкъ избранника удѣлъ,
И слава какъ бы омрачилась—
Мысль о тебѣ совсѣмъ затмилась,—
Не многимъ былъ доступенъ ты:
Еще въ немногихъ мысль сроднилась
Съ познаньемъ чистой красоты.

———

У насъ искусство лишь родилось —
Съ тобой возвысилось оно,
Въ твоихъ созданьяхъ воплотилось
И съ ними намъ тобой дано!
Ты новой мыслью, новымъ словомъ
Предъ нами новый міръ открылъ,
И въ новыхъ краскахъ, въ свѣтѣ новомъ
Людей и жизнь изобразилъ.
Ты дивной силой вдохновеній
Намъ умъ и сердце освѣтилъ,
И вольныхъ думъ и откровеній
Прекрасный сонмъ намъ подарилъ.

———

Какъ солнце новаго завѣта,
Ты озарилъ искусства міръ,

И словомъ пламеннымъ поэта
Ты насъ привелъ на свѣтлый пиръ
Высокихъ чувствъ, ума и свѣта!
Толпа внимала и дивилась
Твоимъ таланту и уму.
Но не передъ геніемъ склонилась, —
Нѣтъ, новизной она плѣнилась.
Она искусству твоему,
Какъ свѣту солнца, поклонилась,
Не проникая въ глубь идей
И тайну миссіи твоей.

— —

И не великостью созданій,
Не ихъ безсмертной красотой,
Не чувствъ и мысли глубиной,
Но внѣшней формой описаній,
Игрою звучныхъ сочетаній
И поэтичной простотой
Была она увлечена:
Имъ поучилися она!

— —

Ты ей, какъ бы съ высотъ Парнасса,
Явился вдругъ въ лучахъ вѣнца.
И, преклонясь, внимала мѣста
Словамъ могучаго тѣнца.
Не понимала ихъ значенья,
Не постигая силы ихъ,
Хотя твой пылкій мощный стихъ
Ей былъ восторгъ и изумленье.
Какъ трель ей они звучали,
Слезами въ пламенный потокъ
И умъ и сердце заливали
Что было ей, какъ онъ глубокъ?
Онъ былъ прекраснъ и жаркъ
Въ немъ жизнь и страсти клокотали
Они невольно увлекали,
Они предъ ними раскрывали

И добродѣтель и порокъ.
Ты въ нихъ героя и злодѣя
Изобразилъ и, какъ пророкъ,
Священнымъ чувствомъ пламенѣя,
Похитилъ тайный жизни рокъ.

Но, разъ признавъ въ тебѣ поэта,
Они не видѣли творца,
Глубоко знавшаго сердца
Людей и всѣ пороки свѣта...
Тебя винили въ подражаньяхъ,
Но гдѣ же геній подражалъ?
Да и кому? Кто выше всталъ
Въ прекрасныхъ творческихъ созданьяхъ?
Не тотъ ли, чей угрюмый геній
Міръ взволновалъ и возмутилъ,
Кто столько пробудилъ сомнѣній,
Но тайны міра не открылъ?
Нѣтъ, подражаньемъ гордой Музы
Предъ міромъ ты не постыдилъ,
И унизительныя узы
Чужихъ идей не освятилъ!

Но легковѣрность человѣка
Судьбой въ удѣлъ ему дана—
Она отъ вѣка и до вѣка
Въ его дѣлахъ была видна.
Нерѣдко, ею увлеченный,
И падалъ онъ, и возставалъ
Порою бодрый, обновленный,
Порой разбитый, утомленный,
Борясь и мучась, какъ Танталъ.
И то, что онъ вчера вѣнчалъ,
Чему вчера онъ поклонялся,
Надъ тѣмъ сегодня издѣвался
И въ грязь безжалостно топталъ.
Всегда, во всемъ непостоянный,

Какъ безпокойный океанъ,
Непостижимый, но понятный—
Онъ и пигмей, и великанъ,
Онъ властелинъ и рабъ минуты.
Подъ впечатлѣніемъ страстей
Нерѣдко онъ впадаетъ въ путы
Противныхъ истинѣ идей,
И, ихъ теченьемъ увлеченный,
На ложный путь стремится онъ,
Пока идеей просвѣщенной
Не будетъ къ свѣту обращенъ...

— —

Когда звѣзда твоя склонилась,
Когда свѣтильникъ твой угасъ,
И свѣтъ его покинулъ насъ,—
Когда съ тобой жизнь разлучилась,
Толпа безпечная смутилась,
Хотя еще не поняла,
Она, что генія лишилась,
Но скорбь въ ней искренняя была.

— —

Но скорбь прошла иль утишилась
И вновь въ надежду перешла.
Толпа забыла, примирилась
И солнца новаго ждала,
Не уяснивъ себѣ значенья
Того, кто вновь ужъ не придетъ,
Кто бросилъ якорь въ портъ забвенья,
Чей геній кончилъ свой полетъ,
Кто, какъ маякъ въ океанѣ,
Свѣтильникъ мысли водрузилъ,
Горитъ онъ днемъ, въ ночи, въ туманѣ—
Среди родныхъ ему свѣтилъ...

— —

И вотъ прошло уже столѣтье,
Жизнь волновалась и текла.

И мысль мужала и росла
Въ самосознаньи человѣка,
И что жъ-кого она дала?
Какое новое свѣтило
Міръ новымъ свѣтомъ озарило?
Кого судьба вновь вознесла
И славой вѣка осѣнила?
Въ чьемъ блескѣ блескъ пѣвца затмила,
Кого вѣнчала вновь хвала?

——

Кто съ лирой болѣе достойной
Пришелъ на шумный жизни пиръ,
И въ пѣснѣ пламенной и стройной
Открылъ предъ нами новый міръ?
Никто!... Хоть былъ одинъ достоинъ
Святого имени пѣвца,
Но не былъ онъ въ лучахъ вѣнца,
Который лишь тебѣ присвоенъ,
Вѣнца художника—творца!

——

Онъ былъ прекрасный, свѣтлый геній
Тебя достойной высоты,—
Глашатай истины, какъ ты,
Но съ меньшей силой вдохновеній;
Онъ много новыхъ откровеній
И новыхъ думъ намъ посвятилъ,
Но въ новыхъ образахъ твореній
Онъ новый міръ намъ не открылъ.

——

Такъ въ небѣ звѣздъ есть много ясныхъ,
Но солнце видимъ мы одно,—
Не то ль среди искусствъ прекрасныхъ
Судьбой стихій повторено?
Въ искусствѣ каждомъ есть свой геній,
Свой совершенный идеалъ,
Который вкругъ себя создалъ

Рядъ лучезарныхъ отраженій.
Но кто жъ изъ нихъ съ тобой сравнился
И славу вѣчную затмилъ?
Никто! твой геній межъ свѣтилъ
Сильнѣй и ярче засвѣтился!

— —

И, какъ тогда, стоишь ты нынѣ
Надъ нивой творчества одинъ,
Подобно вѣковой святынѣ—
Ума и чувства исполинъ!
И предъ тобою, вѣкъ за вѣкомъ,
Потомокъ дальнихъ рядъ пройдетъ
И, преклонясь предъ поэтомъ,
Дань вѣчной славы принесетъ!

— —

J. Vrchlický [1]).

Puškin u more.

Po dlouhé cestě skalný břeh
Kde rozerván se srázně klonil,
Ó z dálky již mu proudů šleh
V sluch hudbou hřímající zvonil!
Krok zastavil a ve vln válku,
v ten rostoucí pěn burný val
svých zraků orly pustil v dálku
a v hukot bouře zajásal.
O velké moře, zdrávo buď!
To řekl blesk, jímž plálo oko,
to řekl vzdech, jímž vzdmuta hruď
se rozvlnila přehluboko,
to výkřik děl, jenž nesouvislý

1) „Bílé masky", Básně, v Praze, 1889, 149—151.

se vydral z úst a vzduchem nes',
to moře! tak je nosil v mysli
zde, tam a kol až do nebes!
Ten hromný rachot, slastný šum,
tak po léta jej v duši nosil,
on perutí byl jeho dum,
ach, teď mu blahem oko zrosil!
Jak zpěněná se vlna nese
ten zvolný vzrůst a srázný sklon—
Hle, rhythmu vlání tak se třese,
než rozhoupá se ňader zvon.
A v dáli těkal jeho zor,
Chtěl obejmouti nekonečnost,
za ptactvem letěl za obzor
a cítil v ňadrech růsti věčnost!
Pěn chumáč skály mrskající
až v divém trysku k němu vzlet',
jej chladným pozdravem šleh' v líci
a životu jej vrátil zpět.
A vešken život před ním stál
i první Musy políbení,
kdy první oheň v srdci vzplál,
vzruch první věšteckého snění;
pak lásky bol a ostny vášně
u dvora život, prázdný vír,
v plen jemuž vydan prostopášně
nenašel v hrudi klid a mír.
Zde samota, zde poušťa klid.
Co mrtvé vzkypělo v něm varem,
Zde spleenem skolébány cit
Se rozpučel v ráz plným jarem.
Co druhdy ňader tiši znělo,
to rostlo v tvary, postavy,
to rýmu zvony v sluch mu hřmělo,
tím prostor ožil mlhavý.
A dobrodružný jeho rek
stál před ním zas, na cestu dlouhou
jej vedl k moří, a jeho vztek
spleen vnořil s nadějí a touhou.

[illegible]

Н. С. Житинъ [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] „[illegible]“. [illegible] 1891. СПБ., [illegible]

Побѣда осталася
За иностранцемъ за однимъ
Злодѣйка пуля грозная
Свалила съ ногъ пѣвца,
Своей они кровью русскою
Покрылъ здѣсь всѣ мѣста.
Въ послѣдній часъ предъ смертію
Сказалъ онъ чудеса:
Прославлю это мѣсто все,
И вспомните меня.
Слава его сбываются:
Гдѣ палъ поэтъ родной,
И мѣсто прославляется
Въ странѣ Сѣверно-Ланской.
Дорожки расчищаются,
Прошедшею весной,
Древами украшаются,
Назначены судьбой.
Къ чему они готовятся,
Кого будутъ встрѣчать?
И скоро здѣсь откроется
Прекрасный ипподромъ.
Вся страна россійская
Здѣсь будетъ посѣщать,
Столицу петербургскую
Всѣ будемъ прославлять.
Поэта знаменитаго
Здѣсь будемъ вспоминать.
И мѣсто здѣсь дуэли
Должны всѣмъ указать.
На память намъ осталися!
Березы здѣсь стоятъ,
То вѣетъ вѣтеръ съ берегу,
Онѣ зашелестятъ,
Стихотворцу знаменитому
Память вѣчную творятъ.

И. С. Житинъ [1]).

Призваніе поэта.

Дорогой поэтъ великій,
Стихотворецъ знаменитый,
Ты стихи все сочинялъ,
Много книгъ намъ написалъ.
Твои книги знамениты,
И всегда вами покрыты.
Знаменитаго пѣвца
Славитъ русская земля.
Твои книги все читаемъ,
Имя твое вспоминаемъ,
И стихи все распѣваемъ,
Тебя, Пушкинъ, прославляемъ.
Вновь намъ надо научиться:
Ты намъ помоги,
И свои уста завѣтны
Для насъ отвори.
Если будутъ гдѣ ошибки,
Самъ ты подойди
И ученую словесность
Всю намъ разскажи.
Стихамъ вѣрнѣе научи,
Спасибо русское скажу,
Про дуэль твою спою.

Гр. А. А. Голенищевъ—Кутузовъ [2]).

Въ Гурзуфѣ. Подъ платаномъ Пушкина.

Онъ былъ когда то здѣсь; на склонѣ этихъ горъ
Стоялъ онъ въ царственномъ раздумьѣ; это море

---

[1]) „Современный Петербургъ и дуэль Пушкина“, Стихотв., 1891, стр. 11—12.

[2]) Пушкинскій сборникъ, СПБ. 1899, стр. 11—12. Стих., СПБ., стр. 12—13.

Влекло его мечты въ невѣдомый просторъ
И отражалося въ подъятомъ къ солнцу взорѣ.
На этомъ берегу, въ сосѣдствѣ дикихъ скалъ—
Бѣглецъ толпы людской, лишь волнъ внимая шуму,
Свою великую въ тиши онъ думалъ думу
И пѣсни вольныя въ мечтаньяхъ создавалъ.
Тѣ пѣсни разнеслись по свѣту, и донынѣ
Въ сердцахъ избранниковъ онѣ звучатъ... а онъ,
Пѣвецъ земли родной, погибъ—людской гордыней,
Отрывой клеветы и завистью сражонъ.
Въ холодномъ сумракѣ безвременной могилы,
На дальнемъ сѣверѣ, подъ снѣжной пеленой
Лежитъ онъ—и доднесь несмолкшіе зоилы
Святыню имени его сквернятъ хулой.
Но сердцу вѣрится, что въ царствѣ вѣчной ночи
Пѣвцу невнятенъ шумъ житейской суеты,
Что, сквозь могильный сонъ, души безсмертной очи
Доступны лишь лучамъ безсмертной красоты;
Что, можетъ быть, сюда, на этотъ склонъ оврага,
Гдѣ, вѣрные ему, платанъ и кипарисъ
Подъ небомъ голубымъ и солнцемъ разрослись,
Гдѣ дремлютъ старые утесы Аю—Дага,
Пѣвца святая тѣнь проносится порой
Вдали земныхъ суетъ, страстей, обидъ и горя,
Какъ нѣкогда, смотрѣть въ просторъ безбрежный моря,
Съ волнами говорить и слушать ихъ прибой.

1897.

А. Лейвентамъ [1]).

Честь и слава Пушкину,
Пѣвцу мира [2]) русскому;
Хвала, хвала Пушкину,
Филантропу русскому!
Отдайте честь Пушкину,

---

[1]) „Честь Пушкину“, Кишиневъ, 1898, стр. 8, 9—10, 11—12, 14—15.
[2]) Варіанты: герою мысли, пѣвцу правды, „мѣщанину“.

Мыслитель [illegible] русский!
Хвала воскресная и честь—
Въ обоихъ свѣтахъ блаженство!

Кн. Л. Елецкій [illegible]

[illegible]

[illegible]

[

Твоей памяти съ міра не смоетъ.
И творенья другихъ стихотворцевъ—пѣвцовъ,
Можетъ, горькая доля постигнетъ,
Но въ дали наступающихъ грозно вѣковъ
Твоя слава, поэтъ, не погибнетъ!...

Кн. Л. Елецкій [1]).

Къ юбилею Пушкина.

Итакъ, прошло уже сто лѣтъ
Со дня великаго рожденья
Того, чьи дивныя творенья
Успѣли обойти весь свѣтъ.
И нѣтъ въ Россіи никого,
Кто тѣхъ твореній не читаетъ,
Поэта дивнаго не знаетъ,
И памяти не чтитъ его.
Его поэзьи съ первыхъ дней
Вкушаемъ мы живую сладость,
И всѣ мы чувства, горе, радость,
И жизнь, и свѣтъ находимъ въ ней.
Онъ сердцу радости даритъ;
Онъ намъ учитель—воспитатель,
И каждый искренній читатель
Поэта память вѣчно чтитъ.

---

[1]) Стих.. Варш., 1902, стр. 70.

Стихотворенія

о

ПУШКИНѢ

1899 года.

К. Р. [1]).

Кантата.

Мы многолюдною толпою
Сошлися здѣсь на торжество
Единодушною семьею
Сегодня чествовать того,
Кто въ этотъ день веселый мая,
Тому назадъ уже сто лѣтъ,
Невинной прелестью плѣняя,
Узрѣлъ впервые Божій свѣтъ.

У этой тихой колыбели
Кто угадать бы могъ впередъ,
Къ какой высокой, славной цѣли
Судьба младенца поведетъ!
Дитя крылами осѣняя,
Быть можетъ, ангелъ напѣвалъ
Ему святыя пѣсни рая
И грёзы неба навѣвалъ.
Міровъ надзвѣздныхъ откровеньямъ
Немолчно вторилъ міръ земной,
И все дышало восхищеньемъ,
Завороженное весной.
Дитя воспѣли щебетаньемъ
Птицъ перелетныхъ голоса

[1]) „Курьеръ", 1899, № 146. „Петерб. Газ.", 1899, № 144. „Моск. Вѣд.", 99, № 145. „Чествованіе памяти Пушкина Академіею Наукъ", СПБ., 00, стр. 71—72.

И воды вешнія журчаньемъ,
И листьевъ шелестомъ лѣса.
То пѣнье смутно раздавалось
Въ душѣ младенца, какъ во снѣ:
Въ ней словно таинство свершалось,
И зрѣли пѣсни въ тишинѣ.

Прошли младенческіе годы...
Какъ этихъ звуковъ, этихъ грёзъ
Сквозь жизни бури и невзгоды
Нѣтъ въ душѣ своей пронесъ.
Кто ужъ нѣтъ... Но дивныхъ пѣсней
Не позабыть сердцамъ людей:
Онѣ звучатъ имъ все прелестнѣй
И все ихъ трогаютъ живѣй.

[illegible]
[illegible]
[illegible]

А. С. Ермоловъ [1])

«Три зари».

Загорѣлась заря надъ Москвой златоглавой,
Блескомъ утра смѣняя полночную тѣнь—
То поэта русскій восходъ величавый,
То рожденье поэта великаго день.
И не знала въ ту пору столица родная,
И не вѣдалъ еще православный народъ,
Что помянетъ отчизна отъ края до края
Того дня лучезарнаго свѣтлый восходъ;
Что безвѣстный, въ уютной своей колыбели
Спитъ младенецъ, небеснымъ повитый лучемъ;
Что надъ нимъ хоры ангеловъ Божіихъ пѣли
Пѣсни тѣ, что споетъ онъ Россіи потомъ;
Что приноситъ на землю изъ горняго міра
Отблескъ райскаго свѣта онъ въ вѣщихъ очахъ;
Что небесныхъ созвучій полна его лира,
И небесный глаголъ у него на устахъ;
Что отчизну пробудитъ онъ силою слова,
Воскреситъ въ ней преданье родной старины.
Но пришельца толпа принимаетъ сурово,
Непонятны поэта ей вѣщіе сны,
Непонятенъ и чуждъ ей стремленій высокихъ
Правды вѣчной поэта могучій призывъ,
И въ стихахъ вдохновенныхъ и въ думахъ глубокихъ
Изливаетъ онъ тщетно свой сильный порывъ.
Одинокимъ проходитъ онъ путь свой тернистый,
Но призывную пѣсню все громче поетъ,
И все ярче сіяетъ тотъ свѣточъ лучистый,
Что средь мрака земного съ собой онъ несетъ,
Разгоняя тѣмъ свѣтомъ печали туманы,
Пеленою покрывшіе землю кругомъ,
И людскія печали и скорби, и раны
Онъ врачуетъ своимъ животворнымъ стихомъ.
И случилось нежданно великое чудо:

---

1) „Свѣтъ“, 1899, № 140.

Эта пѣсня, что пѣлъ нашъ поэтъ молодой,
Всколыхнула дремоту спокойную люда
И нашла себѣ откликъ въ отчизнѣ родной.
Блескомъ новаго солнца страна озарилась,
И небеснымъ огнемъ загорѣлись сердца;
Какъ красавица, спящая Русь пробудилась
И возстала на встрѣчу родного пѣвца.

* * *

Вотъ другая заря—догорающій день,
Надъ просторомъ лѣсистой равнины
Уже пологомъ стелетъ вечернюю тѣнь,
Накрывая деревьевъ вершины,
И по земкамъ крутится сребристая мгла
И клубится надъ рощею сонной,
И вдоль узкой тропы, что мятель замела
Словно стелется дымъ похоронный.
Словно свѣчи, высокія сосны стоятъ.
Лѣсъ какъ будто и плачетъ и стонетъ,
И въ кровавомъ огнѣ, охватившемъ закатъ,
Безъ лучей солнце красное тонетъ...
Совершилось кровавое дѣло въ тотъ мигъ.
Жертвой зависти, злобы и мести
Пораженный рукой чужеземной—поникъ
Тотъ глашатай и правды и чести,
Тотъ учитель пророкъ,—тотъ будильникъ живой,
Тотъ носитель небесной святыни...
Онъ упалъ, обагряя кровавой струей
Бѣлоснѣжную ризу пустыни.
Угасаетъ пѣвецъ и, печалью полна,
Русь зловѣщей той вѣсти внимаетъ—
И далеко, далеко несется она...
Пушкинъ раненъ—поэтъ умираетъ
И вкругъ смертнаго ложа толпился народъ
Внемля рѣчи поэта прощальной,
Какъ за Русь онъ молился,—за Царскій нашъ родъ,
За семью, предъ разлукою дальней.
Рвался въ выси онъ чуждыхъ, невѣдомыхъ горъ,
Прочь отъ міра скорбей и печали...

Смерть все ближе и ближе—тускнѣющій взоръ
Ужъ провидѣлъ небесныя дали.
«Выше, выше»—нѣмѣя шептали уста:
Выше, въ область предвѣчнаго свѣта,
Со словомъ прощенья во имя Христа
Чистый духъ устремлялся поэта,
И со вздохомъ послѣднимъ поникъ онъ челомъ,
И на ложе глава опустилась...
И въ ночи безпросвѣтной нависшей кругомъ
Солнце русской поэзіи скрылось.

* * *

Миновали года. Въ тишинѣ Святыхъ Горъ
Спитъ поэтъ близъ родного предѣла,
Тамъ, гдѣ зелень полей его нѣжила взоръ,
Отдыхаетъ почившее тѣло.
Но померкъ надъ отчизной возженный имъ свѣтъ,
Тьма невѣжества снова сгустилась.
Русь забыла поэта высокій завѣтъ
И кумирамъ инымъ поклонилась.
Рѣчи новыхъ витій понеслися въ народъ.
Отрицанья полны и отравы,
И сквозь тучи, обнявшія вновь небосводъ,
Чуть мерцали лучи его славы.
Но не долго царила мертвящая мгла,
Врагъ недолго побѣдой кичился—
Въ блескѣ новомъ заря надъ отчизной взошла,
Свѣтомъ солнечнымъ міръ озарился.
И замолкли навѣты смущенныхъ враговъ
Передъ истиной вѣщаго слова
И, какъ колоколъ, будитъ отчизны сыновъ
Рѣчь поэта почившаго снова,
Призывая къ добру, сѣмя правды кругомъ
Сѣетъ онъ на народную ниву.
И взойдетъ эта правда могучимъ росткомъ
И покроетъ весь міръ горделиво,
И воздравствуетъ разумъ и скроется тьма
Предъ могучимъ лучемъ просвѣщенья,
И преклонитъ колѣна Россія сама,

Въ ней провидя зарю обновленья.
Ту зарю уже вновь не осилитъ туманъ
И не будетъ заката той славы,
И въ наслѣдье поэта безсмертнаго данъ
Вѣчный свѣточъ Россійской державы!

К. К. Случевскій[1].

А. С. Пушкину.

(1799—1899).

Загудѣли гуслями гусляры!...
Всколыхнулся сонмъ богатырей,
Отряхая давней смерти чары
Со своихъ заспавшихся очей!
Шевельнулись княжьи воеводы
И князья, хозяева Земли,
Тѣ, что жили въ тяжкія невзгоды
И, пріявши схимы, отошли.
И, владычнымъ пурпуромъ повиты,
По глубоко спущеннымъ гробамъ
Просыпались и митрополиты,
Чтобы путь указывать царямъ...
Отъ временъ Двѣнадцатаго года
Дали голосъ, окликъ услыхавъ,
Полководцы, люди изъ народа,
Главари сословныхъ мѣстныхъ правъ...
Шли отъ Шипки, двигались отъ Плевны,
Отъ Невы, Поволжья и Днѣпра
Старцы, гридни, ратники, царевны,
Треуголки времени Петра...

* * *

---

1) „Новое Время“, 1899, № 8298; „Новости“, 1899, № 93; „Моск. Вѣ 1899, № 94, 95; „Каспій“, 1899, 26 мая.

Что за шумъ? Откуда все движенье?
Пѣсни, клики, звонъ колоколовъ?
Смерти съ жизнью чуть ли не общенье
На исходѣ десяти вѣковъ?..
Оттого, что первымъ громкимъ словомъ
Пушкинъ, Вѣщій сынъ земли родной,
То сказалъ въ обличьѣ яркомъ, новомъ,
Что народъ переживалъ душой!
Десять разъ столѣтья миновали...
Наконецъ—сознаніе пришло,
И уста душѣ вослѣдъ сказали
То, что въ жизнь основою легло!
Прозрѣвали, чуяли задачи
На Москвѣ великіе цари,
И во тьмѣ являлись зорко-зрячи
Въ долгій часъ медлительной зари.
Но понять всѣ прежнія стремленья,
Ихъ сплотить и въ словѣ передать
Было дѣломъ дивнаго прозрѣнья...
Кто прозрѣлъ—тому не умирать!

* * *

Честь дѣяньямъ воинства родного!
Мудръ въ своихъ рѣшеніяхъ синклитъ!—
Но сильнѣе нѣтъ живого слова,
Если сердце слово окрылитъ!
Пушкинъ внесъ въ завѣтныя скрижали
То, чего нельзя теперь не знать:
Понялъ онъ, за что мы умирали
И за что—мы рады умирать.
Да! Ему и музыка, и хоры;
Для него и звонъ, и торжество,
Пробуждаютъ русскіе просторы
Въ поклоненьи генію его!
Будутъ ярче, будутъ выше люди,
Но на-вѣки, памятью хранимъ,
Первый вздохъ вполнѣ окрѣпшей груди
Навсегда останется за нимъ!..

К. К. Случевскій[1].

Кантата.

Зазвучали наши хоры,
Оглашая, какъ одинъ,
И окраинныя горы,
И пространства всѣхъ равнинъ...
Но откуда мощь такая
Въ этихъ звонахъ торжества?
Знать, столѣтье доживая,
Блещутъ Пушкина слова,—
Блещутъ тѣмъ изъ года въ годы,
Мощно сердце шевеля,
Что они цвѣтокъ природы,
Вѣнчикъ русскаго стебля.
Онъ цвѣтетъ безъ увяданья,
Не теряя лепестковъ...
Оттого то ликованья
И сердецъ, и голосовъ!
Оттого такъ звучно хоры
Оглашаютъ, какъ одинъ,
И окраинныя горы,
И пространства всѣхъ равнинъ!
Нашему Пушкину слава!

Allegro[2].

Пушкину.

Я былъ дитя; съ горящими очами
Твоимъ разсказамъ жадно я внималъ:
Какъ пировалъ Владиміръ-князь съ друзьями,
Какъ Черноморъ Людмилу похищалъ;
Мнѣ царство грезъ впервые здѣсь открылось,

---

1) „Варшавскій дневникъ“, 1899, № 142. „Крымъ“, 1899, № 1[illegible] „Одесскія Новости“, 1899, № 4634.

2) „Югъ“, 1899, № 351.

И мысль моя далеко уносилась.
Я отрокъ сталъ; впервые загорался
Въ моей душѣ любви огонь святой,
И въ «Плѣнникѣ» мнѣ смутно рисовался
Мой идеалъ—въ черкешенкѣ младой.
Я юнымъ сталъ; инымъ уже богамъ
Въ ту пору я восторгомъ поклонился,
Забросилъ твой изящный, гордый храмъ,
Титанамъ «дѣля» я тогда молился.
На твой алтарь я не смотрѣлъ, художникъ,
И въ дѣтской рѣзвости твой колебалъ треножникъ.
«И много лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я»... И вотъ я вновь
Къ тебѣ, мой богъ, душою обратился;
И въ наши дни, богатые лишь тьмой,
Въ твоихъ твореньяхъ свѣтъ мнѣ заструился:
Я въ нихъ нашелъ душевный свой покой.
Ты русскимъ былъ; любилъ ты нашъ языкъ,
Природу русскую любилъ и человѣка,
И предо мной, по-прежнему великъ,
Стоишь, поэтъ, въ лучахъ и ризѣ свѣта....
Ты къ свѣту звалъ, ты прославлялъ свободу,
Мечталъ о томъ, когда блеснетъ заря
Освобожденья русскому народу,
И рабство рухнетъ-- маніемъ Царя...
Мечта сбылась: надъ русскою землею
Уже насталъ свободы жданной день,
Но свѣта мыло все еще надъ нею,
И все лежитъ густая ночи тѣнь...
Такъ!... Но въ надеждѣ славы и добра
Глядѣть впередъ мы будемъ безъ боязни,
И ожидать, когда придетъ пора
Для слова русскаго тріумфа, а не казни...
Дай, Боже, намъ быть умными вполнѣ
И «въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ»!

К. Фефановъ [1].

Кантата.

(Памяти А. С. Пушкина).

ХОРЪ.

Слышимъ гимны, слышимъ клики,
Шумъ и праздничный восторгъ:
Это Пушкинъ нашъ великій
Жизнь отъ вѣчности исторгъ!
Загудѣли въ темномъ борѣ
Силы тайныя земли,
Въ синемъ морѣ на просторѣ
Заходили корабли.
Вѣетъ сладостною грустью,
Позабытой стариной,—
По родному захолустью
Слышенъ посвистъ удалой.
Плещутъ волны, брезжутъ зори
И, рѣзвясь по склонамъ горъ,
Нимфы треплютъ въ рѣзвомъ спорѣ
Скиѳа дикаго шатеръ!..

ГОЛОСЪ.

Тебѣ, нашъ Пушкинъ съ вѣчной славой,
И шумъ похвалъ и гуслей звонъ,—
И надъ тобой орелъ двуглавый
Ширококрыло вознесенъ!
Сковалъ ты силою волшебной
Родную рѣчь въ свои мечты.
Прими же нынѣ гимнъ хвалебный,
Рукоплесканья и цвѣты!
Прими дары, нашъ свѣтлый геній,
И пусть сіяетъ, какъ всегда—

---

1) „Литер. прилож. къ Торг. Пром. газ.“, 1899, № 10. „Иллюс
Стих. СПБ. 1900, стр. 130—2.

Во мракъ грядущихъ поколѣній
Твоя безсмертная звѣзда,
И пусть, какъ чудная былина,
Не меркнетъ славы бытіе—
Твоя кровавая кончина
И возрожденіе твое!

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

У насъ твои свѣтильники,
И струны самогудныя,
Твои живые помыслы,
Твои желанья чудныя.
Блестятъ твои свѣтильники,
Что камни самоцвѣтные,
Въ затишьи, и подъ бурею,
Въ потемки непривѣтныя!
И пѣснь твоя могучая,
Что вѣче перекатное,
Гудетъ въ полночь и непогодь,
Призывное и внятное...

ХОРЪ.

Блаженство великому,
Вѣнчанному лаврами!
Да радуетъ Пушкина
Въ потомствѣ признательномъ
За вѣчностью мудрою
Святое безсмертіе!
Святое безсмертіе
Съ нетлѣннымъ вѣнцомъ!
Тебѣ незабвенному,
Въ величьи нетлѣнному,
Баяну священному
И славу поемъ!

К. Фофановъ [1]).

Памяти А. С. Пушкина.

Торопливѣй жизни мысль поэта мчится,
И за нею жизнь погоней рвется вслѣдъ.
Скоро жизнь устанетъ, скоро утомится,
Но не скоро меркнетъ мысли вѣчный свѣтъ.

Онъ сіяетъ долго; къ новымъ поколѣньямъ
Шлетъ изъ ночи смерти свой безсмертный лучъ.
И звучитъ, какъ сказка, старымъ вдохновеньемъ,
Старою грозою изъ-подъ новыхъ тучъ.

К. Фофановъ [2]).

А. С. Пушкину.

Твое рожденье здѣсь, и сердце здѣсь твое
Забилось первымъ впечатлѣньемъ.
Благодарю тебя, ты скрасилъ бытіе
Своимъ волшебнымъ вдохновеньемъ.

Я рабъ твой преданный, такъ любящій тебя,
Безсиленъ высказать, что ты творилъ, великій!
Сойди, благослови незримо и любя
Подъ благодарственные клики.

Здѣсь вижу обликъ твой: безсмертный и простой,
Стоишь ты грустно молчаливымъ,
Еще задумчивый надъ суетной толпой,
Но созванной твоимъ призывомъ!

Вокругъ тебя гремитъ стоустная молва...
И вѣрь, благой пророкъ зиждительнаго слова,
Не разъ благодарить придетъ тебя Москва,
И Русь, и цѣлый свѣтъ—еще... опять,—и снова!

---

1) „Новое Время“, 1899, № 8348. „Иллюзіи“, 1900, стр. 139.
2) „Курьеръ“, 1899, № 144. „Иллюзіи“, СПБ., 1900, стр. 140.

К. Фофановъ [1].

А. С. Путкину.

Въ свѣтломъ мірѣ упованія,
Для любви и для добра
Расцвѣли твои созданія
И назрѣла ихъ пора:
Оживились, воплотились
Въ нашу жизнь и въ духъ и въ кровь.
Мы ужъ ими вдохновились, —
Вдохновляться будемъ вновь.
Всемогущій и торжественный,
Вѣчно юный, звучный стихъ,—
Нашъ великій, нашъ божественный,
Не умолкъ и не затихъ.
Пѣсни дивныя, свободныя,
Какъ сказанія народныя,
Не промчалися вы сномъ!
Никогда вы не обманете...
Пушкинъ, ты паришь орломъ,
И твой безсмертный памяти
Нынѣ славу воздаемъ!

Хвала тебѣ, нашъ добрый геній,
Россіи сладостный баянъ!
Безсмертенъ сонмъ твоихъ видѣній:
Твоя Татьяна, твой Евгеній,
Твоя Людмила, твой Русланъ!
Хвала тебѣ, и честь, и слава!
Ликуй, взошла твоя звѣзда;
Твой «Мѣдный всадникъ» и «Полтава»
Запечатлѣны навсегда!

Слава великому,
Слава прекрасному,

[1]) „Курьеръ“. 1899, № 147. „Иллюзіи“, СПБ., 1900, стр. 141—143. ›вое Время“, 1899, № 8350.

Мощно создавшему
Русскій языкъ!
Въ міръ всеобъемлющій,
Въ міръ вдохновенія
Духъ нашъ съ тобою,
О, Пушкинъ, проникъ.

Память великая,
Память безсмертная
Нашему Пушкину
Въ славной судьбѣ.
Міръ всеобъемлющій
Міръ вдохновенія
Намъ открывающій.
Слава тебѣ!

Н. П. Семеновъ [illegible]

Памяти А. С. Пушкина.

Надъ Пушкинымъ святую тризну
Кто рожденья въ сотый годъ
Свершаетъ любящій отчизну
Россіи доблестный народъ
И слава нашего поэта
Бѣжитъ теперь изъ края въ край
И отъ земли пятнистыхъ свѣта
Уноситъ насъ въ волшебный рай.
Сплошь слѣдъ неизгладимый
Оставленъ русскимъ поэтомъ—
Пусть знаетъ міръ, что былъ любимый
Нашъ насъ дивнымъ съ Божествомъ.
Что онъ народу сталъ пророкомъ
Своей великой силой,
Что былъ отчизны полководцемъ
Стихъ пламенный въ руки [illegible]

[illegible]

Ее затьмить вздымалось козни:
Пошли мы гибельнымъ путемъ,
Не замѣчая въ нашей розни,
Какой стезею мы идемъ.
Въ народномъ чувствѣ нѣтъ двоенья:
Итакъ, покинемъ путь чужой,
Пойдемъ, отвернувъ заблужденья,
Пѣвца дорогою прямой.
Онъ—нашъ пророкъ, онъ—русскій геній
Въ своихъ возвышенныхъ мечтахъ,
Въ изящной прелести твореній,
Въ неподражаемыхъ стихахъ.
Къ нему любовь есть наша сила.
Пока въ насъ духъ его живетъ,
Не разлучитъ насъ и могила.
Идемъ же бодро съ нимъ впередъ!

26 мая 1899 г.

И. А. Бунинъ [1]).

26 е мая.

Поэтъ намъ дорогъ тѣмъ, что онъ
О счастьи намъ напоминаетъ
И сумракъ жизни озаряетъ,
Какъ солнце хмурый небосклонъ.
Дни славы Пушкина—желанный
И свѣтлый праздникъ. Сколько разъ
Его мечты во мглѣ туманной,
Какъ солнце, радовали насъ!
И этотъ мигъ, когда вѣнчаетъ
Его вся Русь,—еще тѣснѣй
Съ его душою насъ сближаетъ
И въ жизнь, и въ счастье, и въ людей
Намъ вѣру гордую вселяетъ!

---

1) „Журналъ для всѣхъ“, 1899, V, стр. 525—6.

Германовъ [1].

Царскосельскій фонтанъ.

Памяти А. С. Пушкина.

Вѣчно изъ урны разбитой прозрачной и сильной струею
Влаги сверкающей ключъ льется на землю звеня.
Мальчикъ взобрался на камень и, смѣло впередъ наклонившись,
Жадно припалъ къ роднику, съ рискомъ свалиться долой,
Пей! Упадешь—не бѣда! Безпечнаго Богъ охраняетъ.
Встанешь—и вновь утолишь юную жажду свою.
Но не изсякнетъ струя, серебряный звонъ не умолкнетъ,
Свѣжій и сладкій потокъ внуковъ твоихъ напоитъ.

А. Соколовъ [2].

26 мая.

(1799—1899 г.).

Сегодня истекло сто лѣтъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ, Господа велѣньемъ,
Съ священнымъ Пушкина рожденьемъ
Святой Руси былъ посланъ свѣтъ.
Свѣтъ этотъ, умъ нашъ освѣщая,
Свѣтъ этотъ, сердце согрѣвая,
Глубоко въ душу намъ проникъ.
Къ нему мы чувствами согрѣты,
Священенъ намъ поэта ликъ,
Понятенъ намъ его языкъ
И дороги его завѣты.
Въ его завѣтахъ правды свѣтъ,
Урокъ высокій намъ для жизни.
Намъ завѣщалъ родной поэтъ
Служить Царю, служить Отчизнѣ,
Господню правду свято чтить,

---

1) „Журналъ для всѣхъ“, 1899, авг., 941—2.
2) „Моск. Листокъ“, 1899, № 145.

Завѣты старины хранить,
Держать высоко чести знамя,
Въ душѣ добра имѣя пламя,
И брата падшаго любить.
Онъ завѣщалъ любить народъ,
Въ грядущее Отчизны вѣрить,
Хранить и чтить нашъ Царскій родъ,
Ни передъ кѣмъ не лицемѣрить,
Гнетъ рабства смѣло презирать,
Имѣть лишь къ истинѣ стремленье,
Любить всѣмъ сердцемъ просвѣщенье
И, видя въ немъ источникъ благъ,
Спѣшить, чтобъ встать подъ этотъ стягъ.
А какъ онъ родину любилъ,
Какъ горячо онъ звалъ свободу
Къ порабощенному народу,
Какъ церкви нашей свято чтилъ
Благіе, вѣчные законы
И, стоя «близъ Царева трона»,
Не лицемѣрилъ и не льстилъ!
Самъ Царь глубоко это чтилъ,
И понималъ его глубоко.
Какъ берегутъ зѣницу ока,
Такъ Онъ берегъ его, любя,
Въ немъ видя славу для Себя
И для отчизны драгоцѣнной.
Достойна памяти священной
Къ поэту Царская любовь.
Когда же праведная кровь
Поэта землю обагрила,
Душа Царя себя явила
Во всемъ величіи своемъ
И доказала явно міру,
Какъ чтилъ Онъ Пушкинскую лиру.
Хвала тебѣ, родной поэтъ,
Отчизны счастье и святыня,
Святаго неба благостыня,
Что Богомъ намъ дана сто лѣтъ
Тому назадъ...

Собралась нынѣ
Вся Русь твоя тебя почтить,
Передъ тобою преклониться,
Съ слезой во храмахъ помолиться
И вѣковой долгъ заплатить.
Вѣдь правду пили мы изъ чаши,
Которую наполнилъ онъ.
Прими-жь, баянъ, земной поклонъ
Отъ насъ, дѣтей и внуковъ нашихъ,
А правнуки—тѣ вновь придутъ
И сами славу воздадутъ!

В. Гиляровскій [1].

Памяти А. С. Пушкина.

Поклонъ тебѣ, поэтъ! А было время гнали
Тебя за рѣчи смѣлыя твои,
За пѣсни, полныя тревоги и печали
За проповѣдь свободы и любви.
Прошли года. Спокойнымъ, яснымъ взоромъ
Исторія, взглянувъ въ былыя времена,
Ницъ пала предъ тобой, покрывъ на вѣкъ позоромъ
Гонителей суровыхъ имена...
А ты предъ нами здѣсь одинъ царишь надъ трономъ,
Тебѣ весь этотъ блескъ восторженныхъ очей,
Одинъ ты окруженъ безсмертнымъ ореоломъ
Неугасающихъ лучей!

Н. Чаевъ [2].

Священной памяти А. С. Пушкина.

Въ вѣковую годовщину
Русской пѣсни и любви

---

1) „Курьеръ“, 1899, № 146.
2) „Моск. Лист.,“ 1899, № 146, приб. XXI.

Про пѣвца сказать былину,
Дѣдъ Баянъ, благослови!

Въ годъ, когда на подвигъ бранный
Сила-рать, съ богатыремъ,
На Готтардъ, сѣдый, туманный,
Лѣзла съ пѣсней и крестомъ;

Въ годъ, какъ дѣдней нашей кровью
Обагрился край чужой,
Дни, когда святой любовью
Русь враждѣ платила злой;

Какъ спасать царей, державы
Шелъ Суворовъ въ бранный пиръ,
И отъ грома русской славы
Задрожалъ подлунный міръ,—

Въ этотъ грозный, величавый,
Годъ смиренья и побѣдъ,
Народился въ Златоглавой
Богатырь, родный поэтъ.

Пѣсни вешнія звенѣли,
Низлетая съ высоты;
Ихъ младенцемъ въ колыбели
Нашъ пѣвецъ, заслышалъ ты.

Ширь полей благоухала
Жизнью злаковъ и цвѣтовъ...
Вотъ чѣмъ гостя Русь встрѣчала
И голубила безъ словъ,

А баюкала напѣвы
Вѣчно юной старины,—
Неба тайными посѣвы
Въ нѣдра мощныя весны.

И во храмъ Богоявленья
Ты въ пеленкахъ былъ внесенъ;

Слова даръ и вдохновенья
Тамъ былъ, вѣщій, окрещенъ.

Оттого исчадья скуки
И блуждающей мечты,
Легкомысленные звуки
Прерывалъ съ слезою ты.

Плылъ съ Кремля и, неизмѣнный,
Гулъ Ивановой главы,
Въ свѣтозарну ночь вселенной
Вѣщій благовѣстъ Москвы.

Русь не знала, что невзгода
Тучей темною валитъ,
Что двѣнадцатаго года
Громъ чугунный загремитъ.

Въ ту грозу въ садахъ Лицея,
Въ кровѣ Царскаго Села,
Музы русской чародѣя
Милость Божья берегла.

Первый звонъ твоей цѣвницы
Міръ оттуда огласилъ;
Тамъ Державинъ, бардъ Фелицы,
Пѣть тебя благословилъ.

Туча, грянувъ, миновала,
И на тверди голубой
Пѣснь поэта засіяла
Семицвѣтною дугой.

Все, что въ сердцѣ русскомъ жило,
Что таилось въ глубинѣ,—
Зазвенѣло, взоговорило
Въ золотой твоей струнѣ.

Дѣвы русской тайны грезы,
Сердца вѣщаго мечты,

Радость — солнышко сквозь слезы—
Все воспѣлъ и вызвалъ ты.

И суворовской годины
Расцвѣла опять весна,
Воплотясь въ твои былины,
Благовонна и красна.
Словно рѣченьки, привольемъ
Степи русской, разлились,
Такъ, любуяся раздольемъ,
Пѣсни стаей понеслись.

Златокрылыя взмывали
Выше высей снѣговыхъ,
Выше облакъ, гдѣ сверкали
Стрѣлы молній огневыхъ.

Нагулявшись синевою
И покинувъ небеса,
Вихремъ пустятся землею,—
Дрогнутъ долы и лѣса:

То раздастся въ хороводѣ
Посвистъ звонкій, удалой,
То раздумье о невзгодѣ
Всплачетъ, долюшкой лихой.

Тамъ, курганы покидая,
Пробудясь отъ мертва сна,
Испровѣщилась родная,
Диво дивомъ, старина,

Вотъ несутся съ лукоморья
Чудо-юдо, Берендей,
Котъ ученый,—для подспорья,—
Змѣй Горынычъ лиходѣй.

Вѣдьмы, съ Кіева, на метлахъ,
Вьюгой мчатся... Быть бѣдѣ!...

Вонъ русалки, въ старыхъ ветлахъ,
Съ визгомъ плещутся въ водѣ.

Тамъ, по щучьему велѣнью,
Городъ всталъ... Кресты церквей,
Главъ, горятъ, на диво зрѣнью,
Миріадами огней.

Вонъ слилося съ небесами
Сине море-океанъ,
И бѣжитъ подъ парусами
Барокъ пестрый караванъ.

Лебедь встрѣчу каравану:
—Путь куда вашъ, молодцы?
«На Буянъ, къ царю Салтану,
Иноземные купцы».

Вдругъ, нежданно, кастаньеты
Брякнутъ гдѣ-то, затрещатъ...
Мотыльками разодѣты,
Андалузянки стоятъ.

Гусель слѣдъ простылъ. Испанецъ
На гитарѣ забренчитъ,
И ключемъ, огонь, не танецъ—
«Хòты» рѣзвой закипитъ.

То о страсти потаенной
Панна рѣчи заведетъ,
И Мицкевичъ вдохновенный
Съ другомъ пѣсню запоетъ.

Вотъ царь Петръ, нашъ кормчій славный,
Съ мощью Кто богатыря,
Повернулъ рукой державной
Руль роднаго корабля.

Пугачевъ... Ревъ адской вьюги...
Какъ въ глуши забытыхъ мѣстъ,

Вѣры, долга мирны слуги
Шли съ семьянами на крестъ.

Келья инока... Сказанье
Пишетъ старецъ на столбцахъ,
Жизни тихое мерцанье
Разгорается въ очахъ.

Возстаетъ предъ нимъ былое:
Грозный, Курбскій, Годуновъ,
Лихолѣтья время злое,
Словно рядъ тяжелыхъ сновъ.

Онъ дрожащею рукою,
Осѣнясь святымъ крестомъ,
Быль кириллицей родною
Воскреситъ въ столбцѣ своемъ.

Вотъ, подруга дней суровыхъ,
Няня дряхлая твоя,
Въ тишинѣ лѣсовъ сосновыхъ
Не дождется—ждетъ тебя.

Вонъ цыгане... «Надъ брегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены»...

«Завтра, съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ;
Вы уйдете, но за вами
Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ».

Не пойдетъ... Пѣвца не стало.
До полудня свѣтъ угасъ;
Вѣщихъ струнъ какъ не бывало,
Стая пѣсенъ унеслась.

Помню, силы пододонной
Злобный хохотъ и разгулъ,

Ужасъ, плачъ и похоронный,
На Руси великой, гулъ.

Точно что оторвалося
Отъ сердецъ...—«Не сберегли,
Уходили»,—раздавалося
По лицу родной земли.

Ты умолкъ, но вдохновенны
Думы Русь твои поетъ,—
Сердце сердцу въ міръ нетлѣнный
Вѣсть донынѣ подаетъ.

На вѣку ея не будетъ
Юныхъ дней поры другой,
И Россія не забудетъ
Соловья весны родной.

Днесь свѣтлѣйшими видѣньи
Наслаждаясь, вспомяни
Долъ, твоими пѣснопѣньи
Озаренный въ оны дни.

Бардъ любови вожделѣнной,
Той любовью отзовись,
И за Русь Творцу вселенной
Въ градѣ вѣчномъ помолись!

А. Соболевъ [1].

Памяти А. С. Пушкина.

(1799 г.—*26 мая.*—1899 г.).

Сто лѣтъ назадъ, въ Москвѣ, событіе свершилось,
Значенья коему никто не придавалъ:
Живое существо на божій свѣтъ явилось,

---

[1]) „Моск. Лист.“, 1899, № 145.

Сергѣю Пушкину Богъ сына даровалъ.
Ребенокъ былъ внесенъ во храмъ Богоявленья,
Былъ Александромъ онъ въ крещеньи нареченъ,
Затѣмъ, ни въ комъ не возбуждая удивленья,
Онъ росъ, какъ всѣ, ничѣмъ не отличенъ.
Шалилъ, игралъ, читалъ все безъ разбору,
Писалъ французскіе и русскіе стихи,
Не различая въ нихъ, въ чемъ правда, въ чемъ грѣхи,
То падалъ внизъ, то поднимался въ гору,
Пока не пробилъ для него *призыва* часъ
И вышней воли не раздался вѣщій гласъ...

Тогда средь избранныхъ мужей большого свѣта
Въ своихъ стихахъ себя впервые онъ явилъ:
Державинъ въ немъ призналъ *соравнаго* поэта
И мудрый Филаретъ его благословилъ...
Отъ той поры онъ шелъ стезею неизмѣнной,
Все выше вознося надъ вѣкомъ мощный духъ...
Вотъ отчего о немъ, звуча по всей вселенной,
Прошелъ не молкнущій до нынѣ дивный слухъ!...
Въ немъ Богъ явилъ Себя для насъ благоволеньемъ,
Созиждя чудный храмъ въ твореньяхъ мудреца,
Недосягаемаго давъ намъ *образца*,—
На поученье всѣмъ грядущимъ поколѣньямъ,
И всякъ, кто въ этотъ храмъ съ любовію входилъ,
Здѣсь дива красоты и мудрость находилъ.

Въ семъ удивительномъ, божественномъ твореньи,
Въ одномъ совлечено все высшее земли:
Завѣты родины, высокихъ думъ паренье,
Даръ ясно зрѣть вблизи—что грезится вдали...
Чудеснымъ образомъ въ немъ совмѣстились разомъ—
Французскій прыткій умъ, широкій русскій разумъ,
Свободомысліе, сомнѣнья мудреца,
Безличье воли въ волѣ Высшаго Лица...

. . . . . .

Великой родины онъ ясно видѣлъ горе
И, къ ней любовію пророческой горя,—

«Славянскіе ручьи сливалъ онъ въ русскомъ морѣ»
И «рабство» низвергалъ «по манію царя»...
Онъ «во-время созрѣлъ» и «съ молоду былъ молодъ»,
Безъ мѣры пострадалъ и въ мѣру ликовалъ...
За то въ призыва часъ—глаголъ его, какъ молотъ,—
Стекло тончайшее дробя, будилъ ковалъ.
Онъ смѣло говорилъ,—царя палъ грознымъ вѣщомъ,
Когда боялась мысль являть себя въ словахъ.
Съ самимъ царемъ... И царь сказался въ похвалахъ,
Что онъ—«бесѣдовалъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ...»
Но жребій генія нежданно подстерегъ
И отъ судьбы его самъ царь не уберегъ...
И вотъ—изваянный и славою повитый—
Поэтъ, чей геній мы сошлись торжествовать,
Предъ нами вознесенъ съ главою непокрытой!..
Главу ту лаврами лишь можно покрывать!
Но хочется спросить, зачѣмъ—столь возвеличенъ,
Прославленъ и воспѣтъ въ родной своей землѣ—
Стоитъ онъ, съ грустной думой на челѣ,
По прежнему, къ хуламъ и къ славѣ безразличенъ?
Затѣмъ-ли, что досель никѣмъ не превзойденъ
Въ оставленныхъ имъ намъ глаголахъ сладкозвучныхъ,
Груститъ онъ, что на русскихъ нивахъ тучныхъ
Ему подобный вновь не могъ быть нарожденъ?
. . . . . .
. . . . . .
Иль съ грустію онъ зритъ—на рубежѣ вѣковъ—
Воспѣтый имъ народъ давно ужъ не таковъ?..
Иль что еще его смущаетъ и печалитъ?
. . . . . .
И кто намъ безъ него отвѣтъ дастъ на вопросъ—
«Какія тайны онъ съ собою въ гробъ унесъ?..» [1]).

25 мая 1899 г.

---

1) См. рѣчь г. М. Достоевскаго во время Пушкинскихъ торжествъ въ 1880 г. *Дневн. пис.* Точка вездѣ въ подлинникѣ.

Котюховъ [1].

Сегодня славный день: назадъ тому сто лѣтъ
Родился нашъ «великій и незлобный»
И душу русскую имѣющій поэтъ
И голосъ, «шуму водъ подобный».
И сталъ онъ знаменитъ! Великому народу
Онъ живо воскресилъ преданья старины,
Онъ пѣлъ ему любовь, отчизну и свободу
И ширь его степей и мощь его страны...
Онъ жегъ сердца людей глаголомъ вдохновенья...
Могучимъ вымысломъ плѣняющей мечты
Онъ былъ для насъ зарей святого возрожденья
Къ познанью истины, добра и красоты...
Скажите, кто изъ васъ, словамъ его внимая,
Не чувствовалъ себя и лучше, и бодрѣй?
Пѣвецъ родной страны! Страна твоя родная
Запишетъ этотъ день въ исторіи своей...
И будетъ этотъ день во всемъ славянскомъ мірѣ
Однимъ изъ лучшихъ дней, и вѣщія слова:
«Мой духъ переживетъ меня въ завѣтной лирѣ»
Уже сбываются при кликахъ торжества...
Безсмертье—генію. Пусть день его рожденья
Торжественно горитъ, сгоняя тьму и злс.
Пѣвцу хвала и честь и радостное пѣнье
И лавровый вѣнокъ на гордое чело!

Коробовъ [2].

Памяти Пушкина.

Съ тѣхъ поръ минула сотня лѣтъ,
Какъ славный Пушкинъ народился,
Въ шестнадцать лѣтъ—уже поэтъ,
Предъ нимъ Державинъ преклонился.

---

[1]) „Свѣтъ", 1899, № 1'0.
[2]) „Сельскій Вѣстникъ", 1899, № 27, стр. 504.

Онъ умеръ. Духъ его живетъ
Въ твореньяхъ чудныхъ и новыхъ.
И, я надѣюсь, не умретъ—
Онъ славенъ даже на чужбинѣ.
Онъ первый зовалъ насъ къ правдѣ
Любить все русское, родное.
На темы не бралъ онъ химеръ.
Свое любилъ, а не чужое.
Онъ рядъ картинъ родныхъ широкихъ
Рукой волшебной развернулъ
И первый въ сердце такъ глубоко
Родной Россіи заглянулъ.
Зато въ день сотой годовщины
Никто изъ насъ не позабылъ
Творца «Руслана и Людмилы».
Кто Русь въ преданьяхъ воскресилъ.
И мы сюда собрались нынѣ
Почтить святыню нашихъ дней.
Того, кто слышалъ гласъ въ пустынѣ:
«Глаголомъ жги сердца людей».
Такъ пусть нашъ первый тостъ гремитъ
Въ честь славы русскаго Баяна.
И пусть земли нашъ народитъ
Такихъ, какъ онъ, сыновъ Салтана—
Чтобъ славой русскіе гремѣли
На полѣ брани и въ наукѣ.
Пѣвцы народные чтобъ пѣли
Земныя радости и муки.
И вдругъ народа—великана
Предъ мощной твердостью смирился.
Какъ «Черноръ» у ногъ «Руслана».
Во прахъ повергнутый, склонился.
Такъ славься жъ, Пушкинъ и Россія.
Какъ прежде, нынѣ и во-вѣкъ!
Пусть чаще праздники такіе
Встрѣчаетъ русскій человѣкъ!

В. Я. Козловъ [1]).

Сто лѣтъ, какъ Пушкинъ нашъ родился,
Сто лѣтъ, какъ Божій міръ узрѣлъ;
Сто лѣтъ, какъ духъ въ немъ воплотился
Въ блестящій будущій удѣлъ.
Сто лѣтъ, какъ голосомъ невиннымъ
Онъ о себѣ могъ возвѣстить,
Что онъ пришелъ, какъ «свѣточъ дивный»
Младое царство просвѣтить.
Почтимъ же день мы этотъ славный,
Почтимъ въ отечествѣ своемъ.
За даръ его «необычайный»
Молитву Богу вознесемъ!

А. В. Мельниковъ [2]).

Да, въ честь умершаго поэта
Пусть возсіяетъ Крестъ Христовъ,
Созданный лептой всего свѣта
Господень храмъ до облаковъ!
Туда придутъ пусть для молитвы,
Душевной радостью горя,
Молиться о душѣ поэта
И благоденстіи царя!

Л. Г. Чемисовъ [3]).

Памяти А. С. Пушкина.

(По поводу столѣтія со дня его рожденія).

Въ сіяньѣ пышномъ новой славы,
Безсмертья тогою одѣтъ,

---

[1]) „Сельскій Вѣстникъ“, 1899, № 25, стр. 460.
[2]) „Сельскій Вѣстникъ“, 1899, № 25, стр. 453.
[3]) „Родина“, 1899, № 27, стр. 1042.

Творенъ «Онѣгина». «Полтавы».
Онъ всталъ—великій нашъ поэтъ.
Его безсмертный, дивный геній,
Пока родная рѣчь звучитъ,
Сердечнымъ звукомъ пѣснопѣній
Не перестанетъ насъ учить.
Звѣздою яркою предъ нами
Блеститъ всегда его талантъ.
И не забудется вѣками
Родной поэзіи гигантъ.
Идутъ вѣка: но пѣснь титана
Въ сердцахъ народныхъ не умретъ.
Отъ финскихъ скалъ до океана
Ему признательный почетъ.
Народъ любимцу музъ и грацій
Судилъ тріумфъ, какой лишь могъ,
Подъ звуки искреннихъ овацій—
Горячихъ чувствъ сложилъ вѣнокъ...

С. Лаврентьева [1].

А. С. Пушкину.

Ты правъ поэтъ: твой памятникъ нетлѣнный
Главой вознесся выше пирамидъ;
И силой мощною, вѣками неизмѣнной,
Онъ превзошелъ металлы и гранитъ.
Не замеръ звукъ твоей безсмертной лиры,
Струна звучитъ все громче и звучнѣй;
Не Русь одну, а всѣ народы міра
Знакомитъ съ прелестью поэзіи твоей.
Ты не умрешь! Звѣздой незаходимой
Изъ вѣка въ вѣкъ ты будешь намъ свѣтить;
И, вѣрный сынъ страны своей родимой,
Учить насъ будешь вѣрить и любить.

---

[1]) „Женское Дѣло", 1899, V, стр. 1.

М. Карауловъ [1]).

По случаю столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина.
(1799—1899).

Убитъ.. и убитъ чужеземной рукою!
Пришелецъ свѣтильникъ родной погасилъ
И Русь всю окуталъ зловѣщею тьмою,
И пѣсней ее вдохновенныхъ лишилъ!
Не Цезаря прахъ чтилъ теперь мы рѣчами,
Не битвами славу себѣ онъ стяжалъ—
Онъ пѣлъ... и безсмертными тѣми стихами
На подвиги юность, на жизнь вдохновлялъ...
И старцы, внимая ему, оживали,
И грезы былыя, былая любовь,
У самыхъ дверей гробовыхъ возставали,
Какъ будто и въ нихъ текла юная кровь...
И что же? Не дрогнувъ, смертельное дуло
На славу Россіи убійца навелъ,
И смерти дыханье могилой пахнуло...
Онъ умеръ... но въ смерти безсмертье нашелъ!

Пусть тлѣетъ плоть, но духъ поэта съ нами,
Онъ все паритъ надъ стороной родной...
Сто лѣтъ прошло! Но не умретъ съ вѣками
Сіяніе славы міровой!
И внуки тѣхъ, что раньше клеветою
Старались дни поэта омрачить,
Теперь спѣшатъ на гробъ его толпою,
Чтобъ грѣхъ ихъ старый искупить.
И образъ Пушкина въ блестящемъ ореолѣ
Передъ потомствомъ нынче возстаетъ,
И будетъ жить поэтъ межъ насъ, доколѣ
Вселенная живетъ!
Гдѣ вольный Псковъ въ былые годы
Тягался дерзостно съ Москвой

---

1) „Родина“, 1899, № 22, стр. 1.

За образъ призрачной свободы,
За колоколъ свой вѣчевой.—
Туда устремлены всѣ взоры,
Всякъ на поклонъ туда спѣшитъ:
Тамъ монастырь «Святыя горы».
А въ немъ поэтъ нашъ мирно спитъ.
Весны роскошное дыханье
Теперь природу всю живитъ.
И солнца яркое сіянье
Его могилу золотитъ.
Зачѣмъ?—свѣтлю есть иное,
Что незнакомо съ тьмой ночей—
И меркнетъ солнце золотое
Въ сіяньѣ Пушкинскихъ лучей!

С. Я. Деруновъ[1].

Пѣсня школьниковъ.

. . . . . .

Слава ученью,
И слава родной
Родинѣ нашей,
Отчизнѣ любимой.
Пушкину слава
Великому вѣчно.
Пѣсни пусть льется
О немъ безконечно.

Качели[2].

Памяти Пушкина.

Почти съ дѣтъ кроткой, какъ пѣснью вдохновенной
Съ земли хотѣлъ ей небо открывать.

---

[1] „Родина“. 1899. № [illegible].
[2] „[illegible]“. 1899. № [illegible].

И ставятъ памятникъ ему богатый, тлѣнный,
Ему, кто памятникъ себѣ нетлѣнный создавалъ.
Тоскою на него падетъ плита гранита:
Онъ грезилъ не о ней! Въ общеньи съ божествомъ
Молилъ онъ, чтобъ была вездѣ любовь разлита,
Чтобъ Пушкинъ каждому въ Россіи былъ знакомъ.
И если въ будущемъ, средь ликованья свѣта,
Народъ нашъ грамотный стихи его прочтетъ,
Съ какой любовью тѣнь великаго поэта
Благословеніе свое намъ ниспошлетъ.
Теперь, пока стоитъ туманъ и сумракъ сѣрый,
И злоба, и вражда уносятъ жизнь людей,
Поэтъ нашъ не придастъ малѣйшей даже вѣры
Кантатамъ и хваламъ хоть тысячи грудей!...
И чудный монументъ, странною возведенный,
Въ тѣ дни, когда разбитъ и голоденъ народъ,
Лишь оскорбитъ собой духъ, небомъ вдохновенный,
И къ намъ на торжество онъ, грустный, не сойдетъ.
И глыбы мрамора, и надписи златыя
Не привлекутъ его изъ сферъ, гдѣ духъ царитъ:
Онъ ищетъ въ насъ найти любовь, сердца простыя
И просвѣщенья свѣтъ, а мы даемъ... гранитъ!...

Канчели[1]).

26-е мая въ глуши.

Убогій, тѣсный залъ безъ люстръ и украшеній,
На сценѣ бюстъ, портретъ великаго пѣвца,
Создатель безсмертныхъ пѣснопѣній,
Подъ сѣнью славною лавроваго вѣнца.
И ребятишекъ хоръ, торжественно стоящій,
Молчанье публики, и ароматъ цвѣтовъ,
И вдохновенный ликъ, съ собою всѣхъ манящій
Въ страну чудесъ и грезъ, въ страну волшебныхъ сновъ...
И грянулъ хоръ... Хоть въ немъ искусства было мало,

1) „Курьеръ", 1899, № 155.

Но этотъ гимнъ дѣтей, поющихъ въ честь того,
Чье слово въ ихъ сердцахъ восторги пробуждало,
Кто имъ давалъ дары безсмертья своего;
Да, тотъ нестройный гимнъ и молодыя лица.
Горящія огнемъ наивнымъ, но святымъ,
Заставили меня на мигъ мечтой забыться,
Дать волю грезамъ золотымъ...
Я думалъ: неужель пророкъ благословенный
Все помнитъ до сихъ поръ давнишній нашъ позоръ,
Какъ въ злобной ярости въ источникъ вдохновенный
Бросалъ каменья нашъ безсмысленный задоръ?...
Неужли помнитъ, какъ позорной клеветою
Мы властелина грезъ загнали, завлекли,
Убили! Генію любовію святою
Мы, жалкіе глупцы, отвѣтить не могли...
Неужли помнитъ все? Но нѣтъ, передъ кончиной
Великою душой убійцу онъ простилъ.
Теперь, когда идетъ народъ къ нему съ повинной,
Не можетъ быть, чтобъ онъ за злобу зломъ платилъ.
И въ этотъ дивный день онъ съ Божьихъ звѣздъ поковтъ
Въ странѣ хоть на одномъ изъ «малыхъ сихъ» свой взоръ,
Свой геніальный даръ онъ на него низводитъ
Чтобъ вновь блеснулъ средь насъ будящій метеоръ...
Онъ нуженъ намъ, поэтъ! мы жаждемъ возрожденья,
Ужъ мощныхъ пѣсенъ нѣтъ! тоскливо, грустно намъ...
Пошли избранника и силой вдохновенья
Ты въ немъ воскресни самъ!

С. А. Красновъ [1]).

А. С. Пушкинъ.

Пушкинъ—это возрожденье,
Всѣмъ вѣкамъ на удивленье,
Нашей славы дорогой,

---

1) „Моск., Вѣд.“, 1899, № 146. „Рус. Архивъ“, 1903, III, 436.

Нашей мысли—воплощенье,
Думъ завѣтныхъ—выраженье,
Царь поэзіи родной.

* * *

Пушкинъ—зеркало Россіи,
Голосъ грознаго Мессіи,
Правды вѣчной идеалъ.
Пушкинъ—первый нашъ учитель,
Чувствъ возвышенныхъ властитель,
Райскій лучъ святыхъ началъ.

* * *

Пушкинъ наше наслажденье,
И восторгъ, и умиленье,
Нашихъ пѣсенъ соловей,
Пушкинъ—дивное явленье,
Силъ нездѣшнихъ проявленье,—
Исполинскій чародѣй.

Р. Ѳ. Брандтъ [1]).

Русскіе поэты въ столѣтнюю годовщину Пушкина.

Пѣвцы! Въ такую годовщину,
Склоняясь предъ пѣвцомъ пѣвцовъ,
Ужель къ торжественному чину
Не пріобщимъ мы голосовъ?

Идемъ... Но робкими шагами:
Какъ исполина величать
Простыми, слабыми словами?!
Но невозможно и молчать!

Восторгомъ высшихъ наслажденій
Благоухалъ его вѣнецъ,

---

[1]) Моск. Вѣд., 1899, № 146.

И вновь для собственных творений
Высокой стоишь образцом.

Да, тонь-то солнце и велика.
Что жжет и крепь тепло и свет
И что от жизненного лика
Блистает тонкой лишь клинок.

Так вновь пусть, свободу и чувство,
Воскликнем своим стихом—
И повторим его же песнь
Вы колыбелью нашу сольем.

П. Суворов [1]

Безсмертному.

1799—31 мая—1899.

Вы история вновь по волне Провидения.
Вновь любовью яркой встречаются умы.
Вечерами живет собою поклонения
И в сердце вы зовут на торжественный пир.

Вновь пеплы, тонкие вы безсмертные гения,
И чувствуем тесть вы вновь, кто вы умеет чтить.
Кто вам чтит не вновь на поклонения,
А вновь вам славу приветствует обнять.

Великий Пушкин вновь! Поэтом любви, свободы,
Страдания и труда, восторга и печали.—
Он вновь ли тревожит вновь природы?
Он вновь ли тревожит вновь в обновить красоты?

И вновь в тяжких времен предчувствия вновь
Потомки вливает в возвышенной силой.
И вновь образом вновь Пушкинских творений
Время привольнее в величавый вновь.

---

[1] „Моск. Вѣд.“. 1899. № [illegible].

И скажетъ гордый сынъ Россіи Православной
О томъ, какъ жилъ поэтъ, какъ много онъ страдалъ,
Какъ все онъ постигалъ душой своей державной,
И небеса съ землей какъ пѣснями сближалъ.

Каплинъ [1]).

Памяти А. С. Пушкина.

Орелъ поэзіи родимой,
Великій Пушкинъ, нынѣ ты
Влечешь къ себѣ неотразимо
Всѣ наши думы и мечты.

Въ порывѣ общаго признанья
Твоихъ заслугъ мы всѣ слились:
На свѣтлый пиръ самосознанья
Единодушно собрались.

Ты дорогъ намъ, какъ дивный геній,
Начавшій новый, славный вѣкъ,
Какъ воспитатель поколѣній
И чисто-русскій человѣкъ.

Пѣвецъ любви, свободы, мира
И падшихъ милости пѣвецъ,
Твоя божественная лира
Была отрадою сердецъ.

Ты, какъ герой волшебной сказки,
Живой водой насъ окропилъ,
Снялъ съ глазъ мертвящія повязки
И дивнымъ свѣтомъ озарилъ;

И въ этомъ свѣтѣ беззакатномъ
Твоихъ возвышенныхъ идей
Источникъ силы благодатной
Открытъ равно для всѣхъ людей.

---

1) „Моск. Вѣд.“, 1899, № 156.

Ты мало жилъ, «невольникъ чести».
Но въ жизни многое свершилъ:
Безъ суеты и лживой лести
Искусству чистому служилъ.

«Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ».
Но смыслъ ихъ вѣчно будетъ жить.
Снимать съ души поровъ плѣсень
И «чувства добрыя» будить.

Н. К. Никифоровъ[1].

О Пушкинѣ.

Сто лѣтъ тому назадъ въ весенній день прекрасный
Родился вѣщанный поэтъ:
Впервые онъ обрѣлъ языкъ простой и ясный
И ужель сердца людей онъ лирой сладкогласной
Какъ теперь ужъ нѣтъ.
Весной поэзію! Какъ пламенно пѣвцы
Пѣли властью творческой мечты.
Лишь переходъ отъ мрака къ красотѣ
Всѣ лучше дѣлались, достигнувъ гармоніи
И чувству красоты.
Весной поэзію! Весной благоуханной!
И дикій нашъ, суровый край
Сталъ лишь озаренъ Авроры ружовой,
И встрѣчалъ онъ пѣвца восторженной пѣсней:
Не былъ не одинъ онъ...
Умъ, пламя весны, и геній вдохновенный
Ушелъ безвременно отъ насъ.
Не пожалѣлъ его прекрасенъ вдохновенный:
Увѣнчу своего пророка вѣнокъ свѣжій
Въ безсмертный стройный чинъ.
Мы не простимъ ему! Тогда исчезнетъ
Родная муза, и съ тѣмъ вѣрь

---

[1] «Русскій Листокъ», 1899, № 43.

Плѣнительная пѣснь къ намъ съ неба не слетѣла...
Кто равенъ Пушкину? Кто въ творчествѣ съ нимъ смѣло
Дерзнетъ затѣять споръ?
Онъ слишкомъ былъ великъ, гигантъ необычайный,
Въ душѣ его былъ солнца лучъ,
Блестѣлъ, какъ солнца лучъ, талантъ его случайный,
Одинъ, лишь онъ одинъ, владѣлъ волшебной тайной—
Гдѣ жъ тайны этой ключъ?
Но ждемъ и вѣримъ мы, что вновь съ небеснымъ словомъ
Придетъ художникъ красоты
И чуткую толпу плѣнитъ призывомъ новымъ,
И Пушкинъ осѣнитъ его вѣнцомъ лавровымъ
Съ небесной высоты...

Н. К. Никифоровъ [1].

Пушкину.

Пушкинъ—радостное слово;
Это свѣта яркій лучъ,
Всей поэзіи основа,
Красоты Кастальскій ключъ.
Чудный геній вдохновенный,
Первый въ тайну онъ проникъ,
Какъ богатъ неоцѣненный,
Звучный русскій нашъ языкъ!

* * *

Цвѣтъ роскошный, благородный
Древа знанья и добра,
Что на почвѣ плодородной
Внѣдрено рукой Петра,—
Пушкинъ гордость наша, слава,
Онъ—плѣнительный баянъ—
На культурность наше право
Предъ судомъ всѣхъ прочихъ странъ!

* * *

[1]) „Петербург. Газ.“, 1899, № 141.

Подъ могильнымъ хладнымъ сводомъ
Мирно спитъ пѣвецъ давно,
Но онъ живъ и всѣмъ народамъ
Озаряетъ путь равно.
Пушкинъ—путь къ добру и свѣту,
Свѣточъ сердцу и уму...
Слава *вѣчная* поэту,
Память *вѣчная* ему!

При возложеніи вѣнка на бюстъ Пушкина [1]).

Славься, славься, великій поэтъ!
Давшій отчизнѣ поэзіи свѣтъ!
Да хвалитъ тебя и любовью почтетъ
Тобой возвеличенный русскій народъ!
Будетъ во-вѣкъ твоя пѣсня слышна!
Внявъ этой пѣснѣ, Руси племена,
Слившись единой и дружной семьей,
Тебя вознесутъ неумолчной хвалой!
Родины дивный пророкъ и поэтъ,
Ты ей оставилъ великій завѣтъ.
Да озаритъ ее солнце ума,
Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!

А. К. [2])

Великому поэту.

Девятнадцатый вѣкъ догораетъ,
Умножая собой времена,
И послѣднимъ лучомъ озаряетъ
Дорогія для насъ имена...

Между ними, въ туманѣ видѣній,
Въ океанѣ безбрежномъ міровъ,

---

1) „Курскія губ. вѣд.“, 1899, № 111; „Новое Время“, 1899 № 8322
2) „Моск. Вѣд.“, 1899, № 145. Точки въ подлинникѣ.

Вдохновенный, задумчивый геній,
Сбросивъ тлѣнный, печальный покровъ,

Тамъ несется въ толпѣ лучезарной
Пушкинъ—русскій великій поэтъ...
И на вѣки народъ благодарный
Шлетъ ему безкорыстный привѣтъ.

Внукъ Баяна! Орелъ быстроокій,
Какъ пророкъ свято-русской земли,
Понялъ родины жребій высокій,
Что̀ другіе понять не могли...

И его за великое пѣнье
Въ низкой злобѣ лишили вѣнца:
Вмѣсто розъ—полетѣли каменья...
Клеветой погубили пѣвца...

„Образумились поздно... Удара
Отвратить не нашлось никого!
И—страшна, какъ небесная кара—
Смерть взвилась надъ главою его...

. . . . . .

Со слезами въ раздумьи печальномъ
Вновь слѣпые увидѣли свѣтъ:
Лишь на ложѣ своемъ погребальномъ
Былъ увѣнчанъ великій поэтъ!

. . . . . .

Что̀ отъ Пушкина намъ остается?
Пѣсни дивныя, пѣтыя имъ...
Мощный звукъ ихъ сейчасъ раздается
И останется вѣчно живымъ.

Кн. П. Цертелевъ[1]).

26 мая 1899 г.

Силъ народныхъ пророкъ, думъ народныхъ поэтъ!
Вся Россія, душой поминая тебя,—намъ роднаго,—

---

[1]) „Моск. Вѣд.," 1899, № 143.

Прославляетъ тотъ день, какъ Божественный свѣтъ
Засіялъ на тебѣ, среди нашего міра земнаго.

И родная земля, поминая тебя,
Преклоняетъ главу предъ Творцомъ, предъ Небесною Силой,

Что смиренный народъ, какъ дѣтей возлюбя,
Единитъ и крѣпитъ надъ безсмертной поэта могилой.

Т. Л. Щепкина—Куперникъ[1].

Онъ, вѣщій, предсказалъ несчастному народу
По манію царя ниспедшую свободу,
Но мракъ невѣжества, унылый и глухой,
Что онъ оплакивалъ возвышенной душой,
Онъ не разсѣялся! Народъ еще не знаетъ,
Кого теперь вся Русь и славитъ, и вѣнчаетъ,
Какою властію связало всѣ сердца,
Всѣ—имя Пушкина, великаго пѣвца.
Но, вѣрю, будетъ день, я знаю—онъ наступитъ:
Народъ минувшее невѣжество искупитъ;
Надъ нашей родиной, какъ Божій день горя,
Взойдетъ познанія и разума заря,
Посвѣтитъ онъ страдальцевъ терпѣливыхъ...
Дождемся ль только мы тѣхъ радостныхъ временъ?
Тогда не только рядъ избранниковъ счастливыхъ,
Но весь народъ пойметъ, кто тутъ похороненъ,
Чей геній на землю слеталъ къ намъ лучезарный,
И что сумѣлъ онъ дать Россіи благодарной!

---

1) „Дѣтскій Отдыхъ", 1899, іюнь, стр. 137—8. Произнесено во время празднествъ въ святыхъ Горахъ.

Т. Щепкина—Куперникъ [1]).

Памяти Пушкина.

Поэтъ средь насъ всегда,—безсмертенъ и великъ,
Понятенъ каждому его святой языкъ!
Отъ царственныхъ дворцовъ, гдѣ въ треволненьяхъ свѣта
Порою прозвучитъ волшебный стихъ поэта,
Внезапно озаривъ такъ ярко и свѣтло
Вседневной жизни ложь и пустоту, и зло, —
До бѣдныхъ деревень, гдѣ въ жизни безпросвѣтной
Уныло дни идутъ стезею незамѣтной;
Тамъ на страницахъ букваря
Его поэзія является живая,
Къ исканью истины такъ мощно призывая,
О вѣчной красотѣ такъ чудно говоря.
Онъ близокъ всѣмъ равно, поэтъ нашъ вдохновенный...
И скоро день придетъ, великій, незабвенный,—
Отъ бѣдной хижины до пышного дворца
По всей Руси пройдетъ одинъ глубокій трепетъ;
И мощной славы пѣснь, и робкій дѣтскій лепетъ—
Сольются въ общій гимнъ въ честь дивнаго пѣвца,
И имя Пушкина объединитъ сердца.

Т. Щепкина—Куперникъ [2]).

Памяти Пушкина.

Есть міръ безсмертія. За гранями земного
Есть царство свѣтлое чистѣшей красоты,
Оттуда къ намъ идутъ живая мысль и слово,
Живой поэзіи волшебные цвѣты...

Изъ царства этого, прекраснаго, святого
Бетховенъ звуки бралъ, и образы Канова,

[1]) „Каспій“, 1899, 26 мая.
[2]) „Новое Время“, 1899, 31 января, № 8236; „Дачный Вѣстникъ“, №, № 7, стр. 1.

И краски дивныя изящный Рафаэль.
Тотъ міръ—гармоніи и правды колыбель.

Оттуда къ намъ пришелъ великій нашъ учитель,
Чтобъ покорять умы и пробуждать сердца;
Не долго медлилъ онъ: велѣніемъ Творца
Опять отозванъ былъ въ ту свѣтлую обитель.

Но рано онъ ушелъ: въ расцвѣтѣ лѣтъ и силъ.
О, еслибы онъ жилъ! Счастливая Россія!
Какъ онъ умѣлъ любить, какъ онъ тебя любилъ!
Какъ генія его могучаго стихія

Умѣла обнимать весь край, весь край родной,
И сколько-бъ онъ еще принесъ тебѣ для славы!
Быть можетъ, и поднесь широкою волной
Текли его стихи, прекрасны, величавы.

Онъ отдалъ бы тебѣ весь дивный геній свой:
Живое золото своей блестящей прозы,
Своей поэзіи чарующія грезы,
Творенія любви иль жалости живой.

Сестры прелестныхъ музъ—исторіи скрижали
Его бы эпосомъ плѣнительно блистали.
Быть можетъ, и поднесь онъ былъ бы между насъ...
Но, горе!—нѣтъ его: безвременно угасъ.

Угасъ! Гдѣ-жъ тѣ слова, тѣ рѣчи гдѣ найти,
Что были бы тебя, великаго, достойны?
Поэтовъ нынѣшнихъ неясны намъ пути,
Напѣвы робкіе несмѣлы и нестройны.

И нѣтъ наслѣдника, достойнаго тебя!
Я знаю, онъ придетъ, невѣдомый избранникъ,
Изъ царства свѣтлаго божественный посланникъ,
Какъ ты, поэзію и правду возлюбя.

Пускай же онъ тогда хвалу тебѣ слагаетъ,
Пускай изъ звучныхъ строфъ вѣнки тебѣ сплетаетъ.

И мы, признавъ его преемникомъ твоимъ,
Ему наслѣдіе твое передадимъ.

Но нѣтъ еще его—желаннаго Мессіи,
Царя поэзіи: пустуетъ тронъ въ Россіи.
А мы? Мы можемъ лишь, смущенныя сердца,
Смиренно лепетать судьбѣ жестокой пени,
И, горды славою его священной тѣни,
Вѣнчать безсмертіемъ великаго пѣвца!

Кн. Д. Цертелевъ [1]).

Памяти Пушкина.

Не какъ пророкъ средь суетнаго міра,
Непознанъ имъ, всегда ему чужой,
Громя вездѣ народнаго кумира,
Онъ шелъ впередъ тернистою стезей.
Нѣтъ, не всегда его звучала лира
Однимъ порывомъ страсти неземной,
Въ сердцахъ восторгъ и совѣсть пробуждая,
Маня туда, гдѣ правда вѣковая.

* * *

II не былъ онъ пустынникъ и аскетъ,
Чей взоръ давно угасъ для дня земнаго,
Кому небесный лишь сіяетъ свѣтъ,
Кто жизни радости отвергъ сурово,
Не пожалѣлъ отдать всѣхъ лучшихъ лѣтъ,
Чтобъ вѣчное увидѣть безъ покрова.
Нѣтъ, въ немъ кипѣла молодая кровь,
Онъ зналъ и гнѣвъ, и жалость, и любовь!

* * *

И не мыслитель онъ, чей умъ свободный
Не увлекаетъ времени потокъ,

---

[1]) „Моск. Вѣд.“, 1899, № 160.

Чей взоръ, всегда безстрастный и холодный,
Не меркнетъ средь волненья и тревогъ,
Кто въ шумномъ хаосѣ борьбы безплодной
Связующую нить найти бы могъ;
Кто въ этой жизни смутной и мгновенной
Всегда законъ читаетъ неизмѣнный.

* * *

Не съ ложью дня непримиримый бой
И не суровый подвигъ отреченья,
Не трудъ упорный сразу въ міръ иной
Ему давали доступъ:—*вдохновенье*
Его влекло звенящею волной
Въ міръ красоты изъ царства тлѣнья;
Въ груди его пылалъ незримый свѣтъ,
Онъ былъ его пѣвцомъ—онъ былъ поэтъ!

И. С. П—ъ [1]).

А. С. Пушкину.

(26 мая 1799—1899 г.).

Сто разъ съ тѣхъ поръ Нева вскрывалась,
И прилеталъ къ намъ соловей,
Сто разъ сирень ужъ распускалась,
Какъ ты родился, нашъ Орфей!
Сегодня пестрыми толпами
Вся Русь идетъ тебя вѣнчать
И умиленными рѣчами
Восторговъ дань тебѣ воздать.
Рожденный самъ для вдохновеній,
Отъ насъ не жди ты вѣщихъ словъ:
Въ насъ отблески *твоихъ* твореній,
Въ насъ отзвуки *твоихъ* стиховъ.
Твои созвучья повторяя,
Трудится стихотворцевъ рать:

---

[1]) „Рижскій Вѣстникъ“, 1899, № 113.

Прекраснымъ формамъ подражая,
Не можетъ жизни имъ придать.
Возможно звукамъ подражанье,
Но геній твой незамѣнимъ:
Незримо звѣздочекъ мерцанье
Передъ сіяніемъ твоимъ!
Своею лирой вдохновенной
Ты путь къ Парнассу указалъ:
Но не горитъ въ насъ огнь священный,
Которымъ ты, пророкъ, пылалъ!
Пророкъ—ты, Богомъ вдохновенный,
«Глаголомъ жегъ сердца людей»:
Языкъ твой мощный, дерзновенный
Дышалъ огнемъ души твоей.
Взлеталъ ты ею въ высь лазури,
Парилъ орломъ средь облаковъ;
Внималъ и завиванью бури,
И рокотанію громовъ.
«Постигъ ты неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И дольнихъ злаковъ прозябанье,
И гадъ морскихъ подводный ходъ».
Постигъ сердецъ людскихъ движенья,
И тайники ихъ намъ раскрылъ,
И чуднымъ даромъ вдохновенья
Къ добру и правдѣ путь открылъ.
Хоть въ «черни свѣтской» ты вращался,
Не очерствѣлъ ты сердцемъ въ ней;
Огнемъ святымъ воспламенялся,
Будилъ насъ лирою своей.
Ты рѣчь ходульную чертога
Живою рѣчью замѣнилъ,
И твой напѣвъ въ избѣ убогой
Сталъ старикамъ и дѣтямъ милъ.
Отзывчивъ ко всему благому,
Внималъ ты любящей душой
И радостямъ, и злу людскому—
Всему ты откликъ далъ живой.

Отъ колыбели до могилы.
Что лишь волнуетъ нашу грудь,
Воспѣть сумѣлъ ты съ дивной силой,
Сумѣлъ во все ты жизнь вдохнуть.
Воспѣлъ ты юности проказы,
Терзанія души младой,
И создалъ дивные разсказы
Преданій старины сѣдой.
Въ нихъ «русскій духъ», въ нихъ «Русью пахнетъ»;
Къ родному ты привилъ любовь,
И та любовь ужъ не зачахнетъ,
Съ тѣхъ поръ облекшись въ плоть и кровь.
Воспѣлъ героевъ современныхъ,
Которыхъ мучила хандра,
И самозванствомъ обольщенныхъ,
И брани славныя Петра.
Его ты образъ величавый
Въ своихъ твореньяхъ воскрешалъ,
И памятникъ нетлѣнной славы,
Его достойный, ты создалъ.
Умершихъ призрачныя тѣни
Ты плотью, кровію облекъ,
Въ завѣтъ грядущихъ поколѣній
И въ назидательный урокъ.
И вотъ, тѣ образы живые
Несутся по странѣ родной
И чувства будятъ въ насъ святыя,
И согрѣваютъ красотой,
Отъ финскихъ скалъ и волнъ балтійскихъ
До аму—дарьинскихъ степей
Полны уста сыновъ россійскихъ
Чудесной пѣснію твоей,
Отъ горъ Карпатскихъ до Амура,
Отъ прутскихъ и дунайскихъ водъ
До стѣнъ зубчатыхъ Портъ—Артура
Плѣненъ тобою нашъ народъ!
«Отъ стѣнъ недвижнаго Китая
До потрясеннаго Кремля»,

Твои творенья почитая,
Ликуетъ русская земля.
Хвала тебѣ, ты нашъ учитель,
Хвала, духовный нашъ отецъ!
Ты жизни новой вдохновитель,
Ты вдохновенный нашъ пѣвецъ!
Ты намъ смягчилъ сердца и нравы
Своимъ божественнымъ стихомъ:
А мы тебя вѣнчаемъ славы
Неувядающимъ вѣнцомъ!

Е. Морозовъ [1]).

26 мая.

1799—1899 гг.

Тому назадъ сто лѣтъ, зеленой весной
Нежданно на Руси великое свершилось:
Подъ мирной кровлею, въ стѣнахъ Москвы родной
Дитя чудесное и слабое родилось.
И встрепенулась ширь и гладь нѣмыхъ равнинъ,
Откликнулись лѣса и всколыхнулись воды,
И все смѣшалось въ хоръ ликующій одинъ
На лонѣ радостной, проснувшейся природы...
«Пѣвецъ нашъ родился!»—неслось съ родныхъ полей,
И этотъ гимнъ звучалъ, сливаясь воедино,
И въ горнемъ возгласѣ прелестныхъ журавлей,
И въ крикѣ лебедей, и въ пѣснѣ соловьиной...
«Родился нашъ пѣвецъ!»—неслось со всѣхъ сторонъ,
И съ лепетомъ ручьевъ о томъ шептали травы
И бѣлыхъ ландышей пахучій перезвонъ,
И шумъ торжественный одѣвшійся дубровы...
И геній возмужалъ, слился съ природой всей
И сердце погрузилъ въ тайникъ души народной,
И хоть недолгій гость на родинѣ своей,
Успѣлъ онъ совершить свой подвигъ благородный.

[1]) „Курьеръ“, 1899, 26 мая, № 144.

Вѣкъ новый наступалъ. На рубежѣ его
И вамъ готовилось иное торжество,
И сейчасъ зазвѣнъ народа молодого.
Мысль облетаетъ міръ на вольныхъ крыльяхъ слова,
Въ вамъ вѣкъ надъ всѣмъ царитъ его благая власть.
Предъ нею, творческой, должны, мы вѣримъ, пасть
Косные и прежде, наслѣдія былого.
Не спитъ народа мысль, коль слабъ его языкъ,
Не спитъ и самъ народъ, коль мысль его безсильна.
Такъ русская земля, хоть и была обильна
И велика, но ей еще небесный ликъ
Высшаго сознанія не явился:
Нашъ умъ блуждалъ во тьмѣ и въ рабствѣ пресмыкался.
И наша письменность въ народѣ не своемъ
Чуждыхъ впервые встрѣтилъ языкъ...
Но нетъ прошлаго безъ [illegible] стороны.
Въ [illegible] [illegible]
И [illegible] [illegible]
Дѣтъ [illegible] [illegible]
[illegible]
И [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

И. С. Прудкинъ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]

Рожденный самъ для вдохновеній,
Отъ насъ не жди ты вѣщихъ словъ:
Въ насъ отблески *твоихъ* твореній,
Въ насъ отзвуки *твоихъ* стиховъ.

Твои созвучья повторяя,
Трудится стихотворцевъ рать:
Прекраснымъ формамъ подражая,
Не можетъ жизни имъ придать.

Возможно звукамъ подражанье,
Но геній твой незамѣнимъ:
Они какъ звѣздочекъ мерцанье
Передъ сіяніемъ твоимъ!

Своею лирой вдохновенной
Ты путь къ Парнассу указалъ,
Но гдѣ найти огонь священный,
Которымъ *ты*, пророкъ пылалъ?

Пророкъ ты, Богомъ вдохновенный,
«Глаголомъ жегъ сердца людей»,
Языкъ твой вѣщій, откровенный
Дышалъ огнемъ души твоей.

Душой взлеталъ ты до лазури,
Парилъ орломъ средь облаковъ;
Внималъ и завыванью бури,
И рокотанію громовъ.

«Постигъ ты неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И дольнихъ злаковъ прозябанье,
И гадъ морскихъ подводный ходъ.»

Хоть въ «черни свѣтской» ты вращался,
Ты на нее не походилъ,
Огнемъ святымъ воспламенялся
И пѣсней насъ отъ сна будилъ.

Отзывчивъ ко всему благому,
Внималъ ты любящей душой
И радостямъ, и злу людскому—
Всему ты откликъ далъ живой.

Воспѣлъ ты юности проказы,
Терзанія души младой,
И создалъ дивные разсказы
«Преданій старины сѣдой».

Въ нихъ «русскій духъ, въ нихъ Русью пахнетъ!»
Къ родному ты привилъ любовь,
Она теперь ужъ не зачахнетъ,
Съ тѣхъ поръ облекшись въ плоть и кровь.

Хвала тебѣ, нашъ наставитель,
Хвала, духовный нашъ отецъ!
Ты новой жизни выразитель
И вдохновенный нашъ пѣвецъ!

Ты сердца русскаго святыни
Коснулся искреннимъ стихомъ;
А мы тебя вѣнчаемъ нынѣ
Неувядаемымъ вѣнцомъ!

Л. Медвѣдевъ [1]).

26 мая.

Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которымъ волей Бога
Была намѣчена широкая дорога,
И съ честью онъ прошелъ тернистый путь земной,
Всецѣло посвятивъ себя странѣ родной.
Его созданія безмѣрно величавы,
Въ нихъ пышетъ пламенемъ могучій сердца пылъ,
Онъ славу съ боя взялъ, но на вершинѣ славы,

[1]) „Курьеръ", 1899, № 144.

Какъ геній истинный, всечеловѣкомъ былъ.
Служеніе добру—священный долгъ поэта,
Тотъ не выноситъ тьмы, кто жадно ищетъ свѣта...
Неслась на братскій зовъ, волнуясь и спѣша,
Пѣвца великаго прекрасная душа,
Но загоралася огнемъ негодованья
При видѣ тяжкихъ мукъ безвиннаго страданья.
Глубокой мудрости на немъ легла печать,
Въ немъ муза русская искусно сочетала
Все, что въ одномъ лицѣ возможно сочетать:
Свободы вѣрный духъ, исканье идеала;
Невинность голубя и быстрый взоръ орла,
И преданность добру и проницанье зла...
Ему судьба дала прозорливость пророка
И сердце рыцаря безъ страха и упрека,
И мужество въ словахъ, и гражданина духъ,
И риѳму вольную, плѣняющую слухъ.
Съ поэтомъ ласково природа говорила
На одному ему доступномъ языкѣ
И книгу звѣздную его очамъ открыла...
Знать жизни вѣянье въ весеннемъ вѣтеркѣ,
Въ прибоѣ волнъ морскихъ, въ журчащемъ ручейкѣ
И листьевъ трепетѣ умѣнье подарила.
Въ храмъ небомъ избранныхъ побѣдно онъ проникъ;
Самъ богъ поэзіи вручилъ поэту лиру,
Къ ней прикоснулся онъ и все повѣдалъ міру—
Живой, чарующій, понятный всѣмъ языкъ.
Въ жестокій, грубый вѣкъ «возславилъ онъ свободу»,
Самъ много вытерпѣлъ, самъ много пострадалъ,
Но вѣчно будетъ тѣмъ любезенъ онъ народу,
«Что чувства добрыя въ немъ лирой пробуждалъ».
Настанутъ дни, когда отъ края и до края
Поэта назоветъ своимъ страна родная,
И «гордый внукъ славянъ», живущій въ нищетѣ,
Въ убогихъ деревняхъ, отъ сна во тьмѣ проснется,
И слово Пушкина съ восторгомъ имъ прочтется,
Великое въ своей безсмертной красотѣ.

Е. А. Бондаренко [1].

Русскій праздникъ.

(26 мая 1799 г.—26 мая 1899 г.)

Сегодня праздникъ! Русскій людъ
Чтитъ память русскаго баяна,
Творца «Олега» и «Руслана»,
«Бахчисарайскаго фонтана»,
«Цыганъ», Онѣгина причудъ,
Элегій дивныхъ, «Годунова»,—
Творца въ стихахъ родного слова.

* * *

Непощаженный клеветой
Враговъ, не знавшихъ примиренья,
Онъ дивной силой вдохновенья
Создалъ безсмертныя творенья
И славой сталъ страны родной.
Его безсмертіе признали на скрижали.

* * *

Пѣвецъ родимой старины,
Онъ сталъ въ поэзіи «пророкомъ»,
Его лирическимъ «потокомъ»,
Красивымъ, бурнымъ и глубокимъ,
Преграды мысли снесены,
И силой творческаго чувства
Пути открыты для искусства...

* * *

Онъ живъ въ твореніяхъ своихъ,
Онъ будитъ чувства, вдохновляетъ,
Онъ «милость къ падшимъ призываетъ»,
И съ русскимъ эпосомъ сближаетъ
Его пѣвучій, мощный стихъ.
Онъ «силой» превзошелъ Руслана,
И смерть покинула баяна!

---

[1]) „Вечерній Листокъ Волгаря“, 1899, № 198.

В. Ивановъ [1]).

Пушкинъ.

(26 мая 1799 — 1899 г.).

Во дни ликующаго мая,
Когда, какъ райскій лучъ, ясна,
Насъ озаряетъ золотая,
Благоуханная весна,
Весну мы празднуемъ иную,
Весну поэзіи святой,
Весну прекрасную, живую,
Что блещетъ вѣчной красотой.
Въ лучахъ сіяющаго мая,
Неся съ собой тепло и свѣтъ
И наше сердце согрѣвая,
Явился онъ—родной поэтъ..
Онъ—нашъ великій, вдохновенный,
Онъ—царь поэзіи родной,
Чья пѣснь въ сердцахъ, восторгъ священный,
Зажгла нездѣшней красотой;—
Чья мысль пытливая летѣла
На небеса—орла быстрѣй,
Чье сердце пылкое кипѣло
Любовью къ родинѣ своей,
Чей голосъ съ силой геніальной,
Какъ гласъ пророческій, гремѣлъ,
Чей стихъ могучій и кристальный
Небеснымъ пламенемъ горѣлъ,
Чье имя мы съ благоговѣньемъ
Всѣ произносимъ съ дѣтскихъ лѣтъ...
Онъ вновь съ безсмертнымъ вдохновеньемъ
Пришелъ, великій нашъ поэтъ.
Явился къ намъ на крыльяхъ грезы
Онъ въ день рожденья своего
И, словно, ландыши и розы
Цвѣтутъ сегодня въ честь его...

---

[1]) „Приднѣпровскій Край“, 1899, № 497.

И Русь, передъ своимъ поэтомъ
Склонилась радостью полна,
И блещетъ вся волшебнымъ свѣтомъ
Его столѣтняя весна.
И при ея лучахъ нетлѣнныхъ
Какъ много видимъ мы цвѣтовъ!
Какъ много образовъ священныхъ
Намъ блещетъ въ музыкѣ стиховъ!
Летитъ, летитъ родныя тѣни
На праздникъ своего творца
И новой силой вдохновенья
Волнуетъ русскія сердца.
И перелетъ вновь—[illegible]
Съ душою страстною своей.
И встали вновь въ стихахъ [illegible]
«Для вашихъ минувшихъ дней»...
А вотъ задумчивый [illegible]...
Вотъ [illegible]—[illegible] поэтъ...
Вотъ [illegible]—могучій, русскій [illegible]
Какъ Прометей, принесшій [illegible]
А вотъ [illegible] и [illegible]
Страдальцы [illegible] [illegible]...
Всѣ эти образы живые
[illegible] [illegible] [illegible]...
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]

Стремимся въ пламенныхъ мечтахъ,—
Туда,—гдѣ вѣчно солнце мая
Горитъ немеркнущимъ лучомъ,
Гдѣ блещетъ вѣчно—молодая
Весна въ безсмертіи своемъ,
Гдѣ, полный чистыхъ вдохновеній,—
Съ великой русскою душой,
Живетъ нашъ мощный, свѣтлый геній,
Нашъ Пушкинъ, сердцу дорогой!—
Поэтъ, который «въ вѣкъ жестокій»
Свободу чистую воспѣлъ,
И въ чьей душѣ огонь глубокій
Любви къ униженнымъ горѣлъ...
И мнится намъ—изъ тѣхъ селеній,
Гдѣ свѣтлый духъ его живетъ,
Сердцамъ грядущихъ поколѣній
Онъ свой завѣтъ великій шлетъ..
И насъ—дѣтей больного вѣка,
Погрязшихъ въ ложь и суету,
Любить онъ учитъ человѣка,
Любить добро и красоту.

* * *

Друзья! передъ великой тѣнью
Родного нашего пѣвца,
Послушные его велѣнью,
Смягчимъ застывшія сердца!
Вернемся въ этотъ міръ забытый,
Гдѣ вѣчно царствуетъ весна,
Гдѣ славой вѣчною покрыты
Горятъ святыя имена...
И всѣхъ ихъ ярче и свѣтлѣе,
Какъ солнце полунощныхъ странъ,
Огнемъ пылаетъ Прометея
Родной поэзіи титанъ!
Вернемся въ этотъ міръ священный
И скажемъ, видя дивный свѣтъ:—
—Привѣтъ тебѣ, нашъ несравненный,
Нашъ всеобъемлющій поэтъ!

Н. С. Поповъ [1].

Памяти Пушкина.

Хвала тебѣ, поэтъ народный.
Сіяетъ славой твой вѣнецъ,
Любимецъ музы благородный,
Мечты и разума пѣвецъ!
Твое плѣнительное слово
И струны лиры неземной
Нетлѣннымъ лавромъ нынѣ снова
Вѣнчаетъ міръ тебѣ родной.
Твои чарующія сказки,
Что были въ дѣтствѣ намъ даны,
То нѣжной юношеской ласки,
То грозныхъ призраковъ полны.
Души высокія влеченья,
Ты чудной арфой пробуждалъ,
Ты не вазнилъ предубѣжденья,
Ты мракъ, какъ свѣточъ, озарялъ.
Какъ сердцевѣдецъ вдохновенный,
Ты въ тайны жизни проникалъ
И въ пѣснѣ дивной, несравненной
Любовью къ родинѣ дышалъ.
Предрекъ ты русскому народу,
Что и надъ нимъ блеснетъ заря,
Что онъ желанную свободу
Получитъ маніемъ царя.
Все поэтическій твой геній
Крыломъ могучимъ обнималъ,
Безъ колебаній и сомнѣній,
Что на пути своемъ встрѣчалъ.
Была пора, когда пигмеи
Тебя дерзнули развѣнчать
И, дѣтской полные затѣи,
Треножникъ твой поколебать.
Но гдѣ жъ они, гдѣ ихъ избранникъ,

---

[1]) „Орловскій Вѣстникъ“, 1899, № 139.

Гдѣ ихъ непризнанный пророкъ?
Ихъ нѣтъ... А ты небесъ посланникъ,
Все такъ же славенъ и высокъ.
И будешь ты, великій міра,
Въ народной памяти царить;
Не позабудется та лира,
Что насъ учила Русь любить.
Не зарастетъ твоя могила,
Народной мысли властелинъ,
Недосягаемая сила,
Несокрушимый исполинъ!
Пройдетъ еще вѣковъ плеяда,
Все такъ же будетъ Русь стоять...
А тамъ... надъ ней—пѣвца лампада
Лучомъ безсмертія сіять.

Л. Н. Аѳанасьевъ [1]).

Памяти А. С. Пушкина.

Сегодня образъ твой предъ нами
Возсталъ изъ гроба, какъ живой,
Облитый майскими лучами
И неба яркой бирюзой.
Сегодня все живетъ и дышитъ
Однимъ тобой, почуя свѣтъ,
И, если духъ твой зритъ и слышитъ,—
Ликуй, великій нашъ поэтъ!
Сегодня все, что есть живого
Въ душѣ у каждаго изъ насъ,—
Все перельется въ звукъ и слово,
Все чувствомъ выльется заразъ.
Всѣ воздадутъ тебѣ по праву,
Какъ лучшій даръ, хвалу и честь,
И чтобъ твою возвысить славу,
И имя славное вознесть!

Стих.. II, СПБ., 1901, стр. 305—308.

Творецъ «Людмилы и Руслана».
Родной баянъ родной страны.
Ты вывелъ къ свѣту изъ тумана
Сказанья милой старины.
Въ нихъ отраженъ твой образъ ясный
И, простотой своей великъ,
Лаская музыкой прекрасной,
Звучитъ твой образный языкъ!
Любя народъ простой и бѣдный
Съ его невѣжествомъ и тьмой,
Ты вѣрилъ въ свѣта лучъ побѣдный
Надъ угнетенною страной,
Когда «свободы просвѣщенной»
Надъ ней «по манію царя»
Толпѣ рабовъ многомильонной
«Блеснетъ прекрасная заря».
Любя въ народѣ все родное,
Ты пѣлъ, внимая мужику,
Его «разгулье удалое»,
Его «сердечную тоску».
Все чуткій откликъ находило
И взоръ влекло твой ко всему,
Что было дорого и мило
Душѣ и сердцу твоему:
И ширь полей съ нѣмымъ просторомъ,
И видъ убогихъ деревень,
И садъ «съ обрушеннымъ заборомъ»,
И въ немъ березъ плакучихъ сѣнь;
И пыльный путь дороги скучной,
И грохотъ тряскаго возка,
И «колокольчикъ однозвучный»,
Въ глуши подъ «пѣсни ямщика«.
«Духовной жаждою томимый»
Въ мірскихъ степяхъ, какъ твой пророкъ,
Ты пѣлъ, и стихъ неотразимый
Огнемъ сердца людскія жегъ,
Но правды голосъ неподкупный —
Судъ безпристрастіемъ своимъ
Для лжи позорной и преступной

Былъ, какъ всегда, невыносимъ.
И ты, враждой ея гонимый,
Одинъ, покинутый въ глуши,
Томился, муками язвимый,
Превозмогая скорбь души.
Но и въ изгнаньи, и въ разлукѣ
Съ друзьями юности твоей,
Кипѣлъ твой умъ, и пѣсенъ звуки
Лились свободно, какъ ручей.
Но буря шла... Клубились тучи,
И надвигалася гроза.
И призракъ смерти неминучей
Тебѣ, представъ, взглянулъ въ глаза.
И палъ ты жертвой оскорбленья
Въ расцвѣтѣ силъ, въ расцвѣтѣ лѣтъ,
«Питомецъ музъ и вдохновенья»,
Нашъ свѣтлый геній и поэтъ!...
Сегодня образъ твой предъ нами
Возсталъ изъ гроба, какъ живой,
Облитый майскими лучами
И неба яркой бирюзой.
И все вокругъ живетъ и дышитъ
Однимъ тобой, почуя свѣтъ.
О, если духъ твой зритъ и слышитъ,—
Ликуй, великій нашъ поэтъ!

1899.

М. Майковъ[1]).

1799—1899.

«Сто лѣтъ?!... А живъ еще онъ, дядя?»
«Кто?»—«Пушкинъ».—«Нѣтъ, мой дорогой!...
Съ обидой, съ клеветой не сладя,
Убитый вражеской рукой,
Давно отвѣтъ свой далъ онъ Богу...

---

1) „Свѣтъ“. 1899, № 136.

Что онъ въ живыхъ, съ чего ты взялъ?»...
«Меня лишь учатъ понемногу,
А Пушкина и я читалъ,—
Такъ какъ же?... Помнишь? Дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ»...
«Ахъ, вотъ что, мальчикъ мой смышленый!
Ты правъ!... Онъ въ сердцѣ живъ твоемъ!..
Онъ живъ во всякомъ словѣ смѣломъ,
Въ борьбѣ за правду, за народъ...
Онъ—другъ, во мракѣ закоснѣломъ
Свѣтя, ведущій насъ впередъ...
Онъ живъ... Стоитъ онъ крѣпкой стражей,
Какъ воинъ въ полѣ безъ дорогъ,—
Чтобъ забрести изъ силы вражей
Никто на родину не могъ...
Онъ живъ, краеугольный камень
Народной славы и труда!
Онъ—красоты предвѣчный пламень,
Не угасимый навсегда...
Онъ живъ въ твоихъ же умныхъ глазкахъ,
Въ порывахъ добрыхъ, и, шутя,
Онъ будетъ жить вѣками въ сказкахъ
И въ пѣсняхъ сладостныхъ, дитя...
Ты, вижу, плохо понялъ, милый...
Но послѣ, внукамъ, самъ, повѣрь,
Ты скажешь, можетъ, съ большей силой,
Но то же, что и я теперь!»

А. С. Пушкину.

(26 мая 1799—26 мая 1899).

Сегодня мы полны тобой, твоихъ звуковъ... видѣній...
Надъ Русью не меркнетъ заря пробужденной тобой красоты
Вѣнчая твой свѣтлый, твой пламенный геній
На царство свободной мечты.

---

1) „С.-Петерб. Вѣд.“, 1899, № 141.

Средь сонма великихъ тѣней, предъ которыми клонимъ колѣна,
Твой свѣточъ отъ года до года все чище и ярче горитъ,
Средь мрака насилій надъ словомъ и скорбнаго плѣна
Намъ имя твое—адамантовый щитъ.

Лучистый твой праздникъ да будетъ святымъ обновленьемъ.
Для нивы безплодной палимыхъ тоскою сердецъ—
Становится тусклою жизнь подъ тяжелымъ сомнѣньемъ—
Сверкни же надъ нами, какъ вождь и пѣвецъ!...

Въ холодные дни отрицанья завѣтовъ великихъ
Мы черствой душою другъ друга не можемъ понять,
Въ бездушые дни столкновеній, безцѣльныхъ и дикихъ,
Лишь вѣщее имя насъ можетъ связать.

Дыханьемъ грозы освѣживъ затаенныя чувства,
Лишь вѣщее слово должно насъ поднять и зажечь—
Гряди же, спасительный праздникъ искусства—
Раздайся же смѣло, правдивая рѣчь!

Хотя бы на день иль на мигъ передъ солнцемъ родныхъ пѣснопѣній
Туманная даль просвѣтлѣетъ, быть можетъ, для насъ...
Повѣй же намъ въ душу, живительный геній,
Не медли, давно ожидаемый часъ!!...

Всев. Чешихинъ[1].

Памяти А. С. Пушкина.

I.

Твой памятникъ обнявъ нерукотворный,
Россія нынѣ плачетъ, какъ вдова...
Но слезы свѣтлы, словно ключъ нагорный:
Тебя ужъ нѣтъ, но пѣснь твоя жива!
Поэтъ погибъ, но перлы вдохновенья

[1]) „Прибалт. Листокъ“, 1899, № 113.

Прекрасны такъ, какъ въ день ихъ сотворенья!

* * *

Порой свѣтлѣлъ пророчествомъ твой ликъ,
Въ грядущее вперялъ ты взоръ владыки:
Ты зналъ, что Русь и всякій въ ней языкъ
Сольются въ кличъ единый и великій!...
И день насталъ! Народный ты кумиръ,
И кличъ земной летитъ въ загробный міръ!

II

Нашъ вѣкъ, изнѣженный и хилый,
Величьемъ мужественной силы
Ты поразилъ, въ небесъ просторъ
Взлетѣвъ, какъ грозный метеоръ!

* * *

Тобой воспѣты: «всадникъ мѣдный».
Онѣгинъ, русскій Байронъ блѣдный.
Алеко, дикій вождь цыганъ,
Мазепа злой, Борисъ тиранъ!

* * *

Храня святое безпокойство
Въ душѣ своей, ты пѣлъ геройство!
Ты, силу сердцемъ возлюбя,
Титаповъ славя, пѣлъ—себя!

* * *

Да! «Въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судьбы удары,
Окрѣпъ твой духъ! Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ!»

III.

Ноихій вздохъ печали женской
Тебѣ понятенъ былъ и милъ.
Въ аккордъ гармоніи вселенской
Ты отголоски жизни слилъ.

* * *

Ты пѣлъ Земфиры пылъ свободный,
Любовь Татьяны благородной,
Марины роковую власть,
Маріи пагубную страсть!

* * *

Стремяся къ отдыху героя,
Святого жаждалъ ты покоя
И, нѣгу сердцемъ возлюбя,
Ты, славя кротость,—пѣлъ себя!

* * *

«Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ—
Ты былъ рожденъ для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.»

IV.

Героя мощь и женственное чувство
Въ себѣ ты дивно сочеталъ.
Въ горнилѣ знойномъ жизни и искусства
Единымъ сталъ души металлъ!
Съ тѣхъ поръ звучитъ, какъ благовѣстъ далекій,
Поэта голосъ искренно—глубокій!..

* * *

Привѣтъ и слава Пушкину-титану,
Пѣвцу страданія и битвъ!
Привѣтъ и слава вѣщему баяну,
Пѣвцу блаженства и молитвъ!
Привѣтъ тебѣ, о море вдохновеній!
Привѣтъ тебѣ, о солнце,—русскій геній!

С. Потресовъ[1]).

Кантата[2]).

„И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье“...
Пушкинъ („Пророкъ“)

Онъ отразилъ весь міръ въ чарующихъ стихахъ,
Все въ жизни охватилъ онъ творческой мечтою:

---

1) „Южный Край“, 1899, № 6319.
2) Написана для народныхъ училищъ.

И то, что на землѣ, и то, что въ небесахъ,
И то, что кроется въ водахъ и подъ землею.
Съ нимъ просвѣщенія для насъ взошла заря.
Не уставая зло и кривду ненавидѣть,
Онъ насъ училъ добру, свободу жаждалъ видѣть
И рабство, павшее по манію царя [1]).

Птичку Божію, что въ полѣ
Веселится, какъ онъ пѣлъ,
Пѣлъ про дѣтокъ въ мутной школѣ.
Восѣвалъ царей удѣлъ:
Проникалъ поэтъ поэтъ ворою
Въ душу къ бѣдную пѣвицу,
Пѣлъ «разгулье удалое»
И «сердечную тоску».

И пронеслась та пѣснь по всей землѣ родной,
Пенала во дворцы и пышныя палаты.
Читается она и въ школахъ дѣтворой.
Изъ школъ съ дѣтьми она проходитъ въ хаты.
На крыльцѣ увеселясь она за окномъ.
Какъ птичка Божія, порой перелетѣла.
И хвалъ для пѣсни той прежнюю и предѣла.
И знаютъ Пушкина народы всякаго страны.

Пусть не вѣчно имя это
Насъ чаруетъ и живитъ,
Пусть не вѣчно стихъ поэта
Наслажденье намъ даритъ:
Пусть зоветъ насъ къ правдѣ свѣту,
Пусть нашъ жаждетъ сердца огнемъ:
Всѣ мы въ этотъ день поэту
Спѣть вѣчную хвалу!

---

[1]) „Вспомнит ли потомок в народе просвещенном
И рабство, павшее по мнению Царя?"
„Ко Лицинию". А. Пушкин.

П. Ключаровъ[1]).

А. С. Пушкинъ.

(26 мая 1799 г.—26 мая 1899 г.)

Былъ великій жрецъ искусства,
Шелъ онъ, избранникъ святой,—
Всѣ души высокой чувства,
Мысли всѣ дѣля съ толпой.
Стройно рѣчь лилась поэта,—
Чудной лирою своей
Онъ къ свободѣ, въ царство свѣта
За собою звалъ людей.
Не понявъ его скрижали,
Не понявъ его борьбы,
Тернъ въ венецъ его вплетали
Ослѣпленные рабы!
И до самой двери граба,
Когда скорбный онъ поникъ,
Провожала его злоба,
Ярый смѣхъ и ярый крикъ!
Но когда по волѣ рока
Замеръ звукъ его рѣчей,
Увидали, что пророка
Рѣчь лилась среди людей.
Палъ нашъ геній величавый,
Полный думъ и чувствъ, и силъ,
Нашей гордости и славы
Злой пришлецъ не пощадилъ!
Но остались намъ живые
Звуки лиры... Чрезъ сто лѣтъ,
Въ день рожденья, вся Россія
Память чтитъ твою, поэтъ!

---

[1]) „Восточное Обозрѣніе“, 1899, № 110.

Н. Винниковъ [1].

Къ столѣтнему юбилею рожденія А. С. Пушкина.

Тебѣ, Баянъ нашъ вдохновенный,
Вся Русь сегодня дань несетъ
И на твой памятникъ нетлѣнный
Вѣнки лавровые кладетъ!
Тебя народъ повсюду славитъ,
Гимнъ величанія поетъ
И монументы славы ставитъ,
Тебѣ, великій патріотъ!
Когда ты вслухъ Руси вѣщалъ,
Сознавши голосъ свой небесный:
«Я памятникъ себѣ создалъ
Нерукотворный и чудесный»,—
Ты былъ далекъ отъ самомнѣнья,
Ты только правду лишь сказалъ
И всѣхъ грядущихъ поколѣній
Хвалу давно ты угадалъ...
Теперь свершилось прорицанье,
И чествуетъ тебя народъ,
И твоей музѣ въ воздаянье
Онъ гимны громкіе поетъ!
И мы, жрецы твоихъ твореній,
Великій твой талантъ любя,
Собрались всѣ почтить твой геній
И лавромъ увѣнчать тебя.

В. Я. Б...нъ [2].

26 мая 1899 года

Сегодня чествуетъ Россія
Пѣвца родного юбилей:
Сегодня Русь, какъ въ дни былые,

---

[1]) „Полтав. губ. вѣд." 1899. № 111.
[2]) „Амурская газета". 1899. XXI. 798.

Гордится радостью своей.
Сто лѣтъ прошло, какъ въ этомъ мірѣ
Творецъ «Татьяны» въ свѣтъ вступалъ,
Какъ стройный голосъ звучной лиры
Въ тиши аккордомъ зазвучалъ!...
Пѣвецъ! Ты пѣлъ родныя пѣсни,
Во имя родины своей,
Твой мощный гласъ, какъ жданный вѣстникъ,
Летѣлъ отъ горъ и до морей!..
Ты мало жилъ... Въ мірской пучинѣ,
Подхваленъ быстрою волной,
Ты мчался къ міру, какъ къ святынѣ,
Но жизнь шутила надъ тобой!...
Какъ мимолетное видѣнье,
Исчезъ твой образъ предъ толпой,
Но чудный голосъ вдохновенья
Звучитъ надъ міромъ, какъ живой!..
Промчатся дни, года, столѣтья,
И память эта не умретъ—
Какъ даръ святой, изъ поколѣнья
Отъ дѣда къ внуку перейдетъ!...
И пѣсни дивной, звонкой лиры.
И рѣчи, истины полны,
Для сердца русскаго—святыня
И слава доброй старины.
И каждый будетъ помнить свято
Тебя, пѣвецъ, что много дней
Такъ сладко пѣлъ на пользу брата,
На пользу родины своей!

К. Бемешко [1]

Памяти А. С. Пушкина.

Я памятник воздвигнул себѣ нерукотворный,—
Къ нему не зарастетъ народная тропа.
А. С. Пушкинъ.

Надъ Русью пролетитъ вѣка...
Поэтовъ славныхъ будетъ много,
Но слава Пушкина крѣпка,—
Ей не страшны вѣковъ дороги...
Поэты будущихъ временъ,
Дивясь творенiямъ прекраснымъ,
«Поэтъ безсмертный» скажутъ «онъ».—
И судъ ихъ будетъ безпристрастнымъ:
Изъ вѣка въ вѣкъ въ семьѣ вѣковъ
Отцомъ великимъ Пушкинъ будетъ,
И лживый рифмъ его стиховъ
Рыжiй варваръ не посмѣетъ...

П. Лис. [2]

Памяти А. С. Пушкина.

1799—1899.

И пусть у гробовища вновь
Мелькая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сiять
А. С. Пушкинъ.

Вновь мысль моя летитъ
На тотъ неизвѣстный всѣмъ могилы,
Гдѣ непробудно, крѣпко спитъ
Певецъ Руслана и Людмилы.
Гдѣ тихъ покоитъ родный край.

---

1) „Воскресное Обозрѣнiе", 1899, № [illegible].
2) „Крымъ", 1899, № 185.

И гдѣ у гробового входа
Благоухаетъ теплый май,
Цвѣтетъ безстрастная природа.

И этой ночью, въ тишинѣ,
Передъ могильными цвѣтами,
Его герои, мнилось мнѣ,
Слетѣлись длинными рядами.
Свистали въ рощѣ соловьи,
Въ объятьяхъ «моднаго тирана»,
Потупя внизъ глаза свои,
Стояла блѣдная Татьяна;

Онѣгинъ гордо, въ сторонѣ,
Стоялъ и сумрачный и блѣдный,
А позади ихъ, на конѣ,
Сидѣлъ безмолвно «всадникъ мѣдный»
Луна лила свой блѣдный свѣтъ,
Всплыла русалка надъ водою,
И у воды анахоретъ
Явился съ длинной бородою.

Въ глаза бросается мнѣ блескъ
Вельможъ великаго Салтана,
И въ тишинѣ былъ слышенъ плескъ
Бахчисарайскаго фонтана,
Цыгане шумною толпой
Изъ Бессарабіи явились,
И попъ съ работникомъ Балдой
Передъ крестомъ остановились.

И пѣнью соловья внималъ,
Печально, Ленскій, улыбаясь,
Въ глубокой горести стоялъ
Гусаръ, на саблю опираясь.
И раздавался лютней звонъ...
Но нѣтъ желаннаго отвѣта,
Невозмутимъ спокойный сонъ
Давно погибшаго поэта.

Но не пропалъ съ теченьемъ лѣтъ
Той музы голосъ благотворный,
Которой памятникъ поэтъ
Себѣ воздвигъ нерукотворный.
И будятъ въ сердцѣ нашемъ вновь
Его безсмертныя творенья
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь!

Кагаринъ [1].

На день столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина.

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы.
А. Пушкинъ, Посланіе къ Чаадаеву.

Сто лѣтъ прошло, какъ надъ тобой,
О Русь родная, лучъ участья
Блеснулъ отрадною зарей,
«Зарей плѣнительнаго счастья»...
То былъ лучъ генія... Творецъ
Имъ осѣнилъ пѣвца народа,
Пѣвца любви, пѣвца свободы
И правды жаждущихъ сердецъ...
Очнулась Русь: во имя свѣта
Поетъ съ отвагою Баянъ,
И пѣснь народнаго поэта
Сильна, какъ вольный океанъ.
Въ ней каждый звукъ исполненъ вѣры
Въ святую правду; онъ—порывъ
Могучей силы, онъ—призывъ
Отрадной, новой, свѣтлой эры;
Ему кругомъ въ конецъ съ конца
Гремитъ хвала въ подлунномъ мірѣ;

---

1) „Новое Обозрѣніе“, 1899, № 5283.

Весь міръ узналъ о дивной лирѣ,
О лирѣ русскаго пѣвца...
О томъ, кто русскому народу
Рукой «пророка» указалъ
Пусть обновленья и свободу
Отчизнѣ первый воспѣвалъ;
Въ комъ, сокрушивъ ума оковы,
Любовью къ родинѣ дыша,
Воскресла русская душа,
Возвысивъ въ перлъ созданья слово...
Очнулась Русь... Богатыря
Въ ней пѣснь поэта пробудила,
И вспыхнула былая сила,
Какъ въ небѣ новая заря!...
Хвала жъ ему—пѣвцу народа,
Любовь и жизнь въ родныхъ сердцахъ;
Безсмертенъ онъ, какъ гимнъ свободы,
Какъ звѣзды въ Божьихъ небесахъ!...

Иванъ-да-Марья [1].

Къ юбилею Пушкина.

Среди житейской суеты
«И всякой пошлости и прозы»
Блѣднѣютъ творчества мечты
И поэтическія грезы.
Но вотъ среди безцвѣтныхъ дней
Насталъ день памятный Россіи:
Насталъ столѣтній юбилей
Ея пѣвца, ея Мессіи.
И снова Пушкинъ перечтенъ;
Его поэмы, пѣсни, сказки
Чаруютъ вновь, какъ дивный сонъ,
Какъ вѣчной молодости ласки.

---

[1]) „Новое Обозрѣніе“, 1899, № 5283.

И что то въ сердцѣ вдругъ зажглось,
Какъ солнца лучъ среди тумана,
И что то въ немъ отозвалось
На «струны вѣщія Баяна».
Но зазвенѣть безсиленъ стихъ,—
Нашъ современный стихъ несмѣлый.
Съ его напѣвовъ дорогихъ
Онъ только сколокъ неумѣлый!
Какъ быть! давно ужъ нашъ языкъ
«И празднословный и лукавый»
Быть сердца голосомъ отвыкъ,
Передъ самимъ собой неправый.
Поэта съ вольною душой
Не намъ почтить свободнымъ словомъ.
И въ нашихъ пѣсняхъ предъ толпой
Онъ не предстанетъ въ блескѣ новомъ.
Но вѣримъ: стихъ грядущихъ лѣтъ
Вновь зазвучитъ свободно, стройно,
И имя Пушкина достойно
Воспѣетъ будущій поэтъ!

Ѳ. Чеботаревъ [1].

Памяти А. С. Пушкина.

26 мая 1899 года.

Сто лѣтъ прошло со дня рожденья
Того, кто жилъ и дышетъ нынѣ
Чрезъ геніальныя творенья
Какъ лучъ не меркнетъ вѣковъ.
Кто пѣлъ любовь, добро, свободу
И красоту нашъ лучъ нѣжныхъ,
Кто сердцемъ русскую природу
И душу русскую любилъ—
Любилъ и воспѣвалъ страстно.
Поэтъ какъ только самый могъ

1) „Новое Время", 1899, № 8[illegible]

Въ своемъ величьи одинокомъ
Средь мелкихъ жизненныхъ тревогъ.
Онъ бодро шелъ житейской нивой,
Паря высоко надъ толпой,
Будя въ ней свѣтлые порывы,
Любовь къ отчизнѣ дорогой.
Бойцомъ сошелъ онъ и могилу,
Безвременно оставивъ насъ.
Но мощь его духовной силы,
Но свѣточъ дивный не погасъ.
Горитъ онъ надъ землей родимой,
Какъ солнце вешнее горитъ,
И съ силою несокрушимой
Попрежнему нашъ духъ живитъ!..
Гори жъ, сіяй, о свѣточъ чудный,
И въ настрадавшейся груди
На подвигъ правды многотрудный
Нашъ духъ упавшій ты буди!
Буди!.. Вѣдь тьма еще повсюду
Царитъ надъ нашею землей,
А въ этой тьмѣ здѣсь гибнутъ люди,
Надежды родины, покой!...

М. Васильева[1].

26 мая 1899 года.

Сегодня родина внимаетъ
Словамъ поэта своего,
Его завѣты вспоминаетъ,
Колѣна гордыя склоняетъ
При славномъ имени его...
Пѣвецъ «Онѣгина», «Полтавы»,
Творецъ поэзіи родной,
Съ подъятой гордо головой,
Увѣнчанный всемірной славой,

---

1) „Восточное Обозрѣніе“, 1899, № 110.

Предсталъ онъ родинѣ своей
Въ день торжества изъ-за могилы,
Безсмертныхъ пѣсенъ дивной силой
Вновь возрожденный передъ ней.
Вѣкъ проходятъ не безслѣдно:
Труды таланта берегутъ,
Вѣнокъ въ честь генія побѣдный
Изъ лавръ невянущихъ плетутъ...
Хранятъ тѣ пѣсни, гдѣ народа
Онъ жизнь и нравы описалъ,
Въ «жестокій вѣкъ» воспѣлъ свободу
И «милость къ падшимъ призывалъ»...
Сегодня голосъ вдохновенный
Тепло и властно повторилъ
Завѣтъ любви, завѣтъ священный,
Живой залогъ грядущихъ силъ,
«Чувствъ добрыхъ» пышнаго расцвѣта,
Безкровныхъ Истины побѣдъ,
Ведущей мирно царству свѣта,
Въ нѣмую даль грядущихъ лѣтъ...
И жадно родина внимаетъ
Словамъ поэта своего,
Его завѣты вспоминаетъ
И лавры новые вплетаетъ
Въ вѣнокъ безсмертія его!...

М. Б.[1]).

Пѣсня пѣвенъ.

Мощнымъ словомъ вдохновенья,
Сладкимъ голосомъ пѣвца,
Кликнулъ кличъ онъ обновленья
Отъ конца и до конца
Нашей матушки Россіи...

---

1) „Сѣверо-западное Слово", 1899, № 187.

Повторили кличъ стихіи,—
Встрепенулися сердца...
И отъ бѣлыхъ водъ до черныхъ,
Отъ Камчатки до Каркатъ,
Побѣждая тьму упорныхъ,
Проводившихъ старый взглядъ,—
Раздалася *пѣсня пѣсенъ*...
Прежній міръ для ней былъ тѣсенъ
Подъ ярмомъ тяжелыхъ латъ...
Вглубь Россіи, русской жизни,
Устремилася она,
Чтобы словомъ укоризны
Пробудить ее отъ сна,
Какъ младенца дорогого,
Устеречь отъ рока злого,
Иль убрать съ родного дна...
Перлы дивныхъ сочетаній,
Русской рѣчи звукъ простой,
Безъ высокихъ притязаній,
Безъ пареній надъ землей,
Радость, горе, смѣхъ и слезы,
Думы тихія и слезы
Принесла она съ собой...
Эхо этой пѣсни пѣсенъ
Не замолкнетъ никогда,
Голосъ сердца не тѣлесенъ:
Не сотрутъ его года,
И полюбятъ наши внуки
Эту пѣсню... Эти звуки
Русь запомнитъ навсегда!

А. Д. Васильевъ [1].

26 мая 1899 года.

Что ты Русь моя безпредѣльная,
Что какъ мóре-степь безграничная,

---

[1]) „Моск. Вѣд.“, 1899, № 143.

Изъ конца въ конецъ взволновалася,
Взволновалася, взбушевалася?
Ужь не вражья ли сила страшная
Тучей грозною надвигается,
Чтобъ сковать тебя цѣпью звонкою,
Чтобъ терзалась ты вѣки-вѣчные?
Иль не тризну ли собираешься
Совершить, какъ встарь, по любимому,
Сыну славному, отлетѣвшему
Въ высь небесную, въ глубь лазурную?
Иль не мужа ли въ браняхъ славнаго,
Что́ разилъ враговъ силой мощною,
Для отчизны жизнь не щадившаго,
Пиромъ-по́честью чтить сбираешься?
«Не враговъ боюсь, что́ отъ Запада
Тучей черною надвигаются;
У сыновъ моихъ грудь могучая,
Сила крѣпкая, богатырская!
И не тризну я собираюся,
По обычаю моихъ прадѣдовъ,
Совершать теперь надъ могилою
Отлетѣвшаго въ небо ясное...
И не мужа я въ браняхъ славнаго,
Цѣлость родины отстоявшаго,
Врага грознаго побѣдившаго,
Повстрѣчать хочу пиромъ-почестью.
Взволновалася, всколыхалася
Въ ожиданіи дня великаго,
Незабвеннаго, лучезарнаго,
Дня рожденія сына дивнаго!...
Что съ молитвою всенародною,
Съ скорбью тихою, неутѣшною,
Вознестись хочу къ Христу нашему,
Да покоитъ онъ душу свѣтлую!..
Что воспѣть хочу память вѣчную
Всей землей моей безконечною,
Память Пушкину величавому
За созданія вѣковѣчныя!...»

* * *

Надъ Москвою сѣдой загоралась заря,
Алымъ отблескомъ отражалася
На крестахъ, куполахъ церквей Божіихъ...
Вотъ съ лазури небесъ показалося
Солнце красное, лучезарное,
Разливая свой свѣтъ яркимъ золотомъ
По зубчатымъ стѣнамъ Кремля стараго,
По холмамъ и садамъ Бѣлокаменной...
Загудѣлъ первый звонъ съ колокольни большой,
Что́ царитъ надъ Кремлемъ съ незапамятныхъ лѣтъ...
Какъ волна за волной чудный хоръ голосовъ
Полился надъ Москвой переливами...
Осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ,
Шелъ народъ въ Божій храмъ помолиться Христу,
И затеплить свѣчу воску яраго
Предъ иконой святой Божьей Матери...
Шелъ народъ ко Христу Богу Господу—
Поклониться Ему и слезами молить,
Чтобъ простилъ Онъ грѣхи мужу славному—
Кто глаголомъ своимъ жегъ сердца всѣхъ людей,
Что любовь и добро чудной лирой своей
Сѣялъ онъ, какъ пророкъ, въ ниву Божію!
Что родная земля въ дивныхъ пѣсняхъ его,
Какъ въ зеркальной водѣ, отражалася вся...
Что любилъ глубоко, чистымъ сердцемъ своимъ.
Что страдалъ онъ за Русь болью жгучею...
Что онъ вѣру отцовъ, какъ святыню, берегъ,
Отъ земли къ небесамъ направляя нашъ путь.
Что въ созданьяхъ своихъ воплощалъ идеалъ—
Его образъ святой въ человѣка вселялъ...
Что́ хранилося встарь въ лѣтописныхъ листкахъ,
Что́ скрывалось отъ глазъ въ сѣдинахъ вѣковыхъ,
Живой духъ онъ вдохнулъ, въ красоту онъ одѣлъ
Словомъ пламеннымъ и чарующимъ...
Что сто лѣтъ протекло, какъ родился поэтъ,
И въ могилѣ сырой ужь давно онъ лежитъ,
Но онъ духомъ своимъ, какъ орелъ въ небесахъ,
Величаво паритъ надъ родимой землей...

В. Урусовъ[1].

Памяти А. С. Пушкина.

(26 мая 1899 г.).

Торжественный и чудный день!
Повсюду Русь его срѣтаетъ...
И дивваго поэта тѣнь
Межъ насъ незримо прелетаетъ...

Его ужъ нѣтъ, но онъ межъ нами,
Онъ съ лирой чудною своей,
Съ замолкшими навѣкъ струнами,
Но съ отголоскомъ прошлыхъ дней.

И отголосокъ дивныхъ пѣсенъ
Неувядаемо живучъ,
И хоть пріютъ, поэтъ, твой тѣсенъ,
Но духъ безсмертный твой могучъ.

И слова вѣчности не спала
И съ музы не спадетъ твоей:
И Пушкину—поэту слава
Гремитъ теперь по Роси всей!

Кн. П. Цертелевъ[2].

Два всадника.

(Памяти творца *Мѣднаго Всадника*).

На скалѣ, надъ самой кручей,
Растоптавъ змѣю конемъ,
Богатырь несется тучей—
Свѣтъ величія на немъ.

Осадивъ коня рукою,
Онъ другую въ даль простеръ;

---

1) „Варшавскій Дневникъ“, 1899, № 142.
2) „Моск. Вѣд.“, 1899, № 145.

Тамъ, за свѣтлою рѣкою,
Видитъ геній свой просторъ.

Тамъ, для силъ роднаго края,
Всадникъ выходъ разгадалъ,
И туда, препонъ не зная,
На конѣ онъ поскакалъ:

А за нимъ во слѣдъ спокойно,
На объѣзженномъ конѣ,
Богатырь несется стройно
Къ той же самой сторонѣ.

Вѣкъ спустя за вѣкомъ славы,
Ѣдетъ тѣмъ же онъ путемъ;
Духъ народа, мощь державы
Отражаются на немъ.

Вѣренъ Пращура завѣту,
Строй Его онъ охранилъ
И, въ Его пути *ко Свѣту*,
Сталъ на стражѣ рускихъ силъ.

На юбилей Пушкина [1].

На Сѣверѣ мрачныя тучи,
На небѣ погасла заря...
Чрезъ лѣсъ мы проходимъ дремучій,
Молитву со страхомъ творя.
Пугаютъ насъ призраки ночи,
Крикъ филина, вопли совы;
Въ пути разглядѣть нѣту мочи
Кустарникъ, и ямы, и рвы.
Мы—странники—робко блуждаемъ
И, въ жалкую сбившись въ толпу,
Въ окольныхъ дорогахъ теряемъ
Знакомую къ свѣту тропу,

---

[1]) „Моск. Вѣд.“, 1899, № 146. Прочтено было на Пушкин. вечер Общ. Люб. Рос. Слов.

Какъ будто стезю роковую
Мы къ гибели только взяли
И жертву приносимъ живую
Потемкамъ судьбы и земли.
Но вдругъ среди тьмы непроглядной
Сверкнулъ ободряющій лучъ,
Сіяніемъ ясным отрадный
И силою свѣта могучъ.
Въ проведшемъ горитъ его пламя,
Но отблескъ доходитъ и къ намъ,
Грядущему служитъ, какъ знамя,
Смертельной угрозой врагамъ.
И лѣсъ ужъ не страшенъ дремучій,
А призраки ночи толпой
Разсѣялись съ мрачною тучей.
И вновь *не заросшей тропой*
Намъ путь открывается разомъ
Къ безсмертному солнцу ума.
Впередъ! и *да здравствуетъ разумъ*
да скроется тьма

Ф. М. Пестряковъ [1].

Столѣтіе рожденія Пушкина.

Сто лѣтъ прошло, какъ онъ родился,
Нашъ славный Пушкинъ, нашъ поэтъ:
Звѣздой онъ скоро закатился,
Оставивъ въ мірѣ яркій слѣдъ.
Въ стихахъ уча людей прилежно
Любви и правдѣ и добру,
Онъ пѣлъ о красотѣ ихъ нѣжно,
Какъ птичка въ маѣ поутру.
И по заслугамъ между нами
Онъ сталъ и славенъ и великъ,
И восторгаются стихами

---

[1]) „Задушевное Слово", 1899, II, 19.

Его малютка и старикъ.
Онъ сынъ достойнѣйшій Россіи,
Такими дорожитъ весь свѣтъ;
Украсьте жъ, дѣтки дорогія,
Цвѣтами Пушкина портретъ.

Ф. М. Пестряковъ [1].

26 мая 1899 г.

Сегодня праздникъ русской славы,
Сегодня русскія сердца
Плѣняетъ образъ величавый
Татьяны чуднаго пѣвца.
Одними чувствами согрѣта,
Отъ старцевъ до грудныхъ дѣтей,
Русь память празднуетъ поэта,
Его столѣтній юбилей.

П. Я. Б. [2].

Памяти А. С. Пушкина.

Безъ красоты, безъ пониманья
Искусства чистыхъ образцовъ
Міръ обратится въ достоянье
Злодѣевъ черствыхъ и глупцовъ;
Всѣ чувства добрыя развѣетъ
Позорный, мертвенный застой,
И въ отупѣнью закоснѣетъ
Міръ, преисполненный враждой.
Толпѣ безумной и ничтожной
Святыя чувства далеки;
Ей въ міровые тайники
Проникновенье невозможно.

---

1) „Задушевное Слово“, 1899, II, 19.
2) „Уральская жизнь“, 1899, № 25.

Но есть избранники святые:
Имъ власть дана—сердца людскія
Огнемъ божественнымъ зажечь,
Идею образомъ облечь,
И вдохновеннымъ, вѣщимъ словомъ
Порывы чувствъ святыхъ будить
И въ вѣкѣ сумрачно—суровомъ
Добро и правду находить.
Живого творчества залогомъ
Въ нихъ вдохновеніе горитъ,
И свѣточъ ихъ, возженный Богомъ,
Во мракѣ вѣчности блеститъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ въ этотъ вѣкъ суровый
Явился ты, сто лѣтъ прошло—
И лучъ безсмертія земного
Отмѣтилъ генія чело.
Сто лѣтъ прошло—понятно стало,
Что непонятно было встарь,—
И передъ капищемъ Ваала
Вознесся къ небу твой алтарь.
Народъ пошелъ тропой широкой
Къ престолу истины твоей,
И вѣкъ воздвигъ тебѣ высокій
Нерукотворный мавзолей...
И еслибъ могъ оставить геній
Недосягаемую высь
И въ дни восторговъ, дни моленій
Надъ милымъ краемъ пронестись—
Какая бъ мощь хвалы народной
Была съ небесъ ему видна,
Какой бы радостью свободной
Была душа потрясена!
Ты бъ видѣлъ: русская равнина
Всеобщимъ праздникомъ полна,
И вся поэта—исполина,
Ликуя, чествуетъ она!

М. Т. Ярошевская[1]).

Женщина Пушкину.

О, Пушкинъ, другъ, учитель и отрада!
Какъ сладостно порой припоминать,
Что въ дѣтствѣ мнѣ одна была награда—
Стихи твои, чуть стала я читать:
Ученый котъ подъ дубомъ лукоморья
И бѣлка съ нимъ, грызущая орѣхъ,
Царевна въ гробѣ, витязи на взморьѣ,
Своей красой чарующіе всѣхъ...
Живой струею въ душу молодую
Лилася рѣчь твоя; едва дыша,
Впивала я поэзію родную,
Ей проникалась чуткая душа.
Но время шло, дни дѣтства улетѣли,
Исчезнулъ міръ неясныхъ первыхъ грезъ;
Иныя чувства въ сердцѣ закипѣли,
Пришла пора и радостей, и слезъ.
А *онъ*? Конечно, свѣтлымъ ореоломъ,
Казалось, былъ какимъ то окруженъ.
«Люби меня», молилъ меня онъ взоромъ,
«Люби меня», затѣмъ промолвилъ онъ:
«Я дамъ тебѣ блаженство неземное»...
Но я въ сомнѣньи думала теперь:
Въ немъ правды нѣтъ, въ немъ чувство напускное
Онѣгинъ—онъ, Онѣгину не вѣрь!
И эти дни прошли, какъ сновидѣнье,
Я—съ тѣмъ, кто мнѣ опорой въ жизни сталъ.
Любилъ и онъ, какъ я, твои творенья
И часто мнѣ подолгу ихъ читалъ;
Когда порой, въ ночь зимнюю глухую,
Сидѣли мы вдоемъ у огонька,
Съ тобой сносили легче долю злую,
Неволя намъ не такъ была горька.
Намъ снился и «народъ освобожденный».

Русская Мысль", 1899, IV. 52—3.

Въ трудѣ святомъ среди родныхъ полянъ,
И «битвы гласъ», и недругъ усмиренный,
И вольный смѣхъ кочующихъ цыганъ.
И вотъ теперь, когда закатомъ яснымъ
Меня балуетъ мачеха—судьба,
Опять стремлюсь къ твоимъ стихамъ прекраснымъ,
Опять твоя я вѣрная раба.
Зову я внучку (ангельская душка,
Господь мою въ ней воплотилъ мечту!):
«Игрушки брось! Бѣги ко мнѣ, Милушка,—
Бѣги, я сказку Пушкина прочту!»

А. И. С—въ[1].

На 26-е мая 1899 года.

Замолкъ пѣвецъ—забыта лира,
И дивный звукъ ея затихъ,
Исчезъ отъ насъ любимецъ міра,
Но живъ его блестящій стихъ.
Увы, теперь того ужъ нѣтъ,
Чѣмъ увелекалъ насъ всѣхъ поэтъ:
Исчезъ отъ насъ и голосъ чудный,
И тотъ языкъ, что зналъ весь свѣтъ:
Блестящій, яркій, изумрудный,
Всегда живой, всегда игривый,
Всегда звучитъ въ немъ чудный тонъ,
И въ гибкихъ формахъ переливы,
То слышенъ въ немъ печальный стонъ,
То громъ грозы, ея порывы,
То яркій плескъ о берегъ волнъ,
Пріятныхъ грезъ и нѣги полнъ...,
Теперь прошла ужъ сотня лѣтъ,
Какъ онъ взглянулъ на Божій свѣтъ,
Нашъ рѣдкій геній, нашъ поэтъ...
Теперь вездѣ кашмя кишатъ,

---

1) „Русская Старина“, 1899, VI, стр. 558.

Вѣнки лавровые сплетаютъ,
Идутъ отвсюду: изъ палатъ,
Угловъ убогихъ, скромныхъ хатъ,—
И бюстъ поэта украшаютъ,
И съ чувствомъ теплымъ говорятъ:
«Живи безсмертно сотни лѣтъ,
Живи въ сердцахъ людей, поэтъ,
Пока кипитъ въ ихъ жилахъ кровь,
А въ русскихъ теплится любовь»...

А. Родосскій [1]).

На память А. С. Пушкину [2]).

«Дѣла давно минувшихъ дней»!
. . . . . .
Сто лѣтъ назадъ-какъ утро мая,
Взойдя во всей красѣ своей,
Взыграло, радостно блистая
И намъ рожденье возвѣщая
Безсмертнаго въ средѣ людей.
То—Пушкинъ былъ, великій геній!
. . . . . .
Мы зрѣли дивнаго пѣвца:
«Волшебной силой пѣснопѣній»
Онъ покорилъ себѣ сердца.
Въ какихъ родахъ произведеній—
Въ прелетныхъ прозѣ и стихахъ—
Ты не явилъ свой свѣтлый геній,
Не произвелъ восторгъ въ умахъ?!
О, Пушкинъ! прахъ твой, намъ священный,
Одинъ межъ нами... Ты угасъ

,Странникъ", 1899, май, 208—210. Первая половина напечатана н. Вѣстн.", 1899, № 125.
Нѣкоторыя слова и цѣльные стихи, поставленные въ скобкахъ, го Пушкина, взятые изъ „Евгенія Онѣгина" и др. *Прим. автора.*
оригиналѣ. В. К.

И смолкъ; но умъ твой вдохновенный
Животворитъ доселѣ насъ:
Къ «клеветникамъ—врагамъ Россіи»
Твой грозный гласъ не воззоветъ,
Какъ онъ гремѣлъ во дни былые,
Побѣдъ Петра не воспоетъ.
Но то, что ты писалъ, осталось
Въ страницахъ огненной чертой...
Какъ все, чего бы ни касалось
Перо мечты твоей живой,
Величьемъ царственнымъ сіяло
И, яркимъ «пламенемъ горя»,
Въ твоихъ твореньяхъ намъ являло
Могучаго богатыря!
Я помню: жены, дѣвы, дѣти
Тебя твердили наизусть,
Всѣ говорили о поэтѣ...
Я живо помню эту грусть,
Когда, услышавъ объ утратѣ[1])
Твоей, всѣ приняли ту вѣсть,
Какъ о родномъ имъ, кровномъ братѣ,
И было издоховъ—не исчесть.
И нынѣ въ памяти народной,
Въ поэтахъ, въ пѣсняхъ ты живешь,
Возводишь къ мысли благородной
И чувству въ нихъ просторъ даешь.
Ты правъ: твоя златая лира,
Минуя рядъ вѣковъ—какъ сонъ,
«Подниметъ» на распутьяхъ міра
Гремучій, непрерывный звонъ».
И ты, поэтъ, угасъ такъ рано!
«Чуть изъ младенческихъ одеждъ»—
Какъ силой вырванъ урагана,
И «не свершилъ намъ всѣхъ надеждъ».
И безъ вражды и правой мести
Задаромъ кровь свою излилъ

---

[1]) По указанію редакціи, стихотвореніе это принадлежитъ „стар[illegible] *который* въ дни своей юности увлекался „чарующими стихами Пушки[illegible]

И палъ невольной жертвой чести
И цѣлый міръ осиротѣлъ.
Но пусть твой духъ намъ отзовется
На праздникъ нашъ въ твой славный день,
Пусть, если можетъ, улыбнется
Твоя «страдальческая тѣнь»,
Взирая съ горняго селенья,
Какъ знатный и простолюдинъ
Чтутъ память твоего рожденья
Чрезъ сто минувшихъ годовщинъ.
Пусть, славу Небу возсылая
И за твой даръ благословляя,
«Къ тебѣ домчится гимнъ временъ—
Благословенія племенъ».
О, чтители высокихъ дарованій!
Взываю къ вамъ: кто не грѣшилъ изъ насъ?
И день пѣвца, послѣдній день страданій
Забыть должны мы въ сей священный часъ.
Пускай никто не мыслитъ осужденья
Ему за грѣхъ его, невольный грѣхъ;
Кто можетъ знать, что съ Небомъ примиренья
Не получилъ онъ радостныхъ утѣхъ?...
И въ чувствахъ, и въ желаніяхъ поэта
Стремленье было къ истинѣ святой:
И онъ искалъ въ сомнѣніяхъ отвѣта
У избранныхъ, кого онъ чтилъ душой—
И онъ, среди забавъ ничтожныхъ міра,
Являлся, какъ пророкъ, намъ никогда,
Съ бичомъ въ рукахъ на общаго кумира
Коварства, лжи, хищеній безъ стыда,—
И онъ хранилъ въ себѣ благоговѣнье
Къ трудамъ святыхъ, къ пустынникамъ—отцамъ,
Оставивъ ихъ молитвъ переложенье,
Какъ свой завѣтъ о вѣрю всѣмъ родамъ,—
И искупилъ онъ грѣхъ свой покаяньемъ,
Омытъ ужъ грѣхъ его; ему любовь
Превѣчная простерла упованье,
Его миритъ съ собой Христа святая кровь.

Л. Н. Трефолевъ [1]).

Сто лѣтъ назадъ.

(26 мая 1799 — 1899 г.).

Сто лѣтъ назадъ у насъ царила мгла;
Все замерло, дышало черезъ силу;
Казалось всѣмъ—Россія погребла
Съ Екатериной въ темную могилу
Великія и славныя дѣла!
Державинъ «пѣлъ», но пѣлъ онъ «пѣснь унылу».
Покорствуя карающей судьбѣ,
Онъ ожидалъ «наслѣдника» себѣ.
И родился «наслѣдникъ»—въ злотоглавой
Святой Москвѣ—назадъ тому сто лѣтъ.
Былъ это мальчикъ смуглый и кудрявый.
Ему судьба сказала: «Будь поэтъ!»
«Какъ Петръ разбилъ врага передъ *Полтавой*
И указалъ для русскихъ славный слѣдъ,—
Такъ побѣждай и ты, въ сіяньѣ новомъ,
Сердца людей своимъ могучимъ словомъ!
Пророкомъ будь для страждущей земли,
Воспой ее въ дни счастья и печали,
Родной земли преданіямъ внемли
И пожелай, чтобъ внуки повстрѣчали
Иную жизнь; чтобы для нихъ—вдали—
Лучи свободы ярко освѣщали
Тернистый путь! Его ты долженъ ждать
И для себя, «чтобъ мыслить и страдать»!
И все сбылось! Когда въ садахъ Лицея
Онъ «съ музой безмятежно расцвѣталъ»,
Когда «читалъ охотно Апулея,
А Цицерона «Рѣчи» не читалъ,—
Онъ и тогда, силъ юныхъ не жалѣя,
Былъ вдохновленъ: младой орелъ взлеталъ,
Къ Державину—въ лицейскій свѣтлый праздникъ,—

---

1) „Наблюдатель“, 1899, VI. 297—9.

А послѣ самъ шутилъ надъ нимъ, проказникъ!
Игриво онъ проказалъ... Наконецъ,
Онъ испыталъ величіе изгнанья;
Но не погибъ въ «Михайловскомъ» пѣвецъ,—
Пѣвецъ любви, свободы и страданья:
И тамъ будилъ онъ множество сердецъ,
И тамъ творилъ безсмертныя созданья.
Онъ музою народной былъ хранимъ,
И «Годуновъ» явился передъ нимъ!
Какъ дикій зверь, сердито выла вьюга;
Пріютъ пѣвца былъ тѣсенъ, бѣденъ, малъ;
Въ немъ, съ нянюшкой дѣля часы досуга,
Любовно онъ рѣчамъ ея внималъ
И, услыхавши колокольчикъ друга,—
Пріѣзжаго съ восторгомъ обнималъ...
Но хлынулъ валъ—и утонули вскорѣ
Его друзья въ житейскомъ бурномъ морѣ.
Онъ уцѣлѣлъ... И царская рука
Ему пожала руку крѣпко, честно.
Была минута эта высока,
Изобразилъ ее поэтъ чудесно,—
И изъ души—живого родника—
Вновь полилась поэзія прелестно.
Въ ней не было ни лести, ни мольбы:
Поэтъ—не льстецъ, пророки—не рабы!
Гордится Русь, что никому въ угоду
Не продавалъ поэтъ перо свое,
Не льстилъ толпѣ, но преданъ былъ народу,
Изображалъ его житье—бытье,
Тоскливую, но милую природу,
И барскій бытъ, и, наконецъ, ее—
Прелестную Татьяну,—образъ нѣжный,
Таившійся въ душѣ его мятежной...
И образы иные жили въ ней,
Въ его душѣ славянско-африканской,
И съ каждымъ днемъ поэта взоръ яснѣй
Во все вникалъ. Онъ въ «Дочкѣ Капитанской»
Нарисовалъ картину буйныхъ дней.
И «Донъ-Жуанъ», герой чужой, испанскій,

Пылающій избыткомъ страстныхъ силъ,
На свѣтлый югъ всю Русь переносилъ.
Гармоніей и силою созвучій,
Какъ чародѣй, онъ русскій слухъ плѣнялъ.
Онъ былъ вездѣ. Какъ властелинъ могучій,
На берегу пустынныхъ волнъ стоялъ
Съ царемъ Петромъ. Онъ и съ *послѣдней тучей*
По небесамъ носился и гулялъ.
Онъ напиталъ всю Русь духовныхъ хлѣбомъ,—
Землѣ былъ милъ и примирился съ небомъ!
Онъ не терпѣлъ ни рабства, ни оковъ,
Стѣсняющихъ какъ душу, такъ и «слово».
Онъ презиралъ однихъ *клеветниковъ*
Родной земли: онъ ихъ громилъ сурово!
Онъ не погибъ для будущихъ вѣковъ,
Безсмертіе давно ему готово!
Намъ вѣрится, что Пушкинъ не умретъ,
Что, вслѣдъ за нимъ, вся Русь пойдетъ впередъ!
Теперь онъ спитъ на родовомъ кладбищѣ,
Въ «Святыхъ горахъ», близъ стѣнъ монастыря,—
И бывшій рабъ въ послѣднее жилище
Къ нему идетъ, судьбу благодаря—
Что воздухъ сталъ отраднѣе и чище,
Что вспыхнула, «по манію царя»,
Та зорюшка, которой ждалъ восхода
Младой пѣвецъ великаго народа.
Поклонимся могучему уму
Въ великій день—день славный и великій,—
Поклонимся съ любовію тому,
Кто не внушалъ намъ мысли злой и дикой,
Кто свѣтъ любилъ и ненавидѣлъ тьму,
Кто «памятникъ воздвигъ нерукотворный
Себѣ навѣкъ, увидя бѣлый свѣтъ,—
Нашъ *русскій свѣтъ*,—назадъ тому сто лѣтъ!

В. Грековъ[1].

На день столѣтняго юбилея А. С. Пушкина.

Великій, славный день мы всѣ переживаемъ!
Одною мыслію наполнены сердца:
Мы всѣ слились въ одно—и дружно прославляемъ
Поэта славнаго, великаго пѣвца.
Всѣхъ, кто еще не чуждъ души святыхъ движеній,
Въ комъ пошлой жызни ядъ еще не заглушилъ
Потребности иныхъ, духовныхъ наслажденій,—
Всѣхъ геній Пушкина собой соединилъ.
При словѣ «Пушкинъ» чья душа не ощущаетъ
Прилива новыхъ чувствъ восторженно-живыхъ,
Чувствъ истинно-святыхъ, которыя внушаетъ
Намъ каждая строка твореній неземныхъ?
Онъ русской жизни строй, ея всѣ проявленья
До глубины позналъ; въ поэзіи живой
Народный русскій духъ, народныя стремленья
Онъ смѣло воплошилъ въ могучій геній свой.
Въ его поэзіи блестящими штрихами
Мѣшались межъ собой въ созвучіи стиховъ
«И гимны вѣщіе, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ».
И онъ все пѣлъ... Но вдругъ, сраженный клеветою,
Онъ палъ—и навсегда угасъ поэтъ родной...
Угасъ—и никогда ужъ вѣщею рукою
Онъ не коснется струнъ на лирѣ золотой...
Угасъ... Но сознавалъ въ себѣ свои онъ силы
И гордо говорилъ, что прахъ переживаетъ
Душа въ созданіяхъ его безсмертной лиры,
По смерти будетъ жить и вѣчно не умретъ;
Что долго будетъ тѣмъ онъ памятенъ народу,
Что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ,
Что въ свой жестокій вѣкъ возславилъ онъ свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.
И не ошибся ты, пѣвецъ нашъ незабвенный!

---

1) „Витеб. Вѣд.“, 1899, № 118.

Твой духъ среть насъ живетъ и вѣчно будетъ жить—
И нынѣ насъ собралъ твой геній вдохновенный,
И собрались мы всѣ хвалой тебя почтить.
Вели же насъ впередъ! Свой свѣточъ поднимая,
Духовной жизни путь намъ ярко освѣщай
И въ души темныя духовный свѣтъ вливая,
Познаньемъ истины, любовью просвѣщай!

Л. Добрянскій [1].

А. С. Пушкинъ.

Онъ былъ «рожденъ для вдохновенья»,
Для «звуковъ сладкихъ» созданъ былъ,
Онъ сердца русскаго біенье
Себѣ навѣки подчинилъ...
И «памятникъ нерукотворный»,
Какъ геній, онъ, себѣ воздвигъ...
И обаянію покорны,
Поэта славимъ каждый стихъ.
Кому «отъ Перми до Тавриды»
Отъ «пламенныхъ» до «хладныхъ скалъ»,
Безумный славою покрытый,
Воздвигнутъ Русью пьедесталъ...
«Горитъ Востокъ зарею новой»,
Въ день этотъ, для Руси святой,
Гордиться «сыномъ» симъ готовый,
Его безсмертною главой.

С. Бердяевъ [2].

Послѣ Пушкинскихъ торжествъ.

Мнѣ снилось: печальный и суровый,
Исчезнувъ вдругъ великій предо мной, —

[1] «Новороссійскій Телеграфъ», 1899, № 7820.
[2] «Русскій Архивъ», 1899, XII, 611.

Теперь прославленъ цѣлою страной,
А въ жизни только видѣвшій оковы...
И онъ сказалъ: «Вѣкъ наступаетъ новый!
Но зла да лжи губительной волной
Залитъ—увы!—и нынѣ край родной.
Какъ прежде, силы темныя готовы...
И весь дрожу отъ гнѣва я въ могилѣ,
Что и онѣ явиться поспѣшили
На честный праздникъ памяти моей»...

О. Яковлевъ[1].

Памятникъ нерукотворний.

(Цвѣтокъ на могилу Пушкина).

Замученъ злобою тлетворной,
Убитъ предателя рукой,
Давно ты спишь въ землѣ сырой,
Но памятникъ нерукотворный
Вознесся гордо надъ тобой.
Тотъ памятникъ—любовь народа,
Хоть и не гнался ты за ней,
Тотъ памятникъ—его свобода—
Мечта твоихъ недолгихъ дней
И Музы пламенной твоей.
Тотъ пямятникъ—твои творенья
И пѣсни дивныя твои,
Души народной отраженья,
Родникъ высокій вдохновенья,
Добра, и правды, и любви...
Ты въ сердцѣ родился Россіи
И для нея ты сталъ душой:
Мы жили и живемъ тобой,—
И въ нашей умственной стихіи
Ты— думъ властитель дорогой...
Предъ нами въ яркомъ ореолѣ

---

[1]) „Виленскій Вѣстникъ“, 1899, № 123.

Твой ликъ увѣнчанный блеститъ,
И о тебѣ молва гремитъ,
И славенъ будешь ты, доколѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ..
И пусть замученъ злобой черной,
Убитъ предателя рукой,
Давно ты спишь въ землѣ сырой—
Твой памятникъ нерукотворный
Есть вѣчности залогъ живой...

О. Жандръ [1]).

Памяти Пушкина

26 мая 1899 г.

Оживился спокойно дремавшій
Святогорскій глухой монастырь,
Отъ мірской суеты отдыхавшій,
Въ нѣдрахъ скрывшій народный кумиръ.
Нарядилась обитель для встрѣчи,
Съ торжествомъ всѣхъ пріѣзжихъ гостей.
Гулъ, волненье, надгробныя рѣчи,
Дымъ кадильный, сіянье свѣчей—
Все слилось предъ завѣтной могилой,
Передъ тѣмъ, кто твореній своихъ
Глубиною, красою и силой
Монументъ себѣ вѣчный воздвигъ.
Предъ могилой, гдѣ взоръ вдохновенный
Смеживъ, Пушкинъ на-вѣки почилъ,
Пораженный рукой дерзновенной,
Въ полномъ цвѣтѣ таланта и силъ;
Передъ тѣмъ, кто стяжалъ дивной лирой
Вѣчной славы земной ореолъ,
Хоть сіялъ такъ недолго онъ въ мірѣ,—
Какъ блестящій мелькнулъ метеоръ!
Промелькнулъ метеоръ, за собою

[illegible] Вѣстникъ", 1899. № 123.

Намъ оставивъ сіяющій слѣдъ,
И идутъ годы длинной чредою,
Но подобнаго Пушкину нѣтъ!
Полтолѣтья уже миновало,
Какъ пѣвецъ вдохновенный угасъ,
Лира смолкла, струна озвучала,
Но духовно онъ живъ среди насъ:
Кто изъ русскихъ людей не гордится
Сыномъ быть съ нимъ отчизны одной?!
Кто твореньямъ его не дивится,
Восторгаясь ихъ мощной красой?!
Кто его съ колыбели не знаетъ
И ребенкомъ не любитъ его?
Кто предъ прахомъ его не склоняетъ
Благовѣйно чела своего?!
Миръ тебѣ, нашъ поэтъ геніальный!
Память вѣчную въ нашихъ сердцахъ
Сохранитъ твой народъ благодарный!
Да покоится мирно твой прахъ!

Ж. [1]).

Пушкину.

Тебѣ, о геній лучезарный,
Несу восторженный привѣтъ,
Тебѣ, за всѣхъ насъ благодарный,
Слагаю оду я, поэтъ!
Прости, учитель незабвенный,
Попытку дерзкую мою!
Твоею мощью вдохновенный,
Тебя смиренно я пою!
Ты начерталъ рукою твердой
Глаголовъ письмена [2]),
И воспѣвалъ, отчизной гордый,
Ея героевъ имена.

---

1) „Воронеж. Телеграфъ“, 1899, № 59.
2) Пропущено какое то слово (Родныхъ? Ея?)

Ты первый свѣтлыя мечтанья
Въ народѣ русскомъ возбудилъ,
Конецъ неволи и страданья
Ты, какъ пророкъ, предвозвѣстилъ.
Въ насъ все прекрасное твой геній
Своею лирой пробуждалъ
И жаръ священныхъ вдохновеній
Намъ не напрасно расточалъ.
Прими жъ, писатель вдохновенный,
Ты сердца русскаго привѣтъ!
Прости, учитель незабвенный,
Прости, излюбленный поэтъ!

Апулей[1].

О, Бѣдный Пушкинъ! Жизнь твоя
Прошла въ тяжелыхъ треволненьяхъ,
Но, скорбь глубоко затая,
Ты забывался въ пѣснопѣньяхъ!
Теперь не то!... Идетъ рѣкой
Волна рекламы и промессы!...
И даже смертный твой покой
Тревожитъ новые Дантесы!...

Полтавинъ[2].

29 мая 1899 г. Праздникъ Народный.

Русь, вострубя ты въ честь сына, вѣнчаннаго —
Славой безсмертья,—сей день обрати
Къ благу отчизны, къ развитью желаннаго
Свѣта на мирномъ народномъ пути...

I.

Тихія волны житейскаго моря
Плещутъ подъ сѣнью лучей золотыхъ:

1. „Петерб. Газ.", 189[illegible], № 1[illegible].
2. [illegible] 189[illegible].

Слышится будто мелодія горя,
Горя сквозь радости пѣсенъ родныхъ.
Будтобъ и духи, любезные міру,
Духи героевъ, воспѣтыхъ пѣвцомъ,
Тѣнью своею привѣтствуютъ лиру,
Лиру съ безсмертнымъ поэта вѣнкомъ.
Нѣтъ среди смертныхъ поэта прекраснаго...
Гдѣ ты, великій, родной нашъ поэтъ?
Мать примирилась съ днемъ рока ужаснаго.
Знаетъ отчизна: давно его нѣтъ...
Тихій звукъ скорби трубой заглушается,
Громкой, торжественной славы трубой.
Радость дня давней весны вспоминается,
Дня, дорогого великой судьбой.
Русь, вострубн ты въ честь сына, вѣнчаннаго
Славой безсмертья,— сей день обрости
Къ благу отчизны, къ развитью желаннаго
Свѣтм на мирномъ народномъ пути!
Мирный внушитель онъ добраго чувства...
Тихо, все болѣе, изъ года въ годъ,
Добрымъ наслѣдьемъ любви и искусства
Да усаждается русскій народъ!
Съ Холма до дальней Артура твердыни,
Свѣтъ рѣчи чудной, зажженный рукой
Барда, ревнителя русской святыни,
Царствуй.... и силою ширься родной!

II.

Памяти генія праздникъ народный,
Славься любовью народа, и пой
Многія лѣта отчизнѣ, свободной
Въ рѣчи и жизни отъ тьмы вѣковой!
Радуй насъ, солнце, и здравствуй—въ насъ, разумъ!
Музы, царите! Плѣняй, правота!
Нынѣ возславимъ поэта мы разомъ...
Скройся, духъ розни—живи, красота!
Мрака гнушаясь и духа злодѣйскаго,
Къ разуму, къ свѣту взываетъ поэтъ...
Лирой средь бурнаго моря житейскаго

Берегу сельскому шлетъ онъ привѣтъ.
Жизнь воспѣвая ликующей младости,
Съ розами, съ пѣснями вешней поры,
Пѣлъ онъ и духа высокаго радости,—
Высшіе неба постигъ онъ дары...
Вѣчная память пѣвцу, пострадавшему
Жертвой юдоли средь вражьихъ сѣтей!
Многія лѣта царю, увѣнчавшему
Праздникъ народный, пиръ русскихъ людей!...
Слава Россіи, всей родинѣ милой,
Милой и небомъ, и рѣчью родной,
Нивой, и лирой, и доброю силой
Храма и власти надъ русской землей!
Тихіе звуки житейскаго моря
Плещутъ подъ сѣнью лучей золотыхъ.
Слышится будто мелодія горя,
Горя сквозь радости пѣсенъ родныхъ...

Полтавинъ [1].

Памяти Пушкина. Посвященіе.

Памяти Пушкина, генія добраго
Мысли въ прелестныхъ стихахъ...
Памяти Пушкина, генія властнаго
Доброе двигать въ сердцахъ...
Памяти Пушкина, генія строгаго
Къ черни, чья сфера лишь тьма...
Памяти Пушкина, генія свѣтлаго
Свѣтомъ Небесъ и ума...
Памяти Пушкина, Барда могучаго
Съ лучшей струною любви...
Памяти Пушкина, здѣсь посвящаетъ ей
Мысли Полтавинъ свои..
Памяти Пушкина!

---

[1]) Мысли въ стихахъ Полтавина № 8. Памяти Пушкина. Вып Вильна, 1899.

М. Д. Языковъ [1]).

Памяти А. С. Пушкина.

(26 мая 1899 г.).

Миръ праху твоему!.. Въ великій этотъ день
Мнѣ не хотѣлось бы заученной хвалою,
Подборомъ громкихъ фразъ твою тревожить тѣнь,
Затѣмъ что бъ какъ-нибудь себя связать съ тобою.
Мнѣ ль восхвалять тебя?! Мнѣ ль разбирать, что далъ
Ты русскому уму и сердцу въ назиданье?!
Безсмертье генія не требуетъ похвалъ,
И въ силахъ ли обнять его мы очертанья?!
Но ты—учитель нашъ... Заложено тобой
Все зданье крѣпкое духовной жизни нашей,
И еслибъ мы не такъ носилися съ собой,
Все изъ тебя могли бъ мы черпать полной чашей...
Ужъ цѣлый вѣкъ прошелъ... Гордясь своимъ умомъ,
Чтó мы родной землѣ, для блага ея, дали?!..
Съ какою лирою, съ какимъ еще пѣвцомъ
Народнаго пѣвца призванье мы бъ связали?!
Нѣтъ, болѣе того... Священный твой завѣтъ
Исполнить мы могли ль?.. Твоей души видѣнья,
Крылатыхъ грезъ мечты, чрезъ столько долгихъ лѣтъ
Нашли ли, наконецъ, средь жизни исполненье?!
Одно свершилося... По манію царя,
Мы видимъ предъ собой народъ освобожденный,
Но надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взошла ль, какъ ты желалъ, прекрасная заря?!
Смѣнялися чредой бѣгущей поколѣнья,
Смѣнялися мечты... Бывали даже дни,
Когда твоимъ рѣчамъ внимали мы въ сомнѣньѣ...
Но... къ счастію, давно ужъ минули они...
Дай Богъ, чтобы въ дали грядущихъ поколѣній
Воспитывались умъ и чувства надъ тобой,
Чтобъ сердцу русскому святыней былъ твой геній,
И путеводною ты былъ ему звѣздой!...

---

[1]) „Рус. Вѣстникъ“, 1899, VI, 417—418.

Дай Богъ, чтобы, въ тебя увѣровавъ глубоко,
Погаснувшій огонь раздувъ па алтарѣ,—
Мы прянули къ мечтамъ «прекраснаго далека»
Во слѣдъ рѣчамъ твоимъ, на путь къ твоей «зарѣ»!...

Ольга Вестли[1]).

Давно ушелъ отъ насъ въ небесную обитель
Избранникъ музъ, поэтъ, великій человѣкъ,
Но геній дивный твой, безсмертный нашъ учитель,
Живетъ еще средь насъ и будетъ жить во-вѣкъ.
Нещадно смерть тебя сразила, и съ собой
Въ могилу раннюю унесъ ты цѣлый рой
Волшебныхъ чудныхъ словъ и свѣтлыхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній.
Навѣки ты замолкъ, и лиры сладкогласной
Оборваннымъ струнамъ не суждено звучать:
Но пѣснѣ Пушкина, плѣнительной, прекрасной,
Доколѣ Русь жива—всѣ будутъ ей внимать.
И вѣчно юныя, и вѣчно дорогія,
Мелодіи твои пройдутъ столѣтій даль,
И сердцемъ чувствовать въ нихъ будетъ вся Россія
И радости твои, и слезы и печаль.
Не славы ты искалъ и не похвалъ отъ свѣта,
Ты не для нихъ служилъ. Волшебный стихъ поэта,
Какъ Божій духъ виталъ надъ русскою землей,
Звуча, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой.
О, еслибы ты могъ хоть на одно мгновенье
Явиться къ намъ, какъ тѣнь изъ урны гробовой,
Принять земной поклонъ, восторги, умиленье
И насъ благословить безсмертною рукой!....

---

1) „Театръ и искусство“, 1899, № 2.

Н. Соколовъ [1]).

А. С. Пушкину.

Тобой, поэтъ, полна земля родная,
Въ ея любви ты славенъ и великъ,—
Уже давно отъ края и до края
Назвалъ тебя всякъ сущій въ ней языкъ;

Уже давно поетъ въ простомъ напѣвѣ
Твои слова надъ колыбелью мать,
Въ твоихъ стихахъ признанья милой дѣвѣ
Уже давно намъ сладко повторять;

Изъ рода въ родъ, въ сіяньи вѣчно новомъ,
Чаруя слухъ, идетъ твоя мечта,
Давно живетъ твоимъ волшебнымъ словомъ
И наша мысль, и наша красота.

Сквозь даль временъ смотрѣлъ ты зоркимъ окомъ,
Широкій міръ открылся предъ тобой,—
Но ты не сталъ чужихъ боговъ пророкомъ,
Ты къ правдѣ шелъ дорогой не чужой.

Какъ другъ и вождь, въ дни скорби и печали
Ты насъ училъ, какъ родину любить,—
Родной земли забытыя скрижали
Тобой, поэтъ, намъ стали говорить.

Тобой живутъ завѣтныя преданья,
Минувшихъ дней плѣнительные сны,
Ты разбудилъ въ быломъ очарованьи
Волшебный міръ далекой старины.

Въ глухой степи ты понялъ сонъ кургана,
Мугучихъ дѣдовъ думы разгадалъ,—
Звенятъ мечи, поетъ струна Баяна,
На синемъ морѣ плещетъ темный валъ...

Князь ласковый, князь-солнышко пируетъ
Тотъ пиръ честной, тѣ пѣсни—до зари,—

[1]) „Новое Время“, 1899, № 8345. 23 мая.

Но близокъ врагъ, княжна въ плѣну тоскуетъ,
И въ грозный бой идутъ богатыри.

То молодость, то дни весны и ласки,
Веселый май проходитъ надъ землей,
Волшебный міръ старинной русской сказки
Опять живетъ волшебной красотой.

Но дни пришли суровой русской были,—
Какъ ночи тѣнь, надъ родиной легли.
Тогда, поэтъ, съ тобой заговорили
Черезъ вѣка строители земли.

Ты понялъ ихъ. Тяжелый трудъ державный
Ты оцѣнилъ въ суровой ихъ борьбѣ
Чтобъ выковать народу жребій славный,
Не уступить измѣнчивой судьбѣ;

Великій Петръ держалъ рукой желѣзной
Въ дни мятежей державныя бразды, —
Въ борьбѣ съ враждой, слѣпой и безполезной,
Не опустилъ натянутой узды.

Ты въ немъ любилъ могучій русскій геній,
Великихъ думъ стремительный полетъ,
Ты видѣлъ въ немъ для новыхъ поколѣній
Родной зари торжественный восходъ.

Ты былъ въ твой вѣкъ, въ тѣ сумрачные годы,—
Печальная и смутная пора!—
Почти одинъ апостоломъ свободы,
Отъ новыхъ дней ждалъ славы и добра.

И день насталъ, судьбой опредѣленный!
То былъ твой день, зажглась твоя заря!
Сбылась мечта: «народа не угнетенный
И рабство, павшее по манію царя»...

Могучій гимнъ поетъ святая лира,
Въ ней все любовь, въ ней ненависти нѣтъ.
Она полна гармоніи и мира...
О, какъ легко любить тебя, поэтъ!

Задумчивый, младенчески-прекрасный,

Ты зла не зналъ, ты мести не служилъ,
Какъ свѣтлый духъ, ты видѣлъ мыслью ясной
Всю мощь добра, всю немощь темныхъ силъ.

То русскій духъ, то звуки намъ родные,
Родной земли разгаданный языкъ!
Ты будешь жить, пока живетъ Россія,
Въ ея любви и славенъ, и великъ...

Нашъ путь съ тобой! Съ тобой молчитъ тревога...
Въ тебѣ залогъ и славы и побѣдъ!
Вотъ—новый вѣкъ стучится у порога.—
— Благослови грядущій вѣкъ, поэтъ!

7-го мая 1899 г.

И. П. К.[1]).

Прошло сто лѣтъ со дня его рожденья!
Уже давно его межъ нами нѣтъ;
Но все еще кругомъ звучатъ его творенья,
И цѣпью русскою все властвуетъ поэтъ.
Какъ праотца народнаго искусства,
Въ созданьяхъ лучшихъ русской красоты
Мы слышимъ снова *пушкинскія* чувства,
Встрѣчаемъ вновь мы Пушкина черты.
Поэта—генія и думы стремленья
Въ душѣ пѣвца его родной страны
Еще теперь дрожатъ въ минуту вдохновенья,
Какъ резонансъ натянутой струны.
Онъ живъ, онъ живъ еще!.. Пускай года проходятъ!...
Въ огнѣ высокихъ чувствъ, въ стремленьи лучшихъ думъ,
Онъ въ насъ еще живетъ, онъ нами руководитъ,
Онъ—наше сердце, сила умъ!...
И, вѣрю я, пройдутъ со дня его рожденья
За этой сотнею другія сотни лѣтъ,—
Онъ будетъ жить въ сердцахъ и съ пыломъ увлеченья

---

[1]) „Журналъ Журналовъ и Энциклоп. Обозрѣніе", 1899, V, стр. 690.

За поколѣніемъ повторитъ поколѣнье
Ту пѣсню, что пѣвалъ безсмертный нашъ поэтъ.

* * *[1]).

26 мая 1799 г.—26 мая 1899 г.

Онъ памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа...

Свѣтлый праздникъ русской славы!
Въ этотъ день, назадъ сто лѣтъ,
Родился нашъ величавый,
Вдохновенный нашъ поэтъ.
Силу пѣсни сознавая,
Про себя онъ самъ сказалъ,
Что, отъ края и до края,
Славу онъ себѣ создалъ.
Онъ любилъ страну родную,
И народъ, и насъ, дѣтей,
И прославилъ Русь святую
Дивной пѣснею своей!...
«Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ!»
Слава великому Пушкину!
Слава поэту народному!
Слава! Слава! Слава!

П. Романовичъ [1])

Ко дню столѣтія рожденія А. С. Пушкина.

О Пушкинъ дивный, свѣтлый геній,
«Державы сѣверной Баянъ»,
Творецъ безсмертныхъ пѣснопѣній,
Поэзіи живой органъ!

---

1) Музыка прот. Буткевича. СПБ. 1899.
2) „Саратовскій Листокъ“, 1899, № 111.

Въ Москвѣ, на улицѣ, любимой
Царемъ Петромъ, родился ты,
Когда весна рукой незримой
Свои послѣдніе цвѣты
Бросала щедро, удаляясь
Въ Лету, чтобъ лѣту дать просторъ;
Твоимъ рожденьемъ восхищаясь,
Защебеталъ пернатыхъ хоръ,
И муза даръ свой драгоцѣнный
Въ твою вложила колыбель,—
Тотъ даръ волшебный, сокровенный,—
Пѣвца великаго свирѣль!..
Сто лѣтъ прошло съ того мгновенья...
Ты «рано смолкъ», нашъ соловей,
Но велико твое служенье
На пользу родины своей:
Въ свой вѣкъ жестокій ты народу
О чувствахъ добрыхъ возвѣщалъ,
Возславилъ правду и свободу
«И милость къ падшимъ призывалъ»;
Любви и истинѣ священной
Свои ты пѣсни посвящалъ,
И нашъ языкъ изъ тьмы презрѣнной
Вознесъ на вѣчный пьедесталъ.
Среди пѣвцовъ родной Россіи
Ты—нашъ кумиръ и корифей,
Ты—«поэтическій Мессія»,
Учитель, Жрецъ и Чародѣй!
Ты—«наша гордость, наша слава»,
Ты—наша общая любовь,
А потому нашъ домъ и право
Тебя почтить сегодня вновь...
Во имя Пушкина собравшись,
Дадимъ другъ другу мы обѣтъ,
Какъ братья милые обнявшись,
Исполнимъ генія завѣтъ:
Пойдемъ на бой со тьмой народной
И водворимъ въ народѣ свѣта,
Чего душою благородной
Желалъ такъ страстно нашъ поэтъ!

А. Дрожжинъ[1]).

Памяти А. С. Пушкина.

1799—1899.

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.
А. С. Пушкинъ.

Невольно мысль моя летитъ
На холмъ извѣстной всѣмъ могилы,
Гдѣ непробудно, крѣпко спитъ
Пѣвецъ Руслана и Людмилы,
Гдѣ такъ цвѣтетъ родимый край,
И гдѣ у гробового входа
Благоухаетъ теплый Май,
Цвѣтетъ безсмертная природа.

И этой ночью, въ тишинѣ,
Передъ могильными цвѣтами,
Его герои, мнилось мнѣ,
Слетѣлись длинными рядами,
Свистали въ рощѣ соловьи;
Въ объятьяхъ «моднаго тирана»,
Потупя внизъ глаза свои,
Стояла блѣдная Татьяна;

Онѣгинъ гордо, въ сторонѣ,
Стоялъ и сумрачный и блѣдный,
А позади ихъ, на конѣ,
Сидѣлъ безмолвно «всадникъ мѣдный».
Луна лила свой блѣдный свѣтъ,
Всплыла русалка надъ водою,
И у воды анахоретъ
Явился съ длинной бородою.

Въ глаза бросается мнѣ блескъ
Вельможъ великаго Салтана

---

1) „Петерб. Листокъ", 1899, № 142.

И въ тишинѣ былъ слышенъ плескъ
  Бахчисарайскаго фонтана.
Цыгане шумною толпой
  Изъ Бессарабіи явились,
И попъ съ работникомъ Балдой
  Передъ крестомъ остановились.

И пѣнью соловья внималъ,
  Печально, Ленскій улыбаясь,
Въ глубокой горести стоялъ
  Гусаръ, на саблю опираясь.
И раздавался лютней звонъ...
  Но нѣтъ желаннаго отвѣта,
Невозмутимъ спокойный сонъ
  Давно погибшаго поэта.

Но не пропалъ съ теченьемъ лѣтъ
  Той музы голосъ благотворный,
Которой памятникъ поэтъ
  Себѣ воздвигъ нерукотворный.
И будятъ въ сердцѣ нашемъ вновь
  Его безсмертныя творенья
  И божество, и вдохновенье, и любовь!
И жизнь, и слезы, и любовь!

А. С. Оссовскій [1]).

26 мая 1899 года.

Не разгулъ хмельного пира,
Не кровавыхъ тризна битвъ
Въ честь бездушнаго кумира—
Нынче праздникъ свѣтлый мира,
Звукъ сладкихъ и молитвъ.
  Не тріумфъ тельца златого,
  Обагреннаго въ крови

---

[1]) „С.-Петербургъ“, XX, 1899, стр. 242; „Казбекъ“, 1899, № 5—452; „Вѣд.“, 1899, № 135, 142.

И слезами облитого—
Торжество сегодня слова,
Праздникъ свѣта и любви.
Нынче Пушкина Россія
Память празднуетъ и чтитъ,
Нынче и края чужіе,
Гдѣ лишь чувства есть святыя,
Это имя облетитъ.
Пусть уста пѣвца закрыты.
Пѣсни чудныя его
Не замолки, не забыты,
Ими вскормлены, повиты
Наши думы глубоко.
Онъ не умеръ, вдохновенный
Не умолкъ пророка гласъ,
Не погасъ огонь священный,
И живетъ онъ, небвенный,
Въ сердцѣ каждаго изъ насъ.
Онъ безсмертенъ! Нетлетворный
Духъ его разлитъ вездѣ,
Лучезарный, благотворный—
Онъ воздвигъ нерукотворный
Вѣчный памятникъ себѣ!

К. Боженко [1]).

Памяти А. С. Путкина.

(Ко дню столѣтія со дня рожденія).

«Ты памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный;
Къ нему не зарастетъ народная тропа».
Къ нему, какъ и сейчасъ, дорогою просторной
И чрезъ вѣка придетъ восторженно толпа,
Придетъ и лучшій доръ пѣвцу, вѣнокъ лавровый,
Гордясь тобой, поэтъ, возложитъ на него
За то, что ты воспѣлъ такъ звучно вѣкъ суровый,

---

[1]) „Енисей“, 1899, № 61.

Народа быть, печаль и радости его;
За то, что пѣснею и звучной, и свободной
Ты все хорошое упорно защищалъ
И чувства лучшія будилъ въ толпѣ народной;
За то, что ложь, порокъ жестоко бичевалъ!
«Ты памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный»,
Къ нему, какъ и сейчасъ, усталый и больной
Придетъ чрезъ рядъ вѣкъ дорогою просторной
Коллега твой—поэтъ, измученный борьбой...
Придетъ, склонивъ главу, придетъ благоговѣя,
Дивясь стихамъ твоимъ, безсмертный нашъ поэтъ,
И риѳму въ нихъ найдетъ, свободную, какъ фея,
И образность, и стиль, и мысли яркій свѣтъ!
И вдохновенный вновь ихъ дивной красотою,
Ихъ юной свѣжестью,—воспрянетъ духомъ онъ,
И пѣснь его, дыша восторгъ и мольбою,
Вновь назоветъ того, кѣмъ былъ онъ вдохновленъ!...

О. Н. Чюмина [1].

Кантата.

Когда, поэтъ, настроивъ лиру,
Ты струнъ касался золотыхъ,—
Мечты твои являлись міру
Въ напѣвахъ ясныхъ и простыхъ.
Ты славилъ милость и свободу,
Побѣду истины и свѣтъ,
И этимъ русскому народу
Любезенъ будешь ты, поэтъ.

Какъ многоводная рѣка,
Свѣтла, чиста и глубока
Твоя поэзія родная;

[1]) „Новости“, 1899, № 94.

Печаль земли тебѣ близка,
Понятна радость неземная.

Въ лицѣ твоемъ вся Русь вѣнчаетъ нынѣ
Родной поэзіи творца;
Какъ твой пророкъ, томившійся въ пустынѣ,
И ты глаголомъ жегъ сердца.
Явись же ты народныхъ думъ владыкой
И да сольется все въ единодушный крикъ:
«Слухъ о тебѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ тебя всякъ сущій въ ней языкъ»!

В. Войновъ [1]).

Памяти А. С. Пушкина.

Когда ты выступилъ на славный путь пѣвца,
Въ ошибкахъ юности, въ порывахъ увлеченій
Едва проглядывалъ твой чудный свѣтлый геній:
Неясенъ обликъ былъ прекраснаго лица,
Но выше духъ твой мощный возносился
Надъ ложью мелочной, житейской суетой,
И дивныхъ силъ родникъ въ тебѣ открылся,
И хлынулъ онъ живительной волной.
Твоихъ стиховъ могучихъ, страстныхъ сила,
Исполненныхъ глубокой простоты,
Всѣ чувства лучшія въ сердцахъ людей будила
И въ міръ вела добра и красоты.
Но въ чудный мигъ прекраснаго расцвѣта
Душевныхъ силъ ты смолкнулъ навсегда.
Прощальныя слова пророка и поэта
Ты передъ смертью бросилъ намъ тогда,
И было въ тѣхъ словахъ святое убѣжденье,
Что для пѣвца—забвенья, смерти нѣтъ;
Что побѣдитъ вражду любовь и вдохновенье;

---

[1]) „Сѣверный Кавказъ", 1899, № 61—1460.

Разлонитъ тьму великой правды свѣтъ.
Такъ солнце ясное, вставая надъ полями,
Въ туманѣ чуть горитъ, но таетъ подъ тепломъ
Его лучей туманъ, и яркими лучами
Весь Божій міръ освѣтится потомъ,
А въ часъ торжественный прощальнаго заката
Послѣдній солнца лучъ намъ ясно говоритъ,
Что вновь настанетъ день, и снова въ морѣ злата
Взойдетъ свѣтило дня и землю озаритъ.

И. С. Кизевестръ[1].

26 мая.

Радость свѣтлую вливая
Въ наши русскія сердца,
Чтитъ Русь—матушка родная
Память мощнаго пѣвца:
По селамъ,
Городамъ,
Торжествуя здѣсь и тамъ,
Всей Россіи населенье
Славитъ Пушкина рожденье.
Отъ палатъ до бѣдной хаты
Поселенцевъ деревень
Всѣ одно мечтой объяты
Въ знаменательный сей день...
Старъ и малъ,
Кто читалъ
Иль о Пушкинѣ слыхалъ,
Словомъ теплаго привѣта
Вспомнитъ генія—поэта.
Пусть же радостью вѣнчая,
Обще-русскою душой,
Чтитъ Россія дорогая
Этотъ праздникъ вѣковой.

---

[1]) „Минскій Листокъ“, 1899, № 63.

Пусть живѣй,
Горячѣй
Бьется сердце у людей
Въ день рожденія поэта,
Незабвеннаго для свѣта.

В. И.[1]).

На мигъ

День пурпуръ царственный даетъ вершинѣ снѣжной
На мигъ: да возвѣститъ божественный восходъ!
На мигъ сзываетъ онъ изъ синевы безбрежной
Златистыхъ облаковъ вечерній хороводъ.
На мигъ раститъ зима цвѣтокъ снѣжинки нѣжной,
И зиждетъ радуга кристально-яркій сводъ,
И метеоръ браздитъ полнощный небосводъ,
И молній пламенникъ взгорается, мятежный...
И ты, поэтъ, на мигъ землѣ печальной данъ!
Но міру дольнему открылъ ты міръ священный;
Онъ свѣтитъ намъ, твоею славой осіянъ,—
О, Пушкинъ! струй живыхъ родникъ, запечатлѣнный
Эдема ангеломъ для чадъ юдоли странъ!
И плачемъ вѣчно мы въ тоскѣ неутоленной...

Lolo[2]).

Пушкинъ.

(Біографическій эскизъ).

... Съ бреговъ Италіи волшебной,
Изъ чудной дали голубой,
Гдѣ волнъ задумчивый прибой
Душѣ даритъ покой цѣлебный,

---

1) „Вѣстникъ Европы“, 1899, іюнь, стр. 771.
2) „Новости дня“, 1899, № 5745.

Прими, поэтъ, мой гимнъ хвалебный!..
Мои мечты опять съ тобой,
Съ твоею музой неразлучны...
Къ тебѣ спѣшитъ мой стихъ беззвучный
Благоговѣйною стопой...
Вновь на гранитныя ступени
Передъ тобой паду я ницъ.
Но рой напыщенныхъ страницъ
Не оскорбитъ священной тѣни...
Я принесу тебѣ цвѣты
Съ росою чистою, какъ слезы;
Въ ихъ лепесткахъ отъ горькой прозы
Таятся свѣтлыя мечты...
Къ чему восторги, междометья?..
Нѣтъ! Громкихъ одъ не стану пѣть я!
Ты слишкомъ дорогъ мнѣ! Одинъ
Ты былъ и спутникомъ, и другомъ
Моихъ безрадостныхъ годинъ.
Съ тобой дѣлился я досугомъ,
Къ тебѣ я шелъ съ тоской, недугомъ,
И только твой могучій стихъ
Сіялъ сквозь сумракъ дней моихъ!..

I.

Встаютъ далекія годины,
Встаютъ забытыя картины
Изъ мрака милой старины,
Твоимъ стихомъ озарены.
Гостепріимный и радушный
Дворянскій старый барскій домъ.
Хозяинъ щедрый, добродушный,
Дидро, Вольтера другъ послушный,
Безпечный, праздный geantill'homme,
Каламбуристъ, въ душѣ артистъ,
Эпикуреецъ-эгоистъ.
Хозяйка съ умной рѣчью плавной,
Властолюбивая жена,
Изъ ганнибальской стаи славной,
Съ душою пылкой, своенравной,

Причудъ и прихоти полна.
Ихъ сынъ, кудрявый арапченокъ,
Невзраченъ, мраченъ, молчаливъ.
Не любитъ сверстниковъ ребенокъ
И только нянюшкинъ архивъ—
Былины, сказки и преданья,
Народной мудрости созданья,
Міръ поэтическихъ красотъ —
Его волнуетъ и влечетъ.
Года летятъ,—и вотъ безслѣдно
Исчезла робость прежнихъ лѣтъ,
И шалость царствуетъ побѣдно.
Въ 12 лѣтъ ужъ онъ—поэтъ
И ставитъ собственную драму,
И увлекается игрой,
И, зло освистанный сестрой,
На драму пишетъ эпиграмму:
«Dis—moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifllé par le parterre?
Hélas c'est que le pauvre auteur.
L'escamota de Molière».
Увы! поэту не везло.
За поэтическую шалость
Надъ нимъ Шадѐль смѣялся зло,
Потомъ бранилъ тотчасъ Руссло [1]).
(Была чужда французу жалость
По той причинѣ, что зоилъ
Стихами самъ весьма грѣшилъ).

II.

Лицей... Плохіе педагоги,
Святая лѣнь, тѣнистый садъ,
Толстого [2]) пышные чертоги,
Гдѣ раздаются монологи

---

[1]) Шадель и Руссло—наставники Пушкина. „Воспоминанія А. Е влищева".

[2]) Графъ В. В. Толстой; въ его домашнемъ театрѣ играли к постныя актрисы, за которыми волочились лицеисты.

И звуки нѣжные руладъ
Дебелыхъ грацій и наядъ;
Свиданья съ дѣвой ночью лунной,
И первый лепетъ страсти юной;
Стихи въ альбомъ, посланья къ ней,—
Безпечный рай лицейскихъ дней.
Литературныя забавы,
Друзей веселый, тѣсный кругъ,
Дѣлившій съ Вакхомъ свой досугъ,
И первый лучъ грядущей славы...
Экзаменъ... Страхъ и торжество ..
И, близкій къ вѣчному покою,
Державинъ дряхлою рукою
Благословляющій того,
Кому сулило божество
Дать міру дивныя созданья,
Извѣдавъ слезы и страданья,
Пріявъ мучительный конецъ,
Надѣть безсмертія вѣнецъ.
Онъ счастливъ былъ «въ садахъ лицея».
Здѣсь муза первые шаги
Свершала вольно, не робѣя.
Предъ ней завистники враги
Еще сѣтей не разставляли,
И дни летѣли безъ печали,
Не омраченные тоской
И ядомъ подлости людской.
Здѣсь передъ нимъ еще въ туманѣ
Витаетъ рой картинъ и лицъ,
Которымъ въ будущемъ романѣ
Онъ посвящаетъ рядъ страницъ;
Здѣсь началъ пѣть онъ о Русланѣ,
И часто мѣткій, дерзкій стихъ
Разилъ наставниковъ лихихъ;
Здѣсь пилъ онъ жадными устами
Отраду свѣтлыхъ вешнихъ дней,
И, покидая свой лицей,
Разстался съ бурными мечтами
Безпечной юности своей.

III.

Сказавъ садамъ лицея: vale,
Родной деревнѣ былъ онъ радъ.
Но рѣчка, лѣсъ и старый садъ
Его на мигъ очаровали—
И надоѣли... Пылкій умъ
Стремился къ смѣнѣ впечатлѣній.
Его манили свѣтъ и шумъ,
И шаловливый юный геній
Безумныхъ жаждалъ наслажденій.
Искалъ побѣдъ у дѣвъ и женъ,
Былъ «малодушно погруженъ»
Въ забавы «суетнаго свѣта».
Смѣнивъ здоровый сельскій сонъ
На звонъ стакановъ до разсвѣта.
На культъ любви и женскихъ чаръ
И на вакхическій кошмаръ.
Но въ эти годы жизни бурной
Огонь священный не угасъ.
И мчался вѣтреный Пегасъ.
Даря сокровища отчизнѣ:
То фантастическій разсказъ,
То безпощадную сатиру,
Рой поэтическихъ проказъ,
То дань классическому міру
Съ толпой миѳическихъ богинь
И величавыхъ героинь.
Но вотъ за вспышку музы вольной
Онъ изъ столицы удаленъ...
Родной покинувъ небосклонъ,
На югъ спѣшитъ герой, довольный,
Что за идею страждетъ онъ...

IV.

Кавказа дивныя картины,
Хребты Бешту и Машука
И вѣчно снѣжныя вершины
И золотыя облака...
Онъ здѣсь обрѣлъ живую тему

Въ аулахъ горцевъ, въ ихъ быту.
Здѣсь набросалъ онъ на лету
Свою кавказскую поэму,
Воспѣлъ «младую дѣву горъ»,
Ея красу и жгучій взоръ...
Гурзуфъ, утесы Аю-Дага,
Немолчный плескъ сѣдой волны
Иной поэзіи полны.
И поэтическая сага
Уже рядитъ въ свою фату
Заремы грозную мечту,
Журчанье нѣжныхъ струй фонтана,
Суровый ликъ сѣдого хана
И плѣнной дѣвы красоту...
Но дни бѣгутъ, какъ струйки дыма...
Съ благоуханныхъ береговъ
Очаровательнаго Крыма
Въ «проклятый городъ Кишиневъ»
Влечетъ судьба неумолимо.
Здѣсь передъ нимъ пестрѣетъ смѣсь
«Племенъ, нарѣчій, состояній»;
Его года проходятъ здѣсь
Среди игры, вина, свиданій...
Отъ скуки ищетъ онъ забавъ
И проявляетъ буйны нравъ...
Но муза пылкая не дремлетъ;
Она, какъ вѣрный, вѣчный щитъ,
Его отъ пошлости хранитъ.
Онъ ей душею чуткой внемлетъ,
Творя въ пучинѣ суеты
Созданья дивной красоты...
Къ широкой степи страсть почуя,
Неудержимъ, какъ ураганъ,
Идетъ за таборомъ цыганъ,
«По Бессарабіи кочуя».
Среди степей, въ шатрѣ ночуя,
Чертитъ въ умѣ неясный планъ
Своихъ «Цыганъ»... Настроивъ лиру
На новый ладъ, поетъ Земфиру

Съ ея душою огневой,
Съ ея любовью роковой...
Поетъ величіе природы,
Картины жизни кочевой,
Сыновъ степей, дѣтей свободы,—
Поетъ въ изгнаніи своемъ,
И стихъ бѣжитъ живымъ ручьемъ...
Судьба, какъ прежде, съ нимъ сурова:
Одесса лучше Кишинева,
Въ ней все заманчиво и ново:
Рой веселящихся купцовъ,
Туристовъ, оперныхъ пѣвцовъ,
Красавицъ юга голубого...
Но отравляетъ Воронцовъ
Досугъ скитальца молодого
И въ глушь стеней поэта шлетъ
О саранчѣ писать отчетъ
Но Пушкинъ шуточнымъ докладомъ
Отвѣтилъ графу на приказъ
И разразился цѣлымъ градомъ
Злыхъ сатирическихъ проказъ.

V.

Пріѣздъ въ родительское лоно,
Красы родного небосклона
И жизнь въ семьѣ, въ тиши, въ глуши
Не убаюкали души...
Отецъ смотрѣлъ неблагосклонно
На вольнодумное дитя.
Боясь опалы не шутя,
Бранилъ его безцеремонно,
Язвилъ его словами, взглядомъ...
Родныя нѣдра стали адомъ,
И деревенская тюрьма
Чуть не свела его съ ума...
Но скоро кончилась опека [1]),

---

[1]) Въ ноябрѣ 1824 г. Сергѣй Львовичъ отказался отъ возложе на него обязанности наблюденія за сыномъ и уѣхалъ съ супругой Михайловскаго.

И вотъ въ Михайловскомъ, одинъ,
Онъ пишетъ рядъ живыхъ картинъ,
Изображаетъ сына вѣка,
Его привычки, модный сплинъ—
Недугъ байроновскихъ годинъ,—
Разочарованныя позы
Лѣнивца, баловня судьбы,
Не испытавшаго борьбы
И злыхъ тисковъ житейской прозы...
Съ душой, отзывчивой къ добру,
Мятежной, слишкомъ рано падшей,
Познавшей свѣтскую игру,
Уже на утрѣ дней увядшей;
И рядомъ съ нимъ—святой покой
Души безоблачной, безбурной,
Любовь съ неясною тоской,
Какъ первый лучъ зари пурпурной
Надъ тихо дремлющей рѣкой...
Пѣвецъ задумчивой Татьяны
Достигъ невиданныхъ высотъ,
И всѣ россійскіе романы
Съ фальшивой свѣтской мишурой
Казались кукольной игрой
И безобразною рутиной
Въ сравненьи съ яркою картиной
Могучей кисти... Русскій бытъ
Впервые не былъ позабытъ.
Никто вниманьемъ не обиженъ,
Ни свѣтскій левъ и сибаритъ,
Любимецъ Грацій и Харитъ,
Ни бѣдный сынъ крестьянскихъ хижинъ.
Читатель русскій въ первый разъ
Прочелъ простой. живой разсказъ,
Безъ громкихъ фразъ морали узкой,
Узналъ богатство рѣчи русской,
Увидѣлъ жизнь, живыхъ людей,
Безъ фантастическихъ страстей...

Мирясь съ тоскливымъ заточеньемъ,
Подъ шумъ осенняго дождя,
Мечтой въ преданіяхъ бродя,
Онъ слушалъ съ дѣтскимъ увлеченьемъ
Сказанья нянюшки сѣдой.
И риѳмы быстрою чредой
Спѣшили вслѣдъ волшебной сказкѣ,
И на ея канвѣ простой
Уже блистали красотой
Живые образы и краски...
Отъ свѣтской жизни удаленъ,
Съ перомъ въ рукахъ проводитъ онъ
И дни и ночи до разсвѣта,
И властно «требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ»...

VI.

Въ столицѣ тягостныя сцены...
Бурлитъ волна декабрьскихъ смутъ,
И въ мирный пушкинскій пріютъ
Попали брызги бурной пѣны,
И въ глушь донесся грозный гулъ
Вдали грохочущей картечи...
И о друзьяхъ поэтъ вздохнулъ:
«Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече»...
Но самъ движенью чуждъ онъ былъ:
Въ душѣ угасъ минувшій пылъ,
И улеглись былыя страсти...
Онъ обратился съ просьбой къ власти,
Чтобъ сняли съ узника запретъ...
И вотъ, избѣгнувъ злой напасти,
Въ Москву является поэтъ...
И радъ ему столичный свѣтъ,
И дамы рвутъ его на части.
Въ кругу писателей друзей,
Жрецовъ науки, мысли, слова
Онъ вслухъ читаетъ «Годунова»—
Вѣнецъ поэзіи своей.
Рой новыхъ думъ и ощущеній

Волнуетъ чуткія сердца,
И превозносятъ всѣ пѣвца
И видятъ всѣ, что это—геній,
Что это—яркая звѣзда,
Какой не видѣлъ никогда
Рой миновавшихъ поколѣній...
И раздается дружный крикъ:
Онъ геніаленъ, онъ великъ!
Но Бенкендорфъ былъ несогласенъ
Съ восторгомъ избранныхъ людей:
Въ его глазахъ поэтъ опасенъ,
Разсадникъ вѣтреныхъ идей,
Стиховъ безнравственныхъ и вредныхъ...
Жестокій бичъ поэтовъ бѣдныхъ,
Россійской музы не щадя
И видя въ Пушкинѣ вождя,
Его стегалъ съ особымъ рвеньемъ,
Съ какимъ-то злобнымъ вдохновеньемъ,
Не уставая ни на мигъ,
Покуда цѣли не достигъ.
Не загасилъ огня святого,
Онъ не сорвалъ съ главы вѣнца,—
Но отравлялъ покой пѣвца,
Подстерегалъ любое слово,
Маралъ и прозу и стихи
И мстилъ за прежніе грѣхи...

VII.

Конецъ коротенькимъ романамъ
И вспышкамъ страсти молодой,
Съ ея плѣнительнымъ туманомъ,
Съ ея падучею звѣздой...
Довольно! жизни стражъ сѣдой
Засеребрился въ черной чащѣ
Густыхъ голосъ... И чаще, чаще
Чело туманятъ облака,
И въ душу крадется тоска...
Поэтъ влюбленъ, и, пламенѣя
Любовью вѣчной и святой,

Объятъ завѣтною мечтой
О прочной цѣпи Гименея...
Два года ждетъ и, наконецъ,
Идетъ съ Наташей подъ вѣнецъ.
Во дни надеждъ, во дни мечтаній,
То близкихъ, то далекихъ вновь,
Когда росла его любовь—
Во дни волненій и скитаній,
И дрязгъ, и будничныхъ веригъ,
Не разставался ни на мигъ
Онъ съ вѣрной музой... Лавры, слава
Повсюду слѣдуютъ за нимъ;
Онъ и прославленъ, и любимъ,
И близокъ къ счастью... Но отрава
Уже лилась въ его бокалъ,
И врагъ-завистникъ не дремалъ.

Огонь свѣтильниковъ могучихъ
Противенъ дѣтямъ тьмы и зла,
И много терніевъ колючихъ
Въ любой вѣнокъ судьба вплела...
Вокругъ поэта зрѣетъ злоба;
Презрѣнныхъ тварей темный рой,
Увлекшись подлою игрой,
Готовъ травить его до гроба,
И въ гробъ спѣшитъ его толкнуть,
Вливая ядъ въ больную грудь...
Пѣвца побѣдные трофеи,
Жена въ сіяньи красоты
Имъ ненавистны... Клеветы
Уже ползутъ, ползутъ, какъ змѣя...
И вянутъ вещнія мечты
Среди зловѣщей темноты,
И не щадитъ ихъ злое жало...
Рука убійцъ не задрожала...
И тайну пѣсенъ, тайну грезъ
На вѣкъ поэтъ съ собой унесъ...
Давно твоя звѣзда упала,
Давно молчатъ твои уста,

Мертва безкрылая мечта...
Но плачутъ вновь у пьедестала
Добро, Любовь и Красота!...

Памяти Пушкина [1]).

Онъ памятникъ себѣ создалъ нерукотворный;
Высоко надъ землей ему всегда стоятъ
И даже въ пору бѣдъ, невзгоды, самой чорной,
Кощунственной рукѣ его никакъ не снять.

* * *

Гармонія стиховъ великаго поэта
И мысли глубина во вѣки не умрутъ,
И будетъ Русь всегда ихъ силою согрѣта,
Какъ ни былъ бы морозъ житейской прозы лютъ.

* * *

Погибнетъ этотъ міръ, угаснетъ жизнь земная;
На тысячи кусковъ разсыплется земля,
Давно отъ разныхъ золъ изсохшая, больная
Но будетъ духовъ міръ летать, *ему* внемля.

Кн. Н. Черкасскій [2]).

Къ столѣтію со дня рожденья Пушкина.

Сто лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ первопрестольной
Родился тотъ, кто славу создалъ намъ:
Онъ лиру въ руки взялъ, ударилъ по струнамъ,—
И пѣсня понеслась волной широкой, вольной!
Сперва узналъ ее Лицей, ему родной,
И пронеслась она по всѣмъ концамъ Россіи;
Склонили голову «народные витіи»,
Когда услышали, что пѣлось въ пѣснѣ той...
Съ тѣхъ поръ его звучитъ прославленная лира,
И раздается пѣснь, могуча и сильна;

---

1) „Петербург. Газ.", 1899, № 144.
2) СПБ., 1899. „Моск. Вѣд.", 1899, № 147.

Гордится пѣснью той родная сторона,
И восхищенныя ей внемлютъ страны міра!

* * * [1]).

О, Пушкинъ, нашъ учитель дивный!
Ты эру новую создалъ!
Сліянья духа съ звукомъ лиры
Ты тайну первый указалъ!
О, какъ волшебна твоя лира!
Огонь божественный въ ней скрытъ!...
Твой духъ царитъ въ подлунномъ мірѣ,
Безсмертный, славный нашъ піитъ!
Кто на Руси не отзовется
Почтить великій юбилей?
Чье сердце русское не бьется?...
Поэта вѣчный мавзолей,
Вѣнчанный славой лучезарной,
Кому не дорогъ, не любимъ?!
И кто, съ слезою благодарной,
Теперь не склонится предъ нимъ?!...
Сто лѣтъ прошло,—въ тебѣ, столица
Первопрестольная,—Москва,
Въ тотъ святый мигъ, когда денницей
Твоя украсилась глава,—
Въ тебѣ, Россіи градъ сердечный,
Зажегся чудный, дивный свѣтъ,
Всю Русь вѣнчавшій славой вѣчной.
Въ тебѣ родился твой поэтъ!
Забилось сердце здѣсь впервые
Того, кто родину любилъ,
Кто духа своего живыя
Ей силы свято посвятилъ...
«Москва... Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!...

---

[1]) „Волжско-Донской Вѣстникъ“. 1899, № 83.

Какъ много въ немъ отозвалось!..
Какъ часто, въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!»
«На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ онъ не хвалилъ
И силѣ, въ гордости спокойной,
Кадиломъ лести не кадилъ.
Свободу лишь умѣя славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Онъ сильныхъ не рожденъ забавить
Стыдливой Музою своей.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой,
И неподкупный голосъ твой
Былъ эхо русскаго народа.»
Кто цѣнитъ даръ святой искусства,
Кто русскій сердцемъ и душой,—
Тотъ съ неподдѣльнымъ, свѣтлымъ чувствомъ
Главу преклонитъ предъ тобой,
Пѣвецъ добра, художникъ славы,
Поэтъ великій—гражданинъ!...
Въ предѣлахъ жребія земного
Ты, величавый властелинъ—
Нашъ русскій Гёте, нашъ Шекспиръ!

В. Корзюковъ[1].

Памяти Пушкина.

(1799—1899).

Ко дню 26-го мая.

Нѣтъ, весь я не умру, душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ.
И славенъ буду я...

Онъ зналъ, что не умретъ... Онъ вѣрилъ въ жизнь иную,—
Въ души безсмертіе онъ вѣрилъ—и вложилъ

---

[1] „Гродней. губ. вѣд.“, 1899, № 74, 25 мая.

Всю душу чистую въ поэзію святую,
Въ мечты, которыми онъ жилъ.
Свой даръ, великій даръ священнаго искусства,
Онъ ставилъ выше благъ житейской суеты...
Зато какой огонь восторженнаго чувства
Вдругъ озарялъ его черты,
Когда онъ вызывалъ изъ мрака и забвенья
Вельможъ, правителей, Руси богатырей—
И оживлялъ ихъ всѣхъ въ порывѣ вдохновенья
Волшебной лирою своей...
Тогда въ восторгѣ онъ гармоньей упивался
И міръ нашъ суетный на время покидалъ,
На каждый звукъ святой, какъ эхо, откликался,
И вѣрилъ въ жизни идеалъ,
И чистая любовь, какъ свѣтлое видѣнье,
Спѣшила озарить поэта вдохновенье...
Онъ зналъ, что не умретъ и смерти не боялся
И съ поднятымъ челомъ вступилъ за правду въ бой...
Что смерть безмертному? Онъ ей въ лицо смѣялся,
И палъ, какъ доблестный герой!
Но мнѣ не жалко васъ, страны родной свѣтила,
Когда вы сходите въ объятія земли,
И ваша темная, но славная могила
Закроется затѣмъ, чтобъ лавры зацвѣли...
Не васъ, счастливцы, жаль: вы много совершили
Для счастья, для добра, для истины святой,
Которой вы всю жизнь такъ доблестно служили
Свободной, гордою, но чуткою душой...
Вамъ силъ таинственныхъ давалась Богомъ чаша,
И эти силы вы, какъ даръ, несли для насъ...
И вотъ не стало ихъ, и жизнь прервалась ваша,
Но жизнь великая... Не жаль, не жаль мнѣ васъ!...
Жалѣю лишь того, кто съ жизнью скучной, бѣдной
Прощается навѣкъ, не сдѣлавъ ничего,
Кто путь ея прошелъ невѣдомый, безслѣдный
И умеръ, какъ и жилъ, не зная, для чего.
Надъ этими людьми суровая могила
Произнесла печальный приговоръ

И вѣчную печать забвенья наложила;
Ихъ весь удѣлъ—слеза, туманящая взоръ...
А вы, поэзіи народной корифеи,
Безсмертны будете и въ сумракѣ гробовъ;
Идеи истины, великія идеи
Воздвигнутъ памятникъ для будущихъ вѣковъ.
Вы славны будете своей поэзіею чудной,
Вамъ будутъ гимны пѣть, васъ будутъ равно чтить
Въ дворцахъ и въ хижинахъ Россіи многолюдной,—
И будете всегда въ сердцахъ людей вы жить,
И будетъ славить васъ съ печалью тайной лира;
Та слава пролетитъ и сушу, и моря,
Дойдетъ и къ вамъ она—въ предѣлъ иного міра,—
И въ радужныхъ лучахъ, какъ райская заря,
Она васъ обольетъ сіяньемъ золотистымъ
И обовьетъ чело вѣнцамъ своимъ лучистымъ.

А. Т.[1]).

Стихотвореніе, написанное къ аповозу, устроенному «Тифлисскимъ артистическимъ обществомъ» въ память А С. Пушкина.

Ты «памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный»,
И веся не умеръ ты, великій нашъ поэтъ!
Живыхъ ты создалъ лицо: и вотъ толпой покорной
Они несутъ тебѣ привѣтъ!
Взгляни же съ высоты, какъ мощная Россія
Привѣтствуетъ тебя, прославленный Баянъ:
Склонилась предъ тобой и гетманъ, и Марія,
Краса—Людмила и Русланъ;
Несутъ тебѣ вѣнки Алеко и Земфира;
И Лжедимитрій здѣсь съ Мариной, и Гирей;
Здѣсь всѣ, кого твоя намъ завѣщала лира,
Всѣ нынѣ чтятъ твой юбилей.
Вотъ женскій идеалъ—Татьяна, вотъ Евгеній;
Въ ихъ образахъ ты живъ, великій ихъ творецъ!

---

[1]) „Тифлисскій Листокъ“, 1899, № 120.

И надъ тобой паритъ безсмертный славы геній,
И блещетъ вѣчности вѣнецъ!
Примижъ, о Пушкинъ, въ даръ цвѣты и пѣснопѣнья,
И память о тебѣ да озаритъ Кавказъ.
Какъ лучъ поэзіи, какъ пламя вдохновенья,—
И служитъ свѣточемъ для насъ!

С. Пласкинъ [1]).

26 мая 1899 г.

Въ столѣтье русскаго, великаго поэта,
Читавшаго въ сердцахъ и въ мысляхъ у людей,
Открывшаго скрижали вѣщаго завѣта,—
Что могутъ высказать поэты нашихъ дней?
Что голосъ ручейка, что тихій плескъ фонтана,
Когда вдругъ зашумитъ побѣдно шумный валъ,
Дарующій землѣ, изъ бездны океана,
И жемчугъ дорогой, и перлы, и кораллъ?!
Прошелъ великій валъ по почвѣ всенародной,
Разсыпавъ щедро намъ духовные дары,
И мысли генія, и пѣснь любви свободной,
И «чувства добрыя» нашли мы съ той поры!
Не умеръ нашъ поэтъ!.. Лучомъ тепла и свѣта
Вознесся духъ его въ обитель Божества,
И каждая душа, святымъ огнемъ согрѣта,
Пойметъ, что Пушкина поэзія—жива!

П. Второвъ [2]).

26-го мая 1899 г.

(Памяти А. С. Пушкина).

Великій учитель, пѣвецъ—чародѣй
И гордость и слава полнощнаго края!

---

[1]) „Одесскій Листокъ“, 1899, № 134.
[2]) „Костромской Листокъ“, 1899, № 58.

Встрѣчаетъ сегодня отчизна родная
Торжественно день годовщины твоей.
По всей святорусской великой землѣ,
Прославленной лирой твоей благородной,
И въ пышной столицѣ, и въ бѣдномъ селѣ,
И въ храмахъ науки, и въ школѣ народной—
Народъ твою память священную чтитъ,
Достойной наградой твой геній вѣнчая,
И имя твое неумолчно гремитъ,
По родинѣ нашей отъ края до края!...

Н. Наслѣдовъ [1].

26 мая 1899 года.

(Къ столѣтнему юбилею дня рожденія А. С. Пушкина).

Сбылось пророчество: промчалось много лѣтъ
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ погибъ, сраженный злобой дикой,
Но «слухъ о немъ прошелъ по всей Руси великой»,
И живъ онъ въ памяти народной, какъ поэтъ.
Еще пройдутъ года чредой, судьбѣ покорной,
Забудетъ многое безпечная толпа,
Но проченъ памятникъ его нерукотворный,
И никогда, какъ онъ предрекъ, травою сорной
«Къ нему не зарастетъ народная тропа»!

М. К—съ [2].

А. С. Пушкину.

Земли родной великій, дивный геній,
Безсмертный нашъ художникъ и поэтъ,
Живой родникъ священныхъ вдохновеній,
Прими отъ насъ сердечный нашъ привѣтъ!

---

1) „Кіевлянинъ“, 1899, № 144.
2) „Крымскій Вѣстникъ“, 1899, № 135.

Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ужъ надъ нами
Въ лицѣ твоемъ прекрасная звѣзда
Волшебными все залила лучами,
И тѣмъ лучамъ не гаснуть никогда!
И чудные, божественные звуки,
Что извлекли изъ лиры золотой
Твой, пѣвецъ, магическія руки,
Не смолкнутъ въ—вѣкъ, учитель дорогой!
И долго въ насъ все будешь пробуждать ты
Лишь чувства добрыя своимъ перомъ,
И долго духъ намъ будешь восхищать ты
И восторгать чарующимъ стихомъ!
И намъ въ твоей торжественный часъ славы,
Питомцамъ всѣмъ признательнымъ твоимъ,
Позволь, передъ тобой склонивши главы,
Чело твое покрыть вѣнкомъ своимъ.

Бѣляева [1].

Какъ [2]) зловѣщій рокъ надъ бѣдною тобой,
О, родина моя, безсмѣнно тяготѣетъ!
И даръ божественный излиться не успѣетъ,
Какъ гаснетъ полный силъ и блеска свѣточъ твой!
Скучая и томясь, не долго съ нами жилъ
Угрюмый Лермонтовъ, скиталецъ одинокій;
Никитина сломилъ удѣлъ его жестокій,
И Надсона унесъ недугъ въ расцвѣтѣ силъ.
Вдали отъ родины и въ пору лучшихъ дней,
Палъ жертвою вражды великій Грибоѣдовъ,
И не расцвѣвъ, отцвѣлъ, всю горечь зла извѣдавъ,
Измученный Кольцовъ, пѣвецъ родныхъ степей!
Теперь передъ тобой, родная сторона,
Встаетъ такая же печальная картина:
Ты вспоминаешь здѣсь возлюбленнаго сына,

---

[1]) „Крымскій Вѣстникъ“, 1899, № 136.
[2]) Какой?

Избранника небесъ, пѣвца и исполина,
Мучительной тоской и горестью полна!
Безсмертный Пушкинъ нашъ, нашъ геній, наша слава,
Великій, дорогой, народный нашъ поэтъ!
И ты, ставъ жертвою безсмысленной забавы,
Погибъ, осмѣянный врагомъ, въ борьбѣ кровавой,
Погибъ безвременно въ расцвѣтѣ лучшихъ лѣтъ!
И мнится, въ этотъ часъ печальной русской тризны,
Теперь, когда весь міръ тебя глубоко чтитъ,
Съ холста твой чудный взоръ, исполненъ укоризны,
На насъ, дѣтей тобой возлюбленной отчизны
Съ безмолвною тоской и горечью глядитъ.
И проситъ онъ у насъ суроваго отвѣта
За жизнь безвременно погибшую твою:
Зачѣмъ среди заботъ и суетности свѣта
Не сберегли тебя—народнаго поэта,—
Тебя, любившаго такъ родину свою?
Тебя, создавшаго намъ образы Татьяны,
Бориса мрачнаго и мощнаго Петра,
Съ любовью пѣвшаго Людмилу и Руслана,
Тебя—безсмертнаго великаго баяна
Народныхъ русскихъ думъ и правды, и добра!
Но грозный часъ пробилъ. Средь жизненнаго пира
Нежданно ты умолкъ, пѣвецъ земли родной...
И чуждая заботъ и суетности міра
Замолкла навсегда божественная лира
Подъ вдохновенною рукой.
Суровой послана судьбой
Безжалостная смерть такъ много ожиданій,
Лелѣянныхъ надеждъ, горячихъ упованій
Навѣки унесла съ собой!...
Но весь ты не умрешь, великій нашъ пѣвецъ;
Твоей поэзіи чарующіе звуки,
Въ которыхъ ты воспѣлъ и радости и муки,
Сплели тебѣ давно безсмертія вѣнецъ.
Восторженный порывъ и юныя мечты
Всегда зажжетъ въ душѣ поэзія святая,
И пѣснью вѣщею надъ міромъ пролетая,
Невольно оторветъ отъ пошлой суеты.

З. Куровская[1]).

Родному поэту.

Ты съ нами жилъ... И, слухъ чаруя,
Лилась пѣснь дивная твоя.
Восторгомъ сладкимъ грудь волнуя,
Вселяла правду въ насъ она.
Ты воспѣвалъ красы природы,
Кавказа горы, моря даль,
Ты пѣлъ о волѣ, о свободѣ,
Но въ пѣсняхъ слышалась печаль.
Ты пѣлъ, непонятый толпою,
Ты дерзкій ропотъ презиралъ.
Поэта чуткою душою
Намъ идеалы создавалъ.
Ты словамъ истины высокой
Толпу злой черни поучалъ.
Ты пѣлъ... И свѣтомъ правды строгой
Ты сердце черни озарялъ.
Могучей силой голосъ полный
Толпы волненье усмирялъ,
И звукъ высокій пѣсни вольной
Дорогу къ правдѣ указалъ.
Прониклась святостью искусства
Пѣрца свободная душа.
Согрѣта теплымъ свѣтомъ чувства.
Волшебной пѣснь твоя была.
Любилъ отчизну ты глубоко,
Дней счастья ей всегда желалъ...
Свое призваніе высоко
Родной поэтъ нашъ постигалъ.
«Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ —
Ты былъ рожденъ для вдохновенья.
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ».

---

1) [illegible] 1900.

Б. П. Потѣхинъ [1]).

Памяти А. С. Пушкина

(26 мая 1899 года).

Россія празднуетъ сто лѣтъ
Со дня рожденія поэта,
Какихъ въ ней не было, и нѣтъ,
И врядъ ли будетъ многи лѣта.
Онъ лирой вѣщею своей
Будилъ къ добру сердца людей.
И до него баяновъ рядъ
Слылъ на Руси въ былые годы,
Пѣлъ много гимновъ и балладъ,
Слагалъ торжественныя оды,
И музы сѣверной земли
Вѣнки изъ лавровъ имъ плели.
Но вотъ явился въ ней пѣвецъ
И прежнихъ всѣхъ затмилъ собою:
Палитра, лира и рѣзецъ
Сдружились подъ его рукою;
Образность, звучность, красота--
Все вмѣстѣ стало не мечта.
Казалось, онъ не сочинялъ,
А думалъ говорилъ стихами,
Казалось, лирой не бряцалъ,
А струны лиры пѣли сами,
И звонъ волшебной лиры той
Разнесся по странѣ родной.
И всѣ услышали тотъ звонъ,
Тѣ вдохновляющіе звуки,—
И, какъ бальзамъ чудесный, онъ
Цѣлилъ сердца отъ ранъ и муки,
И оживлалъ, и возвышалъ,
И для любви ихъ раскрывалъ.
И говорилъ пѣвецъ себѣ:

---

[1]) „Памяти А. С. Пушкина". Стихотворенія. СПБ. 1899. Стр. 3—6. „Моск. Вѣд.", 1899, № 146.

Живи одинъ, иди свободно,
Куда твой умъ велитъ тебѣ,
Служа искусству благородно,
Врачуя бтижнихъ отъ скорбей,—
Не жди награды отъ людей!
И онъ согласно съ этимъ жилъ,
Служа искусству для искусства.
И словомъ творческимъ будилъ
Въ народѣ нравственныя чувства,
И не щадилъ онъ для того
Силъ дарованья своего.
Разнообразія полны
Напѣвы лиры вдохновенной:
Легенды, были старины,
Картины жизни современной,
Любви и правды идеалъ
Онъ въ пѣсняхъ намъ живописалъ.
Чего, чего въ тѣхъ пѣсняхъ нѣтъ!
Былины, сказки и преданья
Давно минувшихъ дѣлъ и лѣтъ;
Романы, повѣсти; страданья,
Сомнѣнья, думы и любовь,—
И все волнуетъ умъ и кровь.
И много, много онъ творилъ,
Хотя и жилъ онъ такъ немного
И въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и силъ
Разстался съ жизненной дорогой:
Явились горе и вражда,
Пѣвца сгубили навсегда.
Нашъ Пушкинъ бреннымъ прахомъ сталъ...
Умолкъ звонъ лиры вдохновенной,
Что такъ торжественно звучалъ
Въ Руси для всѣхъ концовъ вселенной...
Пѣвецъ угасъ, и скорбь о немъ
Ввѣкъ не умретъ въ краю родномъ.
Онъ міру возвѣстилъ всему,
Что памятникъ нерукотворный
Воздвигъ себѣ, что путь къ нему
Не зарастетъ и будетъ торный;

Пѣвецъ въ потомствѣ не умретъ,
И будетъ чтить его народъ.
Сбылося все, и нашъ поэтъ,
Въ своихъ твореньяхъ вѣчно новый,
Жить будетъ много, много лѣтъ,
Стяжавъ себѣ вѣнецъ лавровый,
Стяжавъ народныя хвалы,
Неуязвимый для хулы.
И знаменательный сей день,
День юбилея вѣкового,
Пусть вдохновитъ поэта тѣнь
Сердца потомства дорогого,
Да дастъ намъ новаго пѣвца,
Дабы глаголомъ жегъ сердца!...
Русь! благодарная душой
Поэту за его созданья,
За подвигъ для страны родной,
За всѣ тревоги и страданья,
Въ свой жребій вѣруя, гряди:
Твое призванье впереди!

П. Б. Потѣхинъ [1]).

А. С. Пушкинъ въ духовно-нравственномъ отношеніи.

Чудеснымъ даромъ пѣснопѣнья
По волѣ Бога надѣленъ,
Свой долгъ въ предѣлахъ разумѣнья
Передъ людьми исполнилъ онъ.
Среди безчисленныхъ твореній
Его могучаго пера
Онъ чуждъ неправды, лжеученій
И полонъ вѣры и добра.
Порой, влекомый вдохновеньемъ,
Молитвы онъ перелагалъ,
И самъ усердно, съ умиленьемъ

[1]) „Памяти А. С. Пушкина". Стих. СПБ. 1899. Стр. 7—9.

Онъ Слово Божіе читалъ;
Онъ признавалъ необходимымъ
Для православнаго душой
Имѣть занятіемъ любимымъ
Бесѣду съ Книгою Святой.
Въ распространеніи средь дикихъ,
Сосѣднихъ съ Грузіей племенъ
Христовой Истины великихъ
Плодовъ залоги видѣлъ онъ.
Какъ православной церкви сыномъ
Послушнымъ, преданнымъ онъ былъ,
Такъ былъ достойнымъ гражданиномъ,
Свое отечество любилъ;
Желалъ развитія, свободы
Для гражданъ родины своей,
Чтобы славянскіе народы
Въ дни бѣдъ опору зрѣли въ ней.
Онъ вѣрноподданнымъ примѣрнымъ
Являлъ себя всю жизнь свою,
Слугой царя прямымъ и вѣрнымъ,
Горя любовію къ царю.
Дѣтей любилъ онъ беззавѣтно,
Для нихъ такъ много написалъ
И въ добрыхъ чувствахъ незамѣтно
Рядъ поколѣній воспиталъ.
Необычайно благотворно
Служенье русскаго пѣвца;
Его вліяніе безспорно
Въ Руси на юныя сердца.
Онъ—гордость наша, наша слава,
Онъ—честный русскій гражданинъ,
И пѣснь его такъ величава,
Полна и чувства и картинъ.
Ей старъ и младъ съ восторгомъ внемлетъ;
Она, врачуя отъ скорбей,
Живитъ и нравственно подъемлетъ
Сердца и помыслы людей.
И, благодарно вспоминая
Того, кто жизнь ей посвятилъ,

Добра и славы ей желая,
Служа ей, сколько было силъ,
Вся Русь въ столѣтіе рожденья
Его, народнаго пѣвца,
Возноситъ теплыя моленья
Къ престолу Вышняго Творца.

П. Б. Потѣхинъ [1]).

А. С. Пушкинъ для русскихъ дѣтей.

Было время золотое
На Руси родной, святой:
Пушкинъ—имя дорогое—
Пѣлъ такъ звучно той порой.
Подъ перомъ его игривымъ
Много сказокъ родилось,
Много пѣсенъ съ прихотливымъ,
Легкимъ слогомъ раздалось.
«Прибѣжали въ избу дѣти»—
Кто не знаетъ изъ дѣтей?
Съ юныхъ губокъ строчки эти
Такъ и льются, какъ ручей.
«Мчатся тучи, вьются тучи»—
Такъ и хочется читать:
Эти строки такъ пѣвучи;
Ихъ легко запоминать.
«Буря мглою небо кроетъ»...
Жутко сдѣлается вдругъ;
Такъ и кажется, что воетъ,
Стонетъ, плачетъ вихрь вокругъ.
«Сквозь волнистые туманы»...
Такъ и грезится зима:
Льда и снѣга океаны...
Въ душу льется пѣснь сама.
«Птичка Божія не знаетъ»—

---

[1]) „Памяти А. С. Пушкина". СПБ, 1899, стр. 10—14.

Что за чудныя словца!
Какъ то радостно бываетъ,
Какъ прочтешь ихъ до конца...
«Надъ Невою рѣзво вьются»...
Царь пируетъ широко...
Звуки радостные льются
Въ сердце русскихъ глубоко...
«У лукоморья дубъ зеленый»...
Какая прелесть въ сказкѣ сей!...
Не котъ мурлычетъ здѣсь ученый:
Поетъ роскошно соловей...
«Гонимы вешними лучами»—
Здѣсь такъ и грезится весна,
Съ ея ручьями и лугами,
Вся гама птичьяго полна!
«Зима! крестьянинъ, торжествуя»...
Родною вѣетъ стороной...
И старъ, и младъ, въ душѣ ликуя,
Довольны дружною зимой...
«Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ»—
Какая правда дышитъ здѣсь!...
И сколько чувства, мыслей умныхъ!...
Поэтъ здѣсь высказался весь...
«Горитъ востокъ зарею новой»—
Какая сила, мощь въ словахъ!
Весь бой, жестокій и суровый,
Такъ и мерещится въ очахъ...
«Пока не требуетъ поэта»—
Тутъ сознается самъ поэтъ,
Что безъ любви, добра и свѣта
И для него отрады нѣтъ.
«Поэтъ на лирѣ вдохновенной»—
Что за гармонія въ стихахъ!
Отъ суеты житейской, бренной
Поэтъ уносится въ псалмахъ...
Уподобленіе поэта—
«Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ»—
Какая прелесть пѣсня эта!
Вѣрна съ природою во всемъ...

А вотъ рожденіе пророка—
«Духовной жаждою томимъ»:
Здѣсь вѣстникъ правды, безъ порока,
Съ вдохновеніемъ святымъ...
«Еще одно послѣднее сказанье»...
Любовью, миромъ дышитъ старца рѣчь..
Былыхъ временъ и дѣлъ повѣствованье
Пѣвецъ сумѣлъ въ изящный слогъ облечь.
«Поэтъ, не дорожи любовію народной!»
Святая правда дышитъ съ устъ пѣвца:
Лишь пѣснью смѣлой, гордой, мощной и свободной
Къ добру и свѣту можно пробуждать сердца...
«Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный»...
Сознанія своихъ заслугъ исполненъ весь,
Призывамъ вдохновенія всегда покорный,
Пѣвецъ самъ о себѣ пророчествуетъ здѣсь.
«О чемъ шумите вы, народные витіи?...»
Отечествомъ гордясь, отечество любя,
Здѣсь гражданинъ—поэтъ клеветникамъ Россіи
Шлетъ вызовъ доблестный отъ имени ея.
«Отцы—пустынники и жены непорочны»...
Здѣсь вѣры истинной, надежды столь благой,
Любви живой родникъ неистощимый, мощный
Бьетъ чистой, жизненной, живительной струей.

Вотъ немногіе примѣры
Пѣсенъ русскаго пѣвца ..
Православной полонъ вѣры,
Онъ царя чтилъ, какъ отца.
Онъ къ отечеству святому
Весь любовію пылалъ
И потомству дорогому
Благоденствія желалъ.
И потомство не забудетъ
Имя Пушкина во вѣкъ,
Помнить съ гордостію будетъ,
Что онъ—русскій человѣкъ.
Пѣсни дивныя поэта
Будетъ съ дѣтства изучать,
Для любви, добра и свѣта

Силы въ нихъ воспринимать.
Праздникъ русскій—день рожденья
Незабвеннаго пѣвца—
Средь восторга, умиленья
Встрѣтятъ русскія сердца!

Д. Шестаковъ [1]).

26 мая 1899 г.

Съ тихой и свѣтлой душой твои пробѣгаю страницы:
Это—безбрежная даль,—родины милой поля,
Это—горячая кровь безбрежно широкаго сердца,
Это—свѣжо и легко міръ облетѣвшая мысль.
Только великой странѣ дается великій художникъ,
Лишь океанъ красоты перломъ безцѣннымъ даритъ.

Н. П. Сперанскій [2]).

Гимнъ А. С. Пушкину.

Любимъ всей Русью нашъ поэтъ.
За красоту его твореній,
Нашъ богатырь, народный геній,
Добра и правды лившій свѣтъ
Въ минуты дивныхъ вдохновеній...
Пусть славу струнами поетъ
Ему баянъ по бѣлу свѣту,
Доколѣ милая поэту
Царевой славой Русь живетъ!...

---

[1]) „Литер. прилож. къ Торгово-Промышл. Газетѣ", 1899, № 11. Стих., СПБ., 1900, стр. 51.

[2]) На память о празднованіи столѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина въ С.-Петербургскомъ 3-мъ Реальномъ Училищѣ, СПБ., 1899, стр. 5. Съ музыкой Е. Иванова—Смоленскаго, СПБ., 1899.

Л. Н. Леонтьева [1]).

26 мая 1799—1899 гг.

Родился онъ въ пору весны расцвѣта,
Когда звучитъ ужъ пѣсня соловья,
Когда летитъ на близкій праздникъ лѣта
Пѣвцовъ крылатыхъ дружная семья.
И вмѣстѣ съ той весенней вереницей
Явился онъ назадъ тому сто лѣтъ.
Какъ высоко взвился онъ вольной птицей,
Какъ онъ запѣлъ, возлюбленный поэтъ!
Пора весны, природы возрожденья,
Была для насъ порою золотой.
Намъ памятенъ тотъ праздникъ Вознесенья [2]):
Онъ не умретъ въ поэзіи родной.
И каждый разъ, когда весна, слетая,
Вновь поспѣшитъ полуночный нашъ край,
Вспомянемъ мы, съ любовью называя,
Кого намъ далъ волшебный мѣсяцъ май.

А. А. Венкстернъ [2]).

Памяти Пушкина.

Прошло сто лѣтъ съ его рожденья,
Но онъ не умеръ, онъ живетъ!
Надъ нимъ не властенъ мракъ забвенья,
Безсиленъ времена полетъ.
Въ своемъ величьѣ одинокомъ
Парилъ надъ міромъ Божьимъ онъ
И проникалъ орлинымъ окомъ
И глубь сердецъ, и въ мглу временъ.

---

1) „Пушкинскій вечеръ въ женской профес. школѣ С. П. фонъ-Дервизъ“, СПБ., 1899, стр. 13—14.

2) Пушкинъ, какъ извѣстно, родился въ праздникъ Вознесенья. *Прим. автора.*

3) „Русскій Вѣстникъ“, 1889, VI, 410.

Была ему открыта книга
Людскихъ желаній, думъ, страстей;
Его глаголъ сердца людей
Разилъ, какъ мечъ архистратига.
Предъ нимъ съ минувшаго вѣка
Приподымали покрывало;
Забвенья мутная рѣка
Послушно течь переставала,
И разгонялъ столѣтій тьму,
Все оживляя, взоръ поэта,
И музы всѣхъ народовъ свѣта
Свои дары несли ему.
Посланецъ неба лучезарный,
Родной поэзіи отецъ!
Тебѣ хвала, тебѣ вѣнецъ!
И отъ отчизны благодарной,
Отъ той, кого прославилъ ты,
Безмертье будетъ скромной платой
Тебѣ, пѣвецъ, тебѣ, глашатай
Свободы, правды, красоты!

А. Ѳедоровъ-Давыдовъ[1].

Дождевая туча.

(Памяти Пушкина).

Зной стоитъ,—жизнь кругомъ замираетъ,
Словно камень сухая земля,
И болота, ручьи высыхаютъ,
Всходы пышные, травы—сгораютъ,
Тяжело и взглянуть на поля.
Только станетъ ненастье сбираться,
Облака дождевыя пойдутъ,—
Вѣтры знойные съ воемъ примчатся,—
Любо буйнымъ по свѣту метаться,—
И съ собой облака унесутъ...

---

1) „Родникъ“, 1899, V, стр. 482.

Но разъ туча, гремя и сверкая,
Пронеслась изъ-за синихъ морей;
Пала первая капля живая,—
И луга и поля, оживая,
Воскрешаютъ надежду людей.
Туча плакала, слезъ не жалѣя,
И всю силу, всю мощь отдала...
И, досадой тогда пламенѣя,
Вѣтры буйные справились съ нею,—
Дать отпоръ имъ она не могла...
И съ небесъ ее вѣтры смахнули
И прогнали въ полунощный край...
Но земли отошла, отдохнула,
Влага жизнь въ нее снова вдохнула,
Люди молятъ:» Дастъ Богъ урожай!»...

П. Искра [1]).

А. С. Пушкину.

Тебѣ, чей геній благородный
Намъ путь великій указалъ,
Кто окрылилъ нашъ духъ народный
И сердце наше разгадалъ,
Тебѣ и слава, и хвала!
Тебѣ, чье слово вдохновенья
Звучитъ и блещетъ, какъ металлъ,
Чья рѣчь, какъ Неба откровенье,
Создала вѣчный идеалъ,
Тебѣ и слава, и хвала!
Тебѣ, высокой правды чтитель,
Носитель чистой красоты,
Народа русскаго учитель,
Сплели мы лавры и цвѣты,
Тебѣ и слава, и хвала!
И увѣнчаемъ мы цвѣтами

) Одесса, 1899.

Чело любимаго пѣвца,
Того, кто жилъ недолго съ нами,
Но будетъ съ нами безъ конца!
Тебѣ и слава, и хвала!

А. Паскаль [1]).

На 26 мая 1899 года.

Поэтъ народа, правды и любви,
Поэтъ Россіи и вселенной,
Ты живъ! Ты въ насъ: во плоти крови,
Ты ожилъ вновь, ты весь нетлѣнный!
Всѣ чувства, мысли, думы и мечты,
Сомнѣнья, скорби и желанья,
Все, чѣмъ народъ жилъ,—сердцемъ понялъ ты
И сталъ душой самосознанья.
Ты видѣлъ, сколько непритворныхъ слезъ
И слезъ безпомощныхъ стекало,
Когда пѣвца роскошныхъ, чудныхъ грезъ,
Пѣвца Россіи вдругъ не стало.
Жестокъ и золъ былъ для тебя твой свѣтъ,
Вливая въ душу ядъ смятенья;
Но ты давно, давно простилъ поэтъ,
Все то, что стоитъ лишь забвенья.
Задумчиво глядятъ твои глаза
И съ тихой лаской, съ умиленьемъ,
И падаетъ народная слеза
Предъ вѣчнымъ, незабвеннымъ геньемъ.
Въ даль темную грядущихъ лѣтъ проникъ
Ты сердцемъ и душой піита,
И памятникъ ты этотъ самъ воздвигъ
Изъ чувствъ живыхъ, прогнѣй гранита.
Народная тропа не зарастетъ
Къ подножью генія Россіи:
Твой крѣпкій памятникъ переживетъ

[illegible] 1899.

Всѣ вихри бурь и всѣ стихіи.
Пока земля, стряхнувъ туманъ ночной,
Царившій надъ ея лѣсами,
Пѣть будетъ утру гимнъ веселый свой
Подъ солнца свѣтлыми лучами,
До тѣхъ поръ будешь живъ, великъ, могучъ,
Въ одни вихрей, бурь и въ дни ненастья
Придетъ къ намъ мысль твоя, какъ чудный лучъ,
Неся отраду, миръ и счастье.
За то, что ты глаголомъ правды жегъ
Сердца людей, и, самъ страдая,
Съ любовью вѣчною въ гробъ тихо легъ,
Прощенье падшимъ призывая;
За то, что лирой вѣщею своей
И мощной силой вдохновенья
Ты пробуждалъ, пророкъ, въ сердцахъ людей
Благія, чистыя стремленья;
За то и гордый, храбрый внукъ славянъ,
И финнъ, и другъ степи глубокой
Калмыкъ, суровый сынъ сибирскихъ странъ —
Не дикій ужъ тунгузъ далекій,
Казакъ, грузинъ, черкесъ, забывшій брань, —
Мы всѣ сегодня предъ тобою
Посильную тебѣ приносимъ дань
И преклоняемся душою;
Съ благоговѣньемъ на тебя глядимъ
И будто ласки ждемъ отвѣтной,
И передъ дивнымъ обликомъ твоимъ
Мы плачемъ, плачемъ беззавѣтно...
И видимъ мы: зардѣлася заря,
И вотъ идетъ она съ востока:
Міръ внемлетъ слову русскаго Царя,
Какъ зову мощнаго пророка:
«Да будетъ миръ! Вамъ, матери семей,
Уже не плакать объ утратѣ
Мужей, отцовъ и милыхъ сыновей
На трудовыхъ лѣтъ вашихъ скатѣ.
Всѣмъ миръ! «И этотъ чудный, мощный зовъ
Всегда твоя любила лира...

Но никогда ей не проснуться вновь,
Не воспѣвать златого мира!

Петровъ—Іевлевъ [1]).

У памятника Пушкину.

I.

Народомъ въ памяти хранимый,
Такимъ былъ славный нашъ поэтъ.
Кто по себѣ неизгладимый
Въ родной странѣ оставилъ слѣдъ.
Онъ, какъ поборникъ просвѣщенья,
Путемъ прекраснаго насъ велъ,
Упорно, смѣло, безъ смущенья,
Какъ ни былъ путь его тяжелъ.
Въ его духовномъ обаяньи
Мы возвышали разумъ свой,—
И вотъ онъ нынѣ въ изваяньи
Предсталъ предъ нами, какъ живой.
Смотрите, все давно знакомо:
Его изысканный нарядъ
Въ дни жизни лучшіе, внѣ дома,
Какъ старожилы говорятъ;
Его волосъ античныхъ пряди;
Его задумчивость, коль онъ,
Съ людскими взглядами въ разладѣ,
Порой былъ грустью удрученъ;
Его манера даже эта —
Въ тѣни аллеи шляпу снять,
Когда въ саду во время лѣта
Любилъ онъ въ ясный день гулять...
Онъ намъ неспѣлъ своихъ всѣхъ пѣсенъ
И смолкъ, покинувъ жизни пиръ,
Какъ будто грѣшенъ или тѣсенъ
Былъ для него прекрасный міръ;
Благихъ намѣреній, желаній
Всѣхъ не успѣлъ осуществить,

---

[1]) Москва, 1899.

А сколько было начинаній,
Идей, надеждъ счастливо жить...

II.

«Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Онъ безмятежно расцвѣталъ»
И, дальнихъ мыслей не имѣя,
О жизни весело мечталъ,
Къ нему уже являлись музы
Затѣмъ, чтобъ на вѣкъ заключить
Съ нимъ, юнымъ, дружескія узы
И тайнамъ сердца научить.
Ужъ и тогда его напѣвы
Подслушивать любили дѣвы,
И стихъ его у невскихъ водъ
Блисталъ обиліемъ красотъ.
Не даромъ же пѣвецъ Фелицы,
Услыша звукъ его цѣвницы,
Его, какъ самъ онъ заявилъ,
На трудный путь благословилъ.
Тогда еще не зналъ онъ свѣта,
А золъ людскихъ не могъ понять
И съ добродушіемъ поэта
Готовъ былъ каждаго обнять;
Тогда Онѣгинъ, прозябая,
Съ Татьяной не былъ и знакомъ,
А про фонтанъ Бахчисарая
Мы не слыхали, каюсь въ томъ;
Тогда, какъ понятъ наши львицы,
Графъ Нулинъ, русскій нашъ герой,
Не пріѣзжалъ изъ-за границы,
А дѣлалъ тамъ лишь фракъ второй;
Тогда гвардейскимъ офицерамъ
Не приходило и на умъ
Кухарки подражать манерамъ
И надѣвать ея костюмъ.

III.

Съ тѣхъ поръ дней много миновало;
Русь обновленною глядитъ;

Его эпоха въ Лету пала,
Но онъ отчизной не забытъ:
Онъ «памятникъ нерукотворный»
Себѣ созиждилъ, какъ поэтъ,
И умъ поэта плодотворный
Признали всѣ, сомнѣнья нѣтъ;
Онъ угадалъ, что пѣснопѣнья
Его, какъ истины, пройдутъ
Изъ поколѣній въ поколѣнья
И не исчезнутъ, не умрутъ.
Не станетъ насъ, вѣка продлятся,
Но умъ его въ дѣлахъ людскихъ
Не перестанетъ отражаться,
Какъ солнца блескъ въ волнахъ морскихъ.
Онъ жилъ для будущаго вѣка
И лишь для блага человѣка
«И мыслить, и страдать» хотѣлъ—
Таковъ великихъ душъ удѣлъ!

IV.

Онъ русской рѣчи стиль античный,
Языкъ богъ, создать умѣлъ,
И ни одинъ зоилъ столичный
Съ нимъ спорить духа не имѣлъ.
Онъ доказалъ, что рѣчь родная
Легка, игрива и гибка,
И, пѣснями напоминая
Народу прелесть языка,
Онъ пѣлъ въ былые дни такъ чудно
Про нѣжность сердца, про любовь!
Казалось, было такъ нетрудно
Ему создать что-либо вновь!
Его безсмертныя творенья
Такъ много сердцу говорятъ,
Такъ вѣрны въ нихъ изображенья
Всего, чѣмъ міръ души богатъ...
Какъ будто въ лучшія мгновенья
Подслушалъ онъ давно у насъ
Души и сердца всѣ движенья

И помѣстилъ ихъ въ свой разсказъ.
Одно письмо его Татьяны
Иль рѣчь ея намъ иногда,
О, какъ тревожитъ сердца раны,
Какъ правдою ея суда
Волнуютъ насъ, напоминая
Тѣ дни потеряннаго рая,
Когда любили нѣжно насъ,
А мы любили въ первый разъ!
Мы вспоминаемъ въ тѣ мгновенья
И наши прежнія мечты,
И чьи то дружбы выраженья,
И чьи то милыя черты;
И долго, точно въ сновидѣньи,
Когда прочтемъ его разсказъ,
Рисуется въ воображеньи
Давно минувшее у насъ.
Посредствомъ вымысла, искусства,
Какъ мыслитель и сердцевѣдъ,
Такъ возбуждать умѣетъ чувства
Одинъ лишь истинный поэтъ!

V.

За все онъ былъ достоинъ славы,
Какъ геніальный нашъ поэтъ:
Осмѣивалъ ли наши нравы,
Изображалъ ли высшій свѣтъ,
Слагалъ ли сказки для народа,
Романъ ли нѣжный создавалъ,
Въ сказаньяхъ ли иного рода
Картины жизни рисовалъ.
Въ «поэзіи живой и ясной»
Онъ совмѣщать легко умѣлъ,
Какъ жрецъ искусства полновластный,
Въ различныхъ формахъ, какъ хотѣлъ,
И мысль, и точность выраженій,
И рѣчи легкость, простоту,
И мѣткость, искренность сужденій,
И эту сердца теплоту.

Среди трудовъ иль въ часъ досуга,
Раскроемъ лишь его разсказъ,
Его стихомъ, какъ рѣчью друга,
Мы увлекаемся подчасъ,
И, полные очарованья,
Его читаемъ въ сотый разъ.
Такъ много смысла, обаянья
Въ его поэзіи для насъ!

VI.

Какъ бардъ, любя родную сагу
Съ ея почтенной сѣдиной,
Онъ пѣлъ про доблесть и отвагу
Богатырей земли родной.
И въ пѣсняхъ новыхъ, въ звукахъ стройныхъ,
Пѣвца великаго достойныхъ,
Повѣдалъ намъ, чтобъ жизнь земной
Была для насъ, какъ путь далекій,
«Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.»
Онъ, какъ волшебникъ, воскресилъ
Въ своихъ поэмахъ знаменитыхъ
Героевъ, міромъ позабытыхъ,
И снова жить ихъ пригласилъ.
Онъ пѣлъ, вѣнчая славой дѣлъ,
О славныхъ подвигахъ Петра,
О томъ, какъ онъ, разбивши шведовъ,
При кликахъ арміи «ура»,
Въ честь побѣдителя благодушно
Заздравный кубокъ пилъ до дна.—
Какъ генію его послушна
За честь стояла съ нимъ страна.
Лишь не воспѣтъ былъ Петръ, какъ геній,
Въ борьбѣ съ врагами, въ дни войны,
Для нескончаемыхъ преданій,
Царь шелъ—путемъ заботъ, труда,
Чтобъ жизнь была тепла, отрадна:
Когда пировалъ онъ бесѣдно
Въ тѣ исполинскіе дни

Враговъ, кто бъ ни были они,
Сыны ль любимые отчизны,
Крамольники ль родной семьи,—
Всѣхъ, не боясь укоризны,
Каралъ онъ страшно въ дни свои.
И не успѣлъ воспѣть для міра
Поэтъ всѣхъ подвиговъ Петра;
Онъ ждалъ иного жизни пира:
Свободы, правды и добра.

VII.

Во дни поэта Русь печальна,
Безсодержательна была,
Умъ былъ въ оковахъ, мысль банальна,
Жизнь развиваться не могла.
Но не былъ онъ прельщенъ средою,
И въ жизни, полной всякихъ золъ,
Онъ шелъ туда, въ борьбѣ съ нуждою,
Куда его лишь разумъ велъ.
Онъ полонъ былъ негодованья
Въ тѣ дни, позорные для насъ,
Когда неволи и страданья
Слеза народная слилась.
Какъ гражданинъ, какъ другъ народа,
Онъ цѣпи рабства осуждалъ;
Онъ прелести такого рода
Позоромъ родины считалъ.
Онъ терпѣливо ждалъ свободы,
Чтобъ благомъ жизнь была полнѣй,
И пѣлъ въ свои младые годы
О радостяхъ грядущихъ дней...
Тотъ голосъ сердца благородный
Услышанъ былъ толпой народной,
И радостно взглянули вдаль
Рабы, забывъ свою печаль.
Такъ въ свѣтлый праздникъ, въ часъ полночи,
Услыша колокола звонъ,
Мы радостно глядимъ всѣмъ въ очи,
Забывъ заботы дня и сонъ.

Во всемъ, что̀ создано поэтомъ
И что приноситъ вѣчный плодъ.
Какъ прежде, пѣсней вдохновенной
Онъ насъ чаруетъ, веселитъ
И мысли силой сокровенной
Идти къ прекрасному велитъ,
Какъ лучшій другъ, какъ добрый геній,
Чтобъ прелестью благихъ стремленій
Мы услаждали жизни путь
И значили хоть что-нибудь.

Н. А. Гренъ [1].

А. С. Пушкину.

Привѣтъ тебѣ, мой лучезарный геній,
За чисто русскую красу твоихъ стиховъ,
За чудный даръ высокихъ вдохновеній
За прелесть свѣтлыхъ грёзъ и вѣчно юныхъ сновъ!

* * *

Средь пошлости людской и лицемѣрья,
Послушный волѣ вѣчнаго Творца,
Страдаю я душою во дни безвѣрья,
Какъ будто этимъ днямъ не предстоитъ конца!..

* * *

Но духъ, мой слабый духъ, при мысли о тебѣ,
Великій гражданинъ, пѣвецъ святой отчизны,
Смѣлѣй стремится въ даль... Свободный укоризны,
Я жизнь свою отдамъ страданью и борьбѣ!..

Памяти Пушкина [2].

Россія нынѣ память чтитъ
Того, чьей лиры вдохновенной

---

1) „Курьеръ", 1899, № 143 и отд., М., 1899
2) „Южанинъ", 1899, № 114.

Ни шумъ толпы непосвященной,
Ни рядъ вѣковъ не заглушитъ;
Кто памятникъ себѣ воздвигъ
Своей поэзіей народной;
Кто каждый часъ и каждый мигъ
Лишь жилъ мечтою благородной;
Кто утѣшенье находилъ
Въ созвучьи сладостномъ молитвы
И міръ волшебныхъ грезъ любилъ
Взамѣнъ житейской лжи и битвы;
Кто не хотѣлъ такъ умирать
Среди житейскихъ треволненій,
Хотѣлъ и мыслить и страдать,
И жаждать свѣтлыхъ наслажденій!..
Ужъ цѣлый вѣкъ умчался въ Лету,
Но мы полны до этихъ дней
Благоговѣніемъ къ поэту,
Пѣвцу возвышенныхъ идей.
Еще когда въ садахъ Лицея
Онъ безмятежно расцвѣталъ,
Мечты прекрасныя лелѣя,
Онъ всѣмъ уже прекрасенъ сталъ.
Онъ лирою своей святою
Блаженство въ души наши внесъ
И пѣснью пламенной, живою
Вѣкамъ и царствамъ дань принесъ.
Въ своей поэзіи глубокой
Онъ въ дивный образъ облекалъ
Преданья старины глубокой
И намъ въ стихахъ передавалъ.
Онъ славу воспѣвалъ Руси,
Олега вѣщаго походы,
Когда покорность принесли
Ему балконскіе народы.
Баянъ нашъ вѣщій, вдохновенный,
Онъ пѣсни дивныя слагалъ
Тому, чей геній незабвенный
Россію съ Западомъ сравнялъ;
Кѣмъ при Полтавѣ въ битвѣ славной

Былъ врагъ отважный побѣжденъ,
По мысли чьей самодержавной
Петровскій градъ былъ заложенъ.
Россіи славой вдохновенный,
Онъ прославлялъ тѣ времена,
Когда нашъ Царь Благословенный
Сразилъ враждебныхъ племена.
Онъ пѣлъ Россіи мощь и славу,
Громя ея клеветниковъ,
Пѣлъ нашу грозную державу
И преданность ея сыновъ.
Но не однимъ дѣламъ народнымъ
Свои онъ думы посвящалъ,
Онъ сердцемъ чуткимъ, благороднымъ
Природы прелестямъ внималъ.
Любилъ онъ мчаться въ ночь глухую,
Равнину рѣжа снѣговую,
И отдаваться всей душой
Ямщицкой пѣснѣ удалой...
И у огня порой ночной
Творецъ Онѣгина и Тани
Внималъ фантазіи простой
Своей любимой старой няни;
А послѣ сказки няни милой
Онъ въ дивный образъ облекалъ.
И чудодѣйственною силой
Всегда разсказъ его дышалъ...
Ему былъ дорогъ сѣверъ хладный,
Онъ поэтической душой
Сливался пѣснію отрадной
Съ его суровой красотой...
И юга вѣтеръ жгучій, страстный
Мечты поэта вдохновлялъ,
Подъ небомъ Грузіи прекрасной
Онъ пѣсни дивныя слагалъ,
И въ таборъ дикихъ проникалъ,
Любилъ ихъ вольность и забавы,
И жизнь цыганъ—дѣтей дубравы
Въ своихъ песняхъ воспѣвалъ...

Его творенья неаабвенны
Не только русскому душой,
Но и для всѣхъ они безцѣнны
Своей гармоніей живой.
Въ его поэзіи народной
Плѣняютъ мощь и высота
Души поэта благородной
И мыслей дивныхъ простота.
Своею чуткою душою
Онъ проникалъ всю глубь сердецъ
И создалъ лирою святою
На вѣкъ незыблемый вѣнецъ...
Его заслугъ мы не забудемъ,
Его завѣты сохранимъ,
И прославлять поэта будемъ,
Благоговѣя передъ нимъ!...

В. Дмитріевъ (В. А. Полочанинъ)[1].

Пророкъ.

(Памяти Пушкина).

Въ крови, каменьями побитъ,
Ушелъ я въ мрачную пустыню,
Моляся Богу—да смиритъ
Моихъ гонителей гордыню,
Да обратитъ на малыхъ сихъ
Глаза съ великою любовью,
Чтобъ облились сердца у нихъ
Стыда живительною кровью,
И, павши ницъ предъ Богомъ силъ,
Понявъ весь ужасъ тьмы паденья,
Они избытокъ новыхъ силъ
Нашли въ молитвѣ возрожденья...
Страдалъ я долго, головой
Припавъ къ землѣ—Творца подножью,

---

1) „Южанинъ", 1899, № 114.

И сжалился онъ надо мной,
И я уснулъ по слову Божью...
Я долго спалъ... Прошли года,
Прошли десяти лѣтъ... Однажды
Съ небесъ раздался голосъ дважды:
«Воестань!...» Я всталъ не безъ труда:
Легли глубокія морщины
По кожѣ темнаго лица,
Волосъ желтѣющихъ сѣдины
Образовали родъ вѣнца;
Станъ, стройный нѣкогда, дугою
Осѣлъ; едва я могъ ступить,
Качая дряхлой головою,
Но все жъ пустился въ дальній путь.
И вотъ у города, гдѣ прежде
Меня встрѣчала злость одна,
Остановился я въ надеждѣ,
Что измѣниться жизнь должна.
По шумнымъ улицамъ куда то
Впередъ, куда всѣ люди шли,
Пошелъ я я. Кругомъ богато
Вставали флаги изъ земли.
Въ коврахъ узорчатыхъ перила,
Цвѣты въ петлицахъ у мужчинъ,
Наряды дамъ, какъ рядъ картинъ—
О днѣ счастливомъ говорили.
Къ обширной площади толпа
Текла; среди нея стояла
Фигура въ дымкѣ покрывала
Надъ дивнымъ мраморомъ стола.
Священный хоръ творилъ служенье
Вблизи нея... Но вотъ вокругъ
Все стихло... Странное волненье
Тогда почувствовалъ я вдругъ.
Раздался громъ рукоплесканій
И рекъ толпы, и видѣлъ я—
Упали съ памятника ткани.
Онъ заблестѣлъ подъ солнцемъ дня.
Тогда увидѣлъ я—о, Боже!—

Себя увидѣлъ я: кумиръ
Толпы глядѣлъ на Божій міръ,—
То былъ мой образъ, но моложе.
Теперь родной народъ зажегъ
Ему огонь любви и славы;
Стоялъ, какъ чудный полубогъ,
Онъ—вождь умовъ родной державы.
А я скорбѣлъ: зачѣмъ теперь,
А не тогда случилось это,
Зачѣмъ сто лѣтъ отъ двери свѣта
Отодвигала мрака дверь!

Памяти А. С. Пушкина [1])

Мы память празднуемъ твою,
Мастистый, славный нашъ поэтъ!
Прошло не мало долгихъ лѣтъ,
Какъ въ честномъ рыцарскомъ бою
Сложилъ ты голову свою...
Съ тѣхъ поръ родная сторона
Успѣла много пережить,
Именъ, талантовъ позабыть,
Но о тебѣ, поэтъ, она
Все свѣжей памятью полна.

В. К—ская [1]).

Памяти Пушкина.

Дарами чудными святого вдохновенья,
Мелодіей стиха, чарующаго пѣнья
Ты надъ родной землей, какъ солнце, возсіялъ
И лирой звучною безсмертіе стяжалъ...
Въ сокровищахъ твоихъ возвышенныхъ твореній

---

[1]) „Оренбургская Газета“, 1899, № 658.
[2]) „Югъ“, 1899, № 351.

Неизсякаемый источникъ красоты...
За перлы яркіе могучихъ пѣснопѣній
Вѣнокъ грядущаго грядущихъ поколѣній
Неувядаемымъ вѣнкомъ увѣнчанъ ты!...
Поэзіи титанъ, чьи образы живые
Переживутъ вѣка неизбѣжной красой,
Чьи пѣсни какъ звучатъ, какъ гимны неземные,—
Мы свято будемъ чтить безсмертный геній твой!

Г. А. Теодоровичъ [1].

на могилу

А. С. Пушкина.

Поэтъ великій! Въ дни былые,
Когда дремало все кругомъ,
Ты волновалъ сердца людскія
Своимъ божественнымъ стихомъ.

Ты вольность предпочелъ народу,
Скорбѣлъ о родной душой
И за россійскую свободу
Не разъ вступалъ въ горячій бой.

Ты чуткимъ сердцемъ отзывался
На все, что честно и умно,
И всюду зорко стремился
Любви и истины зерно.

Или порывомъ горячимъ
Добра и честнаго пути
Ты не вождь дружно чистой
Призвалъ вождямъ вмѣсто.

Но какъ страдалъ ты, сознавая,
Что за тобой летитъ стрѣлой
Врагомъ коварнымъ стоя,
Запрятанный кинжалъ.

---

1) „Заветъ", [illegible] 1896, № [illegible]

Сраженъ ты былъ рукой холодной
И рано въ гробъ съ собой унесъ
Волшебныхъ пѣсенъ даръ свободный
И перлы вдохновенныхъ грезъ.

Простилъ врагамъ ты, умирая,
Все зло, что въ жизни испыталъ:
Не даромъ, путь земной свершая,
Ты милость къ падшимъ призывалъ!

Но насъ гнетутъ твои страданья,
Твоихъ враговъ холодный смѣхъ,
И мы слезами покаянья
Смываемъ дѣдовъ тяжкій грѣхъ.

Г. А. Теодоровичъ [1].

Памяти А. С. Пушкина.

Мы были молоды. Предъ нами
Мелькалъ въ туманѣ жизни путь,
И согрѣвалась наша грудь
Вольнолибивыми мечтами,
Горячей жаждою добра.
Бывало, наши разговоры,
Веселый смѣхъ, живые споры
Не прекращались до утра.
Глубоко вѣря въ силу чувства,
Вдали отъ пошлости людской,
Мы жили пламенной душой
Въ созданьяхъ чистаго искусства.
Всѣхъ больше Пушкинъ насъ плѣнялъ
Талантомъ мощнымъ и свободнымъ;
Своимъ глаголомъ благороднымъ
Мечты онъ наши окрылялъ.
Училъ онъ насъ любить и вѣрить,
За правду жертвовать собой,

---

[1]) „Витеб. Вѣд“, 1899, № 118.

Не льстить толпѣ, не лицемѣрить
И жизнь отдать странѣ родной.

Шли годы быстрой чередою...
Жизнь охлаждала въ насъ мечты;
Морозъ губилъ вокругъ цвѣты,
И стали мы старѣть душою.
Но и на склонѣ нашихъ лѣтъ,
Когда полны мы сожалѣній,
Волнуетъ намъ сердца поэтъ
Плодами чистыхъ вдохновеній,
Уноситъ въ міръ волшебныхъ грезъ,
Гдѣ нѣтъ обмана, жгучихъ слезъ,
Гдѣ вольно дышитъ грудь больная
Гдѣ не безплоденъ честный трудъ,
Гдѣ, вѣчной красотой сіяя,
Созданья генія живутъ!

А. Грунинъ [1]).

1799—1899

26-ое Мая.

Памяти Пушкина.

Въ глухую ночь, когда кругомъ
Уснуло все глубокимъ сномъ,
И мракъ и тишь весь міръ объемлетъ,—
Чему-то слухъ тревожно внемлетъ,
Чего то ищетъ взглядъ вдали
Надъ мракомъ сумрачной земли.
И, кажется, что ночь и тучи
Сейчасъ развѣетъ свѣтъ могучій,
И пѣсня звонко прозвучитъ
Надъ очарованной землею;—
Но тишь кругомъ, все мирно спитъ
Объято полуночной мглою.

---

[1]) „Волынь“, 1899, № 24 (прилож.).

Лишь съ яркимъ солнечнымъ лучомъ
Все просыпается кругомъ,
И ночь уходитъ въ даль блѣднѣя,
А солнце ярче и теплѣе
Горитъ и будитъ всѣхъ кругомъ
Объятыхъ сномъ, тяжелымъ сномъ....

* * *

И ты, пѣвецъ, съ могучей силой,
Какъ яркимъ солнцемъ, мракъ унылый
Въ глухую полночь озарилъ
И мирно спящихъ пробудилъ;—
Ты озарилъ горячимъ свѣтомъ
Тяжелый сумракъ, какъ зарей,
За это Русь теперь съ привѣтомъ
Склонится ницъ передъ тобой!

Р. Пащковская[1].

Промчался вѣкъ... Въ хаосъ минувшихъ дней
Сокрылся сонмъ безчисленный людей;
Погибла сила, разумъ, красота,—
Забвенью всѣхъ ихъ предала земля.

Но есть одинъ, кого пространство лѣтъ
Рукой тлетворною коснуться не посмѣло,
Чью память чтить священный есть завѣтъ,
Кому любовь принадлежитъ всецѣло.

Кто живъ въ сердцахъ огромнаго народа,
Кто дорогъ юношѣ и дряхлой старинѣ,
Чье имя пролетитъ изъ рода къ роду
И въ бѣдной хижинѣ, и въ блещущемъ дворцѣ.

Волшебной музыкой стиховъ своихъ безсмертныхъ
Онъ упоилъ нашъ слухъ, возвысилъ намъ сердца;

---

[1]) „Витеб. Вѣд.“, 1899, № 118.

Живымъ глаголомъ пробудилъ онъ въ душахъ смертныхъ
Желанія красоты и правды, и добра.

Восторженныхъ сердецъ почетъ и поклоненье
Ему готовится въ цѣпи грядущихъ лѣтъ;
Потомки, какъ и мы, воскликнутъ въ восхищеньи:
«Хвала тебѣ, великій нашъ поэтъ!».

Н. Лашкевичъ [1]).

Въ день столѣтней годовщины рожденія Пушкина.

Пѣвцу минувшихъ поколѣній
Потомковъ память и привѣтъ,
Не нужно пышныхъ восхваленій
Тебѣ, народный нашъ поэтъ,
Чьи пѣсни сладостно звучали,
Весь міръ лаская и любя
И, даже, памятникъ едва-ли
Не будетъ лишнимъ для тебя;
Ты самъ, волшебными стихами
Давно воздвигъ себѣ другой,
И онъ вознесся надъ вѣками
Нерукотворной красотой.

М. Кенигсбергъ [2]).

Памяти Пушкина.

Нѣтъ! весь я не умру....

Пушкинъ.

Не умеръ ты, поэтъ! Въ красѣ твоихъ твореній,
Въ священномъ пламени твоихъ высокихъ думъ,
Въ гармоніи живой глубокихъ вдохновеній

---

1) „Волынь“, 1899, № 24 (прилож.).
2) „Волынь“, 1899, № 24, (прилож.).

Живетъ твой мощный духъ, твой величавый умъ!
Ты живъ, поэтъ, съ героемъ царственнымъ Полтавы,
Съ старушкой—нянею, подружкою твоей,
Съ монахомъ—Пименомъ, смиренно величавымъ, –
Въ блестящей красотѣ «Египетскихъ ночей»....
Ты живъ, поэтъ! И лиры пѣснію свободной
Плѣняешь намъ сердца, какъ дивный чародѣй!...
Кто грусти не дѣлилъ съ Татьяной благородной?
Чей взоръ не уронилъ тайкомъ слезы о ней?
И кто не порицалъ Онѣгина пустого?
Поэта—юноши кто смерть ему простилъ?
Сильнѣй кто не любилъ мечтателя младого,
Что жребій съ нимъ одинъ тебѣ злой рокъ судилъ!...
Надъ предкомъ судъ изрекъ потомокъ справедливый
И проклялъ пришлеца, убійцу твоего!..
Смотри: шумитъ вся Русь, какъ океанъ бурливый,
Готовитъ музѣ лавръ и славѣ торжество!...
Какая чудная блестящая картина!
Надъ ранней урною возлюбленнаго сына,
Прославленная имъ склонилася отчизна,
Чтобъ замерло поэта слово укоризны,
Чтобъ внялъ восторгамъ пламеннымъ сердецъ
И кликамъ радостнымъ ликующимъ пѣвецъ!
«Возстань же ты, пророкъ, возстань, и виждь, и внемли!...»
Порадуйся цвѣтамъ твоей святой любви!
Вѣнецъ безсмертія отъ родины пріемли
И дорогую Русь съ небесъ благослови!...

С. Весинъ [1]).

Памяти А. С. Пушкина.

Поэтъ, пѣвецъ родного края,
Его веселья и скорбей,
Сіяй въ вѣкахъ, не угасая,
И за могилою своей!

---

[1]) „Волынь“, 1899, № 24 (прилож.).

На все ты пѣснью отзывался
И эхомъ былъ страны родной,
Однимъ съ ней чувствомъ волновался
И съ нею жилъ одной душой....
Россіи образъ, обновленной
Могучимъ геніемъ Петра
Ты рисовалъ въ картинѣ стройной
И славилъ мудраго Царя.
Ты воскрешалъ былые годы
И предковъ жизнь изображалъ,
Пиры ихъ, радости, невзгоды,
Какъ чародѣй, живописалъ.
Умолкъ привѣтъ твой жизни жаркій,
Давно ты вѣчнымъ сномъ почилъ,
Но и теперь твой свѣточъ яркій
Горитъ и свѣтитъ, какъ свѣтилъ.
Поэтъ, пѣвецъ родного края,
Его веселья и скорбей,
Гори звѣздой, не угасая,
На небѣ родины своей!

Ѳ. Ромеръ [1].

Памяти А. С. Пушкина.

Земное—сонъ! И можетъ быть, увянетъ
Не только Русь въ безсмертности временъ,
Но будущій мудрецъ, дивясь, помянетъ
Про рознь рѣчей, народовъ и племенъ.
Они въ одномъ сольются океанѣ,
Исполнится божественный завѣтъ
И то, о чемъ молились христіане,
Обрящетъ міръ, какъ истины расцвѣтъ.
Прейдутъ совсѣмъ, какъ тѣни тучъ наносныхъ,
Излишество и горькая нужда;

---

1) „Новое Время“, 1899, № 8348.

Замолкнетъ громъ орудій смертоносныхъ;
Безсмысленной окажется вражда.

Но и тогда, въ дали вѣковъ туманной,
Скрывающей грядущій идеалъ,
Кто въ людяхъ чувствъ и мыслей строй желанный
Волшебный лирой властно созидалъ—
Тотъ будетъ жить немеркнущею славой,
Ему любовь и память, и вѣнки!
Безсмертія за нимъ святое право,
Завистливой Гекатѣ вопреки.

Я вѣрю! Русь! Въ развитіи высокомъ
Духовныхъ силъ оставишь ты свой слѣдъ.
Но ихъ пѣвцомъ, предтечею, пророкомъ
Явился онъ, великій твой поэтъ!
Онъ русскаго сознанья былъ Мессіей,
Къ родной странѣ любовію томимъ.
Теперь гордится дтхъ его Россіей,
А Русь гордится Пушкинымъ своимъ.

Н. Э. Глокке[1]).

Памяти Пушкина.

«Въ бореньяхъ» мысли «силы напрягая,
Стремясь свою поэзію создать,
Росла и крѣпла духомъ Русь святая,—
Но долго суждено ей было ждать,
Пока, какъ въ дни библейскаго завѣта,
Исполнились былыя времена,
И хлынула божественнаго свѣта
На Русь животворящая волна.
Сто лѣтъ тому назадъ зажглась зарею
Поэзіи блестящая звѣзда
Надъ нашей бѣдной, рабскою землею,

---

[1]) „Памяти Пушкина“, Сборникъ Универ. св. Владиміра, Кіевъ), стр. VII—VIII.

Погрязшей въ тьмѣ, казалось, навсегда.
Родился Пушкинъ, воли провозвѣстникъ,
Красы нетлѣнной пламенный пророкъ,
Изъ ничего, какъ сказочный кудесникъ,
Воздвигшій слову царственный чертогъ.
И съ той поры родное наше слово
Въ живую плоть свободно облеклось,
Разбило чужеземныя оковы
И съ торжествомъ повсюду разнеслось;
И геній нашъ теперь предъ всей вселенной
Могучъ, незыблемъ, славенъ и великъ,
И раздается въ пѣснѣ вдохновенной
По всей землѣ красивый нашъ языкъ.
Съ тѣхъ поръ вездѣ: въ святилищахъ науки,
Въ дворцахъ вельможъ, въ жилищахъ бѣдняковъ,
Вездѣ, гдѣ слышны русской рѣчи звуки
Поэту вѣчный памятникъ готовъ.
Не умеръ Пушкинъ! Стихъ его прекрасный
Изъ устъ его преемниковъ звучитъ;
И въ даль вѣковъ вперая взоръ свой ясный,
Въ грядущемъ Русь его, какъ нынѣ, чтитъ.

Н. Глокке[1]).

Кантата въ честь А. С. Пушкина.

Тебѣ, поэтъ родного края,
Несется пѣсня по всей Руси,
Отъ горъ Кавказа до Оки,
Отъ стѣнъ недвижнаго Китая
До славныхъ береговъ Дуная,
Гдѣ столько русскихъ тѣлъ лежитъ,
Гдѣ вѣчный памятникъ стоитъ

---

[1]) Музыка Прибика. М. 1899. На отдѣльныхъ листахъ издано въ томъ же году въ Вильнѣ („Кантата въ честь А. С. Пушкина, слова И. Глокке, муз. Прибика) и Кіевѣ („Кіевскій Драматическій Театръ", Программа).

Тебѣ, отчизна дорогая!
По всей землѣ хвала несется
Тебѣ, святой Руси поэтъ!
Съ восторгомъ чистымъ пѣсня льется
Изъ нашихъ устъ, не умолкая,
Тебѣ, нашъ дивный, яркій свѣтъ,
Родной пѣвецъ родного края.
Вѣда пройдутъ, а геній твой
Все такъ же будетъ милъ,
Его не тронутъ бури злыя,
Ни сила старости слѣпой.
Онъ будетъ вѣчно дорогъ намъ,—
Пока въ насъ будетъ сердце биться,
И въ нашихъ жилахъ кровь струится,
Мы гимнъ несемъ къ твоимъ ногамъ.
Тебѣ мы пѣсню посвящаемъ
Отъ глубины своей души,
Тебѣ хвалу мы возлагаемъ,
Пѣвецъ Руслана и Людмилы,
Пѣвецъ Онѣгина любви,
Своимъ стихомъ отчизнѣ милый!
Слава тебѣ, поэтъ родного края!
Слава тебѣ, слава!

В. И. Сафоновъ [1]).

Слова къ кантатѣ Ипполитова—Иванова.

Творецъ волшебныхъ пѣснопѣній,
Тебѣ родныхъ сердецъ привѣтъ!
Ты рядомъ чудныхъ откровеній,
Святыхъ возвышенныхъ стремленій
Оставилъ вѣчный намъ завѣтъ.
Источникъ чистыхъ наслажденій
Въ твоихъ твореньяхъ мы нашли,

---

[1]) „Курьеръ“, 1899, 24 мая, № 142; „Новости дня“, 1899, № 5743; „Русскій Листокъ“, 1899, 24 мая. „Кантата М. Ипполитова—Иванова“, М. 1899. „С.-Петерб. Вѣд.“, 1899, № 141. „Моск. Вѣд.“, 1899, № 144.

Его открылъ твой дивный геній
На радость всей родной земли.
Любезный русскому народу,
Добро ты лирой пробуждалъ;
Возславилъ пѣснею свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.
Такъ пусть отъ края и до края
Великой родины твоей,
Твой мощный геній прославляя,
Звучитъ хвала, не умолкая
Во славу незабвенныхъ дней!
Во вѣки хвала великому генію!
Пусть же звучитъ изъ рода въ родъ,
Изъ устъ въ уста
Во вѣки слава и хвала,
Хвала во вѣки и слава!
Во вѣки слава и хвала.
Слава».

В. Ларіоновъ [1]).

Памяти А. С. Пушкина.

(26 мая 1899 г.).

На память славнаго поэта
Отъ здѣшнихъ [2]) хладныхъ береговъ,
Гдѣ вѣчно ледъ и блескъ снѣговъ,
Пишу ему слова привѣта.
Онъ былъ великій нашъ учитель,
Безсмертьемъ имя осѣнилъ,
Сердца святыя просвѣтилъ,
Родной народный нашъ мыслитель!
Гордится русская страна
Великимъ сыномъ вдохновенья,
И за его для насъ творенья
Благодаритъ теперь она.
Сегодня славитъ Русь Святая,—
Кто для нея такъ дорогъ былъ,

---

[1]) Доставлено намъ въ рукописи г. Григорьевыми.
[2]) *Крайній* сѣверъ Россіи.

Такъ много сладкихъ словъ пролилъ,
Свой путь тернистый совершая
Во всѣхъ концахъ земли родной
Твои и правнуки, и внуки
Гласятъ плѣнительные звуки,
Которы созданы тобой.

И. З. Завитневичъ [1]).

Въ сто лѣто Пушкину.

(26 мая 1899 года).

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.
„Памятникъ“ Пушкина.

Я слышу голосъ чудный Твой,
Бесмертный Ликъ Созвучій!
Повитый лавромъ и судьбой,
Ты духъ Свой шлешь пѣвучій!
Ты помнишь, какъ тебѣ свирѣль
Судьба заворожила,
И полилась изъ вздоховъ трель,
Что силу окрылила!..
И думой былъ ты въ небесахъ
Когда юдоль земная
Дивилась, какъ въ словъ чудесахъ
Творилась пѣснь родная.
Ты возвращалъ хищеній даръ:
Нашелъ Русланъ Людмилу;
Ты оживлялъ любовный жаръ,
Гдѣ темь губила силу.
Скрипитъ желѣзо подъ пилой,
Идетъ свободенъ Плѣнникъ [2]):
Такъ русскій духъ, своей чредой,
Бодрится, не измѣнникъ.
Ты видѣлъ, какъ въ тѣни судьба

---

[1]) Одесса, 1899, стр. 3—8.

[2]) Упоминаніе по произведеніямъ А. С. Пушкина: „Кавказскій Плѣнникъ“ и т. п. *Прим. автора.*

Наборъ безсвязныхъ фразъ.

Томила роковая
Пріятеля думъ, гдѣ борьба
Шла, разумъ надрывая.
И Ты разстался бѣгло съ нимъ,
Лучъ бросивъ вскользь свободы,
Простясь съ Онѣгинымъ своимъ
До лучшихъ благъ природы.
И эту ношу мы беремъ,
Какъ память дорогую,
Пока золъ, въ страсти, не сотремъ,
Тстроя жизнь другую.
Ты зналъ преданій, впрокъ, обѣтъ
И очертилъ Бориса,
Чтобъ права не губилъ извѣтъ,
Какъ встарь былъ ковъ Париса.
Ты чтилъ Петра, въ полкахъ дружинъ,
Кто долгій былъ работникъ;
Тотъ царству несъ всѣхъ благъ починъ;
Кто, въ рѣдкость, былъ—что плотникъ!
Ты въ сказкахъ русскихъ, какъ душа,
Прошелъ завѣтнымъ кругомъ:
Рыбачья хата хороша
Въ правахъ, что далъ Ты другомъ.
И нѣгу грезъ Ты сочеталъ
Въ честь Капитанской Дочки;
Ты юность чувства ублажалъ,
На грудь принесъ цвѣточки.
Твой Бѣлкинъ въ стройныхъ повѣстяхъ,
Твой Пугачевъ въ дняхъ смутныхъ,
Твоя Русалка здѣсь въ гостяхъ
И пѣсни—плодъ силъ путныхъ!
Языкъ твой свѣтелъ, прямъ и чистъ,
Какъ ключъ у думъ Фонтана,
И служитъ онъ душѣ лучистъ,
Черта и грусть Тирана.
Твоихъ рѣчей счастливый токъ
Не Волой лишь, а моремъ
Собралъ всѣхъ силъ живыхъ потокъ
И звалъ проститься съ горемъ.

И такъ, какъ впредь благословилъ
Тебя Державинъ мудрый,
Тѣмъ силамъ, что Собой плѣнилъ,
Пошли свой духъ премудрый!
Зла съ геніемъ Ты не мѣшалъ,
Скупцу скупой рокъ придалъ,
Сознанье честно возвышалъ,
Врагу вздохъ съ смертью выдалъ!
И муза—память юныхъ лѣтъ
Вѣнецъ Твой въ честь подниметъ,
Ту боль, гдѣ холода былъ слѣдъ,
Дыша любовью, сниметъ!

А. И. Рубецъ [1].

Слава Пушкину.

Пушкину хвала, слава!
Русскому пѣвцу слава!
Весь родной народъ
Громкую поетъ
Славу!
Лиры звонъ твоей
Славный міръ весь облетѣлъ
Божій.
И по всей землѣ
Громкую несетъ
Славу!
Слава солнышку, звѣздочкамъ,
Слава!
Слава пѣвцу Руси,
Слава Пушкину, хвала!
По всему лицу земли.
Слава! Его пѣсни да звучатъ,

[1]) Два хора „Слава Пушкину“, СПБ. 1899.

Н. Нидермиллеръ[1].

Памяти А. С. Пушкина.

1799—1899.

Много было великановъ
На Руси у насъ святой,
Пѣснотворцевъ и баяновъ
Съ звучной лирой золотой.
  Пѣсни дивныя слагали
  Пѣснотворцы всѣхъ вѣковъ,
  Громкой лирой прославляли
  Имя славное отцовъ.
И въ чертогахъ украшенныхъ
Царь имъ радостно внималъ
И вино въ ковшахъ злащенныхъ
Самъ съ улыбкой подавалъ.
  Но—увы!—пѣвцы забвенья
  Все жъ избѣгнуть не могли
  И свое въ могилу пѣнье
  Тѣ баяны унесли.
Но межъ нашими пѣвцами
Пѣснотворецъ есть одинъ,
Правитъ мощно онъ сердцами,
Словно чудо—исполинъ.
  Отчего его теченьемъ
  Долгихъ лѣтъ не унесло,
  И понынѣ этимъ пѣньемъ
  Сердце все у насъ полно?
Отчего, когда лишь звуки
Пѣсни этой долетятъ,
Вновь и радости, и муки
Въ нашемъ сердцѣ закипятъ?
  Если все у насъ съ годами
  Исчезаетъ безъ слѣда,

---

[1]) Памяти А. С. Пушкина. Торжественная кантата. Музыка Т чіева. СПБ. 1899.

Имя Пушкина межъ нами
Не померкнетъ никогда.
Онъ вселюбящей душою
Въ сердце женщины проникъ
И съ любовью и тоскою
Изучалъ его языкъ.
Онъ рыдалъ ея слезою,
Горемъ онъ ея болѣлъ
И, какъ братъ, ея тоскою
Непритворно онъ скорбѣлъ.
Нѣтъ, онъ много, много дани
За безсмертье намъ дарилъ...
Развѣ образъ «милой Тани»
Намъ о томъ не говорилъ?
Нѣтъ! Не можетъ быть забвенья
Для поэта, для пѣвца,
Что всю жизнь любовь, прощенье
Проповѣдалъ до конца.
Но чарующи напѣвы
Этой лиры золотой
Не одинъ лишь образъ дѣвы
Дали намъ въ Руси родной.
Въ нашей жизни многотрудной
Ничего онъ не встрѣчалъ,
Для чего бы голосъ чудный
Вдохновенно не звучалъ.
Въ храмы, въ царскія палаты
Съ пѣсней дивной онъ вступалъ,
Но еще охотнѣй хаты
Видъ убогій воспѣвалъ.
Онъ упавшаго душою
Часто пѣсней подбодрялъ.
Хоть и часто самъ тоскою
Безисходной изнывалъ.
Тотъ, кто намъ путь долгій жизни
Свѣтлой вѣрой озарялъ
И любовь свою къ отчизнѣ
Умирая завѣщалъ;
Кто всю силу пѣснопѣнья

Намъ на пользу отдавалъ,—
Тотъ и смерти, и забвенья
Навсегда тѣмъ избѣжалъ.
Не всего удѣлъ могила,
Смерть не все ужъ унесетъ,—
Такъ и пѣсенъ этихъ сила
Не угаснетъ, не умретъ.
Пусть довременно могила
Наступила для тебя,
Но тебя не позабыла
Благодарная земля.
Если ты изъ гроба всталъ бы,
То повсюду на Руси
Ты навѣрно услыхалъ бы
Пѣсни дивныя твои.
Въ вечеръ долгій, зимній дѣва
Въ дымной хатѣ у огня
Прядетъ и твои напѣвы
Повторяетъ безъ конца.
На студенческой пирушкѣ
Въ часъ заутренней зари,
Хоть пусты ужъ браги кружки,
Пѣсни слышатся твои...
И вездѣ, повсюду пѣнье
Это слышно безъ конца.
И тебѣ, пѣвецъ, забвенье
Не настанетъ никогда!

М. А. Добротворскій [1]).

26 мая 1899 года.

Не нашъ тутъ слабый судъ: онъ «самъ свой высшій судъ»;
Не нашъ тутъ грѣшный судъ—«у гробового входа»...
Вотъ память вѣчную въ церквахъ ему поютъ,
А вотъ и «Божій гласъ», гласъ цѣлаго народа,

---

[1]) Новгородъ—Сѣверскъ, 1899. Отд. листъ.

Вѣнчаетъ вновь его—уже не первый разъ;
И «равнодушіе» свое забывъ, природа
Въ сочувствіи къ нему съ людской толпой слилась:
И майскихъ дней тепломъ и майскою красою
И дышитъ, и блеститъ, съ улыбкой, въ этотъ часъ
Надъ пробудившейся и радостной землею
И надъ непышною могилою пѣвца,
Кто рано такъ сраженъ былъ грозною косою,
Чья память въ этотъ день волнуетъ всѣ сердца,
Чей геній поглотить не въ силахъ и могила,
Кто будетъ жить «въ завѣтной лирѣ» безъ конца,
Чье имя въ этотъ день всю Русь объединило.
Что имя?—Звукъ пустой... Но лишь не этотъ звукъ;
Не этотъ: онъ звучитъ въ вѣкахъ все съ той же силой,
И повторитъ его и внуковъ нашихъ внукъ,
И эхомъ на него въ предѣлахъ отдаленныхъ
И врагъ откликнется, и отзовется другъ.
А Русь? Среди родныхъ, среди иноплеменныхъ
Отвѣтитъ отзывомъ «всякъ сущій въ ней языкъ»,
Какъ данью отъ сердецъ, тобою покоренныхъ,
И будешь, дивный царь, ты именемъ великъ!
Во глубинѣ сердецъ своихъ народъ свободный
Тебѣ давнымъ-давно ужъ памятникъ воздвигъ,
Такой, какъ ты хотѣлъ—духовный, благородный.
И «многолюдный храмъ» и «шумныхъ улицъ» рядъ,
«Роскошный гражданинъ» и молодецъ безродный—
Всѣ имя славное твое теперь твердятъ.
Одно на всѣхъ устахъ: изъ устъ у русской дѣвы,
У юноши, у старца, отроковъ, ребятъ
Одни твои сегодня слышатся напѣвы;
Названье славное твое, твои слова
Межъ знатныхъ и простыхъ направо и налѣво
Мчитъ вдаль и вширь кругомъ стоустая молва.
Ты сосны старыя и «племя ихъ младое»—
Побѣги юные привѣтствовалъ сперва,—
Теперь они тебя, о солнце золотое
Родной поэзіи, поэтовъ нашихъ царь,
Тебя, о гордость наша, имя, намъ святое,
Привѣтствуютъ, какъ ты привѣтствовалъ ихъ встарь.

Не въ камнѣ,—въ ихъ сердцахъ твоя нетлѣнна слава,
Тамъ величавый ты воздвигъ себѣ алтарь.
Въ величьи жить въ сердцахъ твое навѣки право:
Прекрасное ты міру возвѣстилъ—.
«Прекрасное должно быть» вѣчно, «величаво»,
Съ прекраснымъ правду Богъ благо совмѣстилъ.
«Не требуя вѣнца», вѣнчаемый безспорно,
И правдѣ, и добру ты въ красотѣ служилъ—
И вѣчно будешь ты народу тѣмъ любезенъ,
«Что прелестью живой стиховъ ты былъ полезенъ».
Предъ идоломъ не гнулъ ты выи непокорной,
Не для «корысти—пользы» низменной ты жилъ—
И «памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный».
О «жрецъ прекраснаго», законодатель, царь!
«Жива душа твоя»,—и вѣченъ духъ твой въ пѣсни;
Въ «молитвахъ—въ сладкихъ звукахъ» ты для насъ воскре
По струнамъ всѣхъ сердецъ стихомъ своимъ ударь—
И «выстраданный стихъ», то ясный, то унылый,
Взволнуетъ всѣ сердца «съ невѣдомою силой».

М. Д. (М. А. Добротворскій) [1].

Памяти „поэта-пророка“.

«Слово поэта—дѣла его...
Грустная доля—доля пророка!
Но оглянитесь: близко, далеко
Въ честь его всюду теперь торжество.
Вечеромъ—грустный закатъ заурядъ;
Весело утромъ заря загорается:
Слово ль поэта умретъ—затеряется?
Дѣти и внуки его повторятъ,
Нѣтъ ему смерти: «умретъ—оживетъ»;
Въ души ихъ добрымъ зерномъ оно канетъ—
И золотою пшеницей возстанетъ,
Или, какъ розовый кустъ, расцвѣтетъ:

---

[1]) Новгородъ—Сѣверскъ, 1899.

Съ цвѣтомъ роскошнымъ сторицею плодъ.
Смерти не знаютъ поэтъ и мудрецъ;
Въ пѣсняхъ, проникнутыхъ правдой, любовью,
Въ запечатлѣнныхъ «праведной кровью»—
Въ нихъ и безсмертье пѣвца и вѣнецъ.
Много онъ далъ, много дастъ и даетъ—
Пусть же со славой его лучезарною
Вѣчную память о немъ благодарную
Вѣчно сплетаетъ весь рускій народъ!

Лео [1]).

Къ открытію Пушкинской читальни.

Нѣтъ ничего невѣжества печальнѣй;
«Наука», «свѣтъ»—великія слова...
Отрадный фактъ: старинная Москва
Обогатилася еще одной читальней.
Привѣтствую разумный шагъ впередъ!...
Пусть много лѣтъ живетъ читальня эта,
И, вспоминая своего поэта,
Тамъ учится прекрасному народъ!

Лель [2]).

Пушкинъ.

Одинъ лишь звукъ, одно лишь слово—
Но сколько мыслей скрыто въ немъ!
И мы, средь поприща родного,
Его наслѣдіемъ живемъ.

Такъ, съ высоты ручьи и рѣки
Бѣгутъ, журча между собой;

---

1) „Будильникъ“, 1900, № 17, стр. 4.
2) „Стрекоза“, 1899, XXI.

Но кто-же питаетъ ихъ на—вѣки
Неизсякаемой водой?—

На высотахъ недостижимыхъ,
Подъ кровлей темныхъ облаковъ,
Питаетъ ихъ—неистощимыхъ
Снѣговъ не тающій покровъ.

Поэтъ, роднымъ честимый краемъ,
Ты такъ же вѣченъ и великъ,
Какъ тѣ снѣга, недосягаемъ
И, какъ они, живой родникъ.

П. Солтанъ [1].

О. Пушкинъ! Еслибы ты могъ сейчасъ возстать изъ той могилы,
Куда тебя свелъ выстрѣлъ роковой,
О, еслибы теперь твои воскресли силы,
Чѣмъ встрѣтить бы тебя намъ въ день сей вѣковой?
На эти гимны ликованья,
На эти громкія слова,
Увы, ничто не въ состояньи
Произнести тебѣ: «хвала!»
Не намъ, суетъ рабамъ послушнымъ,
Тебя, о геній, прославлять,—
Намъ преклоняться и смолкать
Передъ тобой, великій Пушкинъ!

С. Головачевскій [2].

Памяти Пушкина и Мицкевича.

Въ таинственномъ, волшебномъ сновидѣньи [3].
Явились предо мной великихъ два пѣвца,

---

[1]) „Вологодская гимназія. Столѣтній юбилей со дня рожденія А. Пушкина 27 мая 1899 года". Харьковъ. 1900. Стр. 57.

[2]) „Возрожденіе", 1899, № 3, стр. 69—70. Варіанты по рукописи любезно доставленной намъ авторомъ. Они вошли почти всѣ въ „стихотворенія" С. Головачевскаго, М., 1900, 55—57.

[3]) Вар.: Однажды грезилъ я, и въ чудномъ сновидѣньи.

Что пламенной мечтой и силой пѣснопѣнья
Зажгли славянскія сердца.
Озарены лучомъ божественнаго свѣта,
На горной высотѣ, въ величьи неземномъ,
Съ улыбкой ясною стояли два поэта,
Обнявшись подъ однимъ плащомъ.
Такъ нѣкогда, ведя бесѣду межъ собою,
Съ душой, открытою для правды и добра,
Они въ вечерній часъ стояли надъ Невою
Предъ конной статуей Петра...
И видѣлъ я толпы несмѣтной ликованье [1]):
Всѣ племена славянъ къ подножію скалы,
Казалось, дружно шли съ однимъ желаньемъ [2]):
Своимъ пѣвцамъ воздать хвалы.
И въ гимнахъ славили они ихъ общимъ [3]) хоромъ,
Соединясь въ одинъ восторженный порывъ,
Покончивъ навсегда съ враждою и раздоромъ,
Обиды прошлыя забывъ.
Они жъ [4]), народному внимая славословью
Надъ племенами плащъ простерли съ высоты,
Ихъ родственный союзъ благословивъ съ любовью
Во имя вѣчной красоты.

К. Подоводскій [5]).

На 100 лѣтн. юбилей Пушкина.

Святой восторгъ живыхъ волненій
Вѣнчаетъ славою пѣвца!
Изъ вѣка въ вѣкъ твой чудный геній
Готовилъ къ истинѣ сердца!
Тебѣ весь міръ свѣтилъ небесныхъ
О жизни лучшей говорилъ,

---

1) Вар.: толпы ликующей волненье.
2) Вар.: въ этотъ мигъ сошлись на поклоненье.
3) Вар.: дружнымъ.
4) Вар.: А тѣ.
5) Стихотворенія, I, Одесса, 1899, стр. 190.

И ты таинственно-чудесныхъ
Созвучьяхъ насъ добру училъ.
О, надъ тобой нѣтъ власти тлѣнья,—
Какъ вѣчность, въ звукахъ вѣченъ ты!
Въ своихъ порывахъ вдохновенья,
Ты полнъ небесной красоты!
Твой мощный духъ возвысилъ чувство,
Твой геній душу окрылилъ,
Ты лучшій свѣточъ для искусства
Съ своею музой подарилъ!
Великій другъ святой свободы,
Твое пророчество сбылось:
Тебѣ вѣнчаютъ всѣ народы
Для чистыхъ думъ и свѣтлыхъ грезъ!

К. К. Шишко [1]).

На Пушкинскій юбилей.

26 мая 1899.

Онъ рыцарь былъ и патріотъ [2]),
Какихъ не встрѣтить зачастую;
Любилъ царя, любилъ народъ,
Любилъ, *Онъ*, нашу Русь святую.
Не очень въ жизни счастливъ былъ:
Враговъ всегда имѣвъ не мало,
То чуть за *краснаго* не слылъ,
То клевета, вонзивши жало,
Его въ *льстецы* произвела
И ретоградомъ назвалъ!...
Да! много перенесъ онъ, нашъ поэтъ великій:
Тоску непонятой души,
Весь ядъ клеветниковъ, враговъ своихъ вой дикій
И слезы горькія въ тиши!...
Но—не заглохнулъ мощный геній!

---

1) „Родная Муза“, Бузулукъ, 1899, стр. 35—36.
2) Записки А. О. Смирновой. СПБ. 1895 г. т. I стр. 315. *Прим. автора.*

Огонь священный не погасъ!
Сойдетъ не мало поколѣній—
И все же Пушкина Пегасъ
Считаться будетъ лучшимъ въ мірѣ!
И годы многіе пройдутъ,
А Пушкина россійской лирѣ
Всѣ лиры міра предпочтутъ!...
Но все жъ удался вражій ковъ,
И пуля дерзкая поэта поразила!...
Погибла творческая сила!
Замолкла музыка чарующихъ стиховъ!...
Стихъ Пушкина знакомъ вѣдь всей Руси просторной,
И оправдался теперь одна строфа:
„Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа!“

С. Исполатовъ [1]).

Стихотвореніе, посвященное А. С. Пушкину въ день столѣтней годовщины его рожденія 26 мая 1899 г.

Прошло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ты,
Искусства чистаго служитель,
Съ завѣтомъ вѣчной красоты
Въ земную посланъ былъ обитель!
Его ты свято сохранилъ
Въ своихъ твореніяхъ прекрасныхъ,
Но тотъ завѣтъ для міра былъ
Въ то время новымъ и не яснымъ!
И вотъ минуло много лѣтъ,
Чередовались поколѣнья;
Что занимало прежде свѣтъ,
То нынѣ предано забвенью...
И въ этотъ праздникъ мысль моя
Къ минувшимъ временамъ стремится;

---

1) Гласовъ, Въ память Пушкина. Торжественные дни въ С.-Петерб. Первой Гимназіи. СПБ. 1899. Стр. 4—5.

Былое точно вижу я.
И тѣнь твоя въ мечтахъ мнѣ снится. —
Поэтъ родной! Ты открылъ
Народное самосознанье!
Ты здравымъ насъ училъ
Добра, любви и состраданья!
О, какъ отрадно видѣть мнѣ,
Что ты, прославленный отчизну,
Ты, геній нашъ, въ родной странѣ
Гонимый иногда при жизни,
Теперь потомствомъ оцѣненъ!
Слава тобою Русь святая,
И всюду средь чужихъ племенъ
Гремитъ та слава, не смолкая!..
Прости же мнѣ, поэта тѣнь,
Мои слова и стихъ мой блѣдный,
Которымъ въ этотъ свѣтлый день
Пою тебѣ я гимнъ побѣдный!
Я, вдохновляемый тобой,
Тебѣ слагаю пѣснь привѣта,
И голосъ искренній поэта—
Хвала земли твоей родной!

Я. Сирнесъ [1].

Памяти великаго поэта.

Сто лѣтъ назадъ шепнула муза
Младенцу чудному: «живи
Для царства грезъ и вдохновенья,
Для пѣсенъ правды и любви».
И жилъ поэтъ. Избранникъ неба
Сердца людскія чаровалъ...
Служилъ отчизни честной лирой
И милость къ падшимъ призывалъ.
И благодарная отчизна

---

[1]) „Южный Край". Литературный Иллюстрированный Альбом Одесса. 1899. Стр. 51.

Ему готовила вѣнецъ...
Но зависть молвила: «страданья
И раннiй гробъ—его конецъ»...
Погибъ поэтъ. Слезами муза
Кропитъ надгробные цвѣты...
Но генiй Пушкина безсмертенъ
Въ твореньяхъ вѣчной красоты!

В. К—ъ [1]).

Памяти А. С. Пушкина.

(26 мая 1899 года).

Нынѣ столѣтье со дня твоего
Рожденiя, нашъ славный, безсмертный,
Генiальный, незабвенный поэтъ!
Чтя дорогую намъ твою память,
Шлёмъ тебѣ сердечный, низкiй привѣтъ.
Ты давно въ лучшiй мiръ преселился,
Насъ очень рано покинулъ здѣсь ты;
Но душой своей съ нами весь слился,
Оставивъ намъ благородны мечты.
Ты мечталъ же о славѣ Монарха,
О благѣ отчизны, счастьѣ людей;
Всю жизнь ты былъ мощнымъ носителемъ
Этихъ великихъ и мудрыхъ идей.
Твоя жизнь намъ примѣромъ служила;
Ты учителемъ для насъ былъ въ добрѣ;
Но, къ общему горю народа, смерть рано
Твои очи смежила; мало училъ
Ты насъ суровой житейской борьбѣ.
Въ мiръ надзвѣздный лучшiя мысли съ собой
Ты унесъ. По тебѣ груститъ вся Россiя;
На могилѣ твоей много пролито слезъ.

---

[1]) Къ столѣтiю рожденiя великаго, генiальнаго, незабвеннаго рус поэта А. С. Пушкина. В. К—а. Новоузенскъ. 1899, стр. IX. Совершенно безграмотные стихи.

А. С. Пушкину «Россія и Азія» [1].

Ты въ своихъ произведеньяхъ проповѣдывалъ гуманность,
И твоя идея сердцу инородцевъ дала радость.
Ты училъ смотрѣть на горца, на грузина, какъ на брата,
А не видѣть въ немъ изгоя и Россіи супостата,
И твою идею вѣчно мы клянемся проповѣдать,
Никому чтобъ съ меньшей братьи притѣсненій не извѣдать.

И. Гриневская [2].

Геній слова.

Памяти Пушкина.

Я помню: дѣвочка, среди забавъ,
Однажды вдругъ свою спросила мать,
Рукой на рядъ портретовъ указавъ:
«Родная, кто они?—хочу я знать»!
— «Тебѣ, дитя, я разскажу о нихъ».
И, дочь обнявъ, мать завела разсказъ,
Разсказъ простой... Безпечный говоръ стихъ,
И слушаетъ дитя, пытливыхъ глазъ
Не отводя отъ матери своей.
— «Вотъ этотъ, другъ мой, царь былъ изъ царей!
Мечомъ своимъ онъ покорилъ весь міръ.
Для всѣхъ онъ геній былъ, для всѣхъ кумиръ.

* * *

И тотъ, дитя,—великій былъ герой.
Онъ родину свою, какъ жизнь, любилъ,
Ей отдалъ онъ труды свои, покой,
Какъ вѣрный рабъ покорно ей служилъ.
Вотъ этотъ кистью мощною владѣлъ!
Онъ глубину небесъ, полей просторъ
На полотно переносить умѣлъ.

---

[1] Пушкинскій Альманахъ „Россіи и Азіи“. Кіевъ, 1899.
[2] „Новое Время“. 1899. № 8348. „Огоньки“ СПБ. 1900 167—170.

Умѣлъ ловить, что видитъ жадный взоръ.
А этотъ волны звуковъ извлекалъ
Изъ мѣдныхъ струнъ. Летѣлъ за валомъ валъ,
И звуковъ этихъ каждая волна
Была и мукъ, и радости полна.

* * *

Изъ камней этотъ храмы возводилъ.
Вотъ этотъ лишь простымъ стальнымъ рѣзцомъ
Любовь, и красоту, и жизнь будилъ
Въ холодномъ, грубомъ мраморѣ нѣмомъ».
— «Родная, это кто? Скажи, кто онъ?
Задумчивъ такъ и грустенъ почему?
И взглядъ его далеко устремленъ,
Какъ будто что-то чудится ему».
— «Онъ лучшій былъ изъ этихъ всѣхъ людей!
Онъ былъ, дитя, великій чародѣй!
О, дочь моя, вглядись въ его черты.
Пройдутъ года—о немъ разскажешь ты.

* * *

Ему былъ въ словѣ свыше посланъ даръ,
Онъ словомъ, какъ мечомъ, разилъ
И вѣренъ каждый былъ его ударъ!
Міры, какъ царь, онъ словомъ покорилъ.
И, точно кистью, родины своей
Онъ словомъ милый образъ создавалъ,
И, какъ рѣзцомъ, изъ ледяныхъ очей
Огонь любви онъ словомъ извлекалъ.
Великій храмъ, что словомъ онъ воздвигъ,
Донынѣ въ каждый часъ и въ каждый мигъ
Къ себѣ сердца тоскующихъ манитъ.
Донынѣ правда въ немъ нетлѣнная царитъ.

* * *

И слово дивное, какъ пѣснь, звучитъ,
Какъ пѣсня, что искусною рукой
Со струнъ похищена. То пѣснь дрожитъ,
Какъ листъ, потокомъ носится, рѣкой...

То вихремъ ринется въ пучину водъ,
То ласточкой уносится въ лазурь,
То громомъ оглашаетъ неба сводъ
Среди зловѣщихъ тучъ, средь грозныхъ бурь!
И въ словѣ томъ, какъ въ морѣ ручейки,
Слилися пѣсни радости, тоски,
Прощенья вздохъ, вздохъ жалости нѣмой,
И крики мукъ, и стонъ любви святой!

* * *

Чѣмъ дышимъ мы, и все, чѣмъ мы живемъ,
И каждый трепетъ горестный сердецъ,—
Въ томъ словѣ слышалось, дрожало въ немъ,
Въ томъ словѣ, что ему послалъ Творецъ.
Онъ много благъ для родины принесъ,
Разсыпалъ ихъ онъ щедрою рукой
И много ими осушилъ онъ слезъ,
Тѣхъ слезъ, что льются на землѣ родной.
Но сердце то, гдѣ слово родилось,
Гдѣ слово то святымъ огнемъ зажглось,
Замучили, разбили на куски...
Дитя мое, отъ горя, отъ тоски—

* * *

Освободить лишь смерть пришла его!..
Чужія бѣды видѣлись ему
Въ своихъ бѣдахъ!! Вотъ грустенъ отчего,
Со скорбью вдаль глядитъ онъ почему»—
Шептала мать. Ужъ таялъ день въ лучахъ,
Дитя, головку на руки склонивъ,
Внимало рѣчи съ думою въ глазахъ,
Глубоко думу ту надолго затаивъ...
Вкругъ тихо все. И поблѣднѣлъ закатъ.
Но вѣщія слова еще звучатъ:
«О, дочь моя, вглядись въ его черты.
Пройдутъ года, о немъ разскажешь ты!».

Б. В. Никольскій[1]).

Пушкину.

оей поэзіи томительныя тайны,
оихъ пророческихъ вѣщаній тихій свѣтъ,
растей возвышенныхъ и пламенныхъ, поэтъ,
рдцамъ—плѣнительны, уму—необычайны.
тобой душѣ тепло, съ тобой унынья нѣтъ,
гармоническихъ рѣчей очарованье,
къ умиленія невыразимыхъ сновъ,
Воспламененное вниманье
эчетъ на высоты, гдѣ свѣтлое сознанье
ушаетъ вѣчный миръ героевъ и боговъ.
Такъ повелительныхъ волхвовъ
Приподнимало заклинанье
інъ безпредѣльности невидимый покровъ
гласу вѣчности на вѣщій зовъ внимая,
смятеньи постигалъ блаженномъ смертный слухъ,
къ, образъ Божества сквозь бездны созерцая,
Освобожденный рѣетъ духъ.

Б. В. Никольскій[2]).

Пушкину.

Въ душѣ, тобою умиленной,
Нерукотворною иконой,
Поэтъ, возникнулъ образъ твой.
Восторга пламень золотой
Лампадой свѣтитъ потаенной
Во тьмѣ печали предъ тобой.
Еще полна твоихъ созвучій
Душа смягченная моя,
И воскресаю сладко я
На заклинаній зовъ пѣвучій.

борникъ стихотвореній, СПБ., 1899, стр. 21.
борникъ стихотвореній, СПБ., 1899, стр.

Въ теплѣ молитвенной мечты
Очнулась радостная дума:
—«Зачѣмъ душа твоя угрюма?
Чего еще желаешь ты?
Тебѣ ласкало вдохновенье,
Твоимъ друзьямъ ты другомъ былъ,
Ты нераскаянно любилъ,
Ты въ мірѣ зналъ благоговѣнье!»

В. Коринъ [1]).

А. С. Пушкину.

Сбылось! по всей Руси великой
Крылатый стихъ твой пролетѣлъ,
И въ сердцѣ черни полудикой
Онъ смутнымъ эхомъ прогудѣлъ!
И вотъ, кощунственно играя
Священнымъ именемъ твоимъ,
Тебѣ несетъ толпа слѣпая
Своихъ кадильницъ чадъ и дымъ...
Возстань, поэтъ! какъ прежде смѣло
Возвысь предъ нами гордый гласъ:
«Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ!»

---

1) „Міръ искусства“, 1899, XIII—XIV, стр. 40. „Зарницы“, стихи и пѣсни, СПБ., 1901, II, 31.

И. Цандеръ[1]).

1799—1899.

Памяти А. С. Пушкина.

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувства воздаянья.
А. Пушкинъ.

Была пора: въ храмъ Аполлона
Русь жертвъ священныхъ не несла
И слакогласной лиры звона
Цѣнить, какъ должно, не могла,
Огонь поэзіи прекрасной
Въ дремавшій разумъ не проникъ,
И съ риѳмой звучною и страстной
Не ладилъ грубый нашъ языкъ.
Пришелъ поэтъ—и звономъ лиры
Дремавшій разумъ пробудилъ,
И мощно творчества кумиры
Рукою властною открылъ.
Спѣвъ пѣснь не грубую,—иную,
Онъ, силой генія влекомъ,
Знакомилъ сторону родную
Съ ея богатымъ языкомъ.
Звонъ лиры новаго баяна
Пронесся, будто кличъ святой,
И—какъ лучъ свѣта мглу тумана—
Разсѣялъ умственный застой.
Вдругъ дивный голосъ обервался,
Угасъ поэтъ, пѣснь не допѣвъ...
Но не пропалъ, не затерялся
Пѣвца могучаго напѣвъ;
Поникла тихо, безъ отвѣта,
Лавръ гордо несшая глава,

„Минскій Листокъ“, 1899, № 63; „Лодзинскій Листокъ“, 1899, № 109; ла, 1899.

Но живъ въ Россіи духъ поэта,
И пѣсня дивная жива!...

П. Н. Петровскій[1].

На 26 мая 1899 года.

Гнететъ ли насъ тоска, какъ душный зной пустыни,—
Сомнѣнье ль дерзкое намъ леденитъ сердца,—
Насъ трогаетъ, бодритъ и радуетъ донынѣ
Кристально—свѣтлый стихъ безсмертнаго пѣвца.
И тщетно силятся невѣжества морозы
Сковать поэзіи живительный родникъ,—
Воздушной музыкой среди обычной прозы
По-прежнему звучитъ намъ Пушкинскій языкъ!...
Мы съ дѣтства ранняго привыкли слушать сказки
О рыбкѣ, о царѣ Салтанѣ, о Балдѣ,
И ихъ намъ не забыть, какъ материнской ласки
Ни въ счастьѣ призрачномъ, ни въ горестной нуждѣ.
О русской дѣвушкѣ,—мечтательной Татьянѣ,—
Бывало, въ юности, зачитывались мы...
Намъ Пушкинъ описалъ въ своемъ живомъ романѣ
Народный весь нашъ бытъ и прелести зимы.
Онъ понялъ нашъ народъ и дивной силой слова
Вдохнулъ нашъ русскій духъ въ творенія свои:
Изъ тьмы прошедшаго онъ вызвалъ Годунова,
И въ даль вѣковъ текутъ стиховъ его ручьи...
Великаго Петра трудолюбивый геній
Въ «Полтавѣ» Пушкинымъ восторженно воспѣтъ;
И смѣло въ рабскій вѣкъ безправья и гоненій
Свободу прославлялъ въ изнаньи нашъ поэтъ...
Хоть видѣть не пришлось ему цѣпей паденье
Съ народа русскаго «по манію царя»,
Но онъ предчувствовалъ крестьянъ освобожденье

---

[1]) „Владим. губ. Вѣд.“, 1899, № 22, 28 мая, стр. 1; „Наблюдатель“, 1899, VI, 62; „Пушкинскіе дни“, Владиміръ, 1899, стр. 59. Стихотворенія, М. 1901, стр. 8—9.

И ждалъ, когда взойдетъ желанная заря.
«И долго будетъ тѣмъ любезенъ онъ народу,
Что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ,
Что въ свой жестокій вѣкъ возславилъ онъ свободу
И милость къ падшимъ призывалъ»!..

П. Н. Петровскій [1]).

Пророку.

Громя пороки рѣзкимъ словомъ,
Не брезгай падшими людьми
И нетерпимымъ, и суровымъ
Ты къ нимъ не будь, но ихъ пойми;
Пойми причину ихъ паденья,—
Повѣрь, что совѣсть въ нихъ жива,
И, ставъ врагомъ ихъ заблужденья,
Люби въ нихъ искру божества...
Блаженъ, кто и въ борьбѣ съ развратомъ,
Послѣднихъ не жалѣя силъ,
Преступнымъ не гнушался братомъ,
Но понялъ все и все простилъ.
Борца такого обличенье
Способно сердце намъ разжечь;
Но безъ любви пророка рѣчь
Родитъ одно ожесточенье!

С. Касаткинъ [2]).

Русскимъ женщинамъ.

Пушкинъ не только намъ въ тьму непробудную
Бросилъ восторги и свѣтъ...

---

1) „Пушкинскіе дни въ г. Владимірѣ“, Владиміръ, 1899, стр. 60. Стихотворенія. М. 1901, стр. 8.

2) „Omnia vincit amor“... Стих. СПБ. 1900, стр. 185. „Прочтено на ужинѣ, закончившемъ Пушкинскія торжества въ Калугѣ“. *Прим. автора.*

Ярко воспѣлъ нашу женщину чудную
Нашъ геніальный поэтъ!
Намъ ли забыть, въ этотъ праздникъ торжественный,
Лучшій его идеалъ—
Тотъ идеалъ, что мечтою божественной
Всю его жизнь озарялъ?
Русскія женщины, вѣрныя, скромныя,
Свѣточей нашихъ огни!
Вамъ пусть отводятся доли огромныя
Въ эти великіе дни...
Знаю, безъ васъ, о красы лучезарныя,
Жизнь и пуста, и блѣдна...
Други! за женщинъ и мы, благодарные,
Выпьемте чашу до дна!

С. Касаткинъ[1]).

26 мая 1799 года.

Въ ослѣпительно пышномъ чертогѣ
Гдѣ кимваловъ звучалъ миніонъ,
Въ блестящей, сверкающей тогѣ
Восѣдалъ богъ искусствъ—Аполлонъ.

* * *

Безъ конца все кругомъ ликовало,
Подгубки тѣснились толпой...
Но вдругъ стройные звуки кимвала
Фебъ въ раздумьѣ поникъ головой.

* * *

Думалъ онъ: «Міръ становится тѣснѣ.
«Всюду распри и ссоры, и злоба
«Болѣе люди не вѣдали пѣсенъ.
«Лучшимъ было бы жить нимфою.

* * *

«И дружа съ человѣческимъ родомъ
«Чтобы въ немъ не утратить вдохнъ.

...

[1]) „Ист. Вѣст.", 1899 № 144. „Сказочный вѣнокъ". Стих. СПБ 1900 Стр. 182—4 (съ незначительными вариантами).

«Я и древнимъ, и новымъ народамъ
«Вдохновенныхъ пѣвцовъ даровалъ.

* * *

«Но была, по случайности чудной,
«Мной забыта одна сторона...
«И живетъ она въ тьмѣ непробудной,
«Безталанна, сурова, бѣдна...

* * *

«Такъ иди же на землю, спустися,
«Кругъ безсмертныхъ на время оставь,
«Сыномъ русской страны очутися,
«Въ чудныхъ пѣсняхъ ее ты прославь.

* * *

«Пронесися грозою могучей
«Ты надъ родиной бѣдной своей;
«Яркой молніей дивныхъ созвучій
«Ты ее освѣти и согрѣй!

* * *

«Все что чудно, въ минувшемъ, въ грядущемъ,
«Ты прославь вдохновеннымъ стихомъ;
«За тобою, къ величью зовущимъ,
«Все пойдетъ, отъ лачугъ до хоромъ!

* * *

«Пусть ничто тебѣ чуждо не будетъ
«Въ этомъ краѣ снѣговъ и болотъ,
«И во-вѣки тебя не забудетъ
«Благодарный россійскій народъ.»

* * *

Фебъ замолкъ... Вотъ простерлась десница..
На Россію взглянулъ богъ-поэтъ...
Озарилась родная столица,
И... нашъ Пушкинъ явился на свѣтъ!

24—29 мая 1899 года.[1]

Понедѣльникъ, 24 мая.

Широчайшею волною,
Всею массою своей
Русь готовится душою,
Чтить великій юбилей.
Потекли благотворенья
Въ память дивнаго пѣвца,
Чьи безмертны вдохновенья,
Какъ цвѣты его вѣнца.

Вторникъ, 25 мая.

Какъ заря на небѣ чистомъ,
Какъ весенній солнца лучъ,
Словно мѣсяцъ серебристый,
Показавшись изъ-за тучъ,—
Къ намъ веселая, живая
Муза Пушкина пришла
И, стихомъ своимъ лаская,
Миръ и счастье принесла.

Среда, 26 мая.

День рожденія поэта...
Протекло уже сто лѣтъ—
Какъ на славу всего свѣта
Родился у насъ поэтъ.
И сегодня, вспоминая
Образъ милаго пѣвца,
Мы цвѣтами украшаемъ
Бюстъ «поэзіи отца».

Четвергъ, 27 мая.

Скоро, скоро, здѣсь, въ столицѣ,
На одной изъ площадей,
Отъ Россіи благодарной
Встанетъ дивный мавзолей.

---

1) [illegible]

Этотъ памятникъ народный,—
Славной родины привѣтъ
За талантъ твой благородный—
Будетъ данью вѣчныхъ лѣтъ.

Пятница, 28 мая.

Разукрашенный цвѣтами
И гирляндами вѣтвей,
Вотъ дворецъ отца Тавриды
Во всей прелести своей.
По большимъ, высокимъ заламъ—
Здѣсь нарядный хороводъ; --
Собрался почтить поэта
Восхищенный имъ народъ.

Суббота, 29 мая.

А теперь, воздавъ хваленья
Незабвенному пѣвцу,
Полныхъ яркимъ вдохновеньемъ
Риѳмъ чарующихъ творцу—
Мы Руси обширной нашей
Шлемъ восторженный привѣтъ,
За ту мощь, за то величье
Какъ почтенъ былъ нашъ поэтъ.

И. Ф. Тюменевъ[1]).

Памяти Пушкина.

(26 мая 1799 г.).

I.

Велика и обширна родная земля
И обильна дарами природы,
И россійскую мощь и святыни Кремля
Почитаютъ давно всѣ народы.

---

[1]) „Истор. Вѣст.“, 1899, V, 480—481; „Нижегород. Вѣд.“, 189
Текстъ юбилейной кантаты.

Много славныхъ у ней родилось сыновей
Въ царствѣ творчества, пѣнья и слова,
И давно уже пѣсней баяны своей
Славу славили края родного.
Но, чтобъ выразить силу родимой земли,
Ей пѣвца по плечу было надо,
И сто лѣтъ съ того свѣтлаго дня протекли,
Какъ родилось великое чадо.
Вдохновенной душой надѣлилъ его Богъ
И горячей, кипучею кровью;
Все постичь, все воспѣть богатырь этотъ могъ,
Все согрѣть своей русской любовью.

II.

Онъ воскресилъ для насъ Петра
Съ безсмертной думой, величавой,
И Карла на брегахъ Днѣпра,
И бой великій подъ Полтавой.
И старой Руси былъ онъ свой,
Онъ сердцемъ жилъ съ ея сынами,—
И царь, и инокъ, какъ живой,
Въ его стихѣ стоитъ предъ нами.
Руси желая чести, славы,
Онъ за нее душой страдалъ,
И святорусскія Державы
Клеветникамъ отвѣтъ онъ далъ.
Душою чуткій, благородный,
Онъ весь свой вѣкъ въ себѣ вмѣстилъ,
Природу нашу, духъ народный
Въ стихѣ онъ дивномъ воплотилъ.
Идя всегда стезею правой
Каралъ неправду онъ и зло,
И увѣнчалъ безсмертной славой
Свое высокое чело.

III.

Слава родинѣ, сынъ взлелѣявшей,
Тѣ стихи ему въ душу навѣявшей!
Слава лирѣ поэта торжественной,

Слава искрѣ небесной, божественной,
Вдохновеніемъ стихъ окрыляющей,
Умиленьемъ сердца наполняющей!
Слава, слава и сыну любимому,
Всею Русью Великою чтимому,—
Слава Пушкину нашему славному
И народу всему православному!

О. Чюмина [1]).

Гимнъ Пушкину.

Солнцу поэзіи русской хвала,
Слава носителю свѣта,
Жрицею правды священной была
Свѣтлая муза поэта.
Сердцемъ любилъ онъ родную страну,
Славилъ онъ пѣснью свободной
Русскихъ раздольныхъ степей ширину,
Подвиги мощи народной.
Памятникъ вѣчной себѣ онъ воздвигъ.
Имя его вспоминая,
Пушкина всякій да славитъ языкъ
Нынѣ отъ края до края!

Н. Г. Ивановъ [2]).

А. С. Пушкинъ.

По поводу 100-лѣтія со дня рожденія [3]).

„Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный.
Къ нему не зарастетъ народная тропа“...

Рожденный съ пылкою душою,
Съ великимъ генія умомъ,

---

1) „Новый Міръ“, 1899, X, 190.

2) „Оренбургскіе досуги“. Оренбургъ 1899 г. стр. 61—62.

3) Стихотвореніе это прочитано авторомъ предъ бюстомъ поэта на торжественномъ засѣданіи Оренбургск. ученой комиссіи, 27 мая 1899 г. въ залѣ Оренбургскаго обществ. собранія. *(пр. авт.).*

Ты былъ измученъ клеветою,
Какъ безпощаднымъ палачомъ....
Подобно Байрону скитаясь,
Ты изъ страны бѣжалъ въ страну,
Одной надеждой утѣшаясь:
«Теперь, навѣрно, отдохну!»
Напрасно: вѣчныя скитанья
И жизнь среди чужихъ людей
Тебѣ несли одни страданья
И не спасли отъ палачей....
Ты рвалъ, какъ левъ, твои тенета,
Клеймилъ язвительнымъ стихомъ
Того, кто былъ причиной гнета,
Кто былъ твоимъ клеветникомъ...
И лишь въ родномъ своемъ имѣньи,
По волѣ сильныхъ заключенъ,
Ты находилъ отдохновенье
И безмятежный, тихій сонъ.
И няня, добрая Арина,
«Голубка дряхлая» твоя,
Тебя спасала тамъ отъ сплина,
За сказкой сказку говоря...
Но пылкій нравъ и увлеченья
Тебя влекли въ водоворотъ
Столицы шумнаго движенья,
Гдѣ ты и свелъ съ врагами счетъ...
Ты принялъ вызовъ, и сбылося,
Погибъ во цвѣтѣ силъ и лѣтъ,
И скоро всюду разнеслося:
Убитъ поэтъ!
И многіе, что распинали
При жизни славнаго пѣвца,
Пришли къ тебѣ и зарыдали—
Они едва ли ожидали
Такого грустнаго конца...
И слыша нынѣ повѣсть эту,
Кто не воздастъ пѣвцу привѣтъ
И славу нашему поэту
Не разнесетъ на цѣлый свѣтъ?

Сбылось пророческое слово:
Съ конца Россіи на конецъ,
Почти народа нѣтъ такого,
Гдѣ бъ не былъ чествуемъ пѣвецъ.
Окончивъ вѣковые споры,
Семья славянъ со всѣхъ сторонъ
Идетъ теперь въ «Святыя Горы»
Отдать великому поклонъ...
Да разнесется вѣсть по свѣту,
Какъ мы умѣемъ величать
Родного нашего поэта
И трудъ его благославлять!

В. Ш.[1]).

Памяти Пушкина.

Пѣснь любви, пѣснь свободы и пѣснь красоты
Мощный духъ твой на землю принесъ,—
И съ небесъ высоты
Всѣ поэта мечты
Снизошли къ намъ, какъ міръ чудныхъ грезъ...
Не забудетъ отчизна тебя никогда,
Память свято она сохранитъ:
Ей «великихъ» судьба
Дорога и тогда,
Если геній въ могилѣ зарытъ.

Памяти А. С. Пушкина[2]).

Въ минувшій вѣкъ, назадъ сто лѣтъ,
Родился намъ небесъ посланникъ,
Великій, славный нашъ поэтъ,
Любимецъ музъ и ихъ избранникъ.

) „С.-Петербургъ“, 1899, № 20.
) Хоры къ юбилею А. С. Пушкина. Н. М. Лисицына Памяти А. С. на. СПБ. 1899.

«Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ»,
Онъ былъ рожденъ «для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ»!
Поэта образъ чудный, ясный
Свѣтлѣе солнца пусть горитъ,
Чтобъ онъ, могучій и прекрасный,
Могъ все собою озарить!

Калифъ на часъ[1].

Пушкинъ и Поэтъ.

(Басня).

Однажды къ Пушкину въ Элизіумъ тѣней
Явился духъ поэта нашихъ дней
И говоритъ:
«Безсмертный мой учитель,
«Высокихъ чувствъ и мыслей вдохновитель,
«О, научи съ Парнасской высоты,
«Какъ сдѣлаться такимъ поэтомъ мнѣ, какъ ты?»
Отвѣтилъ Пушкинъ съ сожалѣньемъ,
Поэту пальцемъ погрозя:
«Поэтомъ *сдѣлаться* нельзя.
Ты-жъ незнакомъ, я вижу, съ вдохновеньемъ.
Своимъ вопросомъ самъ себѣ ты далъ отвѣтъ.
Ты, другъ,—ремесленникъ, а не поэтъ».

Мораль сей баснѣ не нужна:
И безъ того она ясна.

---

1) „Стрекоза“, 1899, XXI.

Силицкій [1]).

За чтеніемъ Онѣгина.

Вамъ впечатлѣніе знакомо,
Навѣрно, это: въ уголкѣ
Уютно вы сидите дома,
Держа «Онѣгина» въ рукѣ.

Его раскроете небрежно:
Онъ наизусть знакомъ давно;
Но увлечетесь неизбѣжно—
И оторваться мудрено.

Картина русской жизни лѣтомъ
Прекрасна такъ же, какъ зима;
Все такъ естественно при этомъ
И просто, какъ и жизнь сама;

Легко и звучно льются ямбы;
Подъ обаяньемъ чудныхъ строкъ
Невольно кажется, что самъ бы
Иначе написать не могъ.

В. Б. [2]).

Эпиграмма.

Нашъ Пушкинъ былъ поэтъ великій,
И память мы хранимъ о немъ;
Настроилъ русскую онъ лиру
И былъ поэзіи отцомъ.
Но времена перемѣнились.
И недостойные отца
Поэты новые явились...
Жаль, дѣти вышли не въ отца!

---

1) „Стрекоза", 1899, XXI.
„Родина", 1899, № 23, стр. 180.

Какъ нѣжно любящіе братья,
Слилася въ имени пѣвца!

В. В. Ж.[1]).

На могилу Пушкина,

Порвались волшебныя струны!
Но чудный аккордъ
Пронесся страною подлунной
И ясенъ, и гордъ!
И отзвуки чуднаго пѣнья
Немолчно дрожатъ
И въ избахъ родного селенья,
И въ блескѣ палатъ!
Мы вѣримъ въ поэта глубоко!
Намъ дорогъ поэтъ,
Какъ солнце, что шлетъ намъ съ востока
Живительный свѣтъ!

В. Жуковъ[2]).

Наканунѣ.

Небесъ далекихъ синева
Съ улыбкой смотрится съ зенита...
И тихо плещется Нева
О глыбы краснаго гранита!
Аллеи царственныхъ садовъ
Густою аркою нависли
И будятъ шопотомъ листовъ
О прошломъ радостныя мысли...
Вотъ здѣсь, надъ чудною Невой,
Стоялъ наперсникъ вдохновенья

---

[1]) Петерб. Газ., 1899, № 143.
[2]) „Петерб. газета“, № 141, 25 мая, 1899.

И пѣлъ съ любовью и тоскою
Ея державное теченье!
Но дни прошли... прошли года...
Мы не исполнили завѣта,
И надъ Невою нѣтъ слѣда
О славѣ славнаго поэта!
Вѣнокъ достойному не свитъ,
Ему не спѣто «многолѣтье»,
И страшно намъ, что насъ затмитъ
Второе гордое столѣтье.

Въ альбомъ современному поэту [1]).

Воруй у Пушкина, собратъ.
И не страшись закона, милый!
Великій Пушкинъ такъ богатъ,
Что обокрасть его нѣтъ силы!

Около пушкинскаго памятника [2]).

Я на столицу такъ сердитъ,
Что поднимаю голосъ зычный:
Вѣдь этотъ *памятникъ* столичный
Намъ о *безпамятствѣ* твердитъ!

Р. Мечъ [3]).

На «пушкинской эстрадѣ».

(ФАНТАЗІЯ).

Эстрада передъ памятникомъ Пушкину, выстроенная для соединенныхъ хоровъ. Московская ночь, безъ признака освѣщенія. На эстрадѣ—многочисленная группа людей. Это современные поэты. Они не стоятъ спокойно, а все подпрыгиваютъ: каждый хочетъ быть выше другого. Начинаютъ съ хора.

Всѣ.

Онъ «памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный».
А мы поемъ, поемъ, а славы нѣтъ, какъ нѣтъ...

---

1) „Петерб. Газ.“, 1899, № 142.
2) „Петерб. газ.“, 1899, № 142.
3) „Русскій Листокъ“, 1899, № 138.

Буреникъ хлещетъ насъ, исполненъ злобы черной.
Какъ будто бы изъ насъ здѣсь каждый не поэтъ...
Ему—хвала и громъ восторженныхъ ованій,
И, въ то же время, намъ буквально ничего...
А каждый вѣдь изъ насъ—«служитель музъ и грацій»,
А насъ не чувствуютъ... Чѣмъ хуже мы *его*?...
Вотъ почему сюда сошлись мы въ эту ночку...
Мы почестей хотимъ... Взгляни на насъ, взгляни...
Червонецъ почему не платятъ намъ за строку?...
Платили же ему червонецъ въ оны *дни*?!...

Мережковскій.

Я—классическій поэтъ,
Съ сердцемъ пламеннаго барда...
Я могу писать сонетъ,
Прозой славить Леонардо...
И «языкъ боговъ мнѣ данъ,
Я могу сознаться смѣло...
Ну, не классика ли дѣло—
Мой «Отступникъ—Юліанъ»?...

Фругъ.

На библейскомъ я возросъ мотивѣ...
Я пишу, и не щажу я силъ...
И тебѣ, поэтъ великій, въ *Нивѣ*
Я стихи плохіе посвятилъ...
На Руси давно читаютъ Фруга,
Гонораръ мой крупенъ... Благодать!...
Право, «муза, рѣзвая подруга»
И меня умѣетъ посѣщать...
Я стремлюсь великое постигнуть,
Я строчу и днемъ, и при лунѣ...
Неужели памятникъ воздвигнуть
Не захочешь, родина, ты мнѣ?...

Бальмонтъ.

На скалѣ пунцово—синей

---

1) „Русскій Листокъ", 1899, № 138.

Я сидѣлъ, и вдаль смотрѣлъ...
Надъ морями плавалъ иней,
Танцовалъ рядъ бурыхъ тѣлъ...
Такъ сидѣлъ я тамъ, мечтая,
Въ фіолетовомъ бреду.
Вдругъ откуда то мнѣ Маня [1])
Зконко крикнула: «иду!»
Но защелкалъ вдругъ я страстно,
На подобье соловья,
Заявляя громогласно:
«Отчего не Пушкинъ я?»...

Лохвицкая.

Я стихами рисую картины...
Я стихами пою каждый разъ
Поцѣлуи, объятья мужчины,
И тропической страсти экстазъ...
Я—огонь, я—кипучая Этна...
Жарче я африканскаго дня...
Развѣ, Пушкинъ, тебѣ не замѣтно,
Какъ всѣ риѳмы звучатъ у меня?..
Гдѣ же Фругу со мной состязаться?...
Я—дитя сладострастной мечты...
Я съ тобою хочу цѣловаться,
Но... зачѣмъ только бронзовый ты?..

Щепкина-Куперникъ.

Агу! Агу!... Я—поэтесса!...
Я дѣтскій лепетъ изучила...
Меня давно большая пресса
За стихъ наивный полюбила...
Я изучаю въ дѣтской нравы,
Туда открыта мнѣ дорога...
Недостаетъ мнѣ только славы:
Дай отъ твоей мнѣ хоть немного!..

---

[1]) Майя?

Поэтъ «на всякій случай».

Пушкинъ, слуха ты не мучай,
Отвернись отъ нихъ!...
Самъ могу «на всякій случай»
Написать я «стихъ».
По цѣнамъ довольно сходнымъ
Я заказъ беру...
Этимъ бардамъ благороднымъ
Самъ я носъ утру!

Поэта «на всякій случай» разрываютъ на части. Эстрада съ современными и поэтами проваливается. Свѣтаетъ.

Родіонъ М.[1]).

26-ое мая 1899 г.

И пѣсни, и цвѣты, и дружный гулъ привѣта,
И умиленная на праздникѣ толпа...
Итакъ, оно сбылось, пророчество поэта:
Къ нему «не заросла народная тропа»!..

Согласный хоръ дѣтей поетъ хвалу титану,
И флаги шелестятъ, и падаютъ вѣнки,
И рвутся всѣ сердца къ родимому баяну,
Какъ вешнею порой на волю родники...

Но отчего-же онъ все такъ же молчаливо,
Поникнувъ головой, какъ вѣщій богъ стоитъ?..
Высокое чело печально и красиво
И на груди рука недвижная лежитъ...

О, если-бы онъ могъ, очнувшись, съ пьедестала
Сойти и гордо встать предъ этою толпой!..
Какая-бъ рѣчь тогда народу зазвучала,
Какую-бъ правду намъ сказалъ поэтъ родной!..

---

[1]) „Русскій Листокъ“, 1899, № 141.

Сказалъ-бы онъ толпѣ: «Съ тѣхъ поръ, какъ вѣчны своды»
Закрыли отъ меня отчизну и народъ,
Прошли, какъ рядъ тѣней, измѣнчивые годы,—
Седьмой десятокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ уже течетъ...

А я... я не исчезъ за гробовою сѣнью,
Мой духъ не облекла сырой могилы мгла...
Средь васъ, моихъ родныхъ, ношусь я легкой тѣнью,
Надъ родиной ношусь, гдѣ жизнь моя прошла...

И вотъ сегодня вы, на этой шумной тризнѣ,
Встрѣчаетесь со мной опять, лицомъ къ лицу...
Я слышу о себѣ великій шумъ въ отчизнѣ,
Вѣнки плетете вы родимому пѣвцу...

А я смотрю на васъ задумчиво и строго,
Я за тебя скорблю, о, мой народъ родной...
Ахъ, длинный рядъ годовъ васъ измѣнилъ немного,
И то, о чемъ я пѣлъ,—то умерло со мной!..

Я братство завѣщалъ—у васъ—вражда и злоба,
Я къ падшимъ призывалъ и милость, и любовь—
А вы таите зло всю жизнь свою, до гроба,
И честолюбья ядъ вамъ отравляетъ кровь...

Поэзіей любви теперь вы не согрѣты,
За шесть десятковъ лѣтъ добрѣй не стали вы...
А я оставилъ вамъ великіе завѣты
Вы отреклись отъ нихъ, забыли ихъ, увы!...

Зачѣмъ-же вы сейчасъ стоите предо мною,
Поете «славу» мнѣ, плетете мнѣ вѣнки?..
Нѣтъ, этой тризной вамъ, роскошно-показною,
Не заглушить во мнѣ томительной тоски!...

Не за увядшій лавръ слагаютъ пѣснь поэты,
Вѣнки и шумъ рѣчей не радуютъ пѣвца...
Но если чтитъ страна его души завѣты,
Но если пѣснь его влечетъ къ добру сердца—

Тогда ликуетъ онъ въ лазурной сѣни рая,
И свѣтелъ, вмѣстѣ съ нимъ, веселый праздникъ музъ...
Почти-же такъ меня, страна моя родная,
И закрѣпи сильнѣй великій нашъ союзъ!!!

Р. Мечъ [1]).

Великія тыни.

(сонъ въ зимнюю ночь).

Зимняя полночь. Мѣстность—около памятника Пушкину. «По случаю луны», фонари не горятъ, и поэтому все погружено въ глубокій мракъ. Пушкинъ, стряхнувъ снѣгъ съ шинелли, сходитъ съ пьедестала и садится на нижнія ступеньки. И сейчасъ-же, откуда-то, «изъ невѣдомыхъ долинъ» къ нему прилетаютъ двѣ тѣни: Лермонтова и Грибоѣдова. Въ тишинѣ зимней ночи звучатъ три вдохновенныхъ голоса.

Пушкинъ.

Въ столицѣ—памятникъ тяжелый,
На пьедесталѣ—я, поэтъ...
Стою я, съ думой невеселой,
Вотъ девятнадцать скоро лѣтъ...
Смотрю направо—грусть находитъ,
Налѣво—никну головой...
Здѣсь чудеса... Здѣсь пьяный бродитъ,
И день и ночь, мастеровой...
Здѣсь на расчищенныхъ дрожкахъ
Гуляютъ сотни милыхъ дамъ...
И репортеръ на тонкихъ ножкахъ
Спѣшитъ куда-то по утрамъ...
Здѣсь дни «событій» разныхъ полны...
Народъ на площади, какъ волны,
Несется бурно и шумитъ...
И тридцать ярыхъ думскихъ гласныхъ
Меня въ дебатахъ судятъ страстныхъ,

---

1) „Русскій Листокъ“, 1899. № 37.

И электричество горитъ...
Здѣсь пшютъ столичный, мимоходомъ,
Бросаетъ грязью изъ-подъ шинъ...
Скандалитъ часто предъ народомъ
У «яра» пившій господинъ..
Калейдоскопъ живыхъ картинъ!...
О крахѣ здѣсь «тотошникъ» тужитъ,
Билетъ ему упрекомъ служитъ,
И конка, мучая народъ,
Вдоль по бульвару чуть бредетъ...
Извозчикъ бранью «тарарахнетъ»:
Московскій духъ, Москвой здѣсь пахнетъ!..
Вотъ юбилей мой наступилъ,
Его я жду съ душой смущенной...
Вчера здѣсь былъ москвичъ ученый,
Свои мнѣ «сказки» говорилъ,
Но «сказки» тѣ повѣдать свѣту
Не подобаетъ мнѣ, поэту!...

Лермонтовъ.

Скажи-ка, Пушкинъ, вѣдь не даромъ
Вся Русь тебѣ, съ сердечнымъ жаромъ
Готовитъ юбилей?...
Вѣдь были мы съ тобой поэты,
Огнемъ божественнымъ согрѣты...
О, что за оды и сонеты
Цвѣли въ душѣ твоей!...
Мы страстно, искренно писали,
И замѣстителей мы ждали...
Мы думали тогда:
«Что-жъ мы?... Волшебными стихами
Владѣть не будемъ надъ сердцами?...
Взойдетъ надъ нашими гробами
Безсмертія звѣзда»...!
И вотъ, свершивши все земное,
Подъ мавзолеями, въ покоѣ,
Лежимъ... Оконченъ трудъ!..
А на землѣ.. другое время!..
Не принялось, братъ, наше сѣмя,

И декаденты (что за племя!)
Въ поэзіи цвѣтутъ...

Пушкинъ.

Куда ни плюнь--поэтъ, невѣдомый никѣмъ,
И пишутъ всѣ стихи, невѣдомо зачѣмъ!...

Лермонтовъ.

Бурной жизни годы
Мчатся какъ потокъ...
Русь пѣвцу свободы
Ужъ плететъ вѣнокъ...
Славная дорога,
Въ яркомъ блескѣ дня...
Подожду немного,—
Вспомнятъ и меня!...

Грибоѣдовъ.

Творятся дивныя дѣла,
Сказать и я могу, вздохнувши—
Друзья, Москва пренебрегла
Мой юбилей, на-дняхъ минувшій...
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!
Теперь тотъ славится, кто выше носитъ шею...
Лѣтъ двадцать пять прослужишь... хоть писцомъ,
Глядь—ужъ приставленъ къ юбилею!..

Двѣ тѣни цѣлуютъ третью и улетаютъ.

Пушкинъ становится на пьедесталъ и застываетъ въ прежней позѣ.

Р. Мечъ [1].

Около Пушкина.

(Сонъ въ майскую ночь).

Тверской бульваръ. Величественная фигура поэта чутко дремлетъ, залитая серебристымъ свѣтомъ луны. «Ночь тиха, ночь тепла»... У монумента появляется тѣнь Пушкина.

Тѣнь Пушкина.

Близокъ день... Отъ края и до края,
Отъ Невы и до твердынь Кремля,

---

1) „Русскій Листокъ“, 1899, № 128.

Честь воздастъ мнѣ Русь моя родная,
Увѣнчаетъ русская земля...
До меня, въ надзвѣздныя высоты,
Долетѣлъ земли мятежный гулъ...
Мой двойникъ! Но грустенъ отчего ты?
На меня угрюмо ты взглянулъ!
На челѣ—таинственная дума,
И опущенъ долу гордый ликъ...
Что же ты насупился угрюмо?...
Отвѣчай, мой бронзовый двойникъ!...

Бронзовый Пушкинъ.

Ты, чей образъ величавый
Я храню здѣсь много лѣтъ!..
Ты, покрытый вѣчной славой,
Сладкопѣвецъ и поэтъ!...
Ты, кто пѣлъ по вдохновенью,
Чей завиденъ былъ удѣлъ,—
Для чего ты, легкой тѣнью,
Ночью лунною слетѣлъ?...
Улетай, чтобъ не очнуться
Отъ святыхъ и чистыхъ грезъ...
Вотъ сейчасъ здѣсь соберутся
Тѣ, кому ты пѣсни несъ...
Не смотри, что дѣлать станутъ
«Въ честь великаго пѣвца»...

Тѣнь Пушкина.

Ничего! Пускай нагрянутъ:
Выпью чашу до конца!...

мятника собирается толпа спекулянтовъ, «примазавшихся» для своихъ собственныхъ выгодъ къ Пушкинскому юбилею.

Первый.

Бросимъ скучные вопросы...
Въ храмъ поэзіи вотъ дверь...
Выпускаю папиросы
«А. С. Пушкинъ» я теперь...

Второй.

Вотъ былъ истинный поэтъ!...
Чтя его поэмы, сказки,
Выпускаю я, сосѣдъ,
«Въ память Пушкина»... подвязки...

Третій.

Его стихи полны огня,
Его потомки не забудутъ,
И... шляпы «пушкинскія» будутъ
Къ дню юбилея у меня...

Четвертый.

Нѣтъ теперь такихъ поэтовъ!...
Въ наши дни они—банкетъ...
Сколько «пушкинскихъ» пантетовъ
Магазинъ нашъ распродастъ!...

Всѣ.

Ему поставила столица
Сей величавый монументъ...
Однако, надо торопиться:
Лови моментъ, лови моментъ!...

Разбѣгаются въ разныя стороны, чтобы «приготовиться» къ юбилею

Тѣнь Пушкина.

Вотъ какъ они былъ я понятъ!...
Барыши считаютъ тутъ...
Сколько ихъ? Куда ихъ гонятъ?...
И меня зачѣмъ такъ «чтутъ»?...
О, моя святая Муза!...
Ты сгоришь вѣдь отъ стыда:
Ты съ наживою союза
Не имѣла никогда!...
Стыдно, горько, безотрадно!
Правъ ты, бронзовый двойникъ!...
Свѣтъ къ наживѣ рвется жадно,
Человѣкъ сталъ грубъ и дикъ.

И поэзіи родникъ
Уничтоженъ безпощадно!...

Расплывается въ предъ-утреннемъ туманѣ. Свѣтаетъ.

Р. Мечъ [1].

Изъ дневника.

.. Огни потушены... Цвѣты,
Какъ благородныя мечты,
Подъ игомъ времени завяли...
Великимъ днямъ сказавши: «vale!»,
Мы снова прозой мыслить стали,
И только *онъ* на пьедесталѣ
Стоитъ, исполненъ красоты...
Все такъ же образъ величавый
Хорошъ, на дивное чело,
Что Русь вѣнчала пышной славой,
Раздумье тяжкое легло....
Замолкли праздничные звуки,
Какъ волны бурныя рѣки,
Толпа отхлынула, и внуки
Свои оставили вѣнки...
Гремѣли разные «витіи»
И стушевались, въ свой чередъ...
Чего жъ поэтъ печально ждетъ?...
Онъ ждетъ, чтобъ «въ глубинѣ Россіи»
Его позналъ родной народъ!...
Онъ такъ любилъ его при жизни!..
Ему пророчествовалъ онъ
Свободу мирную въ отчизнѣ—
И сбылся этотъ чудный сонъ...
Народъ счастливый рабства цѣпи
Стряхнулъ, «по манію царя»,
На хутора, поля и степи
Блеснула новая заря...

[1]) „Русскій Листокъ“, 1899, № 144.

И вотъ, на праздникѣ великомъ,
Внимая музыкѣ и кликамъ,
И фразамъ, фразамъ безъ конца.—
Поэтъ искалъ, съ любовнымъ ликомъ,
Простого, русскаго лица!...
Но русскій пахарь былъ далече.
Онъ не пришелъ отдать поклонъ..
И лишь людей культурныхъ вѣче
Шумѣло здѣсь со всѣхъ сторонъ...
Поэтъ напрасно съ пьедестала
Очами зоркими смотрѣлъ...
Потомъ кругомъ вновь пусто стало,
И пышный праздникъ догорѣлъ...
И вновь стоитъ нашъ бардъ народный,
Печаленъ обликъ благородный!
Онъ ждетъ—какъ ждалъ сто лѣтъ—все ждетъ
Когда къ нему придетъ *народъ!*...

Прими «спасибо», тѣнь поэта.
За эти памятные дни!...
Лучами радости и свѣта
Насъ озарили всѣхъ они!...
Хоть ненадолго мы сумѣли
Воспрянуть духомъ, и понять,
Что есть возвышенныя цѣли,
Что есть святая благодать...
Намъ далеко до обновленья,—
Пройдетъ еще не мало лѣтъ...
Но за минуты просвѣтленья
Мы бьемъ тебѣ челомъ, поэтъ!...

Н. Э. Гейнце[1]).

Поэту-пророку

Живетъ поэтъ, и часто слухъ народный
Не внемлетъ голосу живущаго пѣвца,

---

[1]) „Петерб. Газ.“, 1899, № 144. „Риѳмованныя мысли и шалости пера“, *СПБ.*, 1900, стр. 42—3.

И онъ, обиженный судомъ толпы холодной,
Не жаждетъ для себя лавроваго вѣнца.

* * *

«Самъ высшій судъ» себѣ, въ тиши уединенья
Сроднившись съ музою, довольный самъ собой,
Онъ для себя поетъ, но голосъ вдохновенья
Не даромъ прозвучитъ надъ пошлою толпой!

* * *

Пройдутъ года, истлѣетъ прахъ поэта,
Но пѣсни дивныя его переживутъ,
И то, чего живой онъ не искалъ отъ свѣта,
То мертвому ему достойно воздадутъ.

* * *

Въ потомкахъ той толпы, презрительной, холодной,
«Свободы, генія и славы палачей»
Зажжетъ огонь любви, добра, пѣвецъ народный,
Въ сынахъ враговъ найдетъ себѣ друзей.

* * *

Сто лѣтъ прошло со дня его рожденья,
За годомъ годъ, за мигомъ несся мигъ.
Въ могилѣ онъ, но силой вдохновенья,
Онъ до сихъ поръ и мощенъ и великъ.

* * *

Все старое въ немъ вѣчно будетъ ново,
Все полно имъ, куда ни кинешь взглядъ,
И вѣщее его, пророческое слово
Переживетъ столѣтій длинный радъ!

* * *

На нашей памяти надъ Русью умиленной
Взошла свободы яркая заря,
Провидѣлъ духомъ онъ «народъ неугнетенный»
«И рабство, павшее по манію Царя».

* * *

И вѣрить хочется: въ «домашнемъ старомъ спорѣ»
Дождемся мы желаннаго конца—
«Славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ»,
Подъ сѣнью русскаго державнаго вѣнца!

* * *

Промчался вѣкъ! Озарена, согрѣта
Его стихомъ свободная толпа,

И къ памяти народнаго поэта
Дорогой торной сдѣлалась «тропа».

* * *

Съ нимъ дѣлитъ юноша любви и страсти радость,
Забвенья ищетъ въ немъ «угрюмая печаль»—
«Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ заманчивую даль».

БОЛѢЕ СУЩЕСТВННЫЯ ОПЕЧАТКИ ВЪ I ВЫПУСКѢ.

(Ссылки на отдѣльное изданіе).

Стр.	Стр.		Напечатано.	Слѣдуетъ.
4	6	сверху	копотливыхъ	кропотливыхъ
11	7	»	расхватать	расхвалить
11	14	»	da Minaieff by	by D. Minaeff da
17	4	сн.	захватилась	захватила.
20	11	»	мажетъ	можетъ
21	12	св.	матеріалы	матеріала
23	8	»	расхвалена	расхвалены.
—	20	»	Скобичевскій	Скабичевскій
24	8	сн.	память	памяти.
42	14	»	sons	sans
53	3	св.	отней	огней.
54	8	»	1)	2)
55	2	»	Бйронаа	Байрона.
—	16	»	супругъ	супруги
56	7	»	застувшій	застывшій
60	6	сн.	душу	думу.
64	16	»	луча	луга
67	7	»	судьбы	судьбѣ
70	1	»	ивінтеватая	и витіеватая
71	3	»	Модзилевскаго	Модзалевскаго
74	10	св.	зняютъ	знаютъ
86	11	сн.	многое	много
91	9	»	*пропущено*	«Пушкинъ»
92	22	св.	дѣвы	дѣва.
93	2	»	привичный	привычный
99	1	»	слезой?	слезой

Стр.	Стр.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
108	6 сн.	та	та же
109	4 св.	Боротынскій	Боратынскій.
110	2 сн.	*пропущено*	*Примѣч. авт.*
121	8 св.	встрѣчѣ	встрѣчи
125	2 сн.	грона	трона.
130	9 »	юношу	юному

ОПЕЧАТКИ II ВЫПУСКА.

Стр.	Стр.	Напечатано.	Слѣдуетъ
2	2 сн.	Увергасъ	угасъ.
—	— »	Ирахъ	Прахъ.
2	4 св.	свѣтому	свѣтлому
—	11 »	кякъ	какъ.
5	8 »	зелякъ	землякъ
6	13 сн.	поэтъ	поэтѣ.
9	11 св.	Бістутжевъ	Бестужевъ
—	13 сн.	покзался	показался
10	13 »	сгорѣлъ	смотрѣлъ
11	15 »	мечамъ	мечомъ
12	14 св.	одного	одною
14	16 »	обстоятельствами	съ обстоятельствами.
14	11 сн.	находитъ	находимъ
15	17 св.	процесса	процесса
18	2 »	кеому	коему
20	5 »	совершится	свершится
21	2 »	вѣхъ	вѣкъ
—	3 »	покрѣпленія	подкрѣпленія
22	1 »	Ты	Ты и
—	14 »	нащи	наши
—	14 сн.	Прозаинескій	Прозаическій
24	15 »	яснѣ	яснѣй
25	8 св.	Шевченка	Шавченка
—	6 сн.	»	—
—	12 »	принадлежащія	не принадлежащія

Стр.	Стр.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
26	11 св.	нроф.	проф.
—	13 »	Это	«это
27	17 »	отышется	отыщется
28	5 »	заграничнаго	заграничнаго
31	4 сн.	Сороколѣтняя	Сорокалѣтняя
32	8 »	Стъхотвореніе	стихотвореніе.
33	7 св.	нобраскахъ	наброскахъ!»
—	15 сн.	Сіона	Сіона».
38	16 св.	V	VI
46	4 »	фельдъегеръ	фельдъегерь
51	1 »	наизустъ	наизусть
53	1 »	извѣшалъ	извѣщалъ
54	18 »	Путкину)?	Пушкину?)
56	3 »	единнымъ	единымъ
61	6 »	Баякъ	Баянъ
73	11 сн.	притекшихъ	протекшихъ
—	15 »	тратить	тратитъ
74	3 св.	строй	строгой
—	6 »	лошѣ	ложѣ
—	6 сн.	эта	это
76	16 св.	неподрашаемой	неподражаемой.
—	7 сн.	гориъ	горитъ
81	3 »	учились наизусть	учились наизусть
82	7 св.	колько	только
—	13 »	жандармомъ	жандармовъ
83	12 сн.	Мы	«Мы
—	14 »	Суровцовъ	Суровцевъ
84	11 св.	Пушкинъ	Пушкинъ».
85	10 »	покоются	покоятся
88	4 сн.	клеветниковъ	«клеветниковъ
89	18 св.	осѣтило	освѣтило.
93	12 »	Пушкина	Пушкина даетъ
99	16 »	полнонъ	полномъ
101	4 »	сборонку	сборнику
—	14 сн.	часто	чисто
103	2 св.	саркко	сарско
—	12 »	ли	мы
—	1 сн.	изъ Малороссіи	(изъ Малороссіи).

Стр.	Стр.		Напечатано.	Слѣдуетъ.
104	9	сн.	Нулиня	Нулинъ я
—	15	»	пусть	пустъ
105	5	св.	Аннѣ	Анти-
—	4	сн.	бумаги Полѣнова № 11.	бумагъ Полѣнова № 11).
108	7	»	О станься	останься
111	9	св.	нѣмнѣтъ	нѣмѣютъ
113	8	»	родинѣ	родины
118	9	»	Бумарину	Булгарину
—	17	»	панъ бѣглецъ (пропущено примѣчаніе)	Булгарина
—	3	сн.	Гречъ, срамимая	Греча срамная
119	9	св.	Вросли	взросли
120	23	»	Вамъ тощенъ	Намъ тошенъ
121	5	сн.	нашей	вашей
—	8	»	женой	съ женой
123	3	св.	воскицала	восклицала
—	15	»	Pusehkin	Puschkin
—	13	сн.	der	der er
—	4	»	auth... hel'ger	auf... heil'ger
124	16	сн.	neines	deines
—	2	»	infansto	infausto
125	15	св.	стреслась	стряслась
126	14	»	былъ	билъ.
—	4	сн.	мнѣ	мглѣ
127	1	св.	вѣкомъ	вѣкамъ
—	9	»	пистолетъ	пистолета
128	7	»	кудравой	кудрявой
—	8	»	очагъ	очахъ
129	14	»	истины	истина
133	3	сн.	позоръ	позоромъ
—	9	»	небосклону	небосклонъ
135	11	св.	Ростончина	Ростопчина
137	9	»	Gestaden.	Gestagen,
—	12	»	Herrtichkeit	Herrlichkeit
—	27	»	eiuem	einem
—	6	сн.	vollen	vollem
138	8	св.	Wcrk	Werk
139	13	»	умительная	упоительная.

Стр.	Стр.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
141	1 св.	Ростовчина	Ростопчина
—	16 »	независѣмы	независимы
144	*пропущенъ* 6-ой сверху стихъ: Чародѣй мой мигомъ вновь		
145	6 св.	empfnnden	empfunden
—	9 »	Esaward	Es ward
—	12 »	freudieg	freudig.
146	8 »	*пропущено примѣч.* Жуковскій	
153	10 »	стаю	стало
172	19 сн.	олеямъ	колеямъ
175	5 »	срожонный	сраженный
—	7 »	*пропущено*	(Искра)
176	2 св.	жертвы клевиты	жертва клеветы.
177	12 сн.	элоистической	эгоистическій.
178	15 »	1878	1887
179	9 »	почальныхъ	печальныхъ
182	12 »	намъ	нашъ
183	9 св.	Судительно	Судить его
684	12 сн.	зноленья	значенья.
185	6 »	и	и
190	1 св.	Tat'anu	Tat'any
—	9 »	bratr, ten	bratr ten
192	13 сн.	ченую	ученую
193	10 св.	отрывой	отравой
203	5 »	словомъ	Словами
—	12 »	спить	спитъ
-	19 сн.	народъ,	народъ,
207	9 св.	дѣля	дѣла
—	8 сн.	мыло	мало
211	15 »	твой безсмертный	твоей безсмертной
212	6 »	близилъ	сблизилъ
213	1 св.	вздымалось	вздымались
226	6 сн.	Черноръ	Черноморъ
227	9 »	благоденстіи	благоденствіи
229	8 св.	чтилъ	чтимъ
231	15 »	странной	страной
236	14 »	ужель	жегъ
—	12 сн.	сурввый	суровый
240	8 »	Посвѣтитъ онъ	И освѣтитъ она

Стр.	Стр.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
241	8 сн.	чистѣшей	чистѣйшей
244	*Въ примѣч. пропущено.*		См. дальше. стр. 248.
245	17 св.	завиванью	завыванью
247	6 сн.	одѣвшійся	одѣвшейся
248	5 св.	Бъ	Въ
252	16 и 17 св.	*строчки по ошибкѣ слиты*	
260	7 сн.	Пушкину	Пушкину [1])
261	12 »	бя	бы
262	8 »	ихій	тихій
263	12 св.	метллъ	металлъ
265	14 »	венецъ	вѣнецъ
—	16 »	граба	гроба
267	11 »	подхваленъ	подхваченъ
271	*пропущ. прим.* — *Тхоржевскій*		
274	7 сн.	пѣеенъ	пѣсенъ
—	15 »	царству	къ царству
275	5 св.	Каркатъ	Карпанъ
278	6 »	дивваго	дивнаго
—	16 »	слова	слава
279	7 »	*пропущ. прим.*—Памятникъ Николаю I.	
280	3 св.	жеотву	жертву
281	8 сн.	отупѣнью	отупѣньѣ
284	16 »	увелекалъ	увлекалъ
286	17 »	кздоховъ	вздоховъ.
287	16 св.	гришилъ	грѣшилъ
—	2 сн.	Превѣчнея	Превѣчная
—	5 »	вѣрю	вѣрѣ
—	7 »	святыхъ	святымъ
—	11 »	никогда	иногда
290	9 св.	духовныхъ	духовнымъ
291	18 »	воплошилъ	воплотилъ
292	1 »	средъ	средь
—	12 сн.	Безумный	Безмѣрной
295	4 св.	Полтолѣтья	Полстолѣтья
296	3 сн.	сѣиою	сѣнью
—	15 »	сабывался	забывался
16	16 »	златая	затая
297	1 св.	нелодія	мелодія

Стр.	Стр.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
297	6 св.	вѣнкомъ	вѣнцомъ
—	16 »	обрости	обрати
—	18 »	свѣти	свѣтъ
—	22 »	усаждается	услаждается
301	5 сн.	мугучихъ	могучихъ
—	14 »	любитъ	любить
303	11 св.	Влагослови	Благослови
—	12 сн.	стремленья	и стремленья
—	17 »	цѣлью	пѣснью
303	3 »	свѣта	свѣтъ
306	13 »	Потупая	Потупя
307	5 »	Звукъ	Звуковъ
308	4 »	доръ	даръ
—	10 »	Путкина.	Пушкина
—	18 »	небвенный	незабвенный
309	8 »	вѣкъ	вѣковъ
—	16 »	восторгъ	восторгомъ
311	1 св.	Разлонитъ	Разгонитъ
314	17 сн.	auteur.	auteur

На стр. 314 при примѣч. пропущено: *Прим. авт.*

317	15 сн.	буйны	буйный

На стр. 318 при прим. пропущено: *Прим. автора*

323	6 св.	стоятъ	стоять
327	16 »	вѣнцамъ	вѣнцомъ
—	13 сн.	лицо	лицъ
—	14 »	веся	весь
328	7 св.	Пласкинъ	Плаксинъ
330	7 »	Твой	Твои
332	12 сн.	пѣрца	пѣвца
—	14 »	прадѣ	правдѣ
333	12 »	стуны	струны
334	4 св.	бтижныхъ	ближнихъ
339	4 »	Съ	Со
341	16 »	поспѣшитъ	посѣтитъ
—	6 сн.	глубь	въ глубь
342	3 »	оо	по
344	9 св.	крови	и крови

Стр.	Стр.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
344	5 сн.	прогнѣй	прочнѣй
345	7 св.	одни	дни
346	7 сн.	неспѣлъ	не спѣлъ
347	15 »	*проп прим.* Державинъ	
—	10 »	понятъ	помнятъ
353	3 »	небетъ	небесъ
358	14 »	говорило	говорили
360	3 св.	градущихъ	грядущихъ
—	6 »	вѣма	вѣка
361	16 сн.	вольно либивыми	вольнолюбивыми
367	11 св.	вѣрю! Русь!	вѣрю, Русь!
—	17 »	дтхъ	духъ
368	10 сн.	пѣсня	пѣснь
—	15 »	вперая	вперяя
269	8 св.	Вѣда	Вѣка
370	2 сн.	Григорьевыми	Григорьевымъ
372	11 св.	Тстроя	Устроя
—	3 сн.	Волой	Волгой
373	2 »	«*Слава*» должно быть отодвинуто внизъ, какъ последняя строчка.	
375	15 св.	Мѣтъ	Нѣтъ
—	6 сн.	Безисходной	Безысходной
377	18 св.	инопленныхъ	иноплеменныхъ
378	6 »	Богъ	Богъ и
380	1 »	же	жъ
382	1 »	ты	ты въ
—	11 »	свобоы	свободы
—	13 »	Тебѣ	Тебя
—	15 »	Шишко	Шишло
—	8 сн.	назвалъ	назвала
—	15 »	Бюбилъ	Любилъ
383	13 св.	оправдался	оправдалася
384	5 сн.	отчизни	отчизнѣ
390	5 св.	Тебѣ	Тебя
—	5 сн.	ними	нами
391	8 »	обервался	оборвался
405	5 »	образовали	образовала

Стр.	Стр.		Напечатано.	Слѣдуеет.
408	1	св.	исполненнъ	исполненъ
—	6	»	чувствуютъ	чествуютъ
412	6	»	тыни	тѣни
—	10	»	шинелли	шинели
416	13	»	бамастъ	балластъ

50 —
090543 /6

14592/91

Stanford University Libraries
3 6105 001 734 057

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004